

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

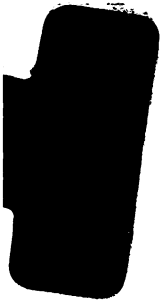
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190990 9

Slav. Kos

88-1453

Trudy Obshchestva

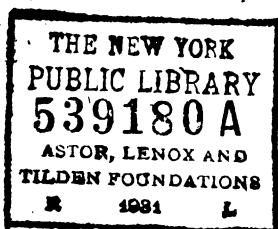
Т Р У Д Ы
ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССІЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

МОСКВА , 1819.
Въ Университетской Типографіи.

PRINTED IN RUSSIA

Въ Ценсурный Комитетъ надлежащее коли-
чество экземпляровъ сей книги доставлено.

**ПРОЗАИЧЕСКІЯ
СОЧИНЕНІЯ.**

по дѣйствіямъ чувствъ души, желалъ обратиться на него испытательное вниманіе Любителей изящности. Съ этою же цѣлю изложены и свойства *Генія*, который не однихъ Героевъ и Правителей народныхъ украшаетъ, но образуетъ и великихъ Писателей. — Исследовано первоначальное происхождение *Грамматики Славенскихъ нарѣчій*. Знаніе ихъ столько же важно и полезно для нашей Словесности, сколько свѣденія въ бытописаніяхъ Славянскихъ народовъ необходимы для Истории нашего Государства. — Предложены нѣкоторыя замѣчанія о *народныхъ пѣсняхъ нашихъ*. Въ нихъ видѣнъ и духъ народа и природныя простыя красоты языка. — Обращено вниманіе и на Россійское словоупотребленіе, на *Гекзаметры*, которые, кажется, приобрѣли нынѣ право гражданства въ нашей Поэзіи. Опыты доказываютъ, что въ рукахъ искуснаго Поэта они имѣютъ свое достоинство. Въ Словесности, какъ и во всѣхъ случаяхъ, даетъ цѣну вещамъ благоразумное употребленіе ихъ, вѣсъ и мѣра. — Мы продолжали также собирать *Синонимы*: правильное употребле-

но словъ зависить отъ опредѣленности ихъ
 знаменованія. Съ вѣрнымъ и точнымъ зна-
 ченіемъ словъ мы приобретаемъ яснѣйшее поня-
 тіе о самыхъ вещахъ и числоту слога. — Пред-
 ставлены замѣчанія о силѣ и важности *пред-*
логовъ. Въ языкѣ нашемъ они служатъ
 главнымъ орудіемъ его гибкости и вырази-
 тельности. — Оппечатана большая полови-
 на первой Части Рѣчей покойныхъ Русскихъ
 Профессоровъ здѣшняго Университета. Эта
 книга будетъ служить дополненіемъ къ Ис-
 теріи Опечиственной Словесности, показы-
 вая постепенное совершенствованіе языка. —
 Наконецъ приведено въ порядокъ нѣсколько
 буквъ *Производнаго Словаря*. До сихъ
 поръ зданіе Словесности будетъ шатко и не-
 прочно, пока не утвердится на неизблемомъ
 основаніи словопроизводства.

Въ пропекшемъ году, какъ и прежде,
 бесѣды наши одушевляемы были посѣщеніемъ
 многихъ знаменитыхъ и просвѣщенныхъ Лю-
 бителей и Любительницъ Россійскаго слова.
 Ихъ вниманіе къ трудамъ нашимъ съ одной
 стороны возбуждаетъ въ насъ справедливую
 къ нимъ признательность; съ другой слу-

житѣ вѣрною порукою, что сынамъ Опечесыва по и пріятно и дорого, что близко относилса къ ихъ родинѣ. Пусть равнодушные Космополиты утверждаютъ, что можно любить одинаково всѣ народы и всѣ языки; чувство сердца предпочитаетъ опечесиво всѣмъ странамъ свѣта, языкъ свой всѣмъ чужероднымъ. Если всякой образованной челоувѣкъ пріобрѣтенія ума ставитъ выше всѣхъ драгоценнѣйшихъ сокровищъ: по можно ли не дорожить шѣмъ, посредствомъ чего сіи пріобрѣтенія передаемъ мы другимъ, опечесиву, попомству, со всѣми тонкими оппѣнками чувства сердца? Иностранныя слова для насъ холодныя условныя знаки, получаемыя нами отъ людей чуждыхъ; но слова опечесивеннаго языка напоминаютъ намъ все близкое къ сердцу нашему, предметы любимыя. Сими словами понятія наши выражаются живѣе, одушевленнѣе, — и что всего дороже, — мы учимся имъ отъ родителей, родныхъ и друзей; — каждый звукъ ихъ сотрясаетъ сердце.

Съ особенною признапельностію вспоминаемъ вниманіе къ намъ деспотичнаго Блю-

лишпедя народнаго просвѣщенія, который, въ бытность свою въ здѣшней Столицѣ, всякой разъ удостоивалъ бесѣды наши своимъ присутствіемъ и ободреніемъ.

Быть полезными опеческву, обратитъ благосклонное вниманіе достойнѣйшихъ сыновъ его, есть самая лестная и утѣшительная для насъ награда.

Съ тѣхъ поръ, какъ грозныя тучи браней, носившіяся надъ главами нашими, исчезли невозвратно; съ тѣхъ поръ, какъ спасительный Геній мира пріосѣняетъ насъ благодушною тишиною, бесѣды наши продолжаются безпрерывно; и говоря съ незазорною откровенностію, мы раскрыли многіе предметы, относящіеся до Словесности; но съ такою же откровенностію должны признаться, что нѣкоторыхъ преднамѣреній нашихъ еще не успѣли свершить, а къ другимъ и не прикасались.

При самомъ началѣ бесѣдъ нашихъ предположили мы издашь съ краткими замѣчаніями *Опытъ избранныхъ Россійскихъ сочиненій* въ стихахъ и прозѣ. Предпріятія сего еще не исполнили. Можеть бышь удер-

жало насъ отъ того изданное такого рода собраніе въ 12 книжкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе сіе заслуживаетъ похвалу и признательность всѣхъ любителей слова. Но кажется, что оно не должно опровергнуть насъ отъ своего намѣренія. Оно включаетъ не однѣ сочиненія, но и переводы, и при томъ такъ обширно, что не безъ основанія возбуждаетъ сомнѣніе, соблюдена ли въ немъ вся строгость выбора и порядка. Мы предположили издасть только двѣ книжки и однѣхъ избранныхъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, сочиненій, съ тѣмъ, чтобы они могли быть въ рукахъ каждаго и каждому служили, какъ образцовыя.

Образцы, извлекаемые изъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ Писателей, весьма справедливо почитаются самыми лучшими. Нѣсколько такихъ *отрывковъ изъ Цицерона* мы представили въ переводѣ; но не успѣли перевести ни одного полного сочиненія, изъ котораго можно бы видѣть всѣ разнообразныя красоты Греческихъ и Римскихъ Писателей. Есть переводы съ древнихъ классическихъ языковъ, показавшіеся у насъ на ранней за-

рѣ опечиственнаго просвѣщенія; но съ тѣхъ поръ языкъ нашъ — и безъ сомнѣнія къ лучшему — такъ измѣнился, что читать ихъ не доставляетъ никакого терпѣнія. Искуснѣйшіе между нами любители древней Словесности окажутъ весьма важную услугу, если займутся переводами Писателей золотого вѣка, Грековъ и Римлянъ.

Разборъ Россійскихъ сочиненій, заслужившихъ всеобщее одобреніе, можетъ быть легчайшимъ средствомъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ вкуса и образованности. Подвергая ихъ суду справедливой критики, открывая въ нихъ существенныя красоты слога и мысли, мы можемъ вѣрнѣе судить и о томъ, что составляетъ истинное достоинство Писателей. Мы представили нѣсколько такихъ *разборовъ прозы и стиховъ Ломоносова*. Но сколько другихъ знаменитыхъ Писателей, со временъ Ломоносова, украсили и обогатили нашу Словесность изящными произведениями! Судить о достоинствѣ сочиненій, не оскорбляя сочинителя, не противно самымъ строжайшимъ правиламъ скромности. Призываю васъ, Почт. Чл., на сей похвальный

подвигъ, какъ на важнѣйшую часть занятій нашихъ. Разбирая безприспρασно лучшихъ Писателей своихъ, мы, не смотря на всѣ противорѣчя въ мнѣнiяхъ о ходѣ и исполнiи нашей Словесности, безъ сомнѣнiя удостовѣримся, что изящный слогъ одинъ, какъ испиена одна и непрѣмнна.

Мы уже сдѣлали нѣкоторыя замѣчанiя о недоспапкахъ нашей Грамматика, разсуждая объ излишнихъ буквахъ, о несходствѣ ударенiй въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ, о неправильныхъ спряженiяхъ глаголовъ; но сколько остается еще предметовъ, которые пребуютъ глубокихъ изслѣдованiй Грамматика - Философа?

Техническiе пермины въ наукѣ должны бытъ ясны и почны, должны выражать въ надлежащей полнотѣ присвоенное имъ понятiе. Но наша Грамматика наполнена спранными и самыми невразумительными перминами. — Навыкъ и воспитанiе научаютъ насъ выговаривать слова съ приличнымъ ударенiемъ; но иноспранцы, какъ бы хорошо ни разумѣли языкъ нашъ, всегда будутъ ошибаться въ выговорѣ словъ и ударенiй отъ

юго, что нѣтъ определенныхъ правилъ, на кошорыхъ бы можно основать сіе удареніе, — нѣтъ Прозодіи. — Въ сочиненіи словъ и природные Россіане часто погрѣшаютъ, по той же причинѣ. Я согласенъ, что языкъ нашъ имѣетъ предъ другими Европейскими языками весьма важное преимущество въ томъ, что порядокъ словъ можно иногда измѣнять; но сія свобода въ иныхъ сочиненіяхъ опчаспи походитъ на произвольную перемѣну мѣстъ кочующихъ народовъ, не имѣющихъ постоянного жилища. Словами изображаются понятія о вещахъ; различный порядокъ ихъ также измѣняетъ понятія, какъ измѣняются и вещи, смотря по различному расположенію. Изыщныя искусства плѣняютъ насъ порядкомъ своимъ; но еще болѣе плѣняетъ порядокъ понятій или словъ: отъ того зависитъ ихъ ясность. — Въ самомъ правописаніи нѣтъ у насъ довольно точности. Въ вѣкошорыхъ случаяхъ держимся производства словъ, въ другихъ произношенія; буквы нынѣ опмѣшаемъ, другія излишнія вводимъ. Россійская Академія о употребленіи одной буквы издала цѣлую кни-

гу. Не явный ли знак, что правописание наше не твердо еще в своих правилах? Къ сожалѣнію, о семъ искусствѣ нѣкоторые и не радятъ у насъ. Многіе вмѣняютъ себѣ въ стыдъ сдѣлать ошибку противъ Грамматиче-
ски языка чужеземнаго, а за ничто почитаютъ погрѣшити на природномъ языкѣ противъ самыхъ обыкновенныхъ правилъ.

Что мѣлочи, скажутъ, которыя не заслуживаютъ вниманія; но сіи мѣлочи не только въ Писателяхъ, но и во всякомъ обнаруживаютъ не знаніе языка. Точность письменъ для всѣхъ наукъ столько же необходима, какъ точность счисленія для наукъ Математическихъ. Геній Писателя, говорятъ, въ мысляхъ и слогахъ. Справедливо; — однако наружная одежда въ мысляхъ и слогахъ при всѣхъ случаяхъ должна оплечиваться надлежащимъ благоприличіемъ; и тотъ не заслужитъ довѣренности къ своимъ познаніямъ, кто не умѣетъ соблюсти первоначальнаго приличія въ письменахъ своихъ.

Можетъ быть, мы совершенно успѣли въ слогахъ, въ разныхъ родахъ сочиненій. Нѣтъ сомнѣнія, что Словесность наша украшена

превосходными произведеніями во многихъ родахъ своихъ, но еще не во всѣхъ. Самое высокое выпіисиво заключается въ проповѣди Слова Божія; но уклоняясь далѣе и далѣе отъ церковнаго языка, едва ли назначило себѣ опредѣленные границы. — Самое обильное и богатое поле для сочиненій составляютъ предметы учености; но науки у насъ еще не повсемѣстны и не имѣютъ своего плочнаго языка. Можемъ ли похвалиться сочиненіями Философическими, которыми переживающъ и народы и спольтія? Мы не въ состояніи выразишь плѣхъ разнообразныхъ оппѣнковъ движеній сердца, какія встрѣчаемъ у Цицерона, когда разсуждаетъ о спрасняхъ, не говоря о новѣйшихъ изслѣдователяхъ сердца: Лабрюйеръ, Адиссонъ, Фенелонъ. Множесство споровъ единспвенно отъ неопредѣленности словъ. Другіе просвѣщенные Европейцы успѣли давно самымъ опвлеченнымъ Математическимъ наукамъ доставишь языкъ легкой и красивой; а мы не имѣемъ еще и Историческаго слога, во всѣхъ оппощеніяхъ приличнаго. — Письма наши равно не могутъ еще хваляться собспвенно себѣ принадлежащимъ слогомъ. Высокопар-

ность и спранныя Германскія чинонаблюденія часто составляютъ главное ихъ достоинство. — Разговоръ душа бесѣдъ, вѣнецъ и красота слова. Можемъ бытъ, мы слога разговорѣ опъ того не имѣемъ, что въ лучшей Публикѣ у насъ говорятъ больше на иностранномъ, нежели на Русскомъ языкѣ. Но сіе препятствіе должно ли отврашитъ истинныхъ Любителей слова опъ своего предмета? Несолько опъ Публики, сколько опъ ученыхъ и просвѣщенныхъ Мужей ожидать должно всего изящнаго, всего возвышеннаго. Они должны дѣйствовать на Публику и на умъхи образованности. Опытность показываетъ, что все лучшее между людьми — спокойная жизнь, мудрое правленіе, чистые нравы — все это плоды трудовъ людей уединенныхъ, посвящающихъ себя на возвышеніе ума открытіями, наблюденіями и познаніями. Свѣтъ мудрости изъ укромнаго, часто неизвѣстнаго кабинета ученаго, разливаешся на весь народъ, не рѣдко на все человѣчество. Англичане прежде говорили и писали на Латинскомъ языкѣ, пока Мильтоны и Шекспиры заставили ихъ полюбить

языкъ опечественный. Самые Французы снраспно любили языкъ Ипаліанской, пока Корнели и Расины не заставили ихъ предпочипать всему языка роднаго. Почему и намъ не ожидаць сего? Совершенство достигають трудами неусыпными и посшоянными.

Изъ сего краткаго обзорнія нашей Словесности видно, сколько еще изслѣдованій представляется нашимъ занятіямъ! *Письмена, слова, нарѣчія, правила языка, слогъ*, все пребуеть искусныхъ и неупомимыхъ воздѣлывашелей. Тамъ, гдѣ языкъ достигъ извѣстной степени совершенства, школьныя и снстемашическія понокости изляшни и даже могутъ бышь ему вредны. У насъ всякое изслѣдованіе послужитъ языку въ пользу и славу!

И такъ, приступая къ продолженію трудовъ своихъ, усугубимъ наши силы и спранія. Всякой трудъ и жертва, принесенная Словесности, естъ благородное служеніе и жертва возлюбленному нашему Опечестію.

Книжка XIX.

В.

Въ полной мѣрѣ чувствую признательность къ вамъ, Почт. Чл., за снисхожденіе, оказанное мнѣ избраніемъ меня во второй разъ Предсѣдателемъ Общества. И льща и занятія мои преобладали, чѣмъ званіе сіе передалъ я доспойнѣйшему. Но вы того непременно желали, и я повинуюсь дружескому гласу вашего ко мнѣ расположенія. Молю Бога, чѣмъ единодушіе и ревность всегда оживляли насъ въ благихъ нашихъ намѣреніяхъ и трудахъ.

А. Прок. Антонскій.

Р Ѣ Ч Ъ

О началѣ, ходѣ и успѣхахъ Словесности.

Почтеннѣйшіе Сочлены!

Возобновляя торжественно благородныя и любезныя занятія наци, мы не можемъ не ощущать въ себѣ пріятнѣйшихъ чувствъ возвышеннаго, тихаго сознанія сердечнаго, что дѣло свое спарались совершить, сколько возможно по своимъ силамъ, въ жертву малую, но усердную нашему Отечеству! Предъ мысленными очами нашими обращается теперь прошедшее, настоящее и будущее. Предметъ нами избранный великъ и неисчислимы. Усилія, употребленныя для него, можетъ бытъ, заслуживаютъ одобреніе людей благомыслящихъ, которые изъ снисхожденія цѣнятъ труды наши особенно до добродѣтели, а не по однимъ успѣхамъ. — Мы еще очень далеки отъ своей цѣли. — Но за то, сколько высока, сколько отдаленна сія цѣль, а др.

В 2

стойная душѣ испинно благородныхъ и просвѣщенныхъ! Она естъ *Слово*, безсмертное знаменіе величія народнаго, важнѣйшее, нежели безчисленные пріумфы и завоеванія, свяшая слава при жизни и неумолкающій гласъ послѣ смерти, вопіющій къ попомшву изъ гробовъ и развалинъ, главная сила ума, **органъ** наукъ, орудіе поученія и нравовъ, порядка и успройства гражданскаго, проповѣданіе **испины**, свѣта и Бога! — Столь огромная, разнообразная, сполько сложная машина разумѣнія челоувѣческаго — *Слово*, содержащая общесства и народы, ихъ крѣпость, могущество, благоденствіе и славу, безъ сомнѣнія должна имѣть и безчисленныя опрасли, и безчисленныя средства дѣйствованія, какъ въ общежитіи челоувѣка, въ гражданспвенныхъ и семейспвенныхъ его опношеніяхъ и удовольспвіяхъ, такъ и въ опношеніяхъ вѣшнихъ, связующихъ различныя общесства между собою, хотя бы онѣ были въ опдалѣннѣйшихъ краяхъ свѣта. — Вопъ все великое, что заключаемъ мы сполько въ двухъ выраженіяхъ: **Языкъ и Словесность**. Онѣ-то насѣ собрали въ сіе Общесство, и соединили союзомъ дру-

жественнымъ, посвященнымъ общей пользѣ. Въ самой важности и высокихъ небесныхъ красотахъ предмета заключается начало и источникъ силъ нашихъ; и, если мы не произвели еще ничего блистательнаго, великаго, то можемъ упѣшаться и шѣмъ по крайней мѣрѣ, что мы его искали и ищемъ.

Я сказалъ, что при возобновленіи прудовъ представляется намъ по необходимости то, что мы сдѣлали, и что предлежитъ впередъ сдѣлать. Такое напоминаніе самимъ себѣ весьма полезно всегда и вездѣ. — Прошедшее время улаждаетъ насъ воспоминаніемъ, что мы, при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ, при общихъ бѣдствіяхъ, остались вѣрными своему намѣренію, и, хотя пижимъ, но всегда постояннымъ шагомъ шекли въ свое поприще. Предлагая сочиненія и переводы свои почтеннѣйшимъ Любителямъ опечесивенной Словесности, мы по крайней мѣрѣ спарались хранить и пишеть сей священной огонь небесной Веспы, спарались пишеть соревнованіе въ юныхъ сердцахъ своихъ согражданъ. — При вождельномъ успокоеніи народовъ, почившихъ въ мирѣ и благоденствіи подъ могуществен-

ными дланями Вѣнценосцевъ, соединенныхъ свя-
щеннымъ союзомъ Вѣры и правоты, — наспо-
ящее время открыло благопріятнѣйшіе виды
нашимъ намѣреніямъ. Въ продолженіи послѣд-
нихъ лѣтъ; мы отважились приступитъ къ
важнѣйшимъ занятіямъ: не раскрытыя досе-
лѣ тайны ошечественнаго языка сдѣлались
особеннымъ предметомъ нашихъ упражненій. —
Теперь что представляешь для насъ бу-
дущее?.. Почтенные Члены! сладостно уже
мыслиться увѣренностию добраго дѣла.
Мы наслаждаемся уже будущимъ, когда
знаемъ, чѣмъ и для чего занимаемся. —
Довольно бышь увѣреннымъ въ то, что
мы дѣлаемъ, а не въ томъ, что мы сдѣла-
емъ: сіе послѣднее не всегда ошъ насъ зави-
ситъ. — Въ семъ отношеніи, какъ и вездѣ,
постоянство въ трудахъ и неуклоняющаяся
вѣрность ошъ избранной цѣли, суть надежные
поруки за успѣхи. — Не одно легкое, пріят-
ное въ словесныхъ бесѣдахъ время - проведе-
ніе должно утѣшать насъ: эшя роскошь и
вѣга ума, который ошдыхаетъ. Пусть рѣ-
вятся Амуры, Зефиры и Фавны, въ разнovid-
ныхъ группахъ, на цвѣтущемъ полѣ Словесъ

юспии нашей; мы должны поле сіе обработать, мы обязались быть ей полезными. — Вотъ первое и послѣднее условіе нашего Общества!

Рачительный орадай прилжно испытываетъ и изучаетъ совѣты и преданія опцовъ своихъ: правила, по которымъ они поступали, покоряя себѣ упорную землю и часто неблагосклонное небо, средства, которыми они пользовались къ удобренію нивъ своихъ; тогда же наблюдаетъ онъ и печеніе свѣтилъ, показавшей дня и прудовъ его, и различныя перемѣны воздуха, и выборъ способовъ, и качества земли, которой вѣряетъ свои сѣмена и будущее свое щастіе. — Подобно поступаешь истинный любитель изящнаго, пипомецъ Музъ, обрекшій себя быть жрецомъ для священнаго алшаря ихъ. — Онъ изслѣдываетъ законы своего служенія, извлеченные изъ наблюдений многихъ ученыхъ и оправданные вѣками; онъ силится покорить себѣ помя языкъ, на которомъ пишешь; а покорить его можно единственно подробнѣйшимъ испытаніемъ его началъ, состава и образованія; онъ мушаетъ и богатѣетъ, собирая силы краснорѣчія своего во всѣхъ другихъ наукахъ, во по-

знаніи природы и человека: онъ дѣйствуетъ, сообразуясь съ нравами, обычаями, обстоятельствомъ своего времени; изобрѣшаетъ, располагаетъ предметы свои и занятія, соотвѣтственно предположенному однажды намѣренію. Весь сей міръ, и даже пошъ маленькой міръ, или общество, копорымъ онъ ограничивается, есть непрерывно движущаяся, вѣчно измѣняемая картина, въкоторый шаръ разноцвѣтный, кружащійся въ вихрь случаевъ, обстоятельствъ и отношеній. Должно назначить себѣ определенное мѣсто и точку наблюденія, дабы изловить въ его вѣчной коловратности черпы, испинно ему принадлежащія, и попомъ изразить ихъ вѣрно и точно для современниковъ и потомства. — Вопъ къ чему ведуть насъ правила языка и Словесности; вопъ къ чему приутошвляютъ особенно исторія того и другой! —

Напомяная себѣ, сколь можно чаще, правила, мы повѣряемъ ихъ самымъ дѣломъ, и чувствуемъ свои уклоненія съ пуши истиннаго, или узнаемъ испину въ дальнѣйшихъ ея подробностяхъ, также какъ мореходецъ,

явлеченный бурю, узнаетъ по звѣздамъ небес-
 вымъ и подводные камни, и мѣли, и наспо-
 ящую спезю свою; и новыя земли, досель не-
 открытыя. Еще полезнѣе, когда мы въ со-
 стояніи будемъ приводить сія правила въ на-
 кой порядокъ, которой облегчаетъ для ближ-
 нихъ нашихъ основательное ихъ изученіе, когда
 раскрываемъ недоспапки и достоинства сдѣ-
 ланныхъ уже прежде наблюденій надъ язы-
 комъ и Словесностию, надъ недоспапками,
 или невѣрностию правилъ Грамматическихъ,
 и спараемся по возможности споспѣшество-
 вать ихъ исправленію. — Съ другой стороны,
 совѣщаясь съ исторіей языка и Словесности,
 мы узнаемъ, какъ въ подобныхъ трудностяхъ
 поступали наши предшественники и прео-
 долѣвали ихъ. — Сія исторія есть свѣтильникъ,
 несомый предъ нами попечительною любовію,
 мудростию и опытностию нашихъ предковъ.
 Да будетъ имъ вѣчная благодарность! Меж-
 ду шѣмъ, какъ почтеннѣйшій Господинъ Пред-
 сѣдатель нашъ, сообразно сей полезной методѣ,
 въ рѣчи своей напомнилъ намъ важнѣйшія не-
 исправности Грамматики Русской, и неопредѣ-
 ленность языка, смѣю себя ласкать надеж-

дою, что любознательные Слушатели, удостоившіе насъ ободришельнаго своего посѣщенія, позволяю мнѣ, при наспоющемъ возобновленіи прудовъ нашихъ, кинуть взглядъ вообще на Словесность, ея исторію и главнѣйшія правила. — Разсматривая огромное, бессмертное зданіе изящнаго въ частяхъ его и цѣломъ, разбирая его начала, возрастаніе и совершенство, усилія его спроиспелей, ихъ таланты, искусство, побудительныя причины, виды, орудія и способы, мы нечувствительно съ одной стороны обогащаемъ себя матеріалами для собственныхъ сочиненій, а съ другой приобретаемъ и образуемъ въ себѣ и другихъ тѣ высокія, божественныя способности, кои блистающъ силами творческими, и кои называемъ мы обыкновенно *вкусомъ, талантомъ и Гениемъ*, — печатію бессмертія!...

Человѣкъ созданъ для общества; всѣ почтенныя отношенія его заключающъ въ семь кругу; онъ говоритъ и пишетъ для челоѣка. Его исторія есть уже наука. Надѣясь на благосклонность почтенныхъ слушателей и слушательницъ, осмѣлюсь я предсказать

леперъ , шакъ сказать , начало , колыбель и успѣхи всего того , что удовлетворяетъ ихъ вкусу и разнообразнымъ удовольствіямъ .

Науки и искусства , называемыя изящными , въ началѣ и постепенномъ своемъ возвышеніи , ходѣ и распространеніи , совершенно сходны со всѣми другими науками и познаніями , столь блистательно обогащившими и украсившими , въ продолженіи временъ , умъ человеческой . Почти всѣхъ ихъ начала скрыты въ отдаленной древности . Время , прозорливою Исторіею постигаемое , время , до котораго проникаютъ лучи ея свѣтильника , показываетъ намъ уже довольно высокую степень образованности и успѣховъ , которымъ непременно предшествовать должны догадки и опыты грубые . — Но когда мы обратили свое вниманіе на самихъ себя , на собственныя умственныя свои силы , на способъ , какъ мы сами собою приобретаемъ познанія ; когда повѣрили притомъ свои сужденія съ исторіею ума человеческого , нѣсколько вѣковъ въ себѣ заключающей : тогда могли уже достовернымъ образомъ опредѣ-

лишь, какъ начиналось всякое наше искусство и наука. Тотъ мудрецъ, который сказалъ: *познай самаго себя*, былъ человекъ великой; а тотъ, который въ послѣдующіе вѣки умѣлъ сіе нравственное правило приспособить и къ наукамъ основательнымъ, обративъ вниманіе ученыхъ на испытаніе душевныхъ и чувственныхъ способностей нашихъ, какъ необходимыхъ орудій для испытанія природы, — былъ едва ли еще не болѣе. Слѣдуя сему правилу, человекъ спалъ познавать себя по отношеніямъ къ природѣ, и спалъ познавать природу по отношеніямъ къ себѣ самому. Будучи частію одного цѣлаго, пость природы, онъ и не могъ ничего лучше сдѣлать! — Тогда-то болѣе открылись тайнѣйшія связи между имъ и предметами, его окружающими, и вмѣстѣ съ симъ родилась необходимостъ въ изслѣдованіяхъ.

Человекъ по двойственному существу своему долженъ былъ непременно сдѣлаться наблюдателемъ природы вещественной и духовной; оно вело его сперва къ удовлетворенію необходимыхъ нуждъ своихъ, а послѣ къ изобрѣненію удовольствій, достойныхъ нравственнаго бытія его.

Природа вещественная была сначала сокровищницею матеріаловъ для его пищи, для прикрытія наготы его, для его огражденія потребныхъ; послѣ она же сдѣлалась сокровищницею умственныхъ его наслажденій.

Великаго труда ему сподобило придумать средства, какъ укрыться отъ дождя подъ деревомъ, какъ извлечь огонь изъ камня, какъ защититься отъ холода и сырости; но онъ, наблюдая природу, нашелъ сіи средства. Птичка, свивающая себѣ гнѣздо на ближнемъ деревѣ, научила его соорудить скромныя сѣни изъ вѣтвей; та же птичка, при возрожденіи весны благодушной, научила его радоваться и воспѣвать свою радость. — Въ продолженіи времени усиліями нужды и искусства, на мѣстѣ простой сѣни древесной, явились великолѣпныя чертоги; изъ простаго, однообразнаго выраженія радости — до безконечности безчисленныя, чарующія измѣненія Музыки и Поэзіи.

И такъ человекъ или употреблялъ самую природу, какъ що, дерево, камень, плоды, огонь, воду для своихъ надобностей, или, не употребляя ее, какъ матеріаль, подражалъ ея твореніямъ и дѣйствіямъ.

Но и въ самомъ употребленіи вещей, изъ природы взятыхъ, онъ также подражалъ: бобръ научилъ его домостроительству; плывущее на рѣкѣ дерево подало идею къ построению лодокъ; перышко, опущенное на воду и несомое вѣтромъ, произвело догадку о парусахъ, движущихъ послѣ величественныя огромныя башни по морямъ неизслѣдимымъ. Вездѣ человекъ есть подражатель; наблюденія обратили его къ подражанію; нуждою, успѣхами и обиліемъ оно питалось, соревнованіемъ и процвѣтало и возвышалось.

Сперва человекъ все дѣлалъ весьма худо; тамъ искалъ добра, гдѣ было зло; гдѣ мечталъ обрѣсти полезное, тамъ находилъ вредное. Онъ подражалъ всему, какъ еще юное, неопытное дитя природы, которая лелѣла его на матернемъ лонѣ. и во всемъ давала волю. — Онъ обжигалъ руки, онъ падалъ въ бездну влажную, идя подлѣ берега рѣки. — Нужда сказала ему, что огня должно остерегаться, жопя и можно его употреблять въ пользу; нужда вышатила его великими усиліями изъ воды, съ наставленіемъ, не ходишь впередъ близко по берегу, которой обваливается. — Тогда по не-

обходимости онъ спалъ *избирать*, что хо-
рошо, и чему подражать можно съ вървѣн-
шимъ успѣхомъ. — И такъ то, что мы
называемъ догадкой *избирать*, есть колыбель
искусства; нужда его матеръ. — Слѣдова-
тельно искусство есть способность, или
умѣнье избъ всего пріобрѣтеннаго опытами и
упражненіемъ, дѣлать что нибудь хорошее. —
Но сія догадка *избирать* должна уже ро-
диться тогда, когда люди спали жизнь об-
щественными: ибо одинъ человекъ не въ состо-
яніи всегда исправлять самаго себя, или свои
чувства при непрерывныхъ наблюденіяхъ;
да если что и замѣтитъ хорошаго, того не
можетъ сдѣлать одинъ по недоспашку силъ
своихъ. И такъ всякое искусство чрезъ вы-
боръ предметовъ и дѣйствія, доведенное до
какой-либо степени совершенства, принадле-
житъ не одному человекъ, но усиліямъ цѣла-
го общества.

Первыя наблюденія человекъ, чрезъ подра-
жаніе превращенныя наконецъ въ искусства,
касались натурально до первыхъ его по-
требностей: онъ въ виду имѣли одну пользу,
которая, дѣйствуя на насъ безпреспанно, за-

ставила насъ бытъ изобрѣшателями. Сіи искусства называются механическими. Ихъ много, и онѣ употребляютъ природу въ томъ видѣ, какъ она естъ. — Вода, огонь, воздухъ, земля познали въ челоуѣкѣ другаго по Богу, Создателя своемъ, властителя, шворящаго изъ нихъ слуги своя.

Когда удовлетворена нужда, обезпечено спокойствіе, приобрѣнены всѣ удобства жизни; когда не осталось дѣятельному уму челоуѣческому шрудиться для нужды: онѣ долженъ былъ приобрести новую — онѣ сталъ нуждаться въ занятіяхъ, дабы избѣжать однообразія и скуки, соединенной съ шасливою, безпечною праздностію. Свобода развязала его умъ и руки; обиліе даровало ему крылья, и онѣ самъ, такъ сказать, собралъ для себя премножество прихотей, которыхъ послѣ сдѣлался рабомъ. Челоуѣкѣ обыкновенно называютъ ихъ удовольствіями; но изъ сихъ удовольствій естъ иныя, которыя шолько убиваютъ время, или дѣлаютъ его еще продолжительнѣе и скучнѣе; другія вредны въ настоящемъ и превращаются совершенно въ горестъ и пагубу со временемъ; иныя не до-

стойны высокаго сана чловѣка, какъ существа умственнаго и духовнаго. Но если удовольствія благородныя, кошорыя питають и возвышаютъ душу и сердце; — это семья Радоспей, спедшая съ небесъ въ по время, когда боги милоспивые ко смерпнымъ нисходили на землю, дабы раздѣлять съ добрыми надами своими святыя удовольствія благоспи; или, по чистому нашему пониманю, когда разумъ здравой, добродѣтель, любовь опечеспвенная, любовь высокая къ челоѣчешву, благородное чесплюбие, Градїя нещанная, вѣрная любовь, героическая дружба, взаимныя, прїятныя обязанности, и наконецъ щаспливой досугъ вступились въ распоряженіе и хозяйство удовольствій нашихъ; — тогда, по словамъ Горація, опдѣлилось чистое отъ нещпнаго, полезное отъ вреднаго, прїятное отъ неприличнаго; — тогда еще, скажу, какъ говорили древніе; брошено яблоко раздора между према прелѣспнѣйшими богинями; представляющими въ себѣ эмблемы доблести, величїя и красоты обворожительной; между Минервою, Юноною и Венерою; но разумъ полкуеть: сдѣланъ разборъ между

Книжна XIX. В

полезнымъ , и болѣе полезнымъ , и особенно между пріятнымъ и полезнымъ.

Такимъ образомъ силою мыслящаго ума сперва отдѣлено чистое отъ нечистаго, справедливое отъ несправедливаго, а потомъ сдѣлано раздѣленіе между ослѣпительнымъ, ложнымъ благомъ и истиннымъ; короче: избрано изъ хорошаго лучшее; и умы, которые успѣли постигнуть и представить его, названы избранными, или изящными, а самыя искусства *изящными, благородными, свободными*; ибо въ нихъ предполагались свободная и благородная воля; свободная отъ низкихъ пороковъ; благородная, высокая по цѣли достойной чловѣка, по цѣли образованія нравовъ. Искусства, почтенныя споль высокимъ названіемъ, суть: Поэзія, Музыка, Живопись и проч. —

Таковой разборъ или раздѣлъ между ними могъ случиться токмо въ образованныхъ уже Аѳинахъ, или въ образованномъ Римѣ, гдѣ Философія и Религія, съ которыми тѣсно соединены нравы общественныя, и торговля, и слава народа побѣдоноснаго: все имъ споспѣшествовало. — Творенія искусства

размножились; Писатели соревновали другъ
 другу, и — скоро съ дурными смѣшались хорошіе;
 приспращіе ободряло шѣхъ и другихъ по
 временамъ и обстоятельствомъ; это весьма
 натурально и обыкновенно посреди гордящаго-
 ся правами своими народа свободнаго и въ
 свободномъ царствѣ искусствъ; мѣвнія наконецъ
 борются между собою, и предразсудки грозятъ
 воцариться. Тогда въ лицѣ мудреца великаго воз-
 сшала *Критика* посреди народа просвѣщеннаго,
 который умѣлъ ее слушать лучше, нежели какъ
 нынѣ слушаютъ. Она собрала наблюденія
 прежнія, сообразила ихъ съ наблюденіями на-
 стоящими, и сшала говорить рѣшительно:
 это хорошо! это дурно! — На нее обрати-
 ли вниманіе, можетъ быть, сперва по спрѣд-
 ности и новизнѣ, одни любопытные и праздные,
 какъ и нынѣ случается; но она скоро оправда-
 ла себя свѣшкомъ, въ которомъ были изчисле-
 ны всѣ главныя правила Поэзіи и Красно-
 рѣчія; въ немъ ясно открывалось: — рѣчь, или
 гимнъ, или драматическое зрѣлище, тра-
 гедія, или комедія хороши, и въ какихъ
 мѣстахъ болѣе шротали слушающей, и
 въ какихъ менѣе; въ немъ показаны были

В е

и занимательнѣйшіе предметы, и лучшій образъ представленія предметовъ, когда Писатель дѣйствительно нравился; она указала наконецъ и пѣхъ щасливцевъ, копорые отлично успѣвали во мнѣніи народномъ.

Все это расположено было въ удобнѣйшемъ порядкѣ для молодыхъ Писателей, кои ревностно стремились по слѣдамъ славныхъ людей, ихъ удивляющихъ. Сперва спорили, не соглашались; ибо кто можетъ согласить мнѣнія людей? Но наконецъ умъ глубокой и пруды почтенные воспоржесѣвовали: мудрецъ съ своимъ свѣткомъ явился на кафедрѣ народной, и родилась — *Наука*, въ которой заключились наблюдения многихъ людей и многихъ лѣтъ, крипикою или здоровымъ и тонкимъ сужденіемъ повѣренныхъ. — Это должно было случиться, и по необходимости случается въ защиту Писателей и пользу искусства, когда оно подвержено бурѣ мнѣній и предрасудковъ.

И такъ видно, что *Наука изящнаго* существовала весьма давно, хотя и гораздо послѣ самаго искусства Краснорѣчія; насоящее же свое имя *Эстетики* получила еще позднее.

Въ послѣдующее время она приведена въ почтѣннѣйшій порядокъ или систему.

Наука водитъ рукою, воображеніемъ и чувствомъ; кто знаетъ ее хорошо, тотъ старается приобрести навыкъ и способность дѣлать хорошо; сей-то навыкъ и способность въ извѣстномъ степени изящества называется почтѣннымъ именемъ: *Искусство*. И вотъ разность между наукою и искусствомъ: одна учитъ, другое шворитъ.

Нынѣ изъ всего сдѣлали науку, и вездѣ явились Архиспы. — Наука панцованья, наука парикмахерства, наука садоводства, наука ѣзды верховой! — и каждой мѣщанинъ говоритъ, что онъ ошдалъ сына своего въ науку! какую же? сапожнаго ремесла. — Мы, по крайней мѣрѣ, почтѣнное имя *науки*, которымъ такъ дорожилъ Пифагоръ, относимъ особливо къ тѣмъ искусствамъ, кои предполагаютъ силы и упражненія способностей высшихъ души нашей и способностей благороднѣйшихъ нашего сердца: мы называемъ науками по опличію Краснорѣчіе и Поэзію. Онъ особенно составляютъ предметъ нашего разсужденія. —

Что такое Наука? Собрание правилъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, или системѣ. Всѣ сїи правила, какъ уже мы видѣли, произошли изъ наблюдений. Наблюденія сперва производились надъ свойствами предметовъ, которыя въ Краснорѣчїи и Поэзїи особенно нравились, а потомъ надъ чувствами тѣхъ, которыми онѣ нравятся. Слѣдовательно, изъ сихъ правилъ одни относятся къ выбору самыхъ предметовъ, а другїя къ искусству дѣйствовать на наши чувства посредствомъ избранныхъ предметовъ, искусству, приобретенному долговременнымъ и многотруднымъ опытомъ — познавшимъ глубоко сердце человеческое и путь къ нему крапчайшій. Сїе — то собственно заключаетъ въ себѣ Эстетика. Есть еще правила, кои касаются до расположенія и наружной формы сочиненїй: это собственно Риторика и Пѣипика.

Искусство — подражатель. — И такъ при вопроса предлежатъ намъ: каковы должны быть предметы подражаемые, или описываемые? для кого я пишу, или говорю? и съ какою цѣлю?

На послѣдній вопросъ легко отвѣчать: цѣль изящныхъ искусствъ — благородно,

достойное человека удовольствіе, сколько возможно, соединенное съ пользою. Въ Поэзіи удовольствіе составляетъ главную мѣту, а въ Краснорѣчіи — польза. — Лучше, когда польза и удовольствіе соединены вмѣстѣ.

На второй вопросъ: для кого я пишу, или говорю? отвѣтъ также ясной и короткой: *для людей*. Знаніе природы простой и природы образованной, или человека въ натуральномъ его состояніи (если оно существовало) и въ обществѣ, знаніе привычекъ и склонностей, обычаевъ народныхъ, страстей и ихъ безчисленныхъ, быстрыхъ, или постепенныхъ разныхъ измѣненій, добродѣтелей и пороковъ въ личныхъ положеніяхъ и обстоятельствевахъ, знаніе просвѣщенія, Религіи, правительства; все сіе входитъ въ составъ изученій Поэта, или Орашора; ибо онъ долженъ знать, о чемъ, кому, для чего, и какъ писать или говорить, чтобы на сердца слушателей или читателей дѣйствовать надлежащимъ образомъ. — Самое многосложное, неизчислимое въ подробностяхъ дѣло есть искусство знать и сохранить свое отношеніе къ предметамъ и людямъ.

Мы разсмотримъ третій вопросъ самой трудной : каковы должны быть предметы , избираемые въ природѣ для подражанія ? Гордой, прихотливой и слѣпой челоуѣкъ! Вотъ хороши , если только въ силахъ , если умѣешь ихъ представишь. — Богъ, самъ Богъ, видя, яко все добро есть, почи отъ дѣлъ Своихъ. — Отъ чего же мы, слабое Его твореніе, затрудняемся и мучимся въ выборѣ хорошаго?

Если бы всѣ мы, земные странники , составляя одно божественное общество , семейство любви, — и любви къ Отцу единому , всевидящему , предвѣчному и благому , озаренные всеоживляющимъ Его свѣтомъ , были въ состояніи видѣть и постигать все творенія, такъ какъ взираютъ на нихъ души превыспренніе, къ престолу Его приближенныя; если бы, говорю , мы такъ смотрѣли на сіи видимыя вещи , какъ смотрятъ небожители, живущіе въ совершенной съ Нимъ гармоніи , или какъ Онъ Самъ, объемлющій начало, средину и конецъ дѣйствій, измѣненій и временъ міра въ его цѣломъ составѣ, въ его частяхъ безчисленныхъ , отъ несравненно великихъ

до несравненно малыхъ по связямъ, отноше-
 ніямъ, переменнымъ обетоятельствамъ, по
 законамъ общимъ и частнымъ, искони преду-
 спавленнымъ и до конца вѣковъ поспояннымъ;
 или если бы, по крайней мѣрѣ, сами совершен-
 но соотвѣтствуя сей всеобщей гармоніи по
 духу, сердцу и шѣлу, ходили въ пѣхъ спе-
 зяхъ и законахъ, кои Онъ далъ намъ, и при-
 зналъ необходимыми для сохраненія бытія
 нашего: тогда бы весь міръ сей казался намъ
 совершенно въ другомъ видѣ; тогда не были
 бы мы принуждены дѣлать жалкихъ, унижаю-
 щихъ насъ раздѣленій и подраздѣленій въ
 предметахъ на занимательные и незанима-
 тельные, на высокіе и низкіе, великіе и ма-
 лые, на благородные и неблагородные, по-
 няшные и непоняшные, блестящіе, велико-
 дѣпные и проспые, правильные и неправиль-
 ные. Нѣтъ! напротивъ, тогда бы все было за-
 нимательное, все высокое, благородное, все
 ясное, все великолѣпное, все стройное и
 правильное; тогда бы чувешва наши, нераз-
 дѣльные съ умственными силами, были чув-
 шва небесныя; пѣсни наши, пѣсни ангель-
 скаго убѣжденія; и голосъ нашъ — гласъ гро-

мовъ и арфъ небесныхъ. — Но разсыянные по лицу земному странники слѣпотелъствующіе, мы не шаковы; и хотя много наблюдаемъ, однако весьма еще мало видимъ, и не болѣе, можемъ бытъ, сколько можемъ видѣть чело-вѣкъ, сидящій въ глубокомъ колодезѣ, необъятное небо. Въ раскрытой предъ нами огромной книгѣ природы читаемъ мы одинъ только листочекъ, и только шотъ, на которой указали намъ нужда и обстоятельство; время, а не мы, стараемся переверопитъ для насъ другой и прешій листочекъ, между шѣмъ, какъ бушующіе вокругъ насъ вихри спрасшей снова мѣшаютъ листки, и мы остаемся на одномъ мѣстѣ въ нашей азбукѣ познанія природы и самихъ себя. — По сей-то причинѣ, къ прискорбію челоуѣчества и къ умноженію запрудненій искусства, Писатели обязаны изъ прекрасной вообще природы выбирать то, что намъ только кажется прекраснымъ или совершеннымъ, или что называется у насъ изящнымъ въ отношеніи къ предметамъ. —

Философъ для своего міра, въ кабинетѣ своемъ, дѣлаетъ все хорошо; но Писатель для публики, если заключится въ кабинетъ, сдѣ-

мнѣ мало. И такъ, вмѣсто вселеной необъятной, Писатель-художникъ долженъ ограничить себя маленькимъ уголкомъ землицы и маленькимъ обществомъ людей, посреди которыхъ онъ живетъ; ибо онъ пишетъ для нихъ, и отъ нихъ ожидаетъ себя награды. — Каковъ бы ни былъ его гений, онъ болѣе или мене въ выборѣ и предложеніи своихъ предметовъ ограниченъ степенью образованія своихъ согражданъ, нравами, обычаями, приходами ихъ, понятиями ихъ о славѣ, чести, добродѣтели и порокахъ, въ безчисленныхъ подробностяхъ и отношеніяхъ.

Я говорилъ теперь объ Обществахъ, которыя отличаются одни отъ другихъ. Но развѣ каждой человѣкъ въ одномъ и томъ же обществѣ не различается отъ другаго по образу мыслей и чувствованій, по способу своему смотреть на предметы, по характерамъ, столько отличающимся одинъ отъ другаго? — Какъ же угодить имъ всѣмъ вообще? —

Изящество предметовъ, понимаемое въ послѣднемъ, шѣсномъ смыслѣ, т. е. въ отношеніи предметовъ, къ намъ ближайшихъ, заключающагося можетъ или въ нихъ самихъ непо-

єредєствєнно, или вѣ собственномъ опнощеніи
нашемъ къ нимъ.

Говорящѣ: изящныя, или прекрасныя пред-
меты суть правильныя, или шѣ, которыя
правильную фигуру имѣють, расположены вѣ
симметріи, или сѣройности и согласіи всѣхъ ча-
стей съ цѣлымъ, точно также, какъ хорошее
зданіе съ своими флигелями. Но иной любитъ
смощрѣть на развалины дикія и ужасныя еще съ
большимъ удовольствіемъ; одинъ любитъ готи-
ческую архитєктуру, другой простую Грече-
скую. — Раковины, камни, цвѣты и другія без-
численныя творенія вѣ природѣ неправильны, но
онѣ нравятся. — Одни кричатъ: прекрасно
однообразіе вѣ предметахъ! но природа еще
прекраснѣе вѣ своемъ разнообразіи. Лафон-
ленъ сказалъ, что скука есть дочь одно-
образія; разнообразіе предметовъ и вѣ при-
родѣ и вѣ сочиненіяхъ питаєтъ, увлекаєтъ
и удерживаєтъ наше вниманіе. Одни любятъ
яркіе цвѣты, другіе слабыя; одинъ веселил-
ся жизнью и собою, взирая на цвѣтущее мо-
лодое дерево; другой забывается вѣ слад-
стныхъ и помныхъ чувствованіяхъ, сидя при
деревѣ, опаленномъ молнією; одинъ любитъ

полюду движеніе и жизнь ; а естѣ пакіе
перои спокойствія, копорые завидуюнѣ ща-
пливому соспоянію печки, пошому что она
вчно на одномѣ мѣстѣ.

Учредители и проповѣдники изящнаго нако-
вецѣ утверждають, что сіе изящное соспоитѣ
въ однообразіи, заключающемѣ частно разно-
образіе, или въ разнообразіи, копорое въ
цѣломѣ своемѣ сохраняетѣ однообразіе. —
Шо мудрено, но, можетѣ бытъ, справедливо —
впрочемѣ все недостаточно еще поясняетѣ во-
просѣ нашѣ. — Природа столько хитра и скры-
шна, и столько мы непостоянны и слѣпы!
Мы безпрестанно мѣняемѣ одинѣ предметѣ
на другой; что сего дня любимѣ, то завтра
презираемѣ, и опять возвращаемѣ къ предмету
прежде любимому. Вотѣ доказательство гла-
вное, что не природа, а мы виноваты, что она
не вездѣ и не во всѣхѣ предметахѣ намѣ нрави-
тъ; но что мы не любимѣ ее, какѣ должно, и не
въ силахѣ разсмащривать ее одинакимѣ
и постояннымѣ образомѣ; и не служимѣ ли
самымѣ нашимѣ признаніемѣ предѣ нею то, что
мы, при всей своей вътренности, всегда болѣе
или менѣе къ ней одной обращаемѣ съ нашимѣ

повѣрками и отъ пышныхъ дворцевъ, и отъ роскоши, и даже отъ ученой катедры! . . . —

Оставимъ системы, которыя всѣ почитенны, и знать ихъ конечно должно. — Не будемъ оплечать красотъ въ предметахъ столь многоразличныхъ и безчисленныхъ съ намѣреніемъ опредѣлить ихъ. Объ этомъ споры ученыхъ продолжались, продолжающіяся и остающія нерѣшенными, не смотря на множество прекрасныхъ умствованій.

Я согласенъ съ тѣми, которые утверждаютъ, что причина, по чему одинъ предметъ вещественной, или нравственной природы насъ болѣе, не заключается въ немъ самомъ, но въ насъ самихъ.

Что же въ насъ самихъ заключается? Дѣятели: умъ и сердце; ими работаемъ и для нихъ; слѣдовательно, это будетъ простая и образованная природа, или то, съ чѣмъ мы родимся, и наконецъ то, что мы приобретаемъ воспитаніемъ, склонностями, привычками, примѣрами, просвѣщеніемъ и образованностію, будучи въ то же время подчинены вліянію нравовъ, Религіи, законовъ и духа правительствъ; ибо изъ всего этого составляется харак-

шерб и господствующая страсть каждого. Но всегда и при всѣхъ измѣненіяхъ челоѣка врожденная любовь къ самому себѣ есть шру-кина всѣхъ его желаній и всѣхъ его дѣй-спвій. — Громкой голосъ сей врожденной любви къ самому себѣ есть то, что насъ влечетъ къ тому, или другому предмету бо-лье; короче: есть то, что мы называемъ обыкновенно *Вкусомъ*!

Челоѣкъ, какъ видно въ аѣломъ шворе-ніи, по необходимости связанъ съ швами и вещами, его окружающими: онъ имѣетъ на нихъ аліяніе, а онѣ на него. По врожденной люб-ви къ самому себѣ, однихъ предметовъ онъ же-лаетъ, другіе предметы ненавидитъ или боится: верье, каковы бы онѣ были, въ его глазахъ лю-безны, занимательны, его благо; другіе для не-го ужасны; но онъ ими также долженъ зани-маться, дабы имѣть всегда готовымъ средства отъ нихъ избавиться.

Что благо, сказалъ Сократъ, но и прекрас-но. — Истина отвлеченная, глубокая, конечно понятная для Философовъ только, но спра-ведливая во всей своей обширности; ее мож-но выразить шроще: аѣ чемъ мы видимъ

нашу пользу, или наше удовольствие (ибо эшо есть земное наше благо), по намъ и мило и пріятно. — Чшо намъ вредно, то также занимательно, хоня и непріятно; ибо мы хопимъ изобрѣсть способы опъ него спастись.

И пакъ всѣ тѣ предметы прекрасны, изящны, копорые ближайшее имѣють къ намъ отношеніе; нужды вѣтъ, хоня бы они были отвращительны, злобны, спрашны, гнусны. Такова мысль Господина Боад. Сіи отношенія могуць бытъ чрезвычайно безчисленны; онѣ распространяють для насъ кругъ прекраснаго; — поле Поэзіи. — Онѣ дѣйствующи посредственно и непосредственно, прямо и спороною: прямо; когда изображается намъ предметъ почно такой, копорой имѣешь на насъ прямое вліяніе доброе, или дурное; спороною, когда возобновляется въ воображеніи или сердцѣ нашемъ, посредствомъ непріятнаго предмета, другой предметъ болѣе любезной. — Мы любимъ смотрѣть на два дерева переплещія свои вѣтви, на два ручья извивающіяся въ долинь и послѣ слившіяся: эшо эмблема любви и дружбы, спрасшей пріятнѣйшихъ; мы любимъ сме-

шрѣшь уныло на развалины огромнаго зданія, юобразая непрочность всего подлуннаго; лю- бимь смошрѣшь на великолѣпные черпоги, мечтая печально, что и въ нихъ обитають гореспь и снѣдающія заботы. — Въ Трагедіи сострадаемь несчастію другихъ намъ подоб- ныхъ, потому что и сами подвержены бышь можемь тѣмъ же несчастіямъ; боимся за дру- гихъ, бояся за себя; въ Комедіи смѣемся надъ представляемыми лицами; самолюбіе на- ше въ то же время увѣряетъ насъ, что мы не паковы, какъ шь, копорые осмѣивающь- ся, что мы лучше представляемыхъ на сценѣ, или осмѣиваемыхъ. Споль сильна лю- бовь къ самому себѣ! по-ней то все пре- красно, или дурно. — Спаринная пословица говоритъ, что стихопворцы лжецы пріяпные; эшо правда, когда они искусно лгутъ; но я хотѣлъ бы ихъ назвашь искусными льспеча- ми нашего чесполубія. — Посмошрште, что они дѣлають, когда маперія ими описывае- мая суха, и сама по себѣ незанимательна: они окружають ее ближайшими многоразлич- ными предметами прелестнѣйшими, занима- тельными по какимъ бы ни было отношені-

Книжка XIX.

Г

ямъ, и чрезъ то сообщаютъ ей новой блескъ и пріятности; или, если и этого не возможно сдѣлать, потому что предметы сами, какъ бесплодная пустыня, ничего не имѣютъ привлекательнаго для сердца, стихотворецъ спарается замѣнить такой недостатковъ цвѣтами, живостію и гармонією слова. Тогда предметъ, самъ по себѣ ничего незначащій, дѣйствуя на воображеніе и слухъ нашъ, нравится намъ по своей одеждѣ, по опрабожкѣ, по усиліямъ искусства, все побуждающаго; онъ возбуждаетъ и удивленіе и удовольствіе вмѣстѣ преодолѣніемъ трудностей, и новымъ приобрѣтеніемъ ихъ предметовъ, кои были, такъ сказать, для насъ навсегда потеряны. Волшебники — стихотворцы намъ ихъ возвращаютъ, слѣдовательно распространяютъ кругъ нашихъ познаній и наслажденій. — Какому царедворцу случится вспомнить о сохѣ, плугѣ и серпѣ, о сихъ питателяхъ Государства? Виргилій и Делиль внесли ихъ въ чертоги Царей, и представили въ самомъ почтеннѣйшемъ видѣ.

Вотъ половина удовольствій, получаемыхъ чрезъ подражаніе предметамъ, имѣющимъ

опношеніе кѣ нашимъ чувствамъ или сердцу. Она самая обширнѣйшая, и можетъ назваться важнѣйшею въ Поэзіи; ибо возбуждае спрасси; — другая половина естѣ па, копорая опносится кѣ наслажденіамъ нашего разума: паковы сущь подражанія предметамъ правильнымъ, симметріи, гармоніи, предспавленнымъ почно и разительнѣ. — Предметы опвлеченные, полезные, почерпаемые изъ священныхъ началъ Религіи, законовъ, гражданскаго благоуспройсва, наукъ и искусствъ, изъ общепозныхъ изобрѣпеній, необыкновенныхъ добродѣтелей, пожертвованій, усилій ума, героизма, щерпнія и прудовъ неусыпныхъ: всь пакоже доставляющь душъ удовольствіе, возвышая, приближая ее кѣ первобытному величію, кѣ мещъ благородной, высокой, для копорой мы созданы. Первыя удовольствія ощущаемъ мы прежде, нежели разбираемъ предметы; они нравятся, какъ говоримъ, по симпатціи; послѣдніе пріятны послѣ разбора, или внимательнаго разсмотрѣнія, и удовольствіе непрерывно возрастаетъ, чѣмъ болѣе ихъ наблюдаемъ. Сь первыми чувствованіями мы родимся, ибо онь сущь слѣдствіе любви

Г а

врожденной къ самому себѣ; послѣднія приобретаемъ, находясь въ обществѣ, посредствомъ политическихъ, или семейственныхъ и гражданскихъ отношеній, воспитаніемъ, навыками и проч. — Какъ много разнятся наши врожденные удовольствія отъ приобретенныхъ! Последнія часто бывають даже смѣшны, но они важны, когда осязаны общимъ мнѣніемъ. — Не вымышленное ли чувство, такъ называемая, рыцарская честь? Но какую спрашную роль играетъ она въ Сидѣ Корнелевомъ!

Заключимъ изъ всего нами сказаннаго, что тѣ предметы нравятся особенно въ подражаніи живописца, ваятеля и Поэта, которые: 1 е. имѣють ближайшее къ намъ соотнoшеніе посредственно, или непосредственно; 2 е. которые въ собственной своей природѣ совершенны до извѣстной степени, т. е. имѣють величіе, силу, стройность, согласіе между частями, симметрію, гармонию, и соотвѣтствуютъ своей цѣли. — Вотъ весь кругъ изящнаго! Изъ многихъ ученыхъ системъ я предпочитаю сію потому, что ее можно легко приспособить ко всѣмъ родамъ сочиненій и ко всѣмъ произведеніямъ

художествѣ. — Въ ней заключается то, что сказалъ Цицеронъ, который споль хорошо понималъ изящное, и въ такой превосходной степени умѣлъ изображать его: *Omne est pulchrum, quod tum ipsius naturae, tum nostrae convenit.* Все прекрасно, что соотвѣтствуетъ собственной своей природѣ и припомъ близко къ нашей. —

И такъ отношеніе предметовъ къ намъ есть начало Поэзіи; намѣреніе Поэта, его руководитель, или правило: въ эпихъ словахъ сокращеніе Риторики и Цицики.

Тотъ, кто одаренъ отъ природы отлично-быстрымъ взоромъ, и обогатилъ себя разными познаніями въ наукахъ посреди общества просвѣщеннаго, написался образцами и получилъ способность и навыкъ достигать всѣхъ малѣйшихъ отношеній въ самыхъ извѣйшихъ подробностяхъ и въ скрытыхъ сходствахъ и различіяхъ, — сочинитель ли онъ, или любитель изящнаго, — всякой поэтъ есть человекъ со вкусомъ, какъ говорятъ, или человекъ, имѣющій здоровой и хорошей вкусъ. — И въ самомъ дѣлѣ, вкусъ хороший основанъ на соблюденіи самомъ почтѣйшемъ всѣхъ при-

личій и отношеній между лицами и предметами къ намъ самимъ. —

Сколько головъ, сполько и умовъ, пвердили предки наши, и сія пословица вѣрно относилась къ измѣняющемуся вкусу людей. — Онъ непостояненъ, вѣтренъ, какъ свободное дѣтство природы, играющее на персяхъ ея, и приломъ, вѣчно юное. — Въ дѣтской сей свободѣ и прихотяхъ заключается, можетъ быть, важная часть его прелестей; но надобно, чтобы его песпунами были разсудокъ и опытъ. — Съ большею точностію можно опредѣлить его такъ: Вкусъ есть способность, даруемая всѣмъ природою, образуемая, изощряемая ученіемъ, упражненіемъ и подражаніемъ. Не смотря на безпрерывныя волненія и переменны различныхъ вкусовъ, доказано, что есть одинъ вкусъ хорошій, всеобщій и постоянный. — Сколько ни рѣзвился маленькой хамелеонъ сей, но всегда возвращается къ матери своей природѣ, и является рано или поздно въ настоящемъ своемъ видѣ. — Главныя отличія хорошаго вкуса — нѣжность и исправность.

Предметы насъ окружающіе безчисленны и многоразличны; споль же безчисленны и многоразличны должны бытъ къ намъ и отношенія. — Опредѣлить ихъ совсѣмъ не возможно. Между нѣмъ нѣкошорыя и главныя изъ нихъ замѣчены, по вѣрному, цоспояиному своему вліянію, пакъ какъ Аспрономами изъ безчисленнаго множества звѣздъ, споль великолѣпно испещряющихъ небо, означены и опредѣлены звѣзды величинъ первыхъ. — Таковы суть свойства предметовъ, или возышающія душу нашу, или ее плѣняющія видомъ своимъ очаровательнымъ, или занимающія пріяшно, или возбуждающія спраспъ; онѣ суть слѣдующія: высокое, великое, прекрасное, новое, неожиданное, чудесное, смѣшное, шрогашельное, правильное и спройное въ часпяхъ и въ цѣломъ, Грація, или пріяшность вообще, натуральность, простота, или простодушіе, ясность, и наконецъ почность и живость подражанія, какъ шоржество искуспва. — И сія свойства называющее *эстетическими силами*; онѣ - по будучи подражаемы, производятъ все, чего шолько Спихошворецъ желать можетъ, — очарованіе!...

Какимъ же образомъ производится сіе очарованіе, когда природа даровала стихотворцу, или художнику шаковыя силы на сердца человеческія? —

Безъ дарованій природныхъ не можеть бысть истиннаго художника, стихотворца, оратора. — Три способности души главныя, изъ которыхъ рождаются всѣ таланты писателя; онѣ суть: умъ, воображеніе и чувствительность, легко пробуждающаяся при видѣ предметовъ прекрасныхъ. — Отъ различнаго смѣшенія сихъ способностей происходитъ различіе въ Геніяхъ. Воображеніе и чувствительность господствуютъ въ Поэтахъ; но если умъ не озаряетъ ихъ, то онѣ скоро заблуждаются. Умъ есть глазъ Генія, воображеніе и чувствительность — его крылья.

Воображеніе пламенное, всеобъемлющее, всеоживляющее, дающее предметамъ новый ходъ, новую связь, новыя отношенія и порядокъ, называется *творческимъ*. Чувствительность въ высочайшемъ степени превращается въ энтузіазмъ, восторгъ, миступленіе стихотворное. — Подъ словомъ Генія разумють ученые всѣ способности души,

въ превосходной степени образованныя, возвышенныя, усиленныя всѣмъ тѣмъ, что даетъ наука и спрасъ непреодолимая къ искусству, также ученіе глубокое и трудъ неутомимый. Бюффонъ сказалъ: перцѣніе есть ошецъ Генія. — Память, воспоминаніе, совокупленіе или способность размножать, производить идеи, равно принадлежатъ къ симъ природнымъ способностямъ; это даруетъ природа; но таланты, получаемые съ рожденіемъ, безъ трудовъ также бесплодны, какъ и пруды безъ талантовъ.

Поэтъ долженъ знать свое искусство, свои силы душевныя, дабы лучше ими воспользоваться; долженъ знать орудіе, коимъ онъ дѣйствуетъ, и матеріалъ, коимъ употребляетъ.

Изученіе искусства имѣетъ двѣ отрасли: правила и образцы. Предоставляю другому времени говорить объ нихъ съ болѣею подробностію.

Предварительное познаніе себя своихъ, дѣло необходимое. *Познай самага себя*, начертано было на вратахъ храма Аполлонова. Гораций говоритъ:

„Верите трудъ всегда не выше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судишь себя самихъ;
Какъ съ берега пловецъ объемлетъ пущь про-
спранный,

Вникайте въ свой предметъ и будьте постоянны;
Тогда даруетъ вамъ Пѣриды свѣтлый хоръ
Порядокъ, красоту, пріятношей соборъ.“ —

Сколько бѣдъ произошло отъ того, что
молодые стихотворцы не измѣривъ и не
узнавъ силъ своихъ и способностей, прини-
мались за работы стихотворныя, важныя
и великія! . . . Сколько бѣдъ отъ того на
всю жизнь, что они, не будучи даже рождены
стихотворцами, почитаютъ себя ими! . .
Въ семъ случаѣ доброй другъ и строгой со-
вѣтникъ есть безцѣнное сокровище.

Матеріалъ стихотворца — природа; ее
долженъ изучать онъ съ особливимъ тща-
емъ. Первой, важнѣйшей для него предметъ въ
природѣ есть человекъ; его болѣе живописуеиъ
онъ, и живописуеиъ для него же. Это дѣйстви-
тельно малый міръ: сколь съ безчисленныхъ
сторонъ можно смотрѣть на него, какъ на
человѣка просто, и на человѣка гражданина!
Предметъ неиспощимый и самый прелестнѣй-
шій, занимательнѣйшій! . . .

Какъ и гдѣ лучше познавать людей? Фоншель отвѣщивалъ: изучая себя, я изучаю другихъ. — Впрочемъ и по справедливо, что одного кабинета и книгъ мало, чтобъ узнать людей: надобно ихъ видѣть на мѣхъ мѣстахъ, копорыя они занимаютъ.

Духовную природу челоѡка составляютъ нравы, привычки, склонности, спраспи, добродѣтели, пороки, и все, что опноситея къ законамъ и Религii; вещественная предспавляетъ изученiю Поэта двѣ отрасли весьма изобильныя. Одна есть простая природа, постигаемая наблюдениемъ и опытами; — ея механизмъ, ея явленiя, ея способы; спихотворецъ ихъ не разбираетъ какъ Философъ, но подражаетъ имъ, какъ Поэтъ. — Другая отрасль — природа образованная, или науки и искусства, веъ произведенiя, усилiя ума челоѡческаго, его исторiя, раскрытiе, успѣхи въ краснорѣчii, нравспвенности, Поэзии, Аспрономii и проч. —

Сколько прелестей всегда доставляютъ Поэзии Исторiя, Миеологiя или Θεологiя древнихъ Философовъ!

Опышной, богатой Спихотворецъ обладаетъ не однимъ миромъ наснорящимъ видимымъ:

онъ не ограничиваетъ себя сими шѣнными для него предѣлами; посредствомъ волшебнаго жезла своею фантазіею оживляетъ онъ для насъ міръ прошедшій, творитъ новой возможной, пустынной и опдаленной, котораго еще не существовало. — И пускай творитъ; только бы міръ сей обворожалъ насъ, какъ существующій, намъ чуждый и нами знаемый.

Орудіе Эпихопворца есть языкъ; онъ долженъ быть ему послушенъ; онъ долженъ быть подобенъ воску, изъ котораго лѣпимъ мы фигуры, какія намъ угодно. Изученіе языка многотрудно и обширно! Можно сказать, что оно требуетъ великаго, особеннаго врожденнаго таланта. — Живописецъ знаетъ всѣ свои краски; но набросать краски, не значитъ еще быть живописцемъ. — Искусство почтеннѣйшее, предполагающее труды, изслѣдованія и наблюденія цѣлой жизни или паче цѣлыхъ вѣковъ! — ибо оно измѣняется, растетъ и образуется вмѣстѣ съ поколѣніями и переворотами народовъ! Тайнственная Изида осматривается и теперь подъ покрываломъ; эту эмблему природы можно нѣкоторымъ образомъ ошче-

ши и къ тайнствамъ языка; ибо онъ не что иное; какъ портретъ ея мысленный и видимый.

Прекрасно; усладительно; полезно; но въспѣ и чрезвычайно трудно испытаніе природы: сполько же пріятно и важно испытаніе неизслѣдимаго лабиринта языка и Словесности; но — можетъ быть, еще труднѣе. Изучить природу одного человѣка есть великое, доселѣ несовершенное дѣло! — Природа постоянна и непремѣнна въ своихъ дѣйствіяхъ; но кто опредѣлитъ безчисленные измѣненія мысли и слова, которые, будучи въ самомъ дѣлѣ духовнымъ изображеніемъ видимаго міра, кажутся, не принадлежатъ уже къ сему міру, какъ нѣчто небесное, совершеннѣйшее?

Мысль и слово озарили минувшее, уже умершее: разбираютъ и судятъ настоящее, и въ нѣкоторомъ отношеніи, весьма върномъ, обладаютъ и безпредѣльною будущностію; онъ по сунѣ лѣспвица, по которой человѣкъ восходитъ къ совершенству, въ лоно Отца своего безсмертнаго. — Таковъ нашъ предметъ, П. С., Вы, которые благоклонными своими ющеніями и ободрительнымъ вниманіемъ

столь много способствовали. А способствуете
 посильнымъ нашимъ успѣхамъ, удовлетво-
 ря съ одной стороны попечительнымъ
 видамъ и намѣреніямъ радующаго о со-
 совершенствованіи Россійскаго слова Прави-
 тельства, и вмѣстѣ следуя благороднымъ,
 патріотическимъ внушеніямъ сердецъ сво-
 ихъ! —

Таково наше поприще, друзья Сочлены!
 Обращая на него взоры свои, не возможно не-
 исполниться нѣкопороге сладостнаго воспор-
 га, вдохновенія небеснаго, утѣшительнаго.
 Мы сами, по собственному своему произволу,
 возложили на себя свои обязанности; слѣдо-
 вательно труды наши должны быть намъ
 любезны: они — избраніе и наслажденіе соб-
 ственнымъ нами вкусомъ; они — чистое удо-
 вольствіе. — Мы не имѣемъ въ предметѣ ни
 наградъ, ни корысти, ни почестей, копо-
 рья предшествоуютъ столь часто занятіямъ
 человеческимъ; предметъ нашъ одинъ: это
 польза языка опечесшвеннаго. — Награда —
 его сила и слава: утѣщеніе наше соспоишь
 въ томъ, если возможемъ мы хотя нѣсколько
 способствовать образованію Словесности,

если скажутъ соотечественники наши: Общество Любителей языка Русскаго спрудилось не шщешно; оно ускорило наши успѣхи, — оно открыло новые пути и средства къ дальнѣйшему его совершенствованію. — Всякія другія занятія по службѣ и по дѣламъ, будучи соединены болѣе, или менѣе съ непріятностями и бездокойствами, зависятъ отъ обстоятельствъ и отношеній запруднительныхъ; въ копорыхъ иногда мы принуждены бываемъ жертвоватъ самыми любезными движеніями нашего сердца; своею волею, и даже свяшою любовію къ роду и добродѣтели. Здѣсь, на скромной спезѣ нашей, мы отдѣлены отъ всѣхъ прихотей свѣта. Мы наблюдаели его поспоронніе, мѣ друзья и судіи другъ другу, мы пребуемъ отъ свѣта благосклоннаго шокмо вниманія: слѣдовательно чужды всѣхъ спрасней мучительныхъ, измѣнъ часпо вѣроломной надежды и медленно снѣдающей боязни и сего ужаснаго змія, копорый въ глубинѣ сердець пишаешся завистию, ненавистию и чесплюбіемъ.

Дружесство соединило наши руки; оно управляетъ нашими работами. — Такъ же-

спвуете вы къ шайнственному храму вкуса и благодатныхъ познаній, предводимые скромною, наблюдательною, благоразумною и безприспрасшною крипикою, и наконецъ перпнїемъ, которе ничего не спрашился, свѣплыми очами взираетъ на шрудноспь и безпредѣлность пупи, и ни на что не успремляетса опромешчиво. — Какъ сладостно воображатса, что по сему же пупи шекли вѣкогда Аристотели, Цицероны, Квинтилианы, Блеры, Ломоносовы, увѣчаные лучами безсмертія и благодарноспію своихъ согражданъ! Въ совершеніи шрудовъ ихъ совершалась судьба языковъ опечешвенныхъ, сія прочная основа славы народной, самымъ бурямъ времени не подвластная! Да будущіи сіи примѣры и сія высокая цѣль всегда душою нашего честолобія и свяшою наградою всѣхъ дней нашей жизни!

А. Мерзляковъ.

РАЗСМОТРѢНІЕ

*Оды Ломоносова: Утреннее размышле-
ніе о Божіемъ величествѣ.*

Милоспивые Государи!

Честію, копорою вы удоспоили вашихъ
Сотрудниковъ, меня и почтеннаго моего по-
варища Сергѣя Гавриловича Саларева, вну-
шаеиъ въ сердце наше чувство искренней
признапельности, копорую изъясниъ вамъ
почишаемъ первою обязанностію при начати,
на новомъ поприщѣ, новыхъ трудовъ, должен-
ствующихъ оправдати нѣкогда вашу надежду
и вашъ выборъ. Званіе Дѣйспвипельныхъ
Членовъ Общества Любителей Россійской Сло-
весности лестно для насъ и важно. Но
ми еще не успѣли заслужииъ его своими
трусами по слабости — не ревности нашей, а
силъ. Вашъ выборъ естъ знакъ того благошвор-
наго ободрѣнія, копорое оказываетъ Меце-
намъ питомцу Музъ, провидя въ опдаленной
Книжка XIX. Д

будущности его успѣхи. Священное Научное Московское Университетское, котораго назидательными уроками мудрости пользовались мы отъ юныхъ дней нашихъ, не имѣетъ ли права требовать отъ насъ приумноженія вѣреннѣйшихъ намъ талантовъ? Отечество, столь щедро расщепляющее всѣ пособія къ обогащенію ума нашего полезными знаніями и просвѣщенію сердца чистую нравственностію, столь ревностно споспѣшествующее развитію нашихъ способностей, не ожидаетъ ли отъ насъ плода, достойнаго своихъ попеченій? — Такъ! мы должны оправдать надежду Общества, котораго именуемся Членами, надежду Отечества, даровавшаго намъ нравственное и гражданское бытіе. Чѣмъ выше и почтеннѣе званіе, тѣмъ ревностнѣе должно быть служеніе. Но чувствуя слабостъ силъ нашихъ, мы почтемъ и то, за великое счастье, когда можемъ, подобно пчелѣ Крылова, сказать:

Родясь пчурды для общей пользы несуть,
 Не отличать ищутъ моей работы;
 Но ушѣшаюся, смотря на наши соты,
 Чшо въ нихъ и моего, хоть капля, меду есть.

Позвольте мнѣ, Мм. Гг., занять ваше вниманіе разсмотрѣніемъ Оды Ломоносова: Упреннее размышленіе о Божиѣмъ величествѣ. Кому же изъ васъ не извѣстенъ упренній гимнъ Богу — превосходнѣйшее произведеніе великаго нашего Пѣснопѣвца? Кто не восхищался его красотою и не чувствовалъ благоговѣйнаго умиленія, внимая Божественную пѣснь, достойную Царственнаго Пророка? Что могу я присовокупить къ вашему чувству? Нѣтъ! воспоминаніе о незабвенномъ Ломоносовѣ; въ бесѣдѣ образователей отечественнаго слова, идущихъ по слѣдамъ безсмертнаго своего предшественника, извлекаюга языкъ Россійскій изъ мрака неизвѣстности, дополь чуждый иноземцамъ, дополь сокрытый отъ глазъ соотечественниковъ, подобно золоту, въ земныхъ недрахъ заключенному — воспоминаніе великихъ и славныхъ трудовъ, для пользы и чести нашей имъ совершенныхъ, всегда сладостно, всегда утѣшительно. Такъ, бесѣдуя о любимомъ чловѣкѣ, разлученномъ съ нами судьбою, мы не можемъ наговориться о прошедшихъ дняхъ радости; кажется; видимъ любезное намъ лице его, слышимъ

Д 2

дружественный гласъ его — и забываемъ, что онъ не съ нами. Чтеніе Оды Ломоносова доставляло мнѣ сладчайшія минуты въ моей жизни. И нынѣшній день, когда имѣю счастье въ первой разѣ засѣдать въ кругу вашемъ, Почтеннѣйшіе Мужи! мнѣ приятно возобновить въ душѣ моей то впечатлѣніе, которое производила во мнѣ лира Ломоносова, усугубить радостное торжество мое благоговѣйнымъ чувствомъ къ праху основателя нашего Парнасса. Съ первыхъ лѣтъ моей юности ему я обязанъ любовію къ языку опечесивенному; отъ него учился я познавать красоту, богатство, великолѣпіе, силу Россійскаго слова. Ему посвящаю первый мой трудъ въ новомъ званіи.

Уже прекрасное свѣщило
 Простерло блескъ свой по земли —
 И Божія дѣла открыло.
 Мой духъ! съ веселіемъ вступи!
 Чудяся ясымиъ споль лучамъ,
 Представъ, каковъ виждишель самъ!

Когда бы смертнымъ споль высоко
 Возможно было возлѣтѣшь,
 Чпобъ къ солнцу бренно наше око
 Могло, приближившись, возрѣшь —

Тогдабъ со всѣхъ открылся спранъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы спремяся
И не находящъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутящся,
Боряся множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипящъ;
Горящи шамъ дожди шумящъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О сколь пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже! возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты шворишь намъ повелѣлъ.

Отъ мрачной нощи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору моему открылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть;
Великъ Зиждитель нашъ, Господь! —

Свѣпило дневное блистаетъ
Лишь полъко на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проникаетъ;
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лещся радость твари всей.

Творецъ! покрывшему мнѣ птьмою
Прости премудрости лучи

И, что угодно предъ Тобою,
 Всегда творити научи,
 И, на Твою взирая пварь,
 Хвалишь Тебя, безсмертный Царь!

Планъ Оды прослѣ и натуральнѣ. Солнце взошло и освѣтило вселенную. Такое начало, величественное въ самой простотѣ своей, даетъ тонъ цѣлому стихотворенію. Въ немъ господствуетъ умѣренный восторгъ и благоговѣйное чувство Поэта, разсмапривающаго природу наблюдательнымъ окомъ мудреца глубокомысленнаго. Удивленіе, произведенное въ немъ красотою солнца, раждаетъ мысль, которая весьма натуральнымъ образомъ должна предсавившоя уму: ежели твореніе блистаецъ такою свѣтлостію и великолѣпиемъ, то каковъ долженъ быть самъ Творецъ! Воображеніе возноситъ Поэта къ тому горнему предѣлу, откуда изливается на землю благодѣтельный огонь и свѣтъ — и что же предсавляется изумленному его взору?

Горящій вѣчно океанъ.

Описание сего огненнаго моря, безбрежнаго, вѣчно волнующагося, буруемаго пла-

менными вихрями, ужасно и величественно. Но какой священный препетв объемлет душу, когда Ломоносов произносит слово *искра!* Сей океан вѣчнаго огня и свѣща есть искра предъ Тобою, о Боже! Это слово тѣмъ поразительнѣе, что слѣдуетъ потчасъ послѣ великолѣпнаго изображенія солнца. Какъ! уже ли сіе лучезарное свѣшило, изливающее жизнь на милліоны цварей, есть искра? . . . Не лѣзя лучше изобразить величества Божія: одною черпою Ломоносовъ описалъ непоспигаемаго Творца вселенныя! У Державина находишся подобное мѣсто, превосходное подражаніе превосходному оригиналу:

Какъ въ ясный, мразный день зимой
 Пылинки инея сверкають,
 Врашяются, зыблются, сіяють —
 Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой!

Но для кого Творецъ возжегъ въ небесахъ сіе свѣшило? Для насъ,

Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
 Что Ты шворишь намъ повелѣлъ.

О! какую благодарностию исполняется сердце наше за шоликія благодѣянія Всещедрого Бога!

Пятая строфа представляет образец искусственного беспорядка, свойственного лирической Поэзии. Поля, горы, моря, леса, вышедшие из ночного мрака, являющиеся взору, исполненные чудес Божих. Казалось бы, сия картина должна помещена быть после первых стихов Оды :

Уже прекрасное свѣсило
 Простерло блескъ свой по земли —
 И Божія дѣла открыло.

Но Ломоносову земная поверхность не могла открыться иначе, какъ съ той высоты, до которой вознесло его воображеніе. Онъ обращаетъ свой взоръ отъ солнца на дольний міръ, и видитъ подъ собою разнообразную картину чудесъ Божихъ — пространныя равнины, высокія горы, обширныя моря, великія леса, озаренныя лучами небснаго свѣтла, слышитъ ликование подсолнечныхъ тварей, радостно празднующихъ новое утро. Ихъ благодарственные гласы сливаются въ одинъ торжественный кликъ благоговѣннаго воспора :

Великъ Зиждитель нашъ, Господь !

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ въ прѣтѣмъ стихѣ сей спрофы вмѣсто: и взору моему, сповѣтъ нашему, По моему мнѣнію, первому слову должно дать преимущество. Ролень замѣчаетъ, что переводъ Моисеевой пѣсни: *Поимъ Господевиз славно бо прославися* — ослабляетъ силу подлинника, который начинается словомъ *пою*. Единственное число представляетъ весь Израильскій народъ въ лицѣ одного Моисея, одушевленный однимъ чувствомъ радости и благодарности. И здѣсь взоры всего человѣческаго рода, усмреленныя на красоту земли и неба, совокупляются въ одинъ взоръ Поэта, воспламененнаго чувствомъ удивленія и благоговѣнія къ Создателю.

Погруженный въ священныя размышленія о величествѣ Творца вселенныя, Спихоповрецъ сравниваетъ сіе солнце, изъ небытія рожденное и долженствующее нѣкогда обратиться паки въ прежнее ничтожество, съ Онимъ превѣчнымъ Солнцемъ, отъ единого луча Котораго зажглись безчисленные міры, украшающіе швердь небесную. Сравненіе красиво, сильно и разительное. Свѣшало дневное озаряетъ только поверхность щѣль; но взоръ Твой, о Боже! проникаетъ въ сокро-

венную глубину и безпредѣльную бездну. Нельзя не замѣшить сихъ прекрасныхъ и прогнательныхъ стиховъ:

Опъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость швари всей.

Это языкъ сыновней любви, извѣяющей свои чувства чадолюбивому отцу въ самыхъ вѣжныхъ выраженіяхъ.

Ода заключается молитвою къ Богу, къ Солнцу правды, да озаритъ Оно нашу душу, помраченную тьмою невѣденія лучемъ Божественнаго свѣта, небесной мудрости. Молитва имѣетъ весьма близкое и натуральное отношеніе къ главному предмету, къ солнцу. Стихотворецъ описываетъ упрѣ: природа вышла изъ ночнаго мрака и сіяетъ красою. Озари и меня, о Боже! свѣтомъ истины, да съ чистою, обновленною душою буду удивляться чуднымъ дѣламъ рукъ Твоихъ и прославлять Твою премудрость, всемогущество и благость!

Одно изъ главныхъ достоинствъ сей Оды есть *единство*, которое спрочайшимъ образомъ соблюдено въ цѣломъ и въ частяхъ. Нѣтъ ни одной посторонней идеи, ни одной

мысли далекой, ни одной черпты лишней. Вся описанія, всё изображенія клонятся къ одной цѣли — предсавить величество Бога. Предметъ Оды есть солнце: отъ начала до конца оно въ глазахъ нашихъ. По мѣрѣ восхожденія его на высоту горизонта земная поверхность болѣе и болѣе озаряется свѣтомъ: такъ и величество Божіе постепенно возвышается въ продолженіи Оды; благоговѣніе Поэта возрастаетъ; восторгъ усиливается и наконецъ изливается молишвою.

Другое достоинство Оды состоитъ въ соблюденіи степени восторга. Я замѣтилъ выше, что въ ней господствуетъ благоговѣнное чувство, которое по натурѣ своей должно родить восторгъ тихій, умѣренный, и потому Ломоносовъ назвалъ свою Оду *размышленіемъ*. Отъ начала до конца соблюдено единство чувства: восторгъ нигдѣ не ослабѣваетъ и нигдѣ не доходитъ до испупленія; ходъ его ровный, величественный, постепенно возвышающійся; нѣтъ сильныхъ порывовъ страсти и полета спремительнаго. Стихотворецъ спокойно удивляется величію Бога и восхищается красотою утра. Такой

нонѣ весьма приличенъ упренному гимну. — Ода есть изліяніе восторга отъ полнощы и избытка чувствъ. Сіе состояніе духа продолжительно быти не можетъ: *animorum incendia*, говоритъ Цицеронъ, *celeriter restinguuntur*. Какъ скоро истощился восторгъ, и Ода должна кончиться. Ничѣмъ лучше нельзя заключити упренняго размышленія о Божіемъ величествѣ, какъ молитвою; вся Ода настраиваетъ, приготовляетъ къ ней душу. При томъ строго соблюдена должная связь съ предыдущимъ. Взоръ Твой проникаетъ во внутренность существъ: проникни и мою душу лучами премудрости, и проч.

Говоришь ли о недостаткахъ разсматриваемаго мною стихотворенія? Они не важны и при блескѣ многихъ красотъ цѣлостическихъ исчезаютъ подобно ночнымъ тѣнямъ, разгоняемымъ лучами солнца, изображеннаго Ломоносовымъ. Но осмѣлившись принять на себя важную, трудную и спороую должность критика, я обязанъ указать и погрѣшности, которыя однакожь болѣе относятся къ языку его времени, нежели къ мыслямъ.

Въ первой строфѣ эпитетъ солнца *прекрасной*, кажется, неприличенъ въ высокомъ слогѣ, споль величественному свѣпилу, изображенію самаго Бога. Во второй стихѣ:

Простерло блескъ свой по земли, кромѣ негладкости слоупосложенія, неправильная метафора: *простерло* блескъ. Проспираться могутъ лучи, а блескъ разсыпается.

Мой духъ! съ веселіемъ *внемли!* Стихотворецъ хотѣлъ сказать: *взираи, разсматривай.*

Во второй строфѣ нѣтъ полноты выраженія: брнное наше око, иривлижившись къ солнцу, могло воззрѣть — на что? на кого?

Въ третьей строфѣ что разумѣешь Стихотворецъ въ стихѣ:

Тамъ камни, какъ вода, кипятъ!

Не хотѣлъ ли онъ чрезъ сіе изобразить дѣйствіе сильнаго, жестокаго огня, который самыя твердыя камни превращаетъ въ прахъ? Въ этой строфѣ виденъ не одинъ Поэтъ, но и испытатель природы, которымъ дѣйствительно былъ Ломоносовъ.

Въ четвертой строфѣ солнце, которое воображенію Стихотворца представляется огненнымъ моремъ, названо ужасною *громадою*. Громада есть куча твердыхъ швъ, а не собраніе жидкости.

Какъ искра предъ Тобой одна.

Одна, слово лишнее: оно ни мало не уменьшаетъ ничтожества солнца предъ Богомъ и не возвышаетъ величества Божія. — *Пресветлая лампада* — выраженіе не циническое; но подъ сею одеждою скрывается высокая мысль. Она напоминаетъ первобытный хаосъ, покрытый непроницаемою тьмою до той минуты, когда всемогущее Слово: *да будетъ свѣтъ!* зажгло въ небесахъ сію лампаду, освѣтившую мірозданіе. Вселенная представляется нѣкоторою огромною храминою, въ которой виситъ горящая лампада. Нѣкогда она погаснетъ — и встанетъ вечная ночь!

Въ пятой строфѣ, гдѣ Стихотворецъ видитъ подъ ногами своими земную поверхность, освѣщенную лучами солнца, надлежало бы, вмѣсто *бугры*, сказать *горы*, и вмѣсто единственнаго числа *лѣсъ* — *лѣса*; ибо

взору Поэта открылась обширная часть земли, на которой онъ видѣлъ не бугря поляхо и не одинъ лѣсъ.

Наконецъ, въ шестой строфѣ замѣчу послѣднюю ошибку: солнце *блистаетъ на поверхность* тѣль. Неправильное выраженіе вмѣсто *на поверхности*; а слово *лишь* — лишнее.

Безъ сомнѣнія Ода сія принадлежитъ къ лучшимъ лирическимъ произведеніямъ нашего Поэта; а по своему высокому предмету, богатству воображенія, силѣ чувства, строгому соблюденію единства и восторга, занимаетъ первое мѣсто въ его стихотвореніяхъ. Присовокупите къ тому удивительную красоту и полноту. Величество Бога живо изображено въ немногихъ чертахъ; все сказано; ничего не лѣзя опдѣлять и прибавить.

Извѣстно, что нѣкто Лемьеръ перевелъ сію оду на Французскій языкъ стихами же, и присвоилъ себѣ честь превосходнѣйшаго произведенія ума и воображенія. Лагарпъ въ письмѣ своемъ къ Лакомбу открылъ ученому свѣдѣнію имя подлиннаго Автора и возвратилъ

безсмертному нашему Ломоносову славу, не
право похищенную Французомъ.

Можетъ быть, нѣкоторыя изъ Чипташе-
лей нашихъ Трудовъ пожелаютъ видѣть Лемь-
ерову Оду и сличить ее съ Рускимъ подлин-
никомъ. Для нихъ я предлагаю Французской
переводъ съ опзывомъ Лагарпа. „Въ етомъ
подражаніи, которое, говоритъ онъ, вообще
могло бы лучше быть обрабопано, есть очень
хорошіе стихи. Упреннее размышленіе о
Божіемъ величествѣ показываетъ, что Г. Ло-
моносовъ имѣлъ возвышенность въ мысляхъ,
обиліе въ словъ и одушевленъ былъ огнемъ
пійшическимъ.“ — Въ Лемьеровой Одѣ недо-
стаетъ послѣдней строфы подлинника.

Déjà l'astre du jour s'est emparé du ciel
Et lance par faisceaux ses rayons sur la terre,

Et je decouvre à sa lumière

Les prodiges, sortis des mains de l'Eternel.

Mon ame ! élance - toi vers cette clarté pure,

De portes du matin admire la nature

Et remplis - toi de son Auteur !

Ah! si nos yeux pouvaient, sans blesser leur paupière,

Approcher du soleil, contempler sa splendeur,

Et s'enfoncer dans sa lumière,

Ils ne verraient qu'un océan des feux,

Qui ne rencontre aucuns rivages,
 Et dès la naissance des âges,
 Embrasant les plaines des cieux.
 La pierre se dissout, bouillonne avec furie
 Au sein de ces foyers ardents :
 La flamme roule des torrens ;
 La lumière par flots jaillit et tombe en pluie.
 C'est aux clartés de tant de feux divins
 Que marchent les saisons, qu'agissent les humains.
 Mais, Grand Dieu ! cet amas de lumière éternelle,
 Qu'est-il devant Tes yeux ? A peine une étincelle.
 Ce disque, dont Tes mains ont arrondi les bords,
 Dont jamais les feux ne s'épuisent,
 Colore seulement la surface des corps,
 Où ses rayons se brisent.
 Ton oeil plus pénétrant perce leurs profondeurs,
 Réunit sous un point les déserts de l'espace.
 Il ne parcourt pas, il embrasse,
 Et du même regard il sonde tous les cœurs.

Петръ Калайдовичъ.

КОРНИ и ИЗМѢНЕНІЯ СЛОВЪ.

I.

Сію роспись словъ Рускихъ и иностранныхъ, болѣе или менѣе сходныхъ между собою въ произношеніи, сдѣлалъ я только для опыта. Но еслибъ знающіе свой и чужеземные языки захотѣли принять на себя трудъ отыскивать такіа же, хотя отдаленныя сходства, и успѣли набрать ихъ большое количество, то такое собраніе могло бы гораздо облегчить изученіе языковъ. Сбереженное же тѣмъ время, самая лучшая часть жизни человѣческой, могло бы употреблено быть на приобретеніе наукъ и искусствъ полезныхъ. Почему надѣюсь, что хотя сей трудъ мой съ перваго взгляда можетъ показаться малозначущимъ, но намѣреніе и желаніе, для кото-

раго онъ былъ предпринятъ, будущъ одобренъ Любителями слова. Впрочемъ я не утверждаю, чтобы мы или иностранцы заимствовали сіи слова одни отъ другихъ, хотя нѣкоторыя Рускія могутъ очень легко быть произведены отъ Нѣмецкихъ и служить подтвержденіемъ историческихъ дѣяній и рода связей, въ какихъ предки наши состояли съ Германцами. Напротивъ думаю, что такія сколько нибудь сходныя слова переняли наши предки и иностранцы у старинныхъ народовъ, которыхъ языки теперь мало известны, и передѣляли ихъ, какъ кому способнѣе показалось, по привычкѣ своего произношенія. Напоследокъ долженъ я замѣтить, что изъ сей росписи исключены въ недавнемъ времени вошедшія иностранныя выраженія, каковы суть Генераль, Артиллерія и пр., также слова до наукъ, искусствъ и художествъ относяціяся. Онъ явно носятъ на себѣ печать иностранныхъ и всѣмъ довольно известны.

Е а

Собраніе словъ, по произношенію сходныхъ съ иностранными.

Рускія	Латин.	Франц.	Англійс.	Нѣмецк.	Греч.
Алифа	—	olive	—	—	—
Баба	—	—	wife	Weib.	—
Баня	balneum	bain	bath, bagnio	Bad.	—
Баринъ, бояринъ	—	Baron	Baron	Baron.	—
Барка	—	barque	bark	Barke.	—
Баша	pater	—	father	Vater.	—
Биржа	—	bourse	bourse (exchange)	Börse.	—
Блекнуть	—	—	forwelk	welken.	—
Блескъ	—	—	—	Blis.	—
Блестать	—	—	—	blizen.	—
Бочка	—	—	bucket	Bottich.	—
Брада, борода	barba	barbe	beard	Bart.	—
Братъ	frater	—	brother	Bruder.	—
Брови	—	—	eye brows	Augenbraunen.	—
Брюхо	—	—	—	Bruch.	—
Буравъ	—	—	—	Bohrer.	—
Быть	—	—	to be	—	—
Вага	—	—	weight	Wage.	—
Вайда	—	—	woad	Waide.	—
Вакса, воскъ	—	—	wax	Wachs. Wachs.	—
Валять	—	—	—	watfen.	—
Ванна	—	—	—	Wanne.	—
Ваша	—	—	ouate	Wate.	—
Вдова	vidua	veuve	widow	Wittwe.	—
Вертоградъ	—	jardin	garden	Garten.	—
Вешій	vetus	—	—	—	—
Вижу	video	—	—	—	—

Рускія	Латин.	Франц.	Англійс.	Нѣмецк.	Греч.
Вино	vinum	vin	wine	Wein.	
Вирша	versus	vers	verse	Verse.	
Високосъ	bissextus	bissexte	—	—	
Гай (роща)	—	—	—	Hayns	
Гакovníца	—	arquebu- se	arquebu- se	Hak-n- büchse.	
Бкусъ	gustus	goût	—	—	
Вода	—	—	water	Wasser.	
Волна	—	—	wave	Welle.	
Волъ	—	—	bull	Bull.	
Вѣю	—	—	—	wehen.	
Боля	voluntas	volonté	will	Wille.	
Вѣмъ	—	—	—	wissen.	
Верчу	verto	—	—	—	
Гзымсъ	cumatium	cumaise	the se- ams	Gessms.	
Глошаю	glutio	englou- tir	—	—	
Глотка	glutus	—	—	—	
Глыба	gleba	glebe	clod	Kloß.	
Гнѣздо	nidus	nid	nest	Nest.	
Гость	hostis	hôte	guest	Gast.	
Голдъ	—	—	holder	—	
Госпъ	hospes	—	husband	—	
Грубъ	—	—	—	grob.	
Граду	gradior	—	—	—	
Гусъ	—	—	goose	Gans.	
Дарю, даю	dare, da- to	—	—	—	
Два	duo	deux	two	zwei.	
Дверь	—	—	door	Thüre.	
День	dies	—	day	Tag.	
Десмый	dexter	—	—	—	
Доабъ	—	—	—	Thal.	
Домашній	domesti- cus	domesti- que	—	—	
Домъ	domus	—	—	—	
Дручу, уа- ручаю	—	—	—	brücken.	

Рускія	Латин.	Франц.	Английс.	Нѣмец.	Греч.
Дочь	—	—	daughter	Tochter.	
Доска, доска	—	—	desk	—	
Дѣшло	—	—	—	Reichsel.	
Дѣлю	—	—	—	theilen.	
Дѣю	—	—	do	thun.	
Дюжина	—	douzaine	dozen	Duſend.	
Дюймъ	—	—	—	Daum.	
Емлю	—	—	—	nehmen.	
Жена	—	—	—	—	
Замура- вишься	—	—	—	sich ein- mauern.	γυρνῶ
Звѣрь	—	—	—	Thier.	
Зобъ	—	jabot	—	—	
Зрю	—	—	to see	sehen.	
Иго	jugum	joug	yoke	Yoch.	
Игла	—	aiguille	—	—	
Иду	ito	—	—	—	
Илемъ	ulmus	—	elm-tree	U'm.	
Имя	nomen	nom	name	Nahme.	
Истый	iste	—	—	—	
Ищу и Ма- лорос. шу- каю	—	—	—	suchen.	
Калкунъ	—	—	—	Kalk- buhn.	
Капуста	—	—	cabbage	Kappis- krut.	
Карета	—	charette	chariot	Karren.	
Карибъ	—	car, e	—	Karpfen.	
Койка	quies	coi	quiet	—	
Карша	charta	charte	cards	Karte.	
Кашатъ	—	catir	—	—	
Каркаю	crocio	—	crow	—	
Келія	cella	cellule	monks cell	Zelle.	
Кисть	—	—	—	Quast.	
Китъ	cete	—	—	—	
Клей	gluten	glu	glue	Leim.	

Рускія	Латин.	Фран.	Англійс.	Нѣмец.	Греч.
Длокѣ	flossus	floc, flo con	flock	Flod.	
Клепаю , хлопаю	—	claquer	clap	klopfen , klappern.	
Клоно	olino	—	—	—	
Клубѣ	globus	globe	—	—	
Коверѣ, ки- верѣ	—	—	cover	—	
Кокушка	—	coucou	cuckoo	Gukul.	
Конопель	cannabis	—	—	—	
Коробѣ	—	—	—	Korb.	
Кошелѣ	—	—	kettle	Kessel.	
Кошѣ	—	chat	cat	Kater.	
Краса	gratia	grâce	—	—	
Красна , корошна	—	—	—	Krüge.	
Краткій	curtus	court	short	Kurz.	
Крахмалѣ	—	—	—	Krafft- mehl.	
Крестѣ	cruх	croix	cross	Kreuz.	
Крюкѣ	—	crosse	—	Krücke.	
Кривой	curvus	—	crooked	krumm.	
Кровашѣ	—	grabate	—	—	
Клюка	—	—	—	Krücke.	
Кружка	—	cruche	cruse , crook	Krug.	
Куль	culcus	—	—	—	
Купую, по- купаю	—	—	—	Kaufen.	
Куфа	—	—	—	Kufe.	
Кухня	—	—	—	Küche.	
Лагуиѣ	lagena	—	—	—	
Лаконный	—	—	—	lederhaft.	
Лампада	—	lampe	lamp	Lampe.	
Лгу	—	—	to lie	Lügen.	
Левѣ	leo	lion	lyon	Löwe.	
Легкій	levis	leger	light	leicht.	
Лежу ,	—	—	to lie	liegen.	
Ленѣ	linum	lin	line	Lein.	
Ляце	—	—	—	Antlig.	

Рускія	Латин.	Франц.	Англійс.	Нѣмец.	Греч.
Лира	lyra	lyre	lyre	Lyra.	
Договъ	—	—	—	Lager.	
Луда	ludus	—	—	—	
Лудить	—	—	—	löthen.	
Люба	lubet	—	—	lieb.	
Ложу	—	—	—	legen.	
Лосось	—	—	—	Lachs.	
Луна	luna	lune	—	—	
Лѣвый	laevus	—	left	—	
Люблю	—	—	to love	lieben.	
Люди	—	—	—	Leute.	
Люпня	—	luth	—	Leute.	
Мнѣ	minus	moindre	—	—	
Мантія	mantelus	manteau	mantle	Mantel.	
Мастеръ	magister	maitre	master	Meister.	
Матерія	materia	matière	matter	Materie.	
Матерь	mater	mere	mother	Mutter.	
Мачша	—	mat	mast	Mast.	
Медъ	—	—	—	Metz.	
Мельница	mola	moulin	mill	Mühle.	
Мелю	molo	—	to mill	mahlen.	
Малюю	—	—	—	mahlen.	
Миного	—	—	—	Neunau- gen.	
Млеко, мо- локо	—	—	milk	Milch.	
Мню	—	—	mean	meinen.	
Могу	—	—	to may	mögen.	
Можжиръ	—	—	—	Mörser.	
Мочь	—	—	might	Macht.	
Моха	musca	mouche	—	Mücke.	
Мой	meus	mon	mine	mein.	
Мопсѣ	—	—	—	Mops.	
Море	mare	mer	—	Meer.	
Морда, ш. е. кусало	mordeo	—	—	—	
Мохъ	muscus	mousse	mos	Moos.	
Муха	musca	mouche	—	—	
Гру	morì	mourir	—	—	
Мышо	—	maltôte	—	Mauth.	
Мышь	mus	—	mouse	Maus.	

Рускія	Латин.	Фран.	Английс.	Нѣмец.	Греч.
Мета	meta	—	—	—	—
Мѣшаю	misceo	—	to mix	miscen.	—
Новый	novus	nouveau	new	neu.	—
Нагій	—	—	naked	nackend.	—
Ноготь	unguis	ongle	nail	Nagel.	—
Носъ	nasus	nez	nose	Nase.	—
Ноздри	nares	narines	nostrils	—	—
Ночь	nox	nuit	night	Nacht.	—
Нынѣ	nunc	—	now	nun.	—
Обытаю	habito	habiter	inhabit	—	—
Образъ	—	—	—	Abriß.	—
Овца,	ovis	—	—	—	—
овенъ	—	—	—	—	—
Овощъ	—	—	—	Obst.	—
Одѣтъ	—	—	—	Haupt.	—
Огонь	ignis	—	—	—	—
Огурецъ	—	—	—	Gurke.	—
Око	oculus	oeil	eye	Auge.	—
Орю	orare	—	—	—	—
Оседл	asinus	—	—	—	—
Ось	axis	axe	axis	Achse.	—
Охлю	—	—	—	â hgen.	—
Оцетъ	acetum	—	—	Ësig.	—
Пава	pava	paon	—	Pfau.	—
Пазуха	—	—	—	Buse.	—
Палашы	palatium	palais	palace	Pallast.	—
Палецъ,	—	pal	pale	Pfahl.	—
палка	—	—	—	—	—
Пара	par	paire	paire	Paar.	—
Пасу	pasco	paitre	—	—	—
Пастырь	pastor	pasteur	—	Pastor.	—
Пеку	—	—	becke	baden.	—
Пеня	poena	peine	pain	—	—
Печать	—	—	—	Petschaft.	—
Пила	—	—	file	Feile.	—
Пламя	flamma	flamme	flame	Flamme.	—
Плаха	—	—	—	Flach.	—
Плешу	—	—	plait	flechten.	—
Плещу	—	—	—	plätschen.	—

Рускія	Латин.	Франц.	Англійс.	Нѣмец.	Греч.
Площадь	—	place	place	Platz.	
Плугъ	—	—	plough	Pflug.	
Поганый	paganus	pauen	pagan	—	
Полный	plenus	plein	full	voll.	
Понеже	pone	—	—	—	
Постъ	—	—	fast	Fasten.	
Пить	bibo	—	—	—	
Правый	probus	brave	brave	brav.	
Пробка	—	—	—	Pfropf.	
Повелѣть	—	—	—	befehlen.	
Позволишь	—	—	—	bewilligen.	
Покъ	—	—	—	Wolk.	
Прыщъ	—	—	—	springen.	
Пудъ	pondus	—	pound	Pfund.	
Пуля	—	boule	—	—	
Платье	—	—	blade	Blatt.	
Пенизь	—	fenin	pence	Pfenning.	
Пѣшиѣ	pedes	—	—	—	
Рама	—	rame	frame	Rahmen.	
Ратуша	—	—	—	Rath-	
				haus.	
Ребро	—	—	rib	Rippe.	
Ремень	—	—	—	Riemen.	
Рѣпа	rapa	rave	rape	Rübe.	
Рисую	—	—	—	reißen.	
Рожь	—	—	—	Roggen.	
Роса	ros	rosée	—	—	
Роша	—	—	rout, rot	Notte-	
Рыгаю	ructo	—	—	rüpfen.	
Рыцарь	—	—	—	Ritter.	
Рубь, руби-	—	robe	—	—	
ще	—	—	—	—	
Руль	—	—	rudder	Ruder.	
Сабля	—	sabre	—	Säbel.	
Сажать	—	—	to set	setzen.	
Самъ	—	—	same	—	
Сакъ, са-	saccus	sac	sake	Sack.	
чокъ	—	—	—	—	

Русскія	Латин.	Фран.	Английс.	Нѣмец.	Греч.
Сахаръ	saccharum	succe	sugar	Zucker.	
Свекоръ	socer	—	—	—	
Слекровъ	socras	—	—	—	
Свинья	—	—	swine	Schwein.	
Сыпшишь	saturō	saturex	—	fättigen.	
Свящый	sanctus	saint	saint	—	
Се	—	—	see	fische.	
Сонъ	somnus	sommeil	—	—	
Себѣ	sibi	—	—	sich.	
Семь	septem	sept	seven	ff. ben.	
Серебро	—	—	silver.	Silber.	
Сестра	soror	sœur	sister	Schwester.	
Скамья	scamnum	—	—	Schämel.	
Слѣсарь	—	—	—	Schlößer.	
Сморчки	—	—	—	Morcheln.	
Снѣгъ	—	neige	snow	Schnee.	
Сокъ	succus	suc	—	—	
Солнце	sol	soleil	sun	Sonne.	
Соль	sal	sel	salt	Salz.	
Соха	soccus	soc	—	Soch.	
Спица	—	—	—	Spize.	
Спина	spinum	—	—	—	
Ссу, сосу	sugo	sucer	suck	saugen.	
Сталь	—	—	—	Stahl.	
Стебель	—	—	—	Stengel.	
Стезя	—	—	—	Steg.	
Спеню	—	—	—	stöhnen.	
Сперво	—	—	starve	sterben.	
Сто	centum	cent	—	—	
Ступаю	—	—	to step	—	
Стою	sto	—	stand	stehen.	
Спруя	—	—	stream	Strom.	
Спрогий	—	—	—	streng.	
Спрою	struo	—	—	—	
Спрѣла	—	—	a ray	Strahl.	
Сужду	judicere	juger	to judge	—	

Рускія	Латин.	Франц.	Англійс.	Нѣмец.	Греч.
Судъ	judicium	judge- ment	judge- ment	—	—
Суровый	severus	severe	severe	—	—
Сухой	siccus	sec	—	—	—
Схима	—	—	scheme	—	—
Сынъ	—	—	son	Sohn.	—
Сытый	—	—	sated	satt.	—
Сижу, сѣж- ду	sedeo	sieger	to sit	sizen.	—
Сѣку	seco	—	—	—	—
Сѣмя	semen	—	—	Same.	—
Сѣра	sera	cire	—	—	—
Сѣкира	securis	—	—	—	—
Сѣю	sero	semer	to sow	saen.	—
Томъ	—	—	the	der.	—
Та	—	—	the	die.	—
То	—	—	the	das.	—
Томъ, сей	—	—	—	dieser.	—
Та, сія	—	—	—	diese.	—
То, сіе	—	—	—	dieses.	—
Тру	tero	—	—	—	—
Табель	tabella	table	table	Tafel.	—
Товаръ	—	—	the ware	die Waare.	—
Такшъ	tactus	tacte	—	Tact.	—
Тарѣлка	—	—	—	Teller.	—
Тарчъ	—	targe	target	Tarfsche.	—
Ташъ	—	—	thief	Dieb.	—
Таю	—	—	thau	thauen.	—
Твой	tuus	tien	thine	Dein.	—
Тенета	—	—	the net	das Netz.	—
Тернъ	—	—	—	Dorn.	—
Тешеревъ	tetrao	—	—	—	—
Тышка (по Малорос. цыцка)	—	teton	teat	Zige.	—
Тягло	titulus	titre	title	Titel.	—
Тонкій	tenuis	fin	thinn	Dünn.	—
Толмачу	—	—	—	dolmet- schen.	—

Русскія	Латин.	Франц.	Англійс.	НѢмец.	Греч.
Три	tria	trois	three	drey.	
Труба	tubus	tube	tube	—	
Тузъ	—	—	—	Daus.	
Тупый	stupidus.	stupide	—	—	
Тускъ	—	—	dusk	—	
Тычу	—	—	—	stecken.	
Тысяча	—	—	thousand	tausend.	
Тюрьма	—	tour	—	Thurm.	
Тягоспъ , птянушь	tendo	—	—	ziehen.	
Увы	—	—	—	weh.	
Уголъ	angulus	angle	—	—	
Уповаю	—	—	to hope	hoffen.	
Усприца	ostrea	huitre	oisters	Muster.	
Ушроба	uterus	—	—	—	
Уха , юха	jus	—	juice	—	
Хапаю , хватаю , цапаю.	capio	—	—	—	
Харя	—	carrica- ture	—	Zeichbild.	
Хижа , ха- та	—	—	hat	Hütte.	
Харшя	charta	chartie	—	—	
Хлѣбъ	—	—	loof	Leib.	
Хоръ	chorus	choeur	choire	Chor.	
Хомутъ	—	—	—	Rummet.	
Хорошій	charus	—	—	—	
Церковь	—	—	church	Kirche.	
Царь	Cezar	Czar	—	—	
Цѣль	—	—	—	Ziel.	
Цырюль- никъ ,	chirurgus	—	—	—	
Цѣню	censeo	—	—	—	
Чадъ	—	—	child	Kind.	
Чары	—	charme	charm	—	
Чаша	—	tasse	—	Tasse.	
Чваршка	—	quart	—	—	
Четыре	quatuor	quatre	—	—	

Рускія	Латин.	Франц.	Английс.	Нѣмец.	Греч.
Чирый	—	—	sore	Geſchwür.	
Чистый	castus	chaste	—	—	
Чулокъ	calceus	—	—	—	
Шабашъ	sabbatum	sabbate	sabbath	Sabbath.	
Шелегъ	—	—	—	Schilling.	
Шапка	—	chapeau	—	—	
Шелкъ	—	—	silk	—	
Шаръ	—	sphere	sphere	Sphäre.	
Шестъ	sex	six	six	sechs.	
Шибажо	—	—	—	Schieben.	
Шинокъ	—	—	—	Schenke.	
Ширенга	—	—	the rank	—	
Шкода	—	—	—	Schade.	
Школа	schola	école	school	Schule.	
Шляпа	—	chapeau	—	—	
Шоры	—	—	gears	Geschirr.	
Шпага	spada	—	—	—	
Штопаю	—	—	—	stopfen.	
Штыкъ	—	—	—	Stich.	
Шью	suo	—	to sew	—	
Щека	—	—	cheek	—	
Щепаю	—	—	—	spalten.	
Щитъ	—	—	—	Schild.	бхѣ-
Щурупъ	—	—	—	Schraube.	tos.
Ъсть	—	—	—	essen.	
Юдоль	—	—	—	Thal.	
Юпка	—	jupe	—	—	
Юный	juvenis	jeune	young	jung.	
Ягня, аг- нецъ	agnus.	agneau	—	—	
Яйцо	—	œuf	egg	Ey.	
Ярмарка	—	—	—	Jahr- markt.	

Не излишнимъ почитаю замѣнить, что прискивая сходство между Россійскими и вносранными словами, смотрѣлъ я иногда

не на выговоръ , а на буквы , изъ которыхъ
иностранныя составлены. Такимъ образомъ
Нѣмецкое *Schemmel* , а по буквамъ *схеммель* ,
нашелъ я сходнымъ съ Латинскимъ *scamptis*
и Россійскимъ *скамья* , Англинское *same* , а по
буквамъ *саме* , съ Рускимъ *самъ* и т. д.

*Собрание звуковъ , производимыхъ дѣй-
ствіемъ естественныхъ вещей и отзвуч-
ныхъ или по звукамъ составленныхъ
Русскихъ словъ.*

З в у к и :

Аа	Аакаю, аакала, кто аакаешь, вякашь, вякало, балакашь, калякашь; каляка, звяки.
Ау	Аукаю, баюкаю.
Ахъ	Ахаю, ахала, кто ахаетъ.
Брень и } брякъ }	Бренчу (въ сковороду.) Брякаю, бряцаю, брякнушьяся, бряцало (орудіе, чѣмъ бряцающъ), брячу (оковами), побрякушка.
Бръ (звукъ про- изводимый брызганьемъ воды изо рта.)	Брызжу, брызгъ, брызгялка, прыщу, прысканье, брюажу, брюзга, браню.
Бу - бу	Бучу, (гов. о пчелахъ) бушевашь (о вѣтрѣ).
Бухъ	Бухнушъ изъ пушки, бухнушьяся съ печи, набухашъ.
Го - го (звукъ едали слышнй отъ говора, шума.)	Гомоню, гомонъ, гамъ, гогошъ, гогочу, говорю, голосъ, гласъ, глашу, глаголю, гусъ.

Гръ-гръ гръ
(звукъ изда-
ваемый отъ
гребенія, гре-
меня, грызе-
нія.)

Гу - гу - гу

Гавъ

Дръ

Жжъ — жжъ
(звукъ в отъ
жженія и пр.)

Гребу, грабли, гребокъ, гребло,
гробъ, граблю, грабасшаю, грем-
лю, громъ, грызу, грыжа, крыса,
громада, гряда и пр.

Гудю, гусли, гудокъ, гукнуть,
гукаю, кукнуть, кукаю, гуль,
гукъ, кукишь, гуляюкаю, гулю
и пр.

Гавкаю (лаю).

Дрожу (какъ окна отъ палбы),
деру (холстъ или драицы),
дребезжу (какъ разбишый гор-
шокъ), дергаю, задергиваю (за-
навѣсь), дрягаю, дрягоша, су-
дорога, дроблю, дробь, дрога,
дроги, дрозжи, дряблю, драз-
ню (въ досаду, въ дрожь при-
вожу) и пр.

Жгу (на прим. масло), угль
(ужель), галка (жгалка) ш. е.
головня, перекидываемая во
время пожара. Головня (жго-
ловня), голова (жголова), въ ко-
торой безпрестанно кипятъ,
горяшъ мысли. Горю (жгорю),
жарь, пожаръ, горнь (гдѣ раз-
водяшъ огонь), горшокъ (обоз-
женный сосудъ), огонь (ож-
гонь), хотя это слово можно
бы производить также отъ
Латинскаго *ignis*. Жужжу,

	журчу, жужелица, журю, журила (кто журишь), жупель (кипящая сѣра), жагра, живу (какъ свѣча горю), горло, жерло, горпань, жру, жреши, жерпва, жерпвенникъ, жгупь, жгушишь, жирь (горючее вещество) и пр.
Ззззъ	Звонь, звукъ, зыкъ, зычу, звиздаю, звѣню и пр.
Икъ	Икаю, икопка, заика, заикаюсь и пр.
Капъ - капъ (звукъ отъ падающихъ капель свѣкровли.)	Каплю, капля, капель, капельникъ, купель, купанье, каплю, кроплю, кропило, кропильница, накрапъ, канушь и проч.
Кахи - кахи	Кашляю, кашель, чахотка (сопровождаемая всегда кашлемъ), чахнушь, чахлый и пр.
Ква	Квакаю, квакала (лягушка).
Кло	Клокочу, клокошь, хлехочу, хлехопанье, клеплю, клепало, клѣпань, хлябаю, хлопаю и пр.
Ко — ко	Кокочу, кока (яйцо), кокошь (курица), кочешъ, кокаю, чокую, коклюха, кокора (прикокнущая къ бокамъ барки), кудахчу, клохчу, кую, ковало, кузница, кузнецъ, кузнь, кокушка, кокую, комякашь, укокошишь и пр.
Кря	Крякаю (какъ ушка), крякуша, кряква и пр.
Кра (вороній крикъ.)	Каркаю, гаркаю, граю, грай,

Ля — ля
(дѣтской пер-
сональный
разговоръ)

грачь, кричу, крикъ, кличу,
кликъ, играю (на мусикійскомъ
орудіи) и пр.
Лепечу, лепешанье.

Ляпъ

Ляпаю, ляпнуть, лепешка, ле-
пешокъ, лѣплю и пр.

Мямъ - мямъ

Мямлю, мямла, кто мямлитъ.

Мяу

Мяучу, мяукала (кошка).

Нхъ

Нюхаю, нюхательный, ухаю,
уханіе, благоуханіе.

(звукъ отъ
стягиванія въ
носъ воздуха)

Му

Мурчу, мурнычу, мычу, смычокъ,
шмыгаю и пр.

Ой

Вой, война (причиняющая ой и
вой), воюю, вопль, вою.

Охъ

Охаю, охала (часто охающій).

Пи — пи
(отъ писка
птицъ)

Пищу, пискаю, пискъ, пѣшь,
пѣсня, пѣтухъ, пѣтель, пѣ-
вецъ, пѣвчій, пѣвница (муси-
кійское орудіе), пшица, пшаха,
пшенецъ и пр.

Псъ

Пишу и пр.

(звукъ отъ пе-
ра, води.наго
по бу.нагъ)

Пу - пуфъ

Пугаю, пуга, пугало, бука, пу-
каю, пукалка, пушка, пучу,
пучусь, пузо, пузырь, пых-
пѣшь, пышка, вспыхнуть,
пыжжиться, пыщиться, пыха,
пышность, пухъ, пушистый,

	пухну, опухоль, пуговица и пр.
Скръ	Скрыплю, скрыпъ, скрыпучій, скребу, скребло, скребница, скребокъ, скрябка, скрябаю, скрижаль, скряга и пр.
Сссь	Свиссъ, свищу, свирѣль, сопель, соплю, синовка, сипну, сыплю, сплю, сучу и пр.
Трь (звукъ отъ трениа двухъ жесткихъ тѣлъ, отъ трясенія и пр.)	Тру, шерка, терпугъ, полотёръ, прясу, прясусь (какъ оконницы отъ пальбы), прясучка, прясилы, препещу, препеть, прещу, прескъ, прещотка, переблю, шрепаю, шряпье, шряпка (къ трению назначенная холстина), шрудь (исшертое, изношенное тѣло), шрущу, шрусъ (отъ самой малой опасности шрясущейся), шруха (исшертое сѣно), шоргаю (рву), шоргъ (гдѣ олинъ у другаго рвущъ деньги или шоварь), шоржество (гдѣ обыкновенно бываетъ большой запоръ), шрахъ (шряхъ), шраспъ (шряспъ), всегда съ шрепетаніемъ сопряженная, шсарость, шшарець, шшарый (отъ долговременности шшартый), шшрудъ, шшрудитьсѧ, (что шшакже шшпровождается шшштрениемъ шшшль), шшшрушь (шшшштершшшя огнемъ шшшшряпка или шшшшгубка), шшшшзаю, шшшшшшше, шшшшшшю, шшшшшшшш и пр.

Топъ , шопъ	Топая , шопоть , шопочу , шопчу , спупа , стопа , спупаю , спупня , шоплю , упупаю , пону , шоня и пр.
Тукъ , шукъ	Толку , шолкаю , шолочу , шолкачь , шолкъ , шолкую (вбиваю кому чпо въ голову) , спукъ , стучу и пр.
Тьфу	Фунишь , вонить , воняшь , вонь , воня , вонючка , благовоніе , зловоніе и пр.
Тхъ (звукъ отъ дыханія пропускаемаго сквозь зубы)	Дышу , душа , дыхаю , духъ , дую , дудка , пушу , пухну , душѹ , зашхлый , зашхнуться , шихій , пишина и пр.
Тяцъ	Тяпаю , шяпка , шопоръ , шопыряться , шопырцишься , шипунъ , щипать , щипецъ и пр.
Тюкъ	Тюкаю , шикаю .
Тсъ (звукъ отъ проходящаго сквозь стиснутые зубы воздуха)	Тсъ , цыць , цыскашь , тѣсный , шѣсню , шискаю , шиски и пр.
Урь	Урчу , бурчу , буркало , ворчу , бормочу , бормочунъ и пр.
Ха-ха, хи-хи	Хохоташъ , хохотъ , хайло , хайлишь , нахаль , хихикашь , грохотъ , грохоташъ (громко хохоташъ) и пр.
Хлѣсь	Хлещу , плещу , хлысть , плескъ , хлоспа Малорос. ш. е. хлешка .
Хны	Хнычу , хлипаю , хлипкій и пр.
Хра	Харкаю по Славян. хракаю .
Хрь	Храплю , храпъ , храпезъ , пахрапъ , хриплю , хруспѣшь ,

Хрю	Хрущъ , хрупкій , кропкій , хряснушь и пр.
Цд (звукъ отъ цѣ- женія влажно- сти)	Хрюкаю , хрюкало. Цѣжу , цѣдилка.
Цыкъ	Цыкаю , чиркаю , чирикаю , чи- каю , чирликаю , цѣвница и пр.
Чав	Чавкаю.
Чокъ (звукъ издаваемый мятникомъ въ часахъ)	Чокаю , чокаюсь , чеканъ , чека- нишь , чекмарь и пр. Сюда же можно отнести кокъ , ко- каю , кокаюсь.
Чхъ	Чихаю , чихотка , чихательный.
Чу	Чую , чувствую , ощущаю , оч- нущься , очунущься . чудиться , причуды , очень (очунъ) , чу- хаюсь , очушишься , чушье и пр.
Шамъ	Шамшу.
Шаркъ	Шаркаю , шаркала (кто много шаркаетъ).
Шлёпъ	Шлёпаю , шлёпнущься , шлёп- нущь кого въ рожу.
Шмякъ	Шмякать , шмякнущься.
Шасшь	Шастаю , шастаюсь , шастить.
Шъ	Шумлю , шумъ , шушукую , шип- лю , шипунъ , шепчу , шопотъ , шевелю , шичу , шикаю , ше- дестъ , шелестить (Малорос.) , шорохъ , шерошу , шершавый.
Щолкъ	Щелкаю , щелкушка , щеколда , щиколошокъ.
Усь	Ускаю.

Сіе собраніе опзвучныхъ словъ, которое можетъ гораздо умножиться, если присовокупить всѣ въ Словарѣ Россійской Академіи показанные происходящими отъ звуковъ и производные отъ нихъ глаголы, существительныя и прилагательныя имена и нарѣчія, есть неопровергаемое доказательство выразительности и оригинальности опечесивеннаго нашего языка. Въ семъ отношеніи превосходитъ онъ многіе Европейскіе діалекты мнѣ извѣстные, которыхъ слова заимствованы изъ древнихъ языковъ и въ произношеніи перемѣнены по своему. Какъ мнѣ ни случалось читать ясныхъ доказательствъ на сіи превосходныя свойства нашего слова, то я сдѣлалъ сію краткую роспись звуковъ и опзвучныхъ словъ, надѣясь тѣмъ оказать нѣкоторую услугу. Представляя сей трудъ на благоразсмотрѣніе и въ полную волю Общества Любителей Россійской Словесности, желаю, чтобы сей трудъ мой могъ принести какую нибудь пользу.

III.

Любопытство узнать, не лзя ли разложить Славяно - Россійскій языкъ на первыя его начала и показашь, какъ онъ постепенно соспавился, побудило меня отбраскивать корни приложеннымъ здѣсь словамъ, копорыя не могутъ бытъ подведены ни подъ какіе звуки выше приложенной росписи. Ибо натурально должно полагаешь, что отдаленные какъ нашихъ, такъ и другихъ народовъ предки при немногихъ о вещахъ понятіяхъ имѣли и языки скудные въ выраженіяхъ. Когда же связи ихъ, а съ тѣмъ и понятія спали распространяешься, то для извясненія оныхъ надлежало и слова вновь прискивать. Легче всего было соспавить ихъ изъ гонювыхъ уже матеріаловъ: что уповашельно они и дѣлали, прибавляя къ наличнымъ словамъ въ началъ или въ окончаніи, или выпуская изъ середины буквы или слоги. Такимъ образомъ на примѣръ соспавленъ кажешся *поясъ* изъ *повязъ*, *вериги* изъ *вервиги* и ш. д. Хотя не можно мнѣ было достигнуть своей цѣли, разложивъ всѣ

Славяно - Россійскія слова, для чего надлежало бы имѣть Словари всѣхъ нарѣчій Славянскихъ и другихъ древнихъ народовъ, съ коими предки наши имѣли сообщеніе; но надѣюсь, что и сей малой трудъ будетъ не бесполезенъ.

Не излишнимъ почитаю присовокупить, что для приисканія коренныхъ словъ имѣлъ я въ виду слѣдующую таблицу:

Въ составленіи словъ

А, переходитъ во всѣ гласныя и дwoегласныя буквы.

Б, въ в. п. ф.

В, въ б. п. ф.

Г, въ ж. з. к.

Д, въ ш.

Е, во всѣ гласныя и дwoегласныя.

Ж, въ г. ч.

З, въ с. ж.

И, во всѣ гласныя и дwoегласныя.

К, въ г. х. ч.

Л, въ р.

М, въ н.

Н, вѣ м.

О, во всѣ гласныя и дwoегласныя.

П, вѣ б. ф.

Р, вѣ л.

С, вѣ з.

Т, вѣ д.

У, во всѣ гласныя и дwoегласныя.

Ф, вѣ п. б. в.

Х, вѣ к.

Ц, вѣ с. ч. к.

Ч, вѣ к. ц.

Ш и щ починая составными, первое извѣ с х, а второе извѣ с ч., и ш. д.

Вѣроятныя корни Россійскихъ словъ.

Время, по Малорос. оберемокъ, ш. е. охапка, ноша, отъ беру.

Брегъ, берегъ, отъ берегу, пошому что онъ бережетъ воду отъ разлишя.

Богатъ, у кого много бышу

Убогъ, у кого мало бышу

Богъ, владыка всего, бышше верховное

} отъ
быть.

Бодрый, ш. е. несонливый или смѣло нападающій, отъ бдю или беду.

Блато, болото, ш. е. пресина, отъ болтаюсь.

Борю, брашися, борюсья, ш. е. схватываюсья, отъ беруся.

Бочка, ш. е. сосудъ весь въ бокахъ, отъ бока.

Бракъ, пошше жены или мужа, отъ беру.

- Брань**, беруся, схващываюся, ш. е. сраженіе и выговоръ, отъ беру.
- Брашно**, по Малорос. борошно, приѣмлю пищу, вкушаю, ш. е. ядомое, ядь, ѣда, отъ беру.
- Бужу**, дѣлаю бдящимъ, отъ бдю.
- Буря**, бореніе стихій, отъ борюся.
- Буровить**, отъ буравить.
- Бирка**, по которой берутъ или принятое отпмѣчаютъ, отъ беру.
- Бирюльки**, которыя берутъ въ руки, да и самая игра сія состоитъ въ подбораніи соломинокъ, отъ беру.
- Бирчій**, который забираетъ отпвѣсы отъ испязуемаго, отъ беру.
- Баснь**, отъ баю.
- Блюдо**, въ которомъ блюдутъ пищу, отъ блюду.
- Брага**, отъ брожу.
- Бѣда**, отъ бью.
(Сюда принадлежитъ побѣда)
- Важу**, поваживаю, ш. е. приучаю, наставляю, отъ вожу.
- Варворка**, веревка, вервь, ш. е. скрученныя пряди, отъ верчу.
- Велю**, ш. е. объявляю свою волю, отъ воли.
- Верей**, на чемъ вершатся вороша, отъ верчуся.
- Вериги**, вервиги, вервь, чѣмъ связываютъ колодниковъ и проч., отъ верчу.
- Вертепъ**, мѣсто выверченное силою воды, огня или чѣмъ инымъ, отъ верчу.
- Верть**, вертоградъ, изверченная, развороченная, вспаханная и огороженная земля, отъ верчу и горожу.
- Весло**, везло, орудіе, чѣмъ везутъ по водѣ, отъ везу.
- Вечь**, башня, возвѣщаю, вѣспъ подаю съ вечи, отъ вѣщій.
- Вече**, общенародное собраніе для вѣщанія, совѣща, для коего собирались, отъ вѣщаю.

- Вечеръ**, **вешперъ**, **вешпающій**, **преклоняющійся** день, **опъ вешаю**.
Вещь, все то, о чемъ вѣщаешь, **говоришь** можно, **опъ вѣщаю**.
Вилы, орудіе, чѣмъ навиваюшь сѣно и пр., **опъ вью**.
Винтъ, орудіе виное, съ нарѣзами, **опъ вью**.
Вихрь, вѣпръ вкругъ вьющійся, **опъ вьюся**.
Влага, **волга** **опъ влаюся**, **волнуяся**.
Власть, **опъ воли**.
Возри, вязкая матерія **опъ вязкой**.
Вилчуря, сокращеніе **опъ волчьей шкуры**.
Ворвань (жиръ) **опъ варь**.
Вороба, **воробы**, орудія, кои **ворочаюся** **опъ ворочаюся**.
Ворота.
Ворошу, съ мѣста **сдвигаю** **опъ ворочаю**.
Ворохъ, **навороченная** куча чего **нибудъ** **опъ ворочаю**.
Воръ, **проворный**, **верплявый** **опъ верчуся**.
Воскъ, **вязкой** **опъ вязку**.
Врагъ, **оврагъ**, яма, въ **которую** **можно** **вергнуться**, **опъ свергаю**.
Время **опъ вращаюся**, **верчуся**.
Ворожу **опъ верчу** **решеномъ** и пр.
Врѣю, **варюся** **опъ варь**.
Выкну, **привыкаю** **опъ учуся**.
Вѣжа, **опъ вече**.
Вѣщаю, **вѣсть** **подаю** **опъ вѣщу**.
Вяжу, **дѣлаю** **узелки** **опъ узь**.
Вялю, **дѣлаю** **чпо вѣялымъ**, **вялымъ** **опъ вѣю**.
Верша, **вмѣсто** **вержа**, **которую** **вержушь** **для** **ловли** **рыбы**, **опъ вержу**.
Волкъ, **опъ вою**.
Выспрь, **чпо** **въ дысь** **преть**, **идеть** **опъ высь**.
Гаждаю, **гажу**, **чувствую**, **дѣлаю** **чпо** **прошивное**, **опъ гадь**.
Галка, **горящая** **головня**, **опъ жгу**.

- Глазѣ , орудіе , чѣмъ глядятъ , опъ глянжу.
- Гнету , нагибаю , пригибаю какъ гнеть сѣно ,
опъ гнутъ.
- Гнѣздо , опъ гну здо , п. е. зданіе.
- Горбѣ , выпуклина на горку похожая , опъ горы.
- Гордый , превозносящійся , кпо несется вверхъ
какъ гора , опъ горы.
- Горькій , чпо горитъ на языкѣ или въ горлѣ ,
опъ горю.
- Горло , жерло , опъ жру , пожираю.
- Горнѣ , мѣсто , гдѣ огонь горитъ , опъ горю.
- Горшокѣ , сосудъ обожженный , обгорѣлый , опъ
горю.
- Горсть , во чпо или чѣмъ стребають , опъ грести.
- Гортань , опъ жру.
- Государь , осударь , который судитъ поддан-
ныхъ , опъ сужду.
- Грибѣ , плодъ выгребаемый изъ земли , опъ гребу.
- Грива , гривна , чпо на шеѣ около горла лежишь ,
носится , опъ горла.
- Громада , груда , куча , ворохъ наваленной зем-
ли или чего другаго , опъ гребу.
- Грыжа , опъ грызу.
- Грѣтъ , дѣяніе въ жару , въ горячностіи учинен-
ное , опъ горю.
- Гусли , опъ гуду.
- Гужѣ , чѣмъ вяжутъ , опъ уже , узы.
- Гумно , мѣсто умятое , углаженное опъ ину.
- Годѣ и ходѣ , сходны по звуку и смыслу , п. е.
печеніе.
- Грабли , чѣмъ гребутъ , опъ гребу.
- Гробѣ , п. е. ящикъ загребаемый въ землю , опъ
гребу.
- Деготь , сяготъ , вытяжка , вещество извле-
ченное изъ дерева , опъ тяну.
- Дивій и дикій , рѣдко выдаемый опъ Малорос.
дивиться , глядѣшь.

- Дитя**, произведенное на свѣспѣ, отъ дѣю.
- Длань**, часнь руки съ доломъ, углубленіемъ, отъ долъ.
- Длато**, долото, орудіе, коимъ дѣлають долъ, ложбину, отъ долъ.
- Долблю**, дѣлаю ложбину, отъ долъ.
- Дорога**, протоптанный путь, отъ торю.
- Драчье**, распѣніе, которое дерешъ плашье и проч. отъ деру.
- Дерево**, древо, съ котораго кору сдирають, отъ деру.
- Водружаю**, вшыкаю друкъ, дручину, шычину отъ Малорос. друкъ.
- Дрегаю ногами**, отъ дергаю.
- Дрягъ**, что насорено, напрясено, отъ трясу.
- Дрянъ**, дранъ, годное только на дранье, отъ деру.
- Дугакъ**, не полонъ, не цѣль умомъ, отъ дыры.
- Дюжій**, плотный, здоровый, отъ тугой.
(Отъ того недугъ, немочь.)
- Дупло**, пуспота выдолбленная, отъ долблю.
- Дыль**, отъ тьмы.
- Дѣва**, на которую дивяшся, заглядываюшся, отъ диво.
- Дудка**, отъ дую.
- Епанча**, отъ опахиваюшся.
- Ерошу**, дѣлаю кудрявымъ какъ ярка, отъ ярка.
- Жагра**, мякошь, древесная губа, годная на пруть, которая отъ малой искры загараешся, отъ жгу.
- Жажда**, соспояніе челоуѣка чувствующаго жженіе въ горлѣ, которое пишемъ упушитъ желаетъ, отъ жгу.
- Жерновъ**, истирающій зерна въ муку, отъ зерна.
- Жаръ**, горячее уголье или зной, отъ жгу.
- Жрети**, сожигашъ въ жертву, отъ жгу.

Законъ, положеніе, котораго не должно преступать, отъ конъ.

Звѣзда, тѣло издающее свѣтъ, отъ свѣтъ.

Зеленой, отъ зелія, злака.

Земля, отъ которой возьмемъ все намъ нужное, отъ *земляю*.

Зима, время, въ которое все сжимается, отъ *жму*.

Змій, который сжимается, отъ *жмуся*.

Знобъ, отъ *жму*.

Зубъ, орудіе, чѣмъ жуютъ пищу, отъ *жую*.

Зерно, отъ *зрѣю*.

Искра, сокрытая вънутри тѣлъ, отъ *крыю*.

Кадить и **чадить**, въ существвѣхъ однознаменательны, т. е. курить, только первыя буквы переменены для показанія разности испаренія.

Сказываю, говорю отъ Малор. *кажу*.

(Отъ того казаница, каеэдра.)

Казню, повреждаю отъ *кажу*.

(Отъ того каженникъ.)

Калю, нажигаю, отъ *жгу*.

Караю, усмиряю, дѣлаю покорнымъ, отъ *корю*.

Каракуля, отъ *кривуля*.

Карла, коропкій, малорослый, отъ *коръ*.

Карта, отъ *хартія*.

Клеймо, знакъ клейкою матеріею написанный, отъ *клей*.

Ключъ, орудіе съ крюкомъ, отъ *крюкъ*.

Клюка, отъ *крюкъ*.

Ковъ, злоумышленіе, отъ *кую*.

Кокаю, чокаю, чькаю почти однознаменательны.

Колдую, нащепываю, надуваю, какъ мнимые колдунны дѣлаютъ, отъ около *дую*.

Коломазь, отъ *кола* и *мазь*.

Колымага, повозка съ коляскою, отъ того же.

- Комель**, толстый конецъ дерева, отъ *комб*,
комокъ.
- Конецъ**, предѣлъ, отъ *конъ*.
- Копая**, взрываю землю, дѣлаю копу, кучу, отъ
копа.
- Копье**, орудіе, чѣмъ копающъ, колющъ, отъ
копаю.
- Копыто**, орудіе, чѣмъ лошади копающъ, раз-
рываютъ землю, отъ копаю.
- Кора**, отъ *скора*, *шкура*.
- Корабль**, судно скоробленное, выгнутое, отъ
короблю.
- Коробка**, отъ того же.
- Карманъ** чайтельно, отъ *корванъ*.
- Корзина**, изъ береста или прутьевъ сдѣлан-
ный кузовъ, отъ *коры*.
- Коржавію**, засыхаю какъ коржъ, ш. е. сухая
лепешка, отъ *коржъ*.
- Короблю**, дѣлаю выпуклымъ, съ горбомъ, отъ
горблю.
- Корова**, крава, многокровное, многомолочное
животное, отъ *кровъ*.
- Король**, вѣнценосецъ, отъ *короны*.
- Корю**, гну какъ кору, укрощаю, усмиряю, отъ
корф.
- Корчагъ**, сосудъ похожій на *корецъ*, отъ *корецъ*.
- Корчелница**, домъ, гдѣ мѣряютъ и продаютъ
пище или соль *корцемъ*, отъ того же.
- Казаться**; отъ него, кажется, происходитъ
исчезать, а именно *перемѣня ка въ че*.
- Корецъ**, сосудъ или изъ *коры* сдѣланный или
какъ выгнушій, отъ *коры*.
- Корчу** и **крючу**, почти однонаменовашельны.
- Кочка** и **кучка** однонаменовашельны.
- Краду**, скрытно что беру, уношу отъ *крыю*.
- Край**, часть покрывающая внутренность *шѣль*,
отъ *крыю*.

Крапива, спрехпаніемъ производящая на шѣлѣ
сыпь, опъ-краплю.

Воскресаю, вгонь высѣваю, а фигурально въ
мертвомъ шѣлѣ теплошу воспановляю, опъ Малор. *крешу*, *выкресаю*.

Кропаю, непрочно, плохо работою, опъ *крѣпкой*.

Крошу и крушу, испираю въ крохи, опъ *крохѣ*.

Крончу и ропщу почти однонаменовашельны.

Кругѣ, опъ *крукѣ*.

Кручу, свѣршываю, опъ *крючу*.

Крыло, членъ у пшиць, покрывающій часть
ихъ шѣла, опъ *крыю*.

Крыса, опъ *грызу*.

Кудѣ, чудѣ, проказникѣ, опъ *чудо*.

Кургузый, корѣшкохвостый, опъ *курѣ* (корол-
кій) и *гуза* хвостѣ.

Куча и купа однонаменовашельны.

Колѣно, опъ *клоню*, *гну*.

Кирпичь и черепица, сходны по составу и
происходящъ опъ *черепа*.

Книга, сперва чайшельно *гнига*, опъ *гну*.

Ковчегѣ, кованый сосудѣ, опъ *кую*.

Клеветѣ, кажется, опъ *клева*.

Кличу и кричу, составленъ одно изъ другаго.

Клуша, опъ *клохчу*.

Крича, скрынка, по Малор. *скрыня*, опъ *скры-
ваю*, *прячу*.

Скрыня, опъ *скрываю*, *прячу*.

Кромѣ, кромка, покрѣмъ, прикрывающа по
краймѣ матерію, опъ *крыю*.

Закроилѣ, въ которѣмъ кроюшь, прячушь, опъ
крыю.

Ладѣ, складѣ, согласіе, пріятность, опъ богини
Лады.

Ладонѣ, дланѣ, опъ *долѣ*.

Ладья, опъ *ладѣни*.

Лапа, опъ *лепежа*.

Книжка XIX.

3

Ласкаю, ошь *лазаю* около кого.

Лиса, ошь того же.

Ледъ, ошь *льетъ*.

Лепеха, ошь *ляпаю*.

Лестъ, ошь *лезть въ глаза*.

Лечу, *лешаю*, по легкости несуся по воздуху,
ошь *легко*.

Ляща, *лъсной пледъ*, ошь *лъсбъ*.

Липа, дерево съ липкими лисьями, ошь *липну*.

Лопата, ошь *лопаю*, *хлопаю*.

Лопоть, ошь того же.

Лубъ, ошь *луплю*.

Лугъ, ошь *логбъ*.

Лукавый, *криводушный*, ошь *лука*.

Луплю, *сдираю лубъ*, *кожу*, ошь *луббъ*.

Лучюсь, *случаюсь*, по кривизнѣ схожусь, соединяюсь концами, ошь *лука*.

Случай, спеченіе обшьяшельствъ, счастье,
ошь *лука*.

(Съ симъ сходно и Латинск. слово conjunctura.)

Лысый, у кого волосы вылезли, ошь *лезу*.

Лѣплю, *дѣлаю чпо* изъ липкаго вещества, ошь
липну.

Лѣсбъ, выходящій изъ земли, ошь *лезу*.

Лѣчу, *пользую въ болѣзни*, *облегчаю*, ошь *легче*.

Лякій, *слякій*, *слукій*, ошь *лука*.

Лягушка, *лягва*, ошь *лежу*.

Лопуха, ошь *лопаюсь*.

Маестность, недвижимое имѣніе, ошь *Малорос.*
маю, *имѣю*.

Мажу, ошь *масла*.

Майна, *ледоколья*, ошь *мойня*.

Маниха, *манишка*, ошь *маню* (обманываю).

Масло, *мазкое вещество*, ошь *мазю*.

Мелю, *измельчиваю*, *испираю*, ошь *мелкій*.

Матня, *мотня*, ошь *мотаю*.

- Мацы**, отъ Малор. *мацаю* (щупаю).
Мачу, *макаю*, отъ *мочу*.
Медведь, охопникъ до меда, отъ *меда* и *вѣдаю*.
Мездра, отъ *мяса* и *сдираю*.
Мерлуха, шкура съ мертваго барашка, отъ *мру*.
Мескъ, живописное, которое везеть, отъ *мчу*.
Мету и *мяту*; сходны въ коренномъ смыслѣ.
Мечта, отъ *мечуся* въ глаза.
Мжу, смыкаю глаза; *межи*, края глазъ соединяю,
отъ *мкну*.
Млачу и *молочу*, отъ *молота*.
Мну, дѣлаю мягкимъ, отъ *мягкій*.
(Отъ того *мячь*.)
Можжу, *мощь*; силу изнуряю; отъ *мощь* или
мозгъ.
Молва; отъ *молею* (говорю).
Молнія, отъ *мелькаю*.
Молю; милымъ дѣлаю; *умилоспивляю*; отъ
милый.
Мотаю; отъ *мучу*.
Мочалю, мочениемъ привожу въ мочки, отъ *мочу*.
Мошна, отъ *мѣха*.
Мракъ, отъ *меркну*.
Мучу, отъ *мычаю*, *мыкаю*.
Мѣшкаю, мѣшковато что дѣлаю, отъ *мѣхъ*.
Мѣсяцъ, разные виды принимаю, отъ *мѣшаюсь*.
Мартышка, въ шарину можетъ быть выговари-
вали мордашка, отъ *морда*.
Маетникъ, отъ *маюсь*.
Межа, раздѣляющая два владѣнія, отъ *между*.
Миную, отъ *мимо*.
Моль, отъ *мелю*.
Напарье, коимъ надобно напираться, чтобъ имѣло
свое дѣйствіе, отъ *пру*.
Настъ, первый снѣгъ, которымъ настилаецъ
земля, отъ *настываю*, *настилаю*.

- Нееѣста**, неизвѣстная по своимъ качествамъ,
 отъ неееѣдаю.
- Ницѣ**, низѣ сходны.
- Нзу**, вшыкаю, ниже вбиваю, отъ ниже.
- Нишій**, ничего не имѣющій, отъ ни съ чемъ.
- Нога**, подпора шѣлу, отъ нзу.
- Заноза**, спица вонзившаяся въ шѣло, отъ того же.
- Ножѣ**, отъ того же.
- Ноздря**, составлено изъ носѣ и дира.
- Нужда**, отъ ну.
- Нурѣ** и нора, сходны.
- Изнуряю**, нористымъ, дуравымъ, слабымъ дѣ-
 лаю сославъ шѣла, отъ нурѣ.
- Нутрѣ** и нѣдра; однонаменовашельны.
- Обида**, отъ обойти зѣ чинѣ и пр.
- Оглобля**, отъ оголовокѣ.
- Окно**, просѣшь, отъ ока.
- Олово**, мешалъ легко льющійся, отъ обливаю.
- Омуть**, отъ омываю.
- Омутѣ**, омытѣ, отъ того же.
- Опенки**, грибы около пня распуще, отъ пня.
- Оплазивый**, который спарается что вывѣдапѣ,
 отъ облазываю.
- Оспа**, отъ осыпаю.
- Островѣ**, изъ воды выступившая земля, отъ
 остро.
- Острогѣ**, оспроганными брусьями обнесенное
 мѣсто, отъ строгаю.
- Острый**, отъ остѣ.
- Отруби**, оперебки, опребѣе, отъ тереблю или
 тру.
- Олабнѣ**, родѣ плашья, отъ охѣатываюсь.
- Охабень**, отъ того же.
- Осень**, отъ очунь.
- Общій**, отъ оптѣ.
- Пазанки**, заднѣ клы, отъ по и задки.

- Паздырь**, содранная съ пеньки кожица, опъ
посдираю.
- Палачь**, палочникъ (ликпорь), опъ палки.
- Папёрть**, мѣсто предъ церковью за порогомъ,
опъ прѹ, попираю.
- Парень**, въ порѣ молодець, опъ пора.
- Пасмурный**, не совсѣмъ темный, опъ смирный.
- Паукъ**, шкушій паупину, опъ путаю.
- Пахтаю**, ворочаю, опъ пашу.
- Пекло**, что печеть, адъ, опъ пеку.
- Пелесый**, опъ полосатый.
- Плевы**. чепоргаемая негодная права, опъ
полю.
- Пачкаю**, мараю, опъ Малорос. чхаю.
- Паяю**, швы мешалла соединяю, наливаю въ нихъ
, олово или что другое, опъ налаеваю.
- Петля**, опъ путаю.
- Покой**, опъ почию (лежу).
- Поле**, покое, открытое мѣсто, опъ польый.
- Полозъ**, опъ ползу.
- Полоса**, опъ того же.
- Польза**, польга, льгота, прибыль, опъ по-
легче.
- Полѣно**, назначенное къ паленію дерево, опъ
палю.
- Полю**, дѣлаю полымъ, вырываю плевы, опъ
польый.
- Прагъ**, порогъ, во что двери упираюшся, опъ
пру.
- Прахъ**, порошокъ, разрушенное шѣло, опъ по и
рушу.
- Порхаю**, перелепаю быспро съ одного мѣста
на другое, опъ по и рухнуться.
- Порчу**, опъ по и рушу.
- Поршень**, взадь и впередъ двигающійся, опъ
порхаю.

Посконь, расптвнне годное на скамье, скамь, отъ ску.

Почва, лежащій слой земли, отъ почюю.

Посохъ, паспушья палка, отъ пасу.

Почка и почемуй, отъ почюю.

Пою, пишу, отъ пи - пи.

Поясъ, отъ поязь.

Праца, орудіе, коимъ претяшь, грозяшь, замахиваются, отъ прещу.

Прекій, прошивный, спорный, отъ прюся.

Притча, отъ притыкаю, прикладываю.

Просо, отъ просьваю.

Прочь, собираемое на будущее время, отъ прочь (далѣ).

Противъ, отъ прюся.

Прощаю, дѣлаю проснымъ, безвиннымъ, отъ проще.

Прѣю, пропискиваюсь сквозь поры, отъ прюся.

Прягу, спираю, соединяю, отъ пру.

Пуговица,

Пузырь,

Пукъ,

Пупъ,

Пупырь,

Пустой, откуда все выпущено, отъ выпускаю.

Пути, отъ путаю.

Путь, дорога не по прямой чертѣ идущая, отъ путаюсь.

Пухну,

Пухъ,

Пучина,

Пуще, отъ паче.

Пыль, что падаетъ на плашье и пр., отъ паду.

Пыряю, отъ пру.

Пышу, отъ пучу.

- Пядь**, пятерица, пяперня, отъ пять.
Пясть, пяшь пальцевъ, отъ пяти.
Пятно, знакъ, влившійся въ какое тѣло,
 отъ вливаюсь.
Персть, попираемая земля, отъ пру.
Перси, на кошормя опираются, отъ пру.
Перила, отъ опираюсь.
Печаль, кошорая печешъ, причиняешъ заботу,
 отъ пеку.
Плутаю и блуждаю однознаменовашельны.
Плуть, отъ путаю.
Подлый, отъ долъ.
Поздній, идущій позади, отъ по и зади.
Постъ, отъ пустъ.
Простыня, копорую простирають, спелюшь,
 отъ простираю.
Пчела, кошорая печешся, запасается кормомъ,
 отъ пекусь.
Рабъ, } отъ Малор. роблю (дѣлаю).
Робенкъ, }
Радью, охотно что дѣлаю, отъ радъ.
Рать, свара, споръ, отъ реть.
Радью, краснью, отъ рудый (красный).
Ревную, отъ реуся.
Ресница, отъ расна.
Реть, отъ реуся.
Решето, дырявое орудіе, отъ реха, прореха.
Робкій, имѣющій свойство робенка или раба,
 отъ роблю.
Рожь, растѣніе произраждаемое, отъ рождаюсь.
Рокошь, бунтъ, молва, отъ реку.
Рокъ, судьба, на копорую кто обреченъ, отъ
 реку.
Ропать, капище, въ коемъ ропцуютъ, кричатъ,
 отъ ропцу.

Роскошь, естественіе, въ которомъ можно удовле-
вешворить всѣмъ своимъ прихотямъ,
гдѣ капаются какъ сыръ въ маслѣ,
опъ раскатываюеъ.

Рожля, вялый, опъ рыхлый.

Наружный, наличный, опъ рожа, лице.

Руда, кровь, опъ рудый.

Ружье, по Малорос рушница, опъ рушу.

Руно, шерсть сняшая, сроненая овцою, опъ
роняю.

Рушу, дѣлаю рыхлымъ, связь тѣла разрываю,
опъ рыхлый или рухлый.

Рука, опъ рушу.

Рынокъ, мѣсто, куда толпами рѣвѣтся, опъ
рынутьея.

Рычагъ, ручагъ, опъ руки.

Рьяный, опъ реуея.

Рѣка, опъ рети.

Рѣю, опъ реу.

Покрѣти, вдругъ нырнуть, наклонишьея, опъ
ныряю.

Рябой, опъ рыю.

Рожа, болѣзнь, опъ рѣю.

Рой пчель, опъ рыюея.

Сала, опъ заливаю.

Свара, жаръ, споръ, запальчивоснѣ, опъ еарѣ.

Свадьба, опъ свожу.

Сватѣ, опъ того же.

Свая, опъ сую.

Свекорѣ, сведеный опецъ, опъ свежу.

Сверло, опъ еерчу.

Сверкаю, свѣшъ издаю, опъ свѣтъ.

Свестъ, сведеная сестра, своячина, опъ свожу.

Свобода, опъ своя воля.

Свора, скрученная веревка, опъ еерчу.

- Свѣтъ, свѣдѣ, посредствомъ коего получаемъ
мы свѣденіе о вещахъ, отъ свѣдаю.
- Пособляю, дѣлаю для другаго то, что же-
лалъ бы, чѣмъ для меня дѣлали, отъ
по себѣ.
- Село, мѣсто, гдѣ многіе сѣли, живущь, отъ
сизу.
- Сердце, отъ середины.
- Сила, понуждающая и дѣи, дѣйствовать,
отъ сляю.
- Сило, отъ осиливаю.
- Скара, скоро и шкура однознаменователныя.
- Скатерть, отъ скать, сучить.
- Скоба, отъ сканываю.
- Скопецъ, отъ того же.
- Скорблѣй и скорбь, отъ скорбливаю.
- Скорлупа, отъ шкуру луплю.
- Скринь, скринка, ящикъ, въ которомъ пря-
чуть, отъ скрываю.
- Скряга, отъ того же.
- Слава, отъ слыву (почишаюсь).
- Слива, отъ сливаюсь.
- Слобода, отъ свобода.
- Слово, названіе вещи, дѣйствія, отъ слыву,
(называюсь).
- Слопецъ, сланецъ, отъ стелюся.
- Служу, отъ слушаюсь.
- Слѣпый, имѣющій залѣпленные глаза, отъ
слипаюсь.
- Смерть, производящая смрадъ, отъ смрадъ.
- Смерчіе, темная ягода, отъ мрачный.
- Смерчь, смершь, водяной столпъ, причиняю-
щій мракъ, отъ мрака.
- Сметана, отъ сметаю, снимаю.
- Смоква, отъ Малорос. смокчу (соу).
- Смола, отъ Малор. смалю (обжигаю).

- Сму́глый, о́тъ того же.
 Сморчокъ, сморщенный пло́дъ, о́тъ морщусь.
 Смычокъ, музыкальное ору́дие, о́тъ шыгаю,
 (смыкаю).
 Снасть, о́тъ сную.
 Сную, нити набираю, о́тъ нить.
 Собака, зубака, о́тъ зуба.
 Сова, о́тъ суюсь.
 Соловей, по Слав. славій, о́тъ слава.
 Сопель, о́тъ соплю.
 Соръ, о́тъ сытый (снѣдный).
 Сочевница, о́тъ сокъ.
 Сочу, лучше сачу, загоняю въ мѣшокъ, въ ше-
 нета, о́тъ Нѣмец. Саа.
 Приспѣшникъ, о́тъ пеку.
 Срамъ, сорное, дурное дѣло, о́тъ соръ.
 Стать, maintien; о́тъ стою.
 Стягаю, о́тъ стягиваю.
 Стезя, дорожка, о́тъ стизу.
 Стекло, о́тъ стеклось.
 Стѣна, о́тъ тынъ.
 Сукно, о́тъ сучу.
 Сукъ, что засучилось въ дерево, о́тъ того же.
 Суплю, насовываю, наморщиваю лобъ, о́тъ сую.
 Сутки, о́тъ сущій.
 Сыворотка, о́тъ свертываюсь.
 Сѣть и сито, сквозь что сѣюшь, о́тъ сѣю.
 Сажа, которая садится въ трубахъ, о́тъ
 сажусь,
 Семья, о́тъ сѣмя.
 Скитаюсь и шатаюсь, принадлежать къ одно-
 му корню.
 Солома, которая ломается, о́тъ сламываюсь,
 Слеза, капля слезающая по щекъ, о́тъ слезаю.
 Стержень, который стоить какъ вперожь въ
 вередъ, о́тъ естерегу.

Стогна, по которой спигушь, ходяшь; опъ стигу.

Стригу и **строжу**, сходны въ смыслѣ.

Строгий, **стерегу** и **стражъ**, принадлежать къ одному корню.

Судорога, которая дергаетъ часни шѣла, опъ вздергиваю.

Слой, опъ сливать.

Сбно, первоначально можешь быть събно, опъ събдаю.

Сажень и **сяжень**, опъ сягаю.

Гать, скрывающій украденное, опъ жаю.

Тачаю, опъ стакиваю.

Тервь, **тернѣ** и **дервь**, опъ дереу.

Тку, пропускаю челонокъ сквозь основу, опъ тычу.

Тина, гдѣ попонуть можно, опъ тону.

Тилнуть и **шипнуть**, почти однозначапельны.

Толкъ, учение, вбиваемое въ голову, опъ толкаю.

Топлю, дѣлаю печь теплою, опъ теплою.

Топлю въ водѣ, опускаю въ воду, опъ туплю (внизъ спускаю).

Топлю воскъ, шеплоюй разжижаю, опъ тепла.

Тороватый, опъ даровитый.

Торчу, стюю пычкомъ, опъ тычу.

Торю, протираю дорогу, опъ тру.

Точка, опъ тычу.

Тошій, опъ вытаскиваю.

Туга, что въ дугу гнѣнь, опъ дуга.

Тугой, дюжій, п. е. крѣпкій, имѣяшь сходный смыслъ.

Тукъ, опъ тыю (жирѣю).

Тулъ, въ коемъ жмушь, прячушь стрѣлы, опъ тую.

Туманъ, опъ тма.

Туне, сокращено изъ туть и нѣтъ.

Туча, облако наполненное жирными парами,
пукомъ, опъ тукъ.

Тынъ, опъ тычу.

Тщуся, испощеваюсь, опъ тощій.

Тѣнь, тѣмнь, опъ тма.

Тѣшу, упишаю скорбь, опъ тишу.

Терзаю и дергаю, сходны между собою по
смыслу.

Теряю, опъ дира.

Тогда, сокращено опъ того гда, ш. е. вре-
мен.

Тоска, въ которой человекъ чувствуешь пу-
сшопу, щцелу, опъ тощій.

Уда, ужу, удило, чѣмъ связываютъ ропъ ры-
бы, лошади, опъ узъ.

Ужасаю, спрахомъ связываю, опъ узъ.

Уже, узда, узкой, } опъ узъ (вяжу).

Ужъ, ожъ, узель, } опъ гуляю (хожу).

Улей, гулей, } опъ гуляю (хожу).

Улишка, гулишка, } опъ гуляю (хожу).

Улица, гулица, } опъ гуляю (хожу).

Уль, опъ умѣю (знаю).

Улыбаюсь, улюбаюсь, изъясляю удовольствіе,
опъ любо.

Учу и вычу, однознаменательны.

Угль, первоначально можешь быть угль, опъ
жгу.

Угорь, происходящій на лицъ опъ жару, опъ горю.

Употребляю, пощребляю, издерживаю, щрачу,
опъ щреблю.

Учтивый, опъ учу.

Харчъ, опъ Турец. харачъ.

Харя, опъ caricature.

Хватаю, опъ халаю.

Хворостъ, хворое, сухое дерево, отъ *хворый*.

Хворость, по Польск. хороба, отъ *короблю*.

Хижа, по Малор. хаша, сходно съ Нѣмец. *Stütte*.

Хичу, укрываю, запыкаю всѣ скважины, отъ *хитрый* или *захватываю*.

Хишу, отъ *хапаю*.

Хилый, отъ Малор. *хилюсь* (наклоняюсь).

Хлѣбъ, отъ *хлѣбаю* (вкусая).

Хмурюся, угрюмлюся, отъ Малор. *хмара* (темная туча).

Хоботъ, чѣмъ слонъ беретъ себѣ пищу, отъ *хапаю*.

Холопъ, отъ *хлопаю*.

Хранить, хоронить, *garantir*.

Холстъ, что служимъ къ холъ, опрятности, отъ *холю*.

Хохолъ, холка, чолка, однознаменовательны.

Хрящъ, песокъ, который хрустимъ, отъ *хрущу*.

Хлябаю и *хлопаю*, по смыслу сходны.

Царапаю, отъ *цапаю*.

Цапаю и *хапаю*, не передѣланы ли изъ *Лапин. сарию*.

Царь, отъ *Цесаря*.

Цѣлую, цѣлоси, здоровья желаю, отъ *цѣлый*.

Цѣлю, изцѣляю, дѣлаю цѣлымъ, здоровымъ, отъ того же.

Цѣлый, по Польск. цѣлый, противоположно разсѣлинъ, отъ *сѣлый* (плошный).

Цѣпляю, отъ *цапаю*.

Чажу, кажу, однознаменовательны.

Чара, чѣмъ черпашъ, отъ *черпаю*.

Часть, опчтенное, опдѣленное отъ цѣлаго, отъ *чту*.

Часъ, пчасъ, шченіе, печеніе, отъ *теку*.

Чванъ и *жбанъ*, однознаменовательны.

- Червленый, чермный, по Малорос. червонный, красный, отъ червь.
- Червь, чадъ на чревѣ ползующій, отъ чрево.
- Чортъ, такъ первоначально было названо въ-рочно начертаніе углемъ какой нибудь фигуры, отъ черчу.
- Честь, отъ чту (почитаю).
- Чета, отъ что (щитаю).
- Чечевица, отъ сокъ.
- Чеченюся, отъ чинюся.
- Чешу, отъ чухаю.
- Чивый, щивый, отъ истощаюся.
- Чешуя, что счищаюшь, счесываюшь, отъ чешу.
- Человѣкъ, начальникъ вѣка, пвари, отъ чиню.
- Чупривъ, хохоль, отъ Малор. чупъ.
- Чупъ, сходно съ Нѣмецк. Эффор.
- Чкнувъ и ткнуть, однонаменовашельны.
- Шагаю, сятаю, шягаю, ш. е. протягиваю, сходны въ коренномъ смыслѣ.
- Штаю и Малор. хпшаю, однонаменовашельны.
- Шило, отъ шью.
- Шипокъ, ощинокъ, отъ щипать.
- Шипъ, щипъ, отъ того же.
- Шуба, пушистая, мохнатая шкура, отъ Малор. скубаю (за волосы деру).
- Щастіе, случай, сокращено отъ стеченія обстоятельствъ.
- Щебенъ, опскепанный, опколошый кирпичъ, камень, отъ скепаю, щепаяю.
- Черепица, керепица, отъ кирпичъ.
- Щепоть, отъ щипать.
- Чудо, рѣдкость, отъ скудно, ш. е. рѣдко.
- Ѣду, отъ иду.
- Юза, узы, ужл, отъ вяжу.
- Юродъ, уродъ, отъ урожать.

Ядро, опъ ясти.

Ядъ, вредное для вкушенія, опъ того же.

Язва, что съѣдаетъ людей, опъ того же.

Языкъ, орудіе, чѣмъ вкушаютъ, опъ того же.

Яма, мѣсто, откуда вынута земля, опъ *емлю*.

Ямъ, мѣсто, гдѣ берутъ лошадей, опъ *емлю*.

Ясли, ящикъ, въ которой кладутъ лошадямъ
ѣду, кормъ, опъ ясти.

Ящикъ, хранилище, емлющее, вмѣщающее въ
себѣ поклажу, опъ *емлю*.

Любоеловѣ:

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ 127 ПСАЛМУ.

Блаженъ , кто Вѣру свято чтитъ ,
Кто Бога любитъ и боится ,
Во щастьи — щастьемъ не гордится ,
Въ нещастьи — щастливымъ не льститъ ;
Тотъ слову Божьему послушенъ ;
Онъ пребываетъ равнодушень
Въ случаяхъ добрыхъ и худыхъ ,
И молился — о людяхъ злыхъ !

Богъ изъ Очей Своихъ его
Не выпускаетъ днемъ и ночью ,
И врагъ со всей своею мочью ;
Какъ червь , не спрашенъ для него ;
Чтобъ славу быть , ему не нужны
Вогатства , почести наружны ,
Что свѣтъ богошворитъ привыкъ : —
Онъ честию собственною великъ !

Вездѣ онъ для себя найдетъ
Утѣхъ сердечныхъ совершенство :
Нося въ себѣ свое блаженство ,
И въ буряхъ мирно проживетъ ;

Труды его благословяшся,
Сады и нивы угобзяшся,
Овъ въ мирѣ снесшъ плоды ошъ нихъ,
Насмшишъ ближнихъ и чужихъ.

Сосѣди по дѣламъ благимъ
Сосѣда добраго уважущъ,
О качествахъ его расскажущъ
Роднымъ, знакомымъ и чужимъ,
Наименуюшъ сыномъ Вѣры
И будутъ брашъ съ него примѣромъ
Для воспитанія дѣшей,
Для жизни собшвенной своей.

Подъ бѣлизной сѣдыхъ власовъ,
Не чувствуя времянь жестокихъ,
Онъ къ утѣщенью лѣтъ глубокихъ
Узришъ сыны своихъ смновъ,
О правнукахъ возвеселишся;
Никшо съ нимъ въ щастьи не сравнишся!
И, чпобъ завистникъ ни кричалъ,
Не помрачишъ его похвалъ.

Такъ Богъ благословишъ шгого,
Кшо Бога любишъ и боишся;
Съ нимъ Ангелъ мира водворишся,
И будетъ спражъ семьи его.
Сей мужъ, ходя слезею правой,
Превознесешся доброй славой,

И вся благая нашихъ дней
Увидишь онъ въ семьѣ своей.

Блаженъ, кто опъ своихъ опцовъ
Воспишанъ въ наказаньи Вѣры!
Не преидеть онъ законной мѣрѣ
Ни для богатствъ, ни для вѣнцовъ.
Онъ не преклонился къ коварству,
Не измѣнишь Царю и Царству.
Гдѣжь Вѣра не сіяеть свѣтъ,
Тамъ дружбы и блаженства нѣтъ.

Шатровъ.

ОЧАРОВАННЫЙ ЛѢСЪ.

Изъ XIII Пѣсни Освобожденнаго Иерусалима.

Едва грозящая оплошамъ твердымъ града,
Исчезла въ непельъ ужасная громада (*),
Ко новымъ таинствамъ спремится волхвъ
Исмень,
Да жителямъ покой пребудеть ушверженъ.
Онъ хошетъ воспрешить дубравы Христіанамъ, —
Единственный запасъ губительнымъ пара-
намъ, —
Чтобъ наки при снопахъ Сіона не возросъ
Рушишель страшный стѣнъ, сей подвижной
колоссъ.
Близъ спана Христіанъ, среди пустыни ди-
кой,
Въ угрюмой густотѣ вносился лѣсъ великой,
Дубовыхъ чаща дравъ, современныхъ земли,
Грозилъ стѣнями унылыми вдали.
Какъ солнце пламенемъ одѣнесть сводъ кристаль-
ный,
Тамъ видны сумраки безцвѣсны и печальны;
Когда на небесахъ прозрачна облакъ стѣнъ,

(*) Подвижная стѣнобитная башня, или *таранъ*, сожженный Клориндою и Аргантомъ.

Тамъ шрудно распознать : что въ мѣрѣ, ночь
или день :

Когда же свѣта Царь въ вечерній домъ нисхо-
дитъ ,

Мгла шяжка , хладный мракъ и ужасъ чернѣй
бродитъ ,

И преисподняя вселяется въ лѣсахъ : —

Для взора всюду шьма , для сердца всюду
спрахъ !

И робки жители сосѣдственныхъ селеній

Не смѣюшь скрышья въ зной подь кровъ без-
молвной сѣни : —

Обходяшь спранники дремучій боръ окрестъ ,

И кажеть издали его дрожащій персть !

Туда въ часъ полночи волшебницъ злыхъ со-
бранье ,

Спекается всегда на тайно совѣщанье :

Волхвица каждая на облакъ лепишь ,

Имѣющемъ змѣи , или шигра грозный видъ ;

Позорно сонмище , подь мершвыми шѣнями ,

Лишь озаренное геенскими огнями ,

Здѣсь нечеспивыя свершають шоржешва ,

И браки гнусные , и адски пиршества .

Такъ вѣриль весь народъ , въ шо время ослѣв-
ленной ,

И каждую древа вѣшвь чпиль неприкосновенной ,

Свящынню мнимую презрѣла вѣрныхъ рашъ :

Лѣсь нужный для бойницъ могъ боръ сей до-
сставляшь .

Сюда безмолвіемъ и ночью облеченный,
Течешь Исмень, сей волхвъ, удачею надменный,
Недавней гибелью громадной высоты. —

Здѣсь круги пицеть онъ и шайныя чершы;
Здѣсь очершась жезломъ, снявъ поясъ одѣянья,
Онъ шопопомъ гласишь сильнѣйши заклинанья,
Трикрашно солнечнымъ вращаеця пущемъ,
Трикрашны на восшокъ опъ запада лицемъ;
Трикрашно попрысаль лозою онъ могущей,
Усопшихъ изъ гробовъ въ жизнь временну зову-
щей,

Трикрашно ударялъ онъ прахъ земли спопой,
И издалъ наконецъ ужасной голось свой;
Внемлите, духи, мнѣ, внемлите, гнѣва чада,
Въ громахъ опъ звѣзднаго низринутые града,
Вы, силы грозныя подблачныхъ зыбей,
Творцы свирѣпыхъ бурь, волненій, мятежей!
И вы, во пропастьяхъ мученія бездонныхъ,
Каратели сердець преступныхъ, беззаконныхъ,
Неусыпающіи опмщенія сыны,
И ты, свирѣпый царь геенской глубины!
Примище въ свой покровъ вы боръ сей освя-
щенный.

Въ немъ древо каждое и вѣшви мной сочпенны. —
Какъ шѣло духа храмъ, его же онъ господь, —
Такъ каждому изъ васъ да будеть древо плоть! —
Да дрогнеть дерзкихъ длань съвкиры съ первымъ
взмахомъ,

Да Франкъ опселя бѣжишь, гонимый казни
страхомъ!

Именъ еще вѣщаль но грозныхъ шѣхъ
словесъ

Не можно повторить, не оскорбивъ Небесъ.

И се! зашмылося полунощи мерцанье,

Блещашельныхъ свѣпиль сребристоое слянье:

Спаль мѣсяцъ смущень, блѣднъ и, робкій ки-
нуй зракъ,

Скрылъ въ облакъ рога, и самъ погрязъ во
мракъ, —

Свирѣпый паки волхвъ ошверзь уста поносны:

О дужи, званны мной! — пребудеще ль вы ко-
сны? —

Ошколь медленіе? . . . иль вамъ цопребень
зовъ,

Еще шайнѣйшихъ чаръ, еще сильнѣйшихъ
словъ? —

Хощь рѣдко дѣйспвоваль наукъ моихъ дарами,

Но я ихъ не забыль — и обладаю вами. . . .

Въ сей часъ, дымящуся опъ крови язмку,

Я имя спрашное, великое реку,

Предъ коимъ ада слухъ не смѣешь бышь упо-
рень,

Предъ коимъ шаршаръ весь и царъ его поко-
рень. . . .

Что если? . . . если я? . . . Хощѣль гласишь
еще,

Но въ шопъ же мигъ позналъ, что чары не
вопице! —

Стеклись вдругъ демоны во сонмищяхъ не-
счешныхъ,

Випапели пущины надоблачныхъ, безвъсц-
ныхъ,

И тѣ, копорые на гласъ его изщли

Изъ хладныхъ и сырыхъ обипелей земли. 1

Влечется медленна и препенная спая,

Всевышняго запреть и гнѣвъ воспоминая;

Но въ славу Християнъ склонились небеса

Днесъ власци ихъ предашь угрюмые лѣса.

Исмень удачею волшебства горделивой

Пипаетъ духъ Царя ошрадой злочешивой:

Упѣшься, Государь, ликуй! воскликнулъ онъ,

Сомнѣнья опложи: шеперь швой крѣпокъ шронъ;

Надѣянья враговъ ничшожнымъ и напрасны!

Уже не вшпанупъ вновь бойницы ихъ ужасны! —

Попомъ коварный волхвъ повѣдаешъ предъ нимъ

Успѣхи, собранны нечештїемъ своимъ; —

Но здѣсь не весь мой шрудъ; рекъ общицъ
адской бездны,

Есть ноды замыслы, не менѣ намъ полезны. —

Познай, что скоро Марсъ и Солнце, звѣздъ
глава,

Соединяшъ спези въ предѣлахъ горнихъ лѣва,

Ни росы, ни дожди, ни зефировъ дыханье,

Не сильны укропшъ шлешворно ихъ пыланье.

Всѣ знаменія мнѣ небесныя рекушъ.

Грядущій вскорѣ зной, болѣзни, язвы, прудь!
 Ни Дивиі береговъ, ни дщери Ганга черной
 Ошвѣкъ не посѣщаль полико жаръ безмѣрной.
 Для насъ, въ укрѣпахъ спѣнь, въ тѣни про-
 хладной дровъ

При брегѣ чистыхъ рѣкъ, не страшень Божій
 гнѣвъ!

Но для враговъ въ степи песчаной и безводной
 Устроишь гробы онъ и шарпартъ неискходной;
 Предпобѣжденныи небеснымъ симъ бичемъ,
 Пошомъ они падуть Египетскимъ мечемъ.
 Безъ бича вънчаемъ побѣдой лучезарной...
 Почпо испышывашъ форшуну пупъ ко-
 варной?...

И ежели Арганшъ въ пылу своихъ ошвагъ,
 Союза мирнаго и выгоднаго врагъ,
 Обычною начнетъ спужать тебѣ мольбою, —
 Умѣй смиришь его могущества уздою!
 Межъ тѣмъ свяшой Пророкъ надъ нами скло-
 нить длань,

Тебя вънчаесть миръ; врага погонишь брань!
 Се внимая, Царь надеждъ вѣришь красной,
 И силу Христіанъ чинишь болѣ неопасной.
 Уже исправлена высокая спѣна,
 Упадшая отъ язвъ враждебнаго овна;
 Въ неусыпающихъ порывахъ попеченья,
 Проломы Царь крѣпилъ, врачуешь поврежденья,
 Ращъ, граждане, рабы къ оплошамъ всѣ пе-
 кушь;

Въ работахъ день и ночь. — Кипитъ безсмыс-
ной прудъ!

Межъ шѣмъ гоповишь вождь Готфредъ
благочестивой,

Рѣшищельный ударъ Салимъ горделивой. —

Но прежде восхошѣвъ поспавишь при спѣнахъ
Бойницу грозную, иль ей подобный спрахъ, —
Онъ древосѣковъ шлещъ къ дубравѣ мракород-
ной,

Да привлекушь во спанъ шаранамъ дѣсь при-
годной.

Съ мерцаніемъ зари они явились тамъ;

Но шайная боязнь препона ихъ спощамъ. —

Какъ опрокъ въ проспощѣ, взоръ робкій ош-
вращаешь

Ошъ мѣсшъ, гдѣ нѣку шѣнь увидѣшь онъ ме-
чтаешь,

Гдѣ думаетъ узрѣшь, покрышый ноци мглой,

Чудовищъ, шигровъ, змѣй — нещаспной вы-
мысль свой; —

Такъ убоилися ошправленны дружины,

Боязни своея не вѣдая причины.

Бышь можешь, собшпвецна ихъ робощъ со-
здада,

Во срѣшенъе Химеръ и Сфинксовъ безъ числа;

Смущенны, блѣдные пришли они обрашно,

Признались въ слабощи . . . Сказаніе пре-
вращно,

Нелѣпость , разнось словъ воздвигли общій
смѣхъ !

Какъ вѣришь симъ мечшамъ , препнувшимъ ихъ
успѣхъ ? . . .

Готфредъ ихъ вспяшь послалъ своею строгой
властью ,

И слабыхъ подкрѣпилъ избранной раши часпью ,
Чтобъ съ помощію сей свободны спраха спавъ ,
Исполнили его немедленно уставъ !

Уже приближилось къ дубравѣ ополченье ,

Гдѣ демоны свое устроили селенье . —

Лишь пѣни мрачныя предспавились очамъ ,

Вдругъ хладная боязнь пробѣгла по костямъ ;

Но шествуюшъ впередъ съ отвагою наруж-
ной ,

Скрывая низкой спрахъ въ груди своей недуж-
ной ;

Не слыша стопъ , дрожа , кидая взоръ окрестъ ,

Уже достигнули очарованныхъ мѣстъ . —

И се! . . . внезапной шумъ воспалъ среди дуб-
ровы ;

Казалось , потряслись всея земли основы

Раздался бури ревъ , померкнулъ сводъ небесъ ,

Несущся споны волнъ дробимыхъ объ утешъ ,

Вездѣ рыканья львовъ , змѣины слышны свисты ;

Тамъ воетъ ярый волкъ , здѣсь скимнъ реветъ

дебриспый , —

И вкупѣ раздались звукъ шрубный , спонъ

громовъ !

И грозной брани гуль, и преекъ, и скрытъ
 лѣсовъ. . . .
 Окаменѣли все, — покрыла блѣдность зраки,
 Въ движеніи; въ пошупи боязни смертной
 знаки; —
 Забыли спройность, чинъ ни глазъ, ни
 слуха нѣшь,
 Не смѣюшь спашь они, ни шесшвоватъ впе-
 редь:
 Ни запрещенія не пронуть, ни совѣты. —
 Споль спрашны демоновъ невидимыхъ навѣ-
 шы! —
 Нещасные бѣгутъ; — единъ предсталъ изъ
 всехъ
 Къ Вождю, чшобъ оправдатъ свой бѣдшвенной
 побѣгъ.
 О Князь! онъ шакъ вѣщаль: нѣшь воина межъ
 нами,
 Могуцаго вступишь въ спрегомый лѣсъ ду-
 жами. —
 Я вѣрю и клянусь, что въ сей ужасней боръ
 Вселился Вельзевулъ и весь духовъ соборъ!
 То сердце протшвеннымъ щитомъ покрывш
 лала,
 Котораго бы здѣсь боязнъ не обуяла!
 Безумецъ лишь одинъ дерзнетъ прошивъ гро-
 мовъ,
 На свисшъ свирѣпыхъ змѣй, на ревъ ужасныхъ
 львовъ,

Такъ рекъ, и шрепешаль . . . Среди ратнаго
собранья

Алкаспъ внималь сѣи чудесныя сказанья,
Алкаспъ, опвага мужъ, рьянь, гордь самимъ
собой,

Презришель всѣхъ людей, и чшущій смерть
мечшой. —

Казалось, что все, рожденно ада бездной,
Не въ силахъ возмушпшь души сѣя желѣзной:
Перуны, яросшь бурь, кровавой сѣчи шрудъ,
Не страшво все ему, что смершны спрахомъ
чшупъ.

Попвясь главою и рекъ съ улыбкой горлеливой:
Гяду единъ шуда, опколъ краснорѣчивой
Сей вѣспникъ поспѣшилъ. — Приявъ сѣкиру въ
длань,

Единъ я понесу призракамъ рошци брань!
Ни всѣ чудовища, ни вопль, ни ревъ, ни спонъ
Для храбросши прямой не могушь бышь препоны:
Пойду, хошябъ лѣсовъ въ пущишной глубинѣ
И преисподняя сама открылась мнѣ.

Такъ гордый возносилъ себя передь Владыкой. —
Готшфредъ согласье даль на подвигъ сей ве-
ликой;

Алкаспъ дубраву зришь; его не робкій слухъ
Внимаеть ревъ, и шумъ, и завыванья вкругъ:
Стопою смѣлою печешь впередь воишель —
Вся шаже швердесшь, жарь, все шопъ же духъ
презришель —

Уже нога его волшебный топчетъ прахъ! . . .
 Но вдругъ возникъ пожаръ пришельца при сто-
 пахъ ;

Распешъ свирѣный огонь , и пламя съ вихремъ ,
 мглою

Крушась, вспаешъ предъ нимъ высокою стѣною ;
 Багряный сей оплошь кругомъ объемлешъ лѣсъ,
 Чшобъ не коснулась сшалъ завѣсныхъ сихъ
 древесъ ;

Огни, воспавшіе огромными столпами ,
 Являли видъ спрѣльницъ и башенъ предъ очами.
 Оружья рашныя , рушишельный снарядъ —
 Все зрѣлось , все имѣлъ сей вновь созданный
 градъ.

О сколь ужасныя чудовища Геены . . .
 Казались межъ зубцовъ на спражѣ ополченны !
 Различны виды ихъ , и кара каждой видъ :
 Сей мечешъ ярый взоръ ; шощъ мечъ взнося
 грозить.

Герой подвигся вспаешъ ; шощъ медлень бѣгъ и
 спроенъ ,
 Какимъ опходишь левъ , ловцомъ обезпокоенъ ;
 Но все позорный бѣгъ . . . боязнь въ геройску
 грудь ,

Безвѣстная досель , шеперь опверзла пушь. —
 Онъ слышишь хладъ ея , онъ чувшвуешъ пол-
 мершвой ,

Чшо* прежде былъ не шощъ , чшо робости
 сшалъ жершвой ,

Дивится самъ себѣ, въ досадѣ все клянеть,
 И сердце; скрытый червь опчаянья грызеть:
 Смущенъ, задумчивый, спыдомъ обремененной,
 Безмолвно шествуешь спезей уединенной;
 Гдѣ гордостъ прежняя? — Не смѣешь взнести

очей; —

Съ возвышеннымъ челою не всшупитъ въ кругъ
 мужей.

Гошфредъ его воззвалъ . . . : ахъ! новое сму-
 щенъ!

Идешь . . . спремился вспяшь . . . гошговитъ
 извинень . . .

Приходишь медленно . . . опверзь усна . . .
 и нѣмъ . . .

Ошвѣспшвуешь; какъ мужъ; исполненъ сон-
 ныхъ дремъ. —

Видъ, поступъ, взоры, гласъ, столь спран-
 ная спыдливосшь

Явило все Вождю побѣгъ и боязливосшь. —

Помысливъ, рекъ Гошфредъ: но чпожъ сіи
 лѣса? —

Волшебство ли онѣ; природилъ чудеса? —

И если здѣсь кого духъ прямо благородный
 Влечешъ открьшь намъ шупъ доселѣ непро-
 ходный, —

Да шествуешь, да дасшь намъ опышь силъ, ума,
 Да озарипся имъ сомнѣній нашихъ пѣма! —

Въщаль . . . славнѣйшіе изъ выпязей могучихъ
 Три дни скипалися вокругъ лѣсовъ дремучихъ,

Книжка XX.

Б

Три дни боролися съ ужасною мечшой;
 Не устоялъ никто предъ адскою грозой.
 Танкредъ, не видимый досель въ ратномъ
 кругѣ,
 Свершивъ послѣдній долгъ возлюбленной по-
 другѣ, —
 Явился наконецъ слабъ, блѣдень, изнурёнъ;
 Казалось, не снесешь доспѣховъ бранныхъ
 онъ;
 Но токмо грянулъ гласъ на подвигъ общей
 нужды,
 Для вишязя сего болѣзнь и горе чужды. —
 На всякой шрудъ гоповъ! великій, пылкій духъ
 Огнь пѣлу сообщилъ, и силы многи вдругъ. —
 Мужъ доблій, благоспѣю небесной укрѣпленной,
 Рѣшишелень и швердъ въ пушь идетъ сокро-
 венной. —
 Спокойно вспрѣпиль онъ ужасный лѣса видъ:
 Ревъ грома, трусъ земли героя не спрашишь.
 И если нѣкое смущенныхъ чувствъ движенъе
 Стѣсняло грудь . . . былъ Богъ ему во ограж-
 денъе. —
 Течешъ . . . уже всшупиль подъ мрачной пѣней
 сводъ,
 И се! вдругъ огненный возспаль предъ нимъ
 оплошь. —
 Оспановляется. — Сомнѣнья пѣмой объятый:
 Къ чему здѣсь мыслишь вождь, мой мечъ, и
 щипъ, и лапы?

Или мнѣ вергнушься сихъ въ челюспи звѣрей?

Или спремглавъ упасть въ пучину сихъ огней?—

Сшокрашь дерзну на смершь, гдѣ подвигъ благо-

родной,

Гдѣ призываетъ честь, и пользы гласъ на-

родной;

Но истинный герой безъ нужды въ бой неидеши.

Предавъ себя на смершь, я Богу дамъ отвѣтъ.

— И шакъ я возвращусь? Но что рекупъ во-

станѣ?

И гдѣ теперь древа обрящутъ Христiane?

Готфреда вѣдаю . . . онъ сдержитъ замысль

свой,

Всѣ средства ишоцишь . . . а ели кто дру-

гой! . . .

Но можешъ бышь, сей огонь, взносясь горѣ изъ

праха,

Лишь шокмо видъ огня, единый призракъ

спраха! . . .

Рѣшился шешвуеши и въ пламе-

ни вокругъ! . . .

О дерзость дивная! о мужественный духъ!

— Се новы чудеса! — Сшоя среди по-

жара,

Не чувствуетъ герой ни пламени, ни жара;

Не разгорѣлася сребрисшя броня,

Не вѣдаетъ онъ самъ, огонь, призракъ ли огня

Грозилъ его очамъ: въ единое мгновенье,

При первомъ шагѣ все исчезнуло видѣнье;

Б а .

Простерлась ночь кругомъ, наспалъ ужасной
 мразь ;
 И хладъ, и черна ночь исчезли въ потъ же
 часъ. —

Смущенъ, но робости и страха ошчужденный,
 Когда пріяло все вокругъ видъ обыкновенный,
 Спокою швердою, надежною Танкредъ
 Въ обипели сіи таиншвенныя печепъ ;
 Испытываетъ всѣ и входы, и изходы. —
 Ни дивныя мечшы, ни чудеса природы,
 Ни что уже его препнушь не можетъ стопъ,
 Кромѣ сгущенныхъ дровъ, переплетенныхъ
 шропъ. —

Достигнулъ наконецъ герой зелена луга,
 Который представлялъ видъ нѣкій полукруга;
 Среди поляны всей, подобье пирамидъ
 Надменный кипарисъ уединенъ стоишь. —
 Къ нему склонилъ онъ пушь, и взоры испытанья.
 Се видишь на корѣ различныя начертанья,
 Какими нѣкогда скрывали свѣтъ средь шьмы
 Египца древняго высокіе умы. —
 Между безвѣстными на деревѣ чершами
 Герой знакомы зришь. — Сирійскими словами
 Онъ тако прочиталъ : О шя, которой смѣлъ
 Простерть свои стопы въ печальный сей предѣль!
 Коль храбрость не чужда любви и сожалѣнья,
 Не возмущай сего таиншвенна селенья,
 Оставъ лишенныхъ дня, въ шемницахъ сихъ
 изныть; —

Живые не должны брань съ мертвыми творя
ришь. —

Гласила надпись шакъ. — Танкреда умъ со-
мнѣнный

Стрежился смыслъ открыть, въ черпахъ сихъ
сокровенный. —

Межъ стѣмъ внимаешь онъ шумъ легкихъ въ-
перковъ,

Уныло шепчущихъ среди младыхъ кустовъ,

Онъ слышишь гласъ деревъ; чудеснымъ чаро-
ваньемъ,

Они разиди слухъ по спонюмъ, по рыданьемъ;

И сердце пущника въ невѣдомыхъ мечпахъ

Томила жалость, грусть и хладный нѣкій
спрахъ.

Герой подъемле на мечъ на кипарисъ высокій. —

Съ усилиемъ ударь! . . . о чудо! крови шоки!

Изъ подъ - молодой коры кровь ала хлынешъ
вдругъ, —

Дымяся знакъ земли багровѣешь вокругъ! . . .

Оцѣпенѣлъ Танкредъ! и руку опускаешь —

Помыслилъ . . . вновь рѣшенъ . . . еще ударь!
внимаешь,

Какъ бы изъ глубины изникшій гробовой

Стенаній помныхъ звукъ сяжелой и глухой —

Пошомъ услышалъ гласъ: оспановись жестокой:

Ты духъ мой оскорбилъ сей раною глубокой!

Твой мечъ меня изгналъ изъ стѣла моего,

Гдѣ я цвѣла, краса подлуннаго всегѣ. —

Теперь пришекетъ, и сей разрушитъ домъ зло-
щасливой,
То древо, съ коимъ рокъ сопрягъ меня ужасной! —
Свирѣпой! можешь ли перзашъ своихъ враговъ
И въ хладной глубинѣ безмолвныхъ сижъ гро-
боевъ?

Клоринда я была . . . подъ сей корою твердой
Не мнѣ одной суждень сей плѣнь немилосер-
дой;

Всѣ здѣсь: Срацинъ и Франкъ; Солимы при
спонахъ,

Оставивши землѣ на вѣчну жершву прахъ, —
Всѣ здѣсь; всѣхъ скрыла здѣсь непостижима
сила. . . .

Не знаю . . . что вокругъ насъ пѣло, иль мо-
гила. . . .

Но все оживлено: цвѣшъ, древо, вѣшъ, листья.
И уязвивши ихъ, убійцей будешь ты! —

Какъ смершнй, одержимъ недугомъ огне-
вицы,
Въ болѣзненныхъ мечпахъ чудовищъ зришъ
спаницы,
Химеръ, драконовъ, змѣй; — и помнишъ, что
во снѣ,
И убѣждень, что зришъ мечпанія однѣ —
Но силишся бѣжашъ, но ищетъ онъ спасенья:
Такъ сильно дѣйствіе внезапнаго явленья!

Полнь спраспи , возмущенъ , опчаянной Тан-
кредъ ,

Не вѣришь призраку . . . пренецешъ , вспяшь
печешъ ; —

И возвращаешся ; и въ сердцѣ свирѣпѣею ,
Различныхъ буря думъ . . . спрашишся , шаешъ ,
мѣешъ ,

Внезапной попрысенъ и тягостной борьбой ,
Далеко кинуль мечъ ! — Вкругъ мерпвенной
покой !

Ему представилась Клоринда предъ очами ,
Еще сраженная , спѣняща со слезами ;
Бѣжипъ , чтобы не зрѣшь безцѣнной крови
сей ,

Чтобъ жалобъ не слыхатъ возлюбленной своей .
Такъ вишязь славный сей , въ кровавыхъ сѣчахъ
рьяный ,

Кого не устращалъ героевъ сонмъ избранный ,
Танкредъ , Танкредъ шеперь безъ мужества и
силъ ,

Вздыханьямъ вѣшерка и шѣни уступилъ , —
И спрашннй мечъ его . залогъ Геройской славы ,
Былъ бурей унесенъ далеко изъ дубравы . —
Течешъ опъ лѣса вспяшь ; предсталъ передъ во-
ждя ,

И мысли смущныя собравъ и учредя ,
Такъ началъ : Государь ! я ушверждаю смѣло
Не имовѣрное , но испинное дѣло :
Видѣнья дивныя въ дубравной глубинѣ —

Всѣ басни спранныя — не ложны супь онѣ! —
 Сперва явился огнь чудесный предо мною;
 Огнь невещественный, возженный самъ собою,
 Возставъ, разлился вокругъ; зрю пламенный я
 градъ,

Которой охранялъ чудовищъ грозныхъ рядъ —
 Я въ пламень ринулся — прошекъ не слыша
 жара,

Огнь скрылся, ночь сошла — зима проспёр-
 лась яра;

Помомъ и ночь и мразъ исчезли вокругъ меня,
 И воцарилася опрадна ясность дня. . . . —

Я болѣе реку: древа сіи живыя,
 Душъ человѣческихъ шемницы гробовыя,
 И мысляшъ, и гласяшъ. . . . я слышалъ самъ не
 разъ;

Еще въ груди моей сей шомной спонешъ гласъ.

На каждой мой ударъ изъ древа кровь алѣла.

Какъ бы изъ нѣжнаго чувствившельнаго шѣла. —

Я побѣжденъ; руки не вознесу моею,

Противъ сея коры, противу сихъ вѣшвей —

Изрекъ . . . склонилъ чело Готшфредъ благоче-
 спивой;

Крушилась грудь его думъ буркою шроншивой.

Но се! пусшынникъ Пешрь

.

Мерзляковъ.

Д Ю Б О В Ь.

Люблю. Но гдѣ любви начало ?
Почто же любишь ты ? и что могло пѣвнншь ?
Не знаю, сердце ошвѣчало :
Хочу любить.

Нѣшь гордой осанки,
Нѣшь прелестей въ ней,
Ни розъ, ни лилей ;
Нѣшь хитрой приманки,
Въ прекрасныхъ глазахъ
Огня, умиленья ;
Нѣшь въ алыхъ устахъ
Аглаи умѣнья
Улыбкой пѣвнншь. . . .
Ее пропустила,
Забыла, забыла
Амура машь.

Нѣшь молнн въ умѣ, не мещеть искръ словами,
Бесѣды не ведеть съ премудрыми мужами,
Не видишь шонкосши извивистыхъ умовъ,
Нѣшь пышныхъ замисловъ и доблестныхъ да-
ровъ ;
Не шѣшишь лирой служь, не нѣжишь кистью
взоры ,

Нѣтъ пѣсенъ Талии, нѣтъ плясокъ Терпсихоры;
 Забавной рѣзвосты и помныхъ взглядовъ нѣтъ;
 Ей чужды славныя дѣла прошекшихъ лѣтъ,
 Ей чужды прелести искусствъ, воображенья,
 Нѣтъ вкуса, навыка, къ изящному спремленья; —
 И даже леншочку, накинутый плапокъ,
 Не хочешь развѣвать, какъ должно, вѣперокъ.

Люблю. И вошь любви начало!
 Почто же любишь пы? и чѣмъ могла плѣнишь?
 Не знаю, сердце ошвѣчало:
 Хочу. любишь.

Ни прелестъ земная, ни даръ, и ни искусство,
 Ни слава Героя, ни пышность Царей,
 Ни умъ ухищренный, ни доброе чувство,
 Любви не раждающъ въ сердцахъ у людей.
 Способность любишь естъ даръ въ насъ при-
 родный,
 Отъ Бога внушенный, высокій, свободный,
 Чшобъ въ жизни къ блаженству пути освѣ-
 тить. —
 И безъ награды въ насъ сердце умѣетъ любишь!

Мнѣ не льстятъ Сирень напѣвы,
 Всѣхъ народовъ похвала,
 Славныя красою дѣвы,
 Почестъ, громкія дѣла,

Благосклонный взгляд Сулпана,
 Дружба гордыхъ мудрецовъ,
 Услаждене пировъ
 И богатства Индостана:
 Все забыль я для нее, —
 Въ ней — блаженство все мое.

Захотѣла — и молчанья
 Сохраню обѣщъ свяшой;
 Всѣ пройду я испишанья,
 Буду рыцарь и герой.
 Захотѣла — низкой доли
 Полюблю я жизнь въ лѣсахъ;
 Захотѣла — лиру въ прахъ!
 О могущій голосъ воли!

Болю, мысли, каждый взоръ,
 Вздохъ, улыбку, огорченье,
 Молчаливость, разговоръ,
 И привычки, и движенье:
 Все ловиль и сохраняль,
 Даже самый недостатокъ.
 Я, какъ будто оппечашокъ,
 Образованъ ею спаль.
 Нѣтъ ни тайны за душою; —
 Что, скажите, что сокрою?
 Не любовь ли къ ней мою?
 Радость сердца ушаю.

Ахъ, радость! ахъ, радость! вѣнецъ со-
 вершенства,
 Есть даръ намъ небесный, есть благо любви!
 Колю огонь благодатный пылаешь въ крови,
 Другаго въ семь мѣръ не знаю блаженства.

Сердце бѣдное, унылое!
 Чшо горюешь въ ночь глубокую,
 Споенешь вмѣстѣ съ вѣспромъ сѣвера?
 Ты любило, ты покоилось,
 На груди очаровательной.
 Гдѣжь минуша драгоценная,
 Спроси пылкой цѣль единая?
 Ахъ, сокрылася измѣнница!
 Убѣжала въ степи дальныя!
 И любовь моя — безъ радости! . . .

Скорѣе, скорѣе,
 Другъ милый, ко мнѣ!
 Ты сердцу милѣе
 Въ своей споронѣ.
 Измѣна ужасна!
 Но горестъ напрасна;
 Ты мнѣ отдана:
 Ты сердцу вѣрна.

Сердце бѣдное, унылое!
 Чшо горюешь въ ночь глубокую,
 Споенешь вмѣстѣ съ вѣспромъ сѣвера?
 Или снова объ измѣнницѣ
 Течишь слезы ты кровавыя? . . .

Измѣнила мнѣ невѣрная ;
 Съ смертью люшой обвинчалася !
 Ей могила — ложе брачное.
 Я оспался жить съ любовію !
 Сердце любить — гдѣ же радости ?
 Ахъ , радость ! ахъ , радость ! вѣнецъ совер-
 шенства !
 Есть даръ намъ небесный , есть благо любви !
 Но огонь благодатный пылая въ крови ,
 Не въ силахъ доставить для сердца бла-
 женства .

Въ чемъ сила шайная невидимыхъ причинъ ?
 Что движетъ насъ рукой незримой ?
 Одно мгновенье , взглядъ одинъ
 Влечетъ къ любви непоспизимой .
 Предстанешь незнакомка намъ ,
 Предстанешь слабое творенье ; —
 И-ей любовь , къ ней все души спремленье !.....
 А Ты , Невидимый очамъ ,
 Но Коего сей міръ , храня святы уставы ,
 Всечасно видъ являешь намъ
 Премудрости , красы величія и славы , —
 Ты нами — не любимъ !
 Ты нами не любимъ ! нѣтъ мысли , слова , знака
 Любви къ Тебѣ въ сердцахъ людей ;
 Мы не хотимъ завѣсу мрака
 Расшоргнувъ для очей .

Мы любимъ плѣнность міра,
И вѣчный міръ для насъ непосижимъ, великъ.
Но мечь, вѣсы и лира
Прейдушъ, какъ міра ликъ,
И подъ доскою гробовою
Любовь и радости себѣ конецъ найдущъ;
Но вѣчная любовь съ безсмертною душою
Отъ Бога исшekli и въ Бога перейдушъ.

Степановъ.

СЕДЬМАЯ САТИРА БУАЛО.

Нѣшь, Муза! лучше намъ оставишь свѣшь
въ покоѣ. —

Бранишься — ремесло по истинѣ худое:
Съ такимъ обычаемъ добра не наживемъ! . . .
Зло сдѣлаемъ другимъ — и намъ опплатяшь
зломъ! . . .

Поэшь, котораго Сатира вооружаешь,
За славою спремься, безславые обрѣшаетъ, —
И часно, разсмѣшивъ невольной осипропой,
За смѣлый плашишь стихъ . . . раскаянья слезой!

, Пускай холодныя похвальныя творенья
Гнѣюшь по кладовымъ добычею забвенья:
За то не досягнешъ ихъ публики укоръ!
Враги ихъ: мыши, пыль — не месщи приговоръ!
Но кто въ своихъ стихахъ насмѣшкой забав-
ляетъ;

Кого весь свѣшь бранишь, хопя весь свѣшь
читаешь:

Топъ, забывая все, въ припадкѣ острыхъ словъ,
Въ самихъ смѣющихся шворить себѣ враговъ!
Пусть лично никого стихомъ онъ не обидишь;
Но въ зеркалѣ его себя лишь всякой видишь, —

И кто его уму въ глаза всѣхъ больше льститъ,
Тотъ первый ненависть въ душѣ къ нему хранишь!

И такъ, не лучше ли, глушцовъ не безпокою,
Намъ, Муза! поискашь на свѣтѣ семъ героя,
Достойнаго хвалы, достойнаго стиховъ,
И пѣшь его, чужихъ не прогая грѣховъ?
Но щещно къ епому себя я принуждаю!...
Лишь вздумаю хвалишь — я риѣмъ не обрѣтаю:
И сердце холодно, и лгвой исчезнешъ слѣдъ!
Напрасно лобъ я прю, кусаю пальцы: нѣшь!
Мнѣ выраженія встрѣчаются такія,
Какими славилъ одна Деидамія!
Я весь, какъ самъ не свой, — въ волненіи, въ шоскѣ!
И дерзкое перо пропивилъся рукъ!
Но если вздумаю надъ кѣмъ я посмѣяшся,
Я шушь прямой поэшъ: и мысли въ мигъ рождашся!
Мнѣ безъ призыву Фебъ является шогда,
И риѣма за стихомъ ложилъся безъ труда!
Хочу ли я назвашь обманъщика большова?
Рука сама собой напишетъ — Опкупова! —
Глушца-ль, который два имѣнья промощаль?
И Блеспкинъ мой съ пера невидимо упаль!
А если риѣмача я шушкой удостою —
Стихи мои текушь шумящею рѣкою!

Лишь только за перо — и разом предо мной
Свирѣлкинъ, Риѣмоскрыпъ, Кулисинъ, Шушов-
ской;

Какъ спая дикихъ пщицъ, какъ рой, они пѣ-
снятся :

Быль надобенъ одинъ — и тысячи являсь!...

Я въ полной радости, и Муза весела,

Что ловля въ етошь разъ удачна ей была!...

Напрасно иногда, среди души волненья,

Я самъ себѣ даю благія поученья,

И хоть одинаго желаю пощадишь :

Нѣтъ! моему перу жаль случай пропустить!

Чувъ сатирической злой духъ ко мнѣ прихо-
дитъ, —

Всему начнешся смотръ; въ досаду все при-
водитъ;

Священны мнѣ тогда достоинства однѣ;

Глульца же пощадишь — не спанешь силъ во
мнѣ!

Какъ за добычей песь, занима въ погоню всюду,

И только бы наспичъ — схватить не поза-
буду!...

Каковъ я самъ, шеперь хопите ли узнашь?...

Не скрою, что люблю я риѣмы прибирашь;

Что прозу иногда въ стихи я наряжаю,

И за собой другихъ достоинствъ я не знаю!

Но знаю, что, какой мнѣ жребій ни суждень;

Короткой ли мнѣ вѣкъ опъ Парки положень,

Книжка XX.

В

Иль пихо въ гробъ сойду , успавшій отъ до-
роги ;
Въ Парижѣ , иль въ Москвѣ ; богатый , иль
убогій ;
Хотя бы съ цѣлой мнѣ вселенной брань начашь :
Хочу пишашь списки — и буду ихъ пишашь !

Безумецъ ! скажущь мнѣ : пиши ; но будь
умѣренъ !

И бойся , чшобъ глупцы , которыхъ ны намѣ-
ренъ ,

Кипя досадою , Саширой проучить ,
Не вздумали въ шебъ огня сего гасить ! . . .

Какъ ! развѣ у Римлянъ Горацій и другіе
Боялись порицашь Саширой нравы злые ?
Нѣтъ ! мсшитель истины , ведя съ порокомъ бой ,
Личину тамъ срывалъ безтрепешной рукой .
И ѣдкій Ювеналь , незнавшій соспраданья ,
Безъ страха изливаль всю желчь негодованья ;
Безъ страха и развратъ , и слабости караль :
Однако ни одинъ за шо не поспрадалъ ! . . .
Чегожь бояшья мнѣ враговъ ожесточенья ? . . .
Извѣсны ли кому мои Спихошворенья ? . . .
Въ Журналахъ и другихъ собраніяхъ Спиховъ
Искаль ли чешти я споятъ въ ряду пѣвцовъ ? . . .
Я шолько изрѣдка наспроиваю лиру ,
Чшобъ другу угодить , любящему Саширу ,
Который , можешъ бышь , съ пришворною ду-
шой ,

Смѣется въ слухъ спихамъ , а шайно — надо
мною ! —

Что дѣлать ? . . . спросишь сильна ! . . . пи-
шу , и не робѣю :

Хвалишь — я не могу ; молчать — я не умѣю ;

И если острый стихъ въ умѣ моемъ блеснетъ —

Пока не напишу , онъ сердце мнѣ гнететъ .

Ктожь въ силахъ побѣдитъ природное влеченье? .

Но , Муза ! замолчимъ возьмемъ успоко-
енье ;

Усталъ ; пора рукѣ покой и отдыхъ дать .

Прощай до завтраго ; а завтра — вновь пишешь !

Михайло Дмитриевъ .

Н И Н А.

Отпрывокъ изъ Поэмы: *Надежда*.

Замѣна щастія, отрада въ скорбный часъ,
Надежда никогда не покидаетъ насъ;
Какъ Ангель благоспи, какъ жизни воскреси-
пель,
Идетъ подъ мрачный кровъ, спраданія въ
обишель,
На язвы шажкія цѣлебный льетъ бальзамъ;
Спокойствіе ея послѣдуетъ спонамъ —
И возраждается угасшее желанье;
Вся прелестъ нашихъ благъ въ одномъ ихъ
ожиданьѣ!
Пусть опіяны судьбой, — пусть намъ не су-
ждены,
Но съ ней онѣ при насъ — но съ нею намъ
даны.
Всевышній на землѣ, карая пресупленья,
Въ *Надеждѣ* намъ залогъ оставилъ примиренья,
Да будетъ намъ вождемъ въ жилищѣ мрачномъ
бѣдъ!
Какъ пуннику вдали гостепріимный свѣтъ
Средь бурь, заблудшему, приспанище являешъ,
И робкіе шаги къ нему онъ ускоряешъ;
Хоть путь еще далекъ, но трудъ его забвень:
Такъ ею жребій нашъ въ семь мірѣ усладень!

Мечпанья крошкія вокругъ ея полпашся :
 О радостяхъ мечпашь — еспь ими наслаж-
 дапсья.

Надежда , божеспво , живущее со мной ,
 Замѣна благъ моихъ , похищенныхъ судьбой !
 Какъ щедръ въ дарахъ Творецъ , такъ ты во
 ущѣщенїи :
 Ты выше благъ земныхъ ; — ихъ крапки на-
 слаженїи .

За нѣгой скука въ слѣдъ , за щаспьемъ скорбь
 идушь ,

И рядомъ свой фіалъ съ сосудомъ ихъ несущь .
 Веселїемъ самимъ душа людей помима ;
 То нужно для сердець ; — а ты необходима !
 Какъ другъ , насъ проводивъ на самый смершный
 ровъ ,

Бросаешь ты на гробъ безсмертія покровъ .
 Въ душѣ моей живетъ печальный жребїй Нины .—
 О жертва бѣдная гоненїа судьбины !
 Въ веснѣ ея златой другъ нѣжный былъ у ней ;
 Въ союзѣ двухъ сердець все щаспье юныхъ
 дней !

Ихъ пламенная опрасп навѣкъ соединяла ,
 Но бѣдность , коей съ нимъ она не примѣчала ,
 Развращу одному грозящая собой ,
 Разпоргла ихъ союзъ опца ея рукой .
 Въ помленїи своемъ , опверженный , несчастный ,

Другъ Нины для нее стремился въ пучь опас-
ный ;

Трудомъ искашь того, что не дано судьбой.

Ея плачевный гласъ онъ слышитъ за собой :

„Теки, кодь должно, въ пучь, но Нинѣ зло-
получной,

„Во странствіи швоемъ далекомъ не забудь,

„Съ богатствомъ возвратись, съ любовью не-
разлучной,

„Будь щасливъ, будь хранимъ — и Нинѣ вѣрнѣ
будь!“ . . .

Разспались; — мысль ея, надеждою прель-
щенна,

Ужь друга зрись въ краяхъ чужихъ обогащенна;

О прелесть сей мечты! съ любовью, съ гор-
жествомъ,

Ужь мнишь лепящаго обратно видѣшь въ домъ,

Душа блаженствуешь надежды упоеньемъ, —

И Ница, въ сиротствѣ, всѣхъ выше наслаж-
денъ !

Свершился мольбы! суровый рокъ хотѣлъ,

Чтобъ пучь свой совершивъ, любовникъ Нинѣ
страшной,

Лепѣлъ съ наградою въ опеческой предѣлъ,

Богатство получивъ, искашь руки прекрасной;

Ужь волны подъ его бѣдьюишь кораблемъ,

Уже не успаешь взоръ бдящій надъ рулемъ,

Уже винишь его желаній неперпѣнье

Быспроносяція спихи замедленье;

Молюбою ускоришь ея мечшаешь бѣгъ —
 И радостнымъ очамъ желанный вскрылся брегъ!
 Повѣренный — письмо, сердечныхъ чувствъ
 вмѣспитель,
 Дешись къ возлюбленной свиданья возвѣспи-
 пель;
 „Заупра, на зарѣ! — воспоргъ объемишь
 духъ! —
 „Съ богатствомъ предъ побой явился швой
 супругъ!“
 Кто можетъ описатьъ всю прелестъ восхи-
 щенья?
 „Онъ завтра будешь здѣсь!“ Ужъ Нины спра-
 спный гласъ
 Незьяснимаго въ минушу неперпѣнья,
 Зовешь медлительно идущей ночи часъ; —
 Желанный мракъ насталь; въ борбѣ, въ изне-
 моженьѣ,
 Клянешь наставшій мракъ и ночи продолженъе; —
 Любовь недремлюща сонъ сладкій гонишь прочъ;
 Всѣхъ болѣе тогда для Нины длилась ночь.
 Лишь свѣшлой воспылалъ зарею сводъ небесный,
 Бѣжишь, забывши сонъ, на пушь для ней
 извѣспный,
 И въ даль шуманную свой жадный мещепъ
 взглядъ;
 Наставшій день зовешь днемъ щастія, оми-
 радъ; —
 Но солнце воспекло высоко надъ горою;

Все пусто, на пути не видно никого:

„Онъ думалъ, онъ хошѣлъ явиться здѣсь съ
зарёю;

„Что можешь удержать стремленіе его?“ —

Ужъ клонился къ груди взоръ Нины и помился,

И страхъ мучительный средь радости рождался.

На каменной скалѣ смущенная, блѣдна,

Недвижима сидитъ и друга ждетъ она.

Скашилось солнце въ Понть, лучъ слабый до-
гараеть,

И сумракъ на поляхъ вечерній наступаетъ;

Со мракомъ множится въ душѣ ея печаль,

Въ шуманы облеклась, и спитъ окрестна даль! —

Вдругъ слышитъ (о восторгъ!) коня, внезапно,
ржанье,

И спужъ его копытъ, и поля пререпанье.

„Онъ!.. Небо!“ и бѣжитъ — о ужась, передъ ней

Видъ чуждый молніи является быстрѣй;

Нахмурено чело, ликъ всадника ужасенъ:

О Нина! твой супругъ... „Почто еще не съ-
нимъ?“

„Что медлишь? и гдѣ онъ?“ — Недвижимъ и
безгласенъ,

Изверженъ бурей предъ берегомъ роднымъ.

При словѣ Нина семь въ мгновенномъ измѣ-
ненѣ; —

По жиламъ мразь прошекъ, по членамъ цѣ-
пенѣе;

Померкъ блуждающій огонь въ ея очахъ,

Спѣснился въ сердцѣ вздохъ — рѣчь замеря въ
успахъ ;

Поверглась — и надъ ней, соупникъ злой
судьбины, —

Забвенья долгій часъ — преддверіе кончины.

Три раза свѣплая денница настаесть,

Три раза ночи мракъ чреду свою беретъ :

О чудо! къ Нинѣ жизнь явилась съ пробуж-
деньемъ ,

Открылся несмуцень взоръ свѣшлый огор-
ченьемъ ,

Встаесть окружена вниманіемъ друзей ;

Зришь маперь, зришь сесперь рыдающихъ о ней ;

Взглядъ быстрый; на устахъ видна улыбка дика :

Отсутственна ума нещасная улика !

Развѣяны власы, въ ланипахъ огнь угасъ ,

И мать не узнаесть ея невняшный гласъ !

Подобно тѣмъ огнямъ, вокругъ гроба вознесек-
нымъ ,

Копоры, шепляся, свой слабый свѣтъ ліють ,

Незримые очамъ, навѣки зашвореннымъ ,

Гдѣ шлѣніе и смерть печатъ свою кладушь ; —

Такъ сердце въ ней еще любовію пылаесть !

Такъ Богъ, опнявши все, надежду посылаесть,

Безплодный для души, но сладоспный обманъ :

Ждешъ друга своего къ себѣ изъ дальныхъ
спранъ ,

Онъ живъ ! онъ будешъ здѣсь ! онъ вѣрно воз-
вратится !

И скорбное лице улыбкою живишься.
 Въ смущеньи горесшномъ друзьямъ своимъ
 речешь :

„Ушъшьшешь, не шеперь, шакъ завштра онъ
 придетъ!“

Украшивъ щщщательно себя одеждой брачною,
 И свивши въ даръ вввнокъ, идешь опять къ
 скаль,

Зришь издали его, вспашецъ, какъ призракъ
 мрачною,

Въ шуманв облаковъ касаяся земль!

Поникнувъ ждешь его, въ терпѣннн безплодномъ,
 Какъ скорбь, просшершая на мраморъ надгроб-
 номъ. —

Такъ Нина въ гореспи спремннся съ каждыиъ
 днемъ,

Срываетъ ему цвѣшны, въ шомленнн дожидашься,
 Вновь всшрѣчна цасшпыря распрашивашь о немъ,
 И съ прежней пустошой подъ кровь свой воз-
 вращашься.

Лишенная всего, шакъ дни она вела,
 Протекшшее забывъ, грядущаго не зная,
 Лишь новою мечшой духъ скорбный оболъ
 щая; —

И ввсшнницей когда свиданья, смерть пришла,
 Чрезъ время долгое на благосшь преклоненна,
 Въ бореннн шоски, надеждой приведенна,
 Просшерщисъ на скаль, она его ждала. —

Я видѣлъ мирный холмъ, гдѣ Нины прахъ
сокрыли :

Сънисшы яворы свой верхъ вокругъ склонили,
И, будучо съшудя, шумящъ надъ нимъ порой;
Тамъ пушникъ, въ ясну ночь, съ чувствивитель-
ной душой,

Зришь шѣнь ея, луны сіяньемъ освѣщенну;
Вспающу медленно изъ гроба предъ собой,
И мыслишь; нашу жизнь, печальми опягченну,
Украсила судьба надеждою одной!

Милоновъ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Иова гл. VII).

Что жизнь вся смертныхъ ? испытанье ;
А мы наемники , рабы , —
Игра таинственной судьбы ;
Въкъ трапимъ въ мукахъ , въ ожиданьѣ :
Напрасно съ каждымъ новымъ днемъ ,
Себѣ отрады новой ждемъ !

* * *

Настанетъ ночь . . . я сна желаю , —
И въ ночь безъ сна крушусь о днѣ . . .
Увы ! пока не спишь во мнѣ !
Приходитъ день — опять спрадаю ;
Все благо для меня прошло : —
Одно оспалось мнѣ зло.

* * *

Во снѣ мечталъ обрѣсти отраду , —
И мнилъ : мой одръ мнѣ будетъ врачъ !
Уймущся слезы , стонъ и плачь ;
Нѣтъ ! ночь уподоблялась аду :

Гроза носилась надо мной ;
 Мечты смущали мой покой.

* * *

Исчезло наконецъ терпѣнье !
 Не лучше ль жизнь мою прерватьъ ,
 Однимъ ударомъ окончатъ
 Смертейъ безчисленныхъ помленье ? . . .
 О нѣтъ ! не вѣчно жь буду житьъ : —
 Сама прервется жизни нить ! — —

* * *

Смирюсь , Вышній , предъ Тобою !
 Ты жизни духъ въ меня вліялъ ,
 Ты входъ , исходъ предначерпалъ :
 Ты воззовешьъ меня къ покою !
 И , можешь бытьъ , грядущій часъ ,
 Въ семь міръ не заспанешь насъ !

* * *

Какъ вихрь туманы разсѣваешь ,
 Какъ вѣтеръ гонишь облака ;
 Такъ люба времени рука
 Ко гробу смертныхъ увлекаешь .
 Взять новымъ домовищемъ въ плѣнь ,
 Я не узрю родимыхъ снѣнь !

* * *

Ничто я, Боже, предъ Тобюю,
 Ничто но на меня Ты зришь; —
 И бѣдствія сносишь велишь,
 Беда терпѣнія спезею;
 Когдажь, всесильный мой Творецъ,
 Найду я гореспямъ конецъ?

Вина моя и оправданье
 Въ одной лишь слабости моей; —
 Надежда въ милости Твоей,
 А въ смерти — блага упованье!
 Миѣ въ мирѣ счастья не дано:
 За гробомъ вѣрно есть оно!

И. Снегиревъ.

ВЕСНА,

сѣтованіе надъ гробомъ друга.

Гдѣ вы, дни радостей, успѣхъ, очарованья?
Почто вы пролетѣли, щасливый мигъ свиданья!

Ахъ! ешошь щаслива мигъ и былъ, и не бывалъ!

Такъ, здѣсь, на холмѣ семъ, я нѣкогда встрѣчалъ,

Въ объятіяхъ друга, Май веселый!

Гдѣжь я, шеперь? — все здѣсь . . . Но гдѣ же онъ?

Подъ хладной сей доской лишь прахъ оледнѣлый,

Надъ прахомъ милаго мой раздаеися спонъ!

Ужь солнце нову жизнь опяшь дарить вселенной,

И слышенъ общій хоръ природы обновленной.

Зефиръ, сорвавъ съ ручья зимы жестокой плѣнь,

Рѣзвясь въ прохладѣ роць, свободою плѣнень,

Съ молодыми лисьями играешъ, какъ съ друзьями;

Густая мурава неспрѣющихъ луговъ

Подъ крылами его волнуется струями;

Съ журчаніемъ ручья слышь легкой шумъ лѣсовъ. —

Цвѣшты лобзаюцца, какъ въ сладкій часть сви-
данья,
И каждый нѣжныхъ чувствъ стремленьемъ увле-
ченъ,
Сплещясь съ другимъ, дѣлишь съ нимъ рай
очарованья,

И воздухъ ихъ любви дыханьемъ упоень. —
Тамъ скромна горлица подругѣ повѣряеть
То чувство новое, что ей сей день внушаешь. —

И жавронокъ; вѣясь

Надъ зеленеющей поляной,

Поеть, природою и жизнью веселься.

И соловей, подъ сѣнью распланный

Надъ юной, нѣжною семьей,

Окрестность огласилъ всю пѣсню своей.

Спада слѣшатъ въ загонъ тамъ дружную пол-
пою,

И пастухи въ село идуць рука съ рукою.

Поселянинъ, забывъ и попъ имъ пролипой,

И шажкій день заботъ, зришь кровь съ весель-
емъ свой,

Какъ приспанъ шихую, гдѣ вскорѣ насладишься

Весеннимъ вечеромъ въ объятіяхъ друзей;

Гдѣ съ милыми наговорится

О щастьѣ, о любви своихъ блаженныхъ дней.

Все въ радости — а я надъ хладнымъ
прахомъ друга,

Не въ силахъ чувства ихъ священны раздѣ-
ляшь,

Не смѣю съ жипельми всего земнаго круга
 Красы чудесныя Природы восхваляшь. —
 Увы! я чуждъ всего, когда того не спало,
 Кшо счастье составлялъ моихъ пропекшихъ
 дней,
 Коль биться для меня шо сердце переспало,
 Кшпорымъ я дышалъ въ юдѣли скорбной сей! —
 Ахъ, такъ ли я мечпалъ весною насладиться,
 И съ тѣмилъ чувспвами на мѣспѣ семь явишь-
 ся! —

На шо ль здѣсь розы разцвѣли,
 Чшобы лишь утро провели
 Надъ хладною могилой,
 Гдѣ друга моего сокрышь оспатокъ милой? —
 На шо ль раскаты соловья
 Въ тѣни уединенной
 Быль долженъ слышать я,
 Чшобъ съ ними слышь свой спонъ о другѣ не-
 забвенномъ? —

На шо ль мнѣ суждено сей Божій миръ узнатьъ,
 Чшобъ счастья своего ни съ кѣмъ не раздѣляшь? —
 На шо ль заря весны сегодня озлашила
 Блаженную спрану, чшобъ вмѣспѣ освѣпшивъ
 Сей гробъ, гдѣ люша смерть всю прелесшь за-
 ключила,
 Всю прелесшь дней моихъ! и, ахъ! мнѣ
 должно жипь! . . .

О день, день гореспный и вмѣспѣ споль
 блаженный!

Нижна ХХ.

Г

Помедли заходишь, и оставляешь лазурь
Представь еще, представь мнѣ образъ незаб-
венный!

Жизнь друга, шакъ какъ ты, была ясна, безъ
бурь!

Иль, лучше, закашись скорѣе,
Воспоминанія жестоки унеси, —
И вечеръ тихій сей да пролепшишь быспрѣе, —
Да скроешь мрачна ночь всѣ прелести твои!
Всѣ, все послѣдній часъ мнѣ пошь напоминаешь,
Еъ который нѣжный другъ оставилъ здѣшний
свѣтъ,

Какъ солнце ясное щеперь насъ оставляетъ . . .
Всѣ возродило! — его лишь съ нами нѣшь!
Весна, безсмертія зеркало!

Ты здѣсь ужъ своего любимца не нашла; —
Онъ тамъ тебя узналъ . . . тамъ жизни пош
начало,

Что вышнимъ Промысломъ въ удѣлъ ему дана . . .
О другъ! я нѣкогда съ побой шамъ съединюся,
Гдѣ вѣчныя разлуки нѣшь; —

Оставлю съ радостью юдоль спенаній, бѣдъ,
И дружбѣ руку даю, въ міръ лучшій водво-
рюся.

П. Новиковъ.

М Л А Д Е Н Ч Е С Т В О .

(Изъ Матиссона.)

Гдѣ лихо догорая,
Заря межъ липъ сквозишь;
Гдѣ вѣшви чухъ качая,
Ель сирая стоишь,
И вѣшная ограда
Упала индѣ въ ровъ:
Въ шѣни простаго сада
Мелькаешь сельскій кровъ.

*

Спѣшу къ нимъ — приближаюсь;
Дверь сада опвориль; —
Я весь перерождаюсь,
Я въ новый мѣръ спуциль!
И кровля, ужь мѣстами
Подернушая ихомъ;
Дворъ мрачными дубами
Обсаженный кругомъ;

*

Подъ липами густыми
 Рядъ ульевъ; — свѣшлыхъ водъ
 Токъ быспрый передъ ними,
 И сельскій огородъ: —
 Всѣ, всѣ напоминаешъ
 Мнѣ прелеснь юныхъ лѣтъ,
 И шихо пробуждаешъ
 Младенчества разцвѣтъ!

*

Гдѣ ты, чей жезлъ священный
 Срываетъ мракъ гуспой,
 И годы опдаленны
 Являетъ предъ тобой? —
 Проснись съ очарованьемъ,
 Волшебная мечша!
 Укрась воспоминаньемъ
 Мнѣ милья мѣша! —

*

Зрю попопы густые,
 Токъ чистый по песку
 Вѣгущій, гдѣ впервые
 И радость, и шоску
 Позналь я въ юны годы,
 И холмъ, гдѣ мы весной
 Сбирались въ хороводы
 Вечернюю порой! —

*

И дубъ , гдѣ въ щихой сѣни
 Въ день знойной опдыхалъ ;
 Гдѣ въширокъ весенній
 Опъ холмовъ прилепалъ ,
 И въ спящихъ лисцяхъ крылся ;
 Вошъ рѣнисмый ручей ,
 Гдѣ часто веселился ,
 Когда лешалъ мой змѣй ; —

*

Погосшъ , съ правой густою ;
 Вкругъ камней мшистыхъ валъ ,
 Гдѣ медленной спою
 Я въ сумракѣ блуждалъ ; —
 Вошъ мѣсто , гдѣ почвенной
 Къ намъ воинъ приходилъ ,
 На брани уязвленной ,
 О ней вѣщашъ любилъ ; —

*

А гнамъ подь дряхлой ивой
 Дерновая скамья.
 Мечпашель здѣсь счастливой
 Въ волшебные края
 Подь часъ переселялся ;
 Тамъ видѣлъ карловъ , змѣй ;
 Съ Зяланшами сражался ,
 И жилъ въ чертогахъ Фей.

*

Тынь — замокъ былъ зубчатый ,
 Прудъ — бурный Океанъ ,
 Въспвъ клена — конь крылашый ,
 Шалашъ — военной спанъ .
 Звукъ трубъ раздался къ бою !
 И бранью духъ кипишь —
 Лечу ; друзья , за мною ! —
 И блѣдный врагъ бѣжишь .

*

Здѣсь , въ сумрачной державѣ ,
 Съ Плущархомъ я въ рукахъ ,
 Мечталъ о чести , славѣ
 И скрывшихся вѣкахъ ;
 И полный взоръ слезами
 На западъ обращалъ ,
 Гдѣ шихо за горами ,
 День ясный догоралъ ; —

•

А въ высотѣ кашился
 Міровъ блестящій строй . —
 Я къ нимъ переносился
 Воспорженной душой !
 Небесъ родныхъ сіянье ,
 Еще ты для очей
 Не смеркло , и дыханье
 Я пью родныхъ полей !

•

Когда лепучей мглою

Объемлешь сумракъ вась ,

Дубравы , и порою

Мой только слышанъ гласъ ; —

О! дайше насладисься

Мечпами юныхъ лѣвъ ;

И духъ мой обновися ,

Узнавши ихъ привѣтъ !

*

Все будешь здѣсь живѣе ,

Все воскресишь ихъ гласъ !

Пропекшее милѣе ,

Чѣмъ далѣе отъ насъ ;

Его привѣтъ безцѣнной

Ничѣмъ не замѣнишь :

Въ ладѣ ли окриленной

Вселенну облепишь ;

*

Иль за блестящей славой

Взойдешь въ безсмертной храмъ ,

На битвѣ ли кровавой

Ты будешь спрахъ врагамъ !

Хотя бы ты вселенны

Сокровища собралъ , *

И къ небу въ взгроможденныхъ

Чертогахъ обишалъ ; —

*

Всѣ тщетно ! скорбь съ поскою
 Какъ шѣнь, тебѣ во слѣдъ ;
 Грустьшъ пайная съ побою,
 И скучень бѣлой свѣшъ.
 Не веселятъ забавы,
 И темной целеной
 Обвишъ ликъ ясной славы,
 Какъ въ шучѣ, предъ тобой !

*

Все пусто, все смущаешь ; —
 Желанье вдаль влечешь ;
 Но радость — убѣгаешь :
 Въ душѣ чего - то нѣшь !
 И бывъ воспоминанье
 Тебя не усладишь :
 Тамъ слышны вопль, спенанье ;
 Тамъ падшихъ грозень видъ !

*

Но съ рѣзвыми мечтами
 Младенчества миль слѣдъ,
 Развишый передъ нами,
 Какъ пышный Майскій цвѣшъ !
 Такъ ! юносшь бѣдъ не знаетъ ;
 Ея удѣль — покой ;
 За ней, предъ ней лешаешь
 Забавъ воздушный рой.

*

Въ день, солнцемъ озаренной,
Мы слышимъ иногда
Гуль бури отдаленной;
Но юность — никогда.
Ей всё — мигъ настоящій;
Съ цвѣтка къ цвѣтку лешить,
И приракъ чужь блестящій
Невинностьъ веселитъ.
А. Мансуровъ.

ОБЛАЧКО.

Ты, кошорое всечасно
Прихопливо, самовластно,
Виды разные берешь! —
То по воздуху плывешь,
Такъ какъ лебедь бѣлоснѣжной
Величаво по водамъ,
Тихо, плавно, непоспѣшно,
Къ опдаленнымъ берегамъ;
То, какъ соколъ, ты стрѣлою
Пронесешься надъ главою
Шумно, быстро въ высотѣ! —
То вдругъ въ новой красотѣ
Появляешься въ эфирѣ:
Въ часъ вечерня торжества
Въ сребродымчатой порфирѣ,
Въ нѣкомъ видѣ Божества, —
Иль на радужномъ престолѣ,
Иль въ лазурномъ чистомъ полѣ,
Ты, въ сіяніи лучей
Свѣтлозарныхъ денницы,
Иль въ блистаніи огней
Быстрой молнійной зарницы,
Обтекая здѣшний міръ,

Сыплешь яхонть и сапфиръ ,
 Опливаясь чистымъ златомъ ;
 Все — рубинъ , попазь и лаль ,
 Все въ убранствѣ пребогатомъ !
 То вдругъ тонко , какъ кристалъ ,
 Непримѣнно ты рѣдвешь —
 Разбѣгаешься въ струяхъ —
 Разспилаешься — свѣплѣешь —
 Исчезаешь въ небесахъ !
 Облачко разнообразно ,
 Разноцвѣтное , прекрасно ,
 Будь Меркуріемъ моимъ ! —
 По равнинамъ голубымъ
 Быстро , вихремъ понесися ,
 Какъ на радугѣ Ириса ;
 Дальше , дальше на воспокъ . —
 Тамъ за дальнимъ , чернымъ лѣсомъ ,
 За обросшимъ мхомъ утесомъ ,
 Гдѣ внизу шумитъ потокъ ,
 Съ ревомъ падая въ стремнины ,
 А опшоль бѣжипъ въ долины
 Крошко , мирно средь цвѣповъ —
 И извивисто , игривый ,
 Обшекаешь веси , нивы ,
 Основанія холмовъ . —
 Облачко ! вопъ пвой вожапый . —
 Понесись , мой другъ крылапый !
 Вдоль по берегу лепи !
 Да хранипъ шебя въ пуши

Повсемѣстно, всеицупно,
 Благодашный вѣспрь цопупной! —
 Да привѣшь въ бѣлый градъ,
 Возникающій спесиво.
 На крупныхъ холмахъ красивой,
 Гдѣ кругомъ его лежатъ
 Плодоносныя долины;
 Надъ рѣкою древній боръ;
 А вдали объемлетъ взоръ
 Несравненныя каршины: —
 Мирны кущи шамъ и шамъ,
 Въ песпромъ полѣ Божій храмъ,
 Тучны пажиси съ спадами
 И паспушьи шалаша
 Тамъ - шо: — другъ моей души
 Часто съ тайными мечшамы
 Бродитъ пицими спошамы. —
 Облачко! шуда спѣши!
 Тамъ его шы вѣрно встрѣщишь,
 Если шамо - гдѣ примѣщишь —
 Ходитъ дѣвица - краса:
 Томны, нѣжныя глаза,
 Видъ задумчиво - спокойный,
 Величава поступь, спройный
 Спанъ, и грудь бѣла, какъ снѣгъ;
 Облачко! прерви швой бѣгъ! — —
 Спош! красавицѣ дивися!
 Вотъ — мой другъ, мой рай, мой свѣтъ!
 Если жъ шамъ подобной нѣшь —

Въ градъ обратно понесися . . .
 Примѣчай! — вошь милой домъ:
 Не великъ, уединенный,
 Небогатый и смиренный.
 Если другъ мой подь окномъ,
 Прислонясь къ окну рукою,
 Преклонясь къ рукѣ главою,
 Взоръ возводишь къ небесамъ, —
 Ты предстань ея очамъ! —
 Виды разные приеми
 И займи ее собой:
 Ты представь ей дальны земли —
 Дальный городъ — домикъ мой,
 Гдѣ шеперь передь шобой
 Я одинъ грущу безъ милой!
 Пусть вспомнишь обо мнѣ
 Въ чужеземной споронѣ.
 Видь предспави ты унылой:
 Будто нѣка шѣнь съ небесь
 Проспираешь нѣжно руки!
 Не жалѣи ээирныхъ слезъ
 Въ признакъ долгя разлуки:
 Пусть вспомнишь обо мнѣ
 Въ чужеземной споронѣ;
 Пусть почувствуешь спраданье
 Ошдаленнаго судьбой;
 Пусть помыслишь о свиданьи
 Обольщенная меч пой;
 Пусть спѣснишься грудь желаньемъ,

Восколеблется волной,
 Взоръ наполнился поской,
 Съ тайнымъ сердца пререпаньемъ: —
 Пусть вспомнишь обо мнѣ
 Въ чужеземной споронѣ.

Можешь быть такимъ явленьемъ,
 Другъ, вспревожась, ошойдешь
 И, занявшись размышленьемъ,
 Въ садъ иль рощу побредешь
 Тамъ на мягкомъ скапѣ брега,
 Ушомленная опъ слезъ,
 Въ муравѣ, въ пѣни древесъ,
 Гдѣ природы щедрой нѣга,
 Запахъ, прелести цвѣшовъ,
 Тихій шопощъ межъ листовъ
 Перелетнаго Зефира,
 Сладость тонкая ээира,
 Звучны пѣсни соловья,
 Солнца видъ и липъ прохлада,
 Пѣни томныя ручья, —
 А вдали опъ водопада
 Чуть прислышны ропощъ, шумъ;
 Всѣ печали черныхъ думъ,
 Всѣ шоску ея разгонишь,
 Всѣ ко сну, разнѣжа, склонишь
 Слабость въ вѣждахъ . . . Въ членахъ лѣнь. . .
 Чувства пребуюшь покоя. . . .
 Дремлешь Ангель! . . . жарокъ день! . . .

Облачко! скорѣй опъ зноя
 Заслони ее собой,
 Щипъ опъ солнца подвижной!
 Будь красавицы унылой
 Нѣжный зришель, пѣсунъ милой!

Понесися же скорѣй,
 Облачко, мой утѣшишель!
 Вѣрный тайнъ моихъ хранишель,
 Понесися прямо къ ней! . . .
 Жду возврата, злапокрыло!
 Ты мнѣ вѣспку принесешь,
 Гдѣ и какъ ее найдешь?
 Чѣмъ плѣняло, веселило. . . .
 Ты . . . но что я зрю? . . . Гроза
 Въ шяжкихъ пучажъ съ юга вспала;
 Вѣтръ промчался, ночь настала,
 Мглою покрылись небеса: —
 Слилось облачко со шьюю!
 Шумно пролилъ дождь рѣкою;
 Вьешся молнья, грянулъ громъ! . . .
 Гдѣ опрадное мечпанье?
 Гдѣ крылащыхъ мыслей сонмъ?
 Я опяшь одинъ — въ спраданы. . . .

Сушковъ.

Г Р О Б Н И Ц А.

Къ чему безумное желанье —
Покой гробницы нарушать?
Чей скрышь въ ней прахъ, пыты хочешь знать?
О смертный, жалкое созданье!
Что въ имени тебѣ моемъ? —
Теперь — я глыба персти плѣнной!
И пы, подобно мнѣ, мгновенной
Свой кончишь вѣкъ на свѣтѣ семъ. — —
Приди, смиренью здѣсь учишься,
Взгляни на груды сихъ костей:
Найдешь ли въ нихъ шопъ блескъ чесней,
Которымъ духъ твой веселился?
Ахъ! нѣкогда хвалы льстецовъ
И ешопъ гробъ ошягощали;
Повѣялъ бурный вихрь годовъ:
Льстецы и леопъ, какъ дымъ, пропали!
Кто можетъ пепель опличать
Аврелія опъ Магомеда? ...
Здѣсь вѣчной тайной перстъ одѣша,
И щешно подъ землей искашь
Ты будешь славнаго рожденья!
Ты не узнаешь опъ могиль,
Зевесъ, иль рабъ твой предокъ былъ! —

Чшо пишла? — Слабыхъ обольщенья,
 Ничтожный звукъ, однѣ слова;
 Власнищель гордый и подвласный,
 Щаспливецъ міра и нещасный —
 Здѣсь всѣ равны, все — персть одна!
 Пускай спремленіе за славой,
 Пустьъ скупость, жажда золь однихъ,
 Здѣсь кажуть прочность благъ земныхъ.
И смерсныхъ жизнь пворятъ отравой: — —
 Приблѣжьшесь, гордые душой:
 Вотъ честолюбыю насыщенье!
 Здѣсь все: владѣшель и владѣнье
 Въ гробницѣ кроющся одной! . . .

Опшвергнемъ блага мы земныя
 И спанемъ вѣчныхъ благъ искашь!
 Надменныхъ могушь ослѣпляшь
 Мечшы сей жизни золошья! . . .
 Ахъ! и они не избѣгушь —
 Все смерти жертва и спяжанье!
 Фортуна, власшь, честей сіянье,
 Въ могилу съ ними всѣ сойдушь!
 Пустьъ добродѣшель озаряешь
 Нашъ робкій, ненадежный слѣдь,

Книжка XX.

Д

И къ мирной приспани ведеть :
Лишь ею духъ нашъ просіяеть !
Съ ней насъ не въ силахъ смерть сразить !
Ошъ ней въ насъ персь животоформися !
Погибнеть смертный — свѣтъ зашмися —
Но добродѣтель будеть жить !...

Саларевъ.

У С Л А Д Ъ И Л Ю Д М И Л А .

С К А З К А .

К. Н. Б су.

Аполлономъ вдохновенный
Другъ любезный и Поэтъ,
Ты прощаясь, даль совѣшь,
Чтобъ, на скуку осужденный,
Корошилъ я длинный часъ,
И свободными стихами
Я бесѣдовалъ съ друзьями!
Но ахъ! милые, безъ васъ
Какъ стихами занимаешься?
Какъ веселымъ мнѣ казаться?
Такъ и бышь. Вотъ мой разсказъ.

Солнце за лѣсъ заходило;
Съ черноокою Людмилой
Вишязь ѣхаль на конѣ
Въ полудневной сторонѣ,
Гдѣ Днѣпръ быстрый протекаетъ,
И волнами омываетъ
Древній, славный Кіевъ градъ. —
Имя вишязю Усладь. —

Онъ красавицу рукою
 Къ бѣлой груди прижималъ,
 И конемъ своимъ другою
 Храбрый випязь управлялъ.
 Впереди, служитель вѣрный,
 Другъ Улада неизмѣнный,
 Добрый песь его бѣжалъ.
 Вошь и замокъ съ шеремами,
 Гдѣ Уладъ подъ часъ съ друзьями
 Веселился, пировалъ,
 Показался за долами! —
 „Скоро, скоро,“ онъ сказалъ
 Юной спутницѣ, прекрасной,
 „Твой любовникъ нѣжный, страстной
 „Въ свой черпогъ тебя введеть;
 „Щастье прочное насъ ждеть!“ —
 Чшо же? Въ броню облеченный,
 Спрашный рощомъ, Печенѣгъ,
 Вдругъ явился. — „Дерзновенный! —
 „Тщепенъ съ милою побѣгъ!“
 Съ гнѣвомъ онъ кричитъ Уладу:
 „Ты красавицу отдай,
 „Иль найдешь путь скорый къ аду!
 „Что ты хочешь? выбирай! —
 „Не спрашусь шлюей я сила,“
 Храбрый випязь говоритъ:
 „Взоръ прекрасная Людмила
 „Мнѣ въ сраженъи будеть щипъ!“ —
 И съ коня Уладъ слѣзаетъ,

Яростью вскипѣвъ, долой,
 За любовь и честь вступаешь
 Съ Печенѣгомъ въ бой ручной.
 Крикъ въ дубравѣ раздаётся
 Нашихъ двухъ богатырей;
 Кровь изъ нихъ ручьями льётся;
 Но борьбѣ Людмила сей
 Не дивилъся, ожидаешь,
 Скоро - ль будешь ей конецъ?
 Конь дрожитъ, песь спрашно лаеетъ; —
 „Полно! полно!“ восклицаешь
 Неожиданный пришлецъ.
 „Силой равны мы съ побою!
 „Ночь ужъ кроешь темнопою
 „Лѣсъ густой и злачный доль;
 „Пусть Людмила выбираешь,
 „Съ кѣмъ она иди желаетъ!
 „Ей дадимъ на произволь.“ —
 И подавъ Людмила руку
 Печенѣгу, въ потъ же часъ
 Удаляешь опъ глазъ. —
 Какъ сказать Улада муку?
 Окровавленну главу
 Изумясь, онъ преклоняешь;
 Что съ нимъ сдѣлалось? не знаешь,
 Иль во снѣ, иль на яву?
 Смопритъ вдаль — и похишишь
 Возращается назадъ.
 „Песь, швой вѣрный охранишь

„Нуженъ намъ, о другъ Усладъ!
 „Черноокая Людмила
 „Взяшь его мнѣ поручила. —
 „За тобой иди во слѣдъ
 „Если песь мой пожелаешь;
 Съ вздохомъ шажкимъ отвѣчаешь
 Храбрый Вишязь: „спору нѣшь!
 „Я его опдашь согласенъ.“
 Обольспишель пса зовешъ
 И ласкаешъ. — Трудъ напрасенъ.
 Лаешъ песь и прочь нейдешъ;
 Онъ къ ногамъ прилегъ Улада. — — —
 „Въ горь, вошь моя опрада!“
 Вишязь громко закричалъ:
 „Кто любовь мнѣ доказалъ?
 „Песь, мой другъ нелицемѣрной!
 „Я съ нимъ вѣчно буду жить,
 „И красавицѣ невѣрной
 „Онъ урокомъ долженъ бытъ.“ —
 Обожаемый сердцами,
 Поль прекрасный! — не сердись!
 Я невиненъ, улыбнись!
 Вѣдь, не грѣхъ шушишь стихами.
 Лжець и сказочникъ, все шожь.
 Знають всѣ, что сказка ложь.

В. Пушкинъ.

Б А С Н И.

1.

С О В Ъ Т Ъ.

(Изъ Лафонтена.)

Четыре молодца : — Купецъ , да Дворянинъ ,
Паспухъ , да Царской сынъ ,
Въ часъ грозный кораблекрушенья ,
Успѣли на доскѣ спасшись отъ попопленья . —
Въ волнахъ погибло все ; но кто не любилъ
жизнь ? . . .
Спокоясь , обсушась , предавъ прокляшью мо-
ре ,
Раздумались они , что дѣлать въ общемъ горѣ .
Составили совѣтъ . — Принцъ началъ гово-
рить
О бѣдствіяхъ людей , рожденныхъ для короны ,
О бѣдствіяхъ своихъ . — Паспухъ на епу
рѣчь
Оказалъ , что жалобой несчастья не пресѣчь ,
А лучше отъ судьбы искать имъ обороны
Работой и шрудомъ .
Работой , господа , онъ продолжалъ потомъ ,
Не шолько здѣсь себѣ мы вѣрный хлѣбъ най-
демъ ,

Но и до родины дойдемъ!
 На умныя слова не лѣзя не согласишься,
 И рѣшено: — спудишься!
 Купецъ науку числъ и счещъ торговый зналъ.
 Я спану, онъ сказалъ,

Хощь *Ариеметикой* кормишься. —
 Я школу заведу, сынъ Царской перервалъ,
 Гдѣ будущъ у меня *Политикѣ* учишься! —
 А я *Геральдикой* ужъ вѣрно хлѣбъ найду!
 Примолвилъ *Дворянинъ* съ улыбкой увѣренья:
 Кому не мило знашь свое происхожденье? . . .
 — Друзья! сказалъ паспухъ, дождавшись череду:
 Всѣ ваши способы, помочь бѣдѣ и горю

Прекрасны, я не спору;
 Но слишкомъ далеки! . . .
 Бышь безъ обѣда вамъ съ ученостью своею!
 Прощайтежь, оставайтесь съ нею;
 А у меня — естъ двѣ руки! —
 Окончивъ разговоръ, паспухъ мой въ лѣсъ
 пуснулся;
 Тамъ нарубилъ онъ дровъ, связалъ, да про-
 даль ихъ;
 Черезъ часъ къ шоварищамъ съ припасомъ воз-
 врапился,
 И накормилъ ихъ всѣхъ проихъ.

*

Чѣмъ въ нуждѣ жишь мечшой, не лучше ли
 скорѣе
 Надежду полагашь на руки, крѣпость силь? . . .

Такъ добрый Лафоншенъ намъ въ сказкѣ говорилъ,
И я согласенъ съ нимъ: Что ближе, то вѣрнѣе.

Михайло Дмитриевъ.

2.

Бумага и перо.

Скажи мнѣ искренно, всегда ли умъ или чувство
Меня, безмолвную, песприпѣ шебѣ велятъ?
Всегда ли знанье, вкусъ, искусство
Людей на счетъ мой веселятъ? —

Спросила нѣкогда спрадалица бумага
У легкаго пера, которое въ опивѣшь
Сказало пошчасъ ей: мой властелинъ — опвага:
Съ ней покоряюшь свѣтъ.

3.

Талантъ и характеръ.

Признашься ли, сказала Таланту Характеръ,
Что мнѣ подчасъ завидно,
Подчасъ обидно,

Когда люблюшя — не рѣдко выше мѣръ —
Книжка ХХ. Е

Тобой однимъ; когда тебя лишь превозносятъ,
 А обо мнѣ вѣвѣкъ не спросятъ,
 Каковъ, и существую ль я? . . .
 Вопь участь при тебѣ моя! —
 „Будь справедливѣ!“ соперникъ отвѣчаетъ:
 „Тебя — такъ кажешься — никшо не замѣчаетъ,
 Когда соединишь угодно насъ судьбѣ;
 Но смѣло, говорю, послѣднюю тебѣ
 Приносишь всякой дань любви и уваженья,
 Или . . . презрѣнья.“

К. Шаликовъ.

Конецъ тринадцатой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

тринадцатой Части.

Прозаическія сочиненія.

	Стран.
Рѣчь о занятіяхъ Общества. - - - - -	5
Рѣчь о началѣ, ходѣ и успѣхахъ Словесности. - - - - -	19
Разсмотрѣніе Оды Ломоносова: Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.	65
Корни и измѣненія словъ. - - - - -	89

С ш и х о щ в о р е н і я.

Подражаніе 127 Псалму. - - - - -	3
Очарованный лѣсъ. - - - - -	6
Любовь. - - - - -	25
Седьмая Сашира Буало. - - - - -	31
Нина. - - - - -	36
Человѣческая жизнь. - - - - -	44
Весна. - - - - -	47
Младенчество. - - - - -	51

О г л а в л е н і е.

	Стран.
Облачко. - - - - -	- 58
Гробница. - - - - -	- 64
Усладъ и Людмила.	- 67
Басни: 1. Совѣшъ.	- 71
2. Бумага и перо.	- 73
3. Таланшъ и Характеръ.	- —

Т Р У Д Ы
ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1819.

Въ Цевсурный Комишетъ надлежащее коли-
чество экземпляровъ сей книги доставлено.

**ПРОЗАИЧЕСКІЯ
СОЧИНЕНІЯ.**

О П Ы Т Ъ

О ПОРЯДКѢ СЛОВЪ.

(Продолженіе и окончаніе.)

Deus ille princeps parensque rerum nullò magis hominem distinxit a caeteris animalibus, quam dicendi facultate,

Quint. Inst. Orat. I. 2. c. 1.

Еще нѣсколько наблюденій, сдѣланных мною надъ *искусствомъ* располагать слова въ рѣчи, предлагаю на судъ вашъ. Вы благосклонно внимали мнѣ, когда говорилъ я о порядкѣ словъ *Философическомъ* и *Ораторскомъ*; шѣмъ же благосклоннымъ вниманіемъ, надѣюсь, удоспоите и слѣдующія замѣчанія мои о порядкѣ *Естественномъ* и самомъ простомъ, сходномъ съ первыми движеніями души человѣческой — и о *вліяніи сего искусства на развитіе способностей ума* человѣческаго.

Спрашивающъ, отъ чего мы часто не разумѣемъ другъ друга на опечесшвенномъ языкѣ, или передаемъ чувства свои не съ

Книжка XXI. А в

пою силою, съ какою сами ощущаемъ? Безъ всякаго сомнѣнія отъ небрежнаго выбора словъ и отъ необдуманнаго ихъ расположенія; пошому что всякая мысль можетъ имѣть одно только приличное ей выраженіе, равно какъ всякое дерево въ природѣ имѣетъ свой особенной зеленой цвѣтъ; всякое лице особенную выразишельность, всякое сердце свой особенный характеръ. Неопредѣленность словъ, изучаемыхъ нами въ дѣйствіи болышую частію безъ всякой необходимости и случайно, проспирается до шого, что мы, приступая къ объясненію ума своего и сердца, принуждены снова учиться словамъ — мы снова даемъ имъ опредѣленность — снова оплечаемъ сходныя слова. Необходимость въ такъ называемыхъ синонимахъ служишь доказапельствомъ шому спранныму способу ученія языку, копорой, къ нещасію, многіе испытывающъ въ молодости своей. Но мы могли бы обойтись безъ сихъ синонимъ, если бы съ самаго начала узнавали слова съ такою же шочностью, какъ узнаемъ цифры въ Математики. Гораздо

Болѣ ошибаемся мы въ расположеніи и перестановкѣ словъ и даже щеславимся мнимымъ достоинствомъ и опличіемъ языка своего, который будто позволяешъ разбрасывать слова по произволу. Чего ожидаешъ отъ того, кпо, желая избавишься лишняго шруда, разбросалъ бы горошъ лищерь вмѣсто набора? Не то же ли дѣлаютъ шѣ, которые, собравъ въ одну рѣчь нѣсколько словъ безъ всякаго опредѣленнаго порядка, хопятъ, чтобы разумѣли ихъ, или еще болѣе, чтобы сѣ удовольствиємъ ихъ чипали?

Гдѣжъ правила для порядка словъ? спросашъ меня. — *Ихъ должно искать въ законахъ мыслей нашихъ, въ законахъ наблюденій разума и движеній сердца;* попому что языкъ есть выраженіе ума, образъ души. И на сей-то предметъ смѣю обратишь вниманіе ваше.

Естесственное расположеніе понятій не согласнo сѣ Орапорскимъ и совершенно противно порядку Логическому, о которыхъ прежде предлагалъ я свои замѣчанія. Но это должно быть по ходу и развитію человѣческихъ способностей. Философическій по-

рядокъ словъ пребуешъ извѣстнаго совершенствованія ума и обширнѣйшихъ познаній. Первые Поэзы и Орашоры не любили правильнаго расположенія словъ; потому что оно производитъ ясность, а имъ нужно въ особенноти произвести удовольствіе и удивленіе. Сіе правильное расположеніе понятій или словъ имѣетъ неизмѣняемые законы, впрочемъ самые простыя, какъ и всякое совершенство опличаешся простотою. *Первое понятіе, а съ нимъ и слово должно быть то, которое въ порядкѣ понятій прежде другихъ представляется въ умѣ, понятіе начальное, отъ котораго все прочія происходятъ.* Въ эшомъ родѣ порядка словъ вещь предшесствуетъ свойству; потому что умъ, видя свойство, изслѣдуетъ существо, какъ необходимое условіе видимаго качества. Правда, мы смотримъ на рѣку, не доходя до истока ея; но можемъ ли въ умѣ нашемъ представити печеніе рѣки безъ начала или источника, откуда она выливается? Точно также рассказывая о какомъ-либо дѣйствіи, мы прежде упомянемъ о предметѣ или при-

чинъ сего дѣйствія ; потому что существованіе предмета предшествуетъ дѣйствію — надобно прежде бытъ , чтобъ дѣйствовать . Напротивъ обыкновенно тѣмъ предметомъ , къ которому дѣйствіе относится , мы заключаемъ наши мысли и на немъ останавливаемся . Причина , говорю , этому самая простая : *дѣйствіе предполагаетъ причину* . Если въ рассказъ нашѣмъ встрѣчающіяся и постороннія обстоятельствова , по обыкновенно здравый смыслъ великъ ставитъ ихъ или въ концъ рѣчи , или въ началъ , чтобъ не прерывать вниманія и связи въ мысляхъ . Постороннія обстоятельствова , обыкновенно поставляемыя напередѣ , бываютъ тѣ , которыя служатъ приговору и переходомъ къ главному рассказу . Что можеть бытъ простѣ сего закона ? — И не смотря на это , сколько скучныхъ и пягоспныхъ книгъ единственно опъ несоблюденія сей простоты ?

Но при самомъ рожденіи языка и въ то время , когда люди начинали сообщать другъ другу мысли , необходимо должно было выражать длинную рѣчь однимъ

словомъ. Умъ, не привыкшій разлагать мысль, не могъ представити себѣ, что она состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, выражалъ ее однимъ знакомъ, потому что каждая мысль составляла въ умъ его одно представление. Общественства первыхъ людей были почти одинаковы по причинѣ однообразной жизни ихъ — а потому одного знака довольно было, чтобы сообщить другому мысль свою. Сверхъ того тогда человекъ, ощущавшій нужды и потребности, во время, можно сказать, вещественнаго, а не духовнаго существованія своего, не зналъ собственно разговора; если онъ и обращался къ подобнымъ себѣ, то совсѣмъ не для удовольствія, какое мы находимъ въ бесѣдѣ, но для испрошенія помощи, или для отвращенія опасности: тогда нужда рѣшала выборъ его въ знакахъ — и могъ ли онъ свободно и основательно дробить мысль свою и все выраженіе? Въ сіе время младенчества языковъ не должно предполагать правильныхъ формъ рѣчи, означающихъ взаимныя ихъ отношенія и порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ мысли одна за другою. Тотъ-

да не было еще и переменъ въ словахъ — всѣ ч а с п и слова были неизмѣняемыя — дикой говоришь: *я иди*, вмѣсто *я иду*. Причина этому очевидна; правильныя формы показывающъ сравненіе, раздробленіе понятій; но когда вся рѣчь состояла въ опголоскѣ чувства, по могло ли быть наблюдательное размышленіе? Посмотри же на языкъ дикаря: это собраніе выраженій эллиптическихъ или опривиспыхъ — ихъ всегда пѣмъ болѣе, чѣмъ народъ отдаленнѣе отъ состоянія образованности. Дѣши, начиная отвѣчать намъ, выражающа опривиспыми реченіями. После они произносятся цѣлыя выраженія — но все эллиптическія — и для нихъ чрезвычайно труднымъ кажется наше методическое строеніе рѣчи. Глухонѣмые предсказывающъ намъ то, что происходило между всѣми въ младенчествѣ языка — глухонѣмые, говорю, совсѣмъ не имѣющъ цѣлыхъ фразъ — у нихъ одинъ знакъ выражаетъ цѣлую мысль.

Такой языкъ не могъ развивашъ способностей — онъ далекъ отъ философическаго

объясненія предметовъ. Напротивъ онъ силенъ и выразителенъ въ отношеніи къ воображенію ; пошому что впечатлѣніе предмета шѣмъ сильнѣе , чѣмъ болѣе сжапо . — чѣмъ скорѣе и въ меньшее пространство времени предспавляетъ большій рядъ впечатлѣній. Сей еллипсическій языкъ также дѣйствуетъ на насъ , какъ лучи солнца , соединенные въ фокусъ выпуклаго стекла. Онъ всегда служишъ вѣрнымъ признакомъ распроганнаго чувства , воспламененнаго воображенія , или вообще какой-либо страсти. Человѣкъ пронупый не выражается правильной фразой: чѣмъ болѣе онъ распространъ , шѣмъ менѣе говоритъ : отъ того чудесное дѣйствіе языка Орашоровъ и Поэшовъ. Разговорный языкъ просшаго народа есть также языкъ еллиптической ; но сіи еллипсисы уже происходятъ безъ сомнѣнія не отъ распроганной души , а отъ нешерцѣливости и легкомыслія , свойственнаго большей части людей. Видя , изъ какихъ мѣлочей состоишъ разговорный языкъ , не лзя дивиться , что и мыслящій человѣкъ разговариваетъ въ обществѣ ошривисшо , желая

сложишь съ себя пягоспное иго длинныхъ и ничему не навчающихъ разговоровъ. Чашпо мы, желая въ разговоръ найши упшшеніе, наводимъ другъ другу скуку. Сладоспнвшія бесѣды супъ бесѣды одинакихъ умовъ и характеровъ; а въ другихъ разговорахъ не лзя искашь Философіи. Кпо извлюбящихъ науки не испыналъ на себѣ, что, оставляя обыкновенныя общеспва въ свѣшъ, выходимъ съ пустопою души, безъ всякаго нравспвеннаго приобрѣшенія и всегда съ раскаяніемъ о пбшерѣ времени?

Сколько опредѣленность языка имѣетъ вліянія на развитіе и совершенспвованіе способностей, сполько взаимно духъ и характеръ народовъ и вообще человека дѣйспвуетъ на языкъ. Мы не всегда находимся въ одинакомъ соспоянніи при выраженіи мыслей и чувспвованій: опъ того у разныхъ народовъ по различію свойства ихъ различаются и языки. Азіяшцы, опличные въ древности по выраженію пламенному, имѣютъ и языкъ богатый оборотами и выраженіями подражательными. У Кншайцевъ, у сего мудрѣйшаго

народа въ Азіи, въспрѣчаемъ языкъ мѣтодической. Живой умъ Грековъ имѣлъ вліяніе на гибкость языка Омира и Димосеена. Суровый характеръ Римлянъ произвелъ и въ словѣ сего удивительнаго народа обороты, свойственныя болѣе Орашору, нежели Поэшу. Между Европейцами роскошное и блестящее воображеніе Италіянцевъ доставило Аріосту и Тассу сколько способовъ къ подражанію и описаніямъ. Въ Сициліи и теперь употребляется языкъ двѣспвія. Французы по своей проницательности и ловкости владѣющъ языкомъ гибкимъ и опредѣленнымъ. Обищатели угрюмаго Сѣвера не могутъ похвалиться блистательнымъ языкомъ. Мы съ Англичанами и Германцами болѣе переносимъ трудностей, нежели жители Лангедока и Рима; но эша же трудность не ощущается ли и въ языкахъ нашихъ, во многосложныхъ словахъ и въ спеченіи звуковъ жесткихъ и пятоспныхъ?

И такъ даръ слова можетъ имѣть различную цѣль, смотря по различному состоянію души человѣческой и впечатлѣнію, какое должно произвести въ другихъ. Ошъ

сего - то происходятъ въ рѣчи различныя формы въ оборотахъ; *отъ сего мысли, а вмѣстѣ съ ними и слова располагаются въ различномъ порядкѣ.*

Самое простое расположеніе словъ, сходное съ первыми движеніями души человѣческой, показываетъ отношеніе предметовъ къ нашимъ нуждамъ и степень ихъ важности. Люди, начиная взаимно сообщать мысли свои, не имѣютъ въ виду возбудить спрасни или просвѣпши разумъ; они не могутъ продолжительно и постоянно мыслить; имъ не извѣстны ни намѣренія Орапора, ни достоинства Философа. Они слѣдуютъ первому, сильнѣйшему впечатлѣнію, стараются только о сообщеніи чувствъ и единственно желаютъ скорѣе достигнуть цѣли. Въ такомъ состояніи челоѵка безъ сомнѣнія не лзя ожидать, чтобы онъ сталъ выбирать слова и располагать ихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Къ нему ближе мысль о потребности его — и потому онъ напередъ пославипъ по слово, которое нужно передать другимъ — и между многими равно нужными понятиями

ми, онъ выбереть то, которое особенно занимаетъ его изъ всѣхъ прочихъ частей мысли.

Теперь спросить: *какое же реченіе обратитъ особенное вниманіе, какая часть слова человеческого будетъ занимать первое мѣсто въ рѣчи, и существуетъ ли опредѣленный порядокъ для другихъ частей?*

Представляя языкъ въ первоначальномъ его сословіи, нельзя опредѣлить для сего постоянныхъ правилъ; степень важности предмета зависитъ отъ расположенія, въ какомъ мы находимся, и отъ обстоятельствъ, въ которыхъ живемъ. Отъ того одинъ и тотъ же человекъ въ разное время можетъ представлять вещи въ различномъ порядкѣ. Не смотря на то, и въ Естественномъ расположеніи словъ есть порядокъ болѣе общій, — есть правила, которыя могутъ быть приняты за основаніе. Такимъ образомъ человекъ, слѣдующій въ выраженіи мыслей природнымъ побужденіямъ, когда нужно выразить: 1) дѣйствіе, 2) предметъ, который производитъ сіе дѣйствіе, и 3) другой предметъ,

къ которому дѣйствіе относится; иногда первый предметъ, опредѣляемой дѣйствіемъ, будетъ первымъ понятіемъ — съ него начинается Естественный порядокъ словъ; за нимъ слѣдуетъ дѣйствіе и потомъ уже предметъ дѣйствующій. Причина сему та, что предметъ дѣйствія или цѣль, къ которой оно относится, есть всегда главное условіе рѣчи, средина, можно сказать, всѣхъ обстоятельствъ, составляющихъ мысль — и оно самое понятіе должно особенно поразить умъ и сдѣлать сильнѣйшее впечатлѣніе. Непосредственно съ этимъ связано дѣйствіе; а предметъ дѣйствующій заключаетъ вниманіе чловѣка, слѣдующаго движеніемъ чувствъ. — И во всякомъ случаѣ чловѣкъ больше любитъ пытаться узнать слѣдствіе, а послѣ причину. Часто иной, рассказывая что-либо, предполагаетъ, что предметъ, о которомъ идетъ дѣло, извѣстенъ — и тогда только упоминаетъ о немъ, когда, окончивъ рѣчь, примѣчаетъ ошибку свою. Такъ если мноспранецъ намѣренъ выразить желаніе плода, то безъ сомнѣнія прежде всего укажетъ на

Книжка XXI. Б

самой плодъ — скажетъ, желаетъ ли онъ опдашь его другому, или опсавить у себя; поняшье о себѣ самомъ будетъ послѣднимъ. Онъ увѣренъ, что другіе знаютъ, что онъ говоритъ о себѣ и желаетъ для себя; опъ того дикарь говоритъ: *яблоко имѣть хочю я*. Также говорилъ и въ древности Римлянинъ: *malum habere concupiscor*. Желая выразить предметъ и свойство предмета, прежде выразить онъ свойство; потому что оно прежде обращаетъ вниманіе его — оно служитъ предмету одеждою. Для наружныхъ свойствъ нужны однѣ чувства; а чтобы видѣть опношенія предметовъ, потребно наблюдательное вниманіе. У насъ опъ древнѣйшихъ свойствъ языка опталось упопребленіе спавить слова, означающія качества предметовъ, предъ ихъ названіями.

Изъ ешого легко вывесить; *какое вліяніе имѣетъ порядокъ словъ на развитіе способностей ума человѣческаго?* Если онъ зависить или опъ воображенія, слѣдующаго сердечнымъ движеніямъ, или опъ разума, наблюдающаго въ предметахъ и мысляхъ начало и связь; шо со-

Гласно съ происхожденіемъ сего различнаго порядка должно бытъ и различное дѣйствіе : первое расположеніе дѣйствуетъ на чувства, второе на умъ и способности его ; въ первомъ случаѣ возбуждаются съ большею или меньшею силою, движенія сердца, во второмъ правильнымъ расположеніемъ понятій развиваются силы ума и совершенствуются въ приобрѣтеніи познаній. Дѣши, нѣсколько разумѣющіе языкъ свой, уже имѣютъ множество наблюденій и сравненій, о которыхъ они не имѣли бы понятія, если бы оспавались въ состояніи дикихъ. Ихъ можно называть въ своемъ родѣ учеными, когда они начинаютъ говорить съ нами — и тогда, какъ мы ожидаемъ узнать отъ нихъ мысли, часпо слышимъ повтореніе собственныхъ нашихъ чувствованій. Вотъ по чему у древнихъ одно и то же *logos* означало и *разумъ*, или *науку* и *слово*. И они знали, что каждое слово предсавляетъ новое наблюденіе, приобрѣтенное знаніе — что языкъ обогащается открытіями, а открытія взаимно расширяются посредствомъ языка. Филос-

ефическое строеніе словъ, пребующее вниманія, напрягаешъ умственные силы наши; пропуская одинъ знакъ въ рѣчи, или не обращая вниманія на одно мѣсто, мы не получимъ въ точности цѣлой выражаемой мысли. Если же присоединимъ къ тому сорокъ или болѣе тысячъ словъ, составляющихъ языкъ нашъ, всѣ переменны, какимъ слова подвержены, сколько же выражений въ языкъ письменномъ: то сколько наблюдений и упражненія для разума, даже въ простомъ, механическомъ изученіи языка — сколько способовъ для развитія способностей въ изученіи законовъ, которыми подчинены выраженія — равно и въ примѣненіи сихъ законовъ къ разнымъ случаямъ и обстоятельствомъ. Прибавьте къ сему опвлеченія, которыхъ мы не могли бы сдѣлать безъ словъ; — потому что умъ не могъ бы объять всѣхъ подобныхъ свойствъ, находящихся въ предметахъ, если бы не употреблялъ для сего знаковъ, которые заключаютъ въ себѣ собраніе сихъ одинакихъ свойствъ. Сими пособіями мы изслѣдуемъ всѣ отношенія предметовъ во вселенной —

и проникаемъ во всѣ тайны ея законовъ. Языкѣ, заславляя насъ дѣлать новыя заключенія, увеличилъ нѣжды вмѣстѣ съ познаніями; а сіи успѣхи ума смягчили нравы; пошому что въ Морали, какъ въ Механикѣ, чѣмъ болѣе дробятся силы, тѣмъ болѣе шероховатѣ онѣ напряженія: умъ, раздробляя оныя, освобождается отъ ига спраспей — а съ сею свободою усиливается любовь къ добру, и чедовѣкъ съ успѣхами языка непримѣнно начинаетъ входящъ, такъ сказать, въ самого себя.

Важнѣйшая услуга, какую языкѣ оказываемъ уму, состоитъ въ томъ, что онъ приучаетъ вниманіе къ правильности. Мы всегда говоримъ, отдавая отчетъ въ мысляхъ своихъ — не иначе можемъ найти приличное для мысли выраженіе, какъ посредствомъ раздробленія сей мысли — слова наши, для полного смысла, должны имѣть связь и порядокъ: отъ того мы принуждены бываемъ соединить все вниманіе наше въ себя самихъ, отвлечь его отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ и предохранить себя отъ всего, что могло бы нарушить спокойное на-

не наблюдение. Такимъ образомъ, приучая
 внимание къ правильности, мы вмѣстѣ на-
 учаемся и правильному направленію его. Мы
 почитаемъ естественнымъ способомъ изслѣ-
 довать и наблюдать предметы способъ ана-
 литической, которому научаемъ насъ языкъ.
 Съ распространениемъ потребностей человека
 и языкъ начинаемъ входить въ употребленіе
 не для одного изображенія предметовъ, а на-
 чинаемъ показывать отношенія предметовъ
 къ намъ и взаимное отношеніе ихъ между
 собою. Сей способъ, съ самаго начала скуд-
 ный, служащій человеку для извѣсненія дру-
 гимъ физическихъ нуждъ, въ послѣдствіи
 времени научаемъ насъ изслѣдовать собст-
 венныя мысли наши — и мы съ изумлениемъ
 усматриваемъ развитіе способностей ума сво-
 его. Душа, созерцающая себя какъ бы въ зер-
 калѣ, видитъ всю пользу трудовъ своихъ;
 узнавая степень силъ въ способностяхъ
 своихъ, она желаетъ лучше узнать
 ихъ, чтобы лучше употребить на
 свою пользу. Человекъ, удивляющійся вели-
 чію и превосходству существа своего, ка-

жешся, увлекается какимъ-то сильнымъ очарованіемъ къ тому, чтобы сіе существо сдѣлалъ главнымъ предметомъ наблюдений. Тогда находитъ онъ въ самомъ себѣ лучшее общество, общество сладчайшее и полезнѣйшее, нежели въ кругу людей постороннихъ.

Въ слѣдъ за вниманіемъ идетъ воображеніе: оно возбуждаетъ въ умѣ нѣ идеи, которыя уже были замѣчены умомъ; сія способность безъ словъ была бы столько же скудная, какъ вниманіе безъ нихъ было бы недѣйствительно; воображеніе тогда представляло бы предметы первыхъ нуждъ просто и не украшало бы впечатлѣній; подобно опголоску, оно нѣсколько продолжило бы представленіе, но никогда не измѣнило бы его — никогда не представило бы его въ лучшемъ видѣ. Напротивъ языкъ точный и опредѣленный, доставляя новыя средства для соединенія обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ картинъ, вмѣстѣ показываетъ средства для приведенія ихъ въ порядокъ, чтобы произвести сильнѣйшее дѣйствіе. Долженъ ли я упоминать еще объ очаровательномъ дѣйствіи

словъ на воображеніе, когда онъ сопровождается гармоніей? При наслаженіи звуками, слова рождаются въ умъ быстрой, но нѣмъ живѣйшія воспоминанія. А сіе соединеніе гармоніи звуковъ съ гармоніей словъ въ комъ не производитъ еладчайшихъ движеній сердца, и кого оно не возвышаетъ? Жизнь воображенія, сія другая прелестная жизнь человека, сколько прельщаетъ насъ, часто убишыхъ въ мірѣ видимомъ злобою, клеветною и завистью — чію мы только въ мірѣ воображаемомъ спасаемъ свое счастье.

Долженъ ли я доказывать, чію память или воспоминаніе воображаемаго также совершенствуется онъ языка? Мы часто воспоминаемъ имя человека прежде его лица и качествъ — вмѣстѣ съ именемъ представляемъ и его изображеніе. Не принимали ли друзья имени друзей своихъ, какъ безцѣннѣйшее существовавшее сокровище? Не обоготворяются ли имена дружбою, копія въ нихъ хранимъ всѣ свои воспоминанія? Не предаемъ ли и слава попомспиву память безсмертныхъ дѣланій, начерпывая

въ храмахъ и на памятникахъ имена великихъ мужей?

Но если слова имѣютъ столь великое дѣйствіе на способности наши, то какимъ образомъ, скажутъ, *объяснить себѣ, что порядокъ словъ имѣетъ вліяніе на умъ целовѣческой?*

Опѣтивъ на это слѣдуетъ самъ собою изъ предыдущаго благо обозрѣнія дѣйствія вообще языка. Слова, отдѣльно взятыя, еще не составляютъ языка, равно какъ камни не называются зданіемъ: одно только правильное спроеіе словъ въ рѣчи нашей, ихъ приличное расположеніе или порядокъ составляютъ языкъ. Правильность и опѣнее зависящая красота зданія есть произведеніе правильнаго ума зодчаго: также и въ краснорѣчїи красота сочиненій зависитъ отъ правильности ума писателя. И можно ли убѣдить другаго въ тѣхъ истинахъ, которыя намъ самимъ представляются сбивчиво и темно? Тотъ только совершенно проникаетъ предметъ свой, кто въ настоящемъ порядкѣ продолжаетъ свои наблюденія. Если же нужно сіи наблюденія ума выра-

зидь : то онѣ не должны ли имѣть то же расположеніе, въ какомъ находятся и понятія? И чѣмъ вравяпся намъ всѣ произведения природы? Неизмѣнимымъ порядкомъ. Самая *вселенная*, по словамъ Пифагора, не есть ли *порядокъ*? Удивляющія иные тому, что нравственныя истины и на нихъ основанныя науки не такъ точны и опредѣленны, какъ истины математическія. Дѣйствительно, для тѣхъ онѣ не опредѣленны, которые во всю жизнь не обращали вниманія на себя самихъ, на постепенное развитіе и совершенствованіе способностей, — которые не примѣчали, что первыя знанія человека и возвышенность души его зависятъ отъ языка; и чѣмъ къ счастью въ семъ первомъ руководствѣ, тѣмъ погнбъ бываетъ и послѣ счастливейшимъ наблюдателемъ, болѣе или менѣе промисательнымъ, ученымъ и глубокомысленнымъ. И болышей части людей не учившихся въ чемъ состоятъ свѣдѣнія, какъ не въ естественной системѣ языка? И что самый языкъ, какъ не собраніе болѣе или менѣе правильное приобретенныхъ наблюдений въ природѣ физической

и моральной? Законы же какъ въ видимомъ мѣрѣ, такъ и въ нравственномъ, одинаковы и неизмѣнны. Если они и кажутся намъ непочными и неосновательными: по себѣ зависящъ отъ непочности знаковъ, которыми выражаемо свои наблюденія. Можно ли дивиться несогласію въ мнѣніяхъ нравственныхъ, при столь различномъ объясненіи словъ, или знаковъ, выражающихъ чувствованія и мысли, при столь разнообразномъ спроектированіи ихъ и соединеніи? Напрощивъ отъ чего всѣ мыслящіе люди согласны въ истинахъ? Отъ единства ихъ понятій, отъ одинакаго употребленія знаковъ понятій. Сии мыслящіе люди по одному какому-либо признаку въ чловѣкѣ безошибочно дѣлающъ заключенія о его свойствахъ и образѣ мыслей; они по дѣйствіямъ чловѣка насмѣвающимъ несомнѣнно заключающъ о будущихъ. Въ этомъ случаѣ заключенія ихъ столько же вѣрны, какъ выкладки математическія.

Таковыхъ успѣховъ не должно ли ожидать отъ ума чловѣческаго при нынѣшнемъ разликѣ свѣта наукъ? Для сего изученіе языка, безъ сомнѣнія опечесновеннаго, на

которомъ мы прежде всего узнаемъ предметы и самихъ себя, должно состоять не въ механическомъ ученіи однихъ словъ, а въ разложеніи понятій, ими выражаемыхъ, въ наблюденіи ихъ связи и порядка, въ указаніи на то, какимъ образомъ изъ простаго состава мыслей образуются обширныя системы наукъ и всѣхъ знаній человѣческихъ. Кто сбивчиво представляетъ и выражаетъ мысли свои, отъ того не лзя ожидать точности и правильности въ чувствованіяхъ и поступкахъ, всегда зависящихъ отъ образа мыслей. Но кто научился одну мысль выражать въ порядкѣ, помѣ расположивъ въ порядкѣ и цѣлый рядъ мыслей — цѣлую науку; помѣ будешь соблюдать таковой же порядокъ и въ приобретеніи новыхъ свѣдѣній; а отъ расположения мыслей зависишь и расположеніе воли и нравственныхъ поступковъ. И въ семъ только случаѣ оправдывающся слова Квинтильяна: *что Провидѣніе особенно отличило человека отъ прочихъ твореній даромъ слова.*

Ив. Давыдовъ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СИНОНИМЪ.

1) *Спокойствіе, миръ, тишина.*

Спокойствіе противопологается волненію, *миръ* — враждѣ, *тишина* — шуму. *Спокойствіемъ* и *тишиною* мы одни наслаждаемся можемъ, но *миромъ* наслаждаемся мы съ другими. Человѣкъ *мирный* ни съ кѣмъ не заводитъ ссоры, *тихий* не дѣлаешь никому помѣхи, *покойный* никого не тревожитъ. Опъ беззаботливости раждается *спокойствіе*, согласіе награждаетъ *миромъ*, уединеніе — *тишиною*. *Спокойствіе* дѣлаешь человека счастливымъ, *миръ* приноситъ ему довольство, а *тишина* — свободу. *Спокойствію* вредятъ ссоры, *тишинѣ* развѣянность, *миру* — враги.

2) *Избавить, освободить.*

Мы *избавляемся* опасности, когда она близка къ намъ; но когда мы совершенно въ нее впадаемъ, въ такомъ случаѣ должно

освобождаться. Обвиненнаго можно *избавить* отъ заключенія, когда онъ пользуется еще свободою; но если обвиненный уже въ пѣмницѣ; тогда надобно искать способовъ *освободить* его. Россія въ 1812 году *избавлена* отъ Наполеона; Франція *освобождена* отъ него.

3) *Послушный, покорный.*

Послушный внимаеиъ, *покорный* повинуется. *Одинъ* поступаетъ по приказанію, *другой* почиаетъ себя въ обязанности такъ поступать. *Непослушный* не исполняетъ повелѣній, *непокорный* дѣлаеиъ еще напроливъ: *непослушный* виновенъ, *непокорный* пресѣупникъ. *Послушаніе* предполагаетъ наружный видъ подчиненности; *покорность* означаеиъ всегда подчиненность, основанную на душевномъ расположеніи. Хорошо воспитанное дитя *послушно* совѣшамъ наставниковъ и *покорно* волѣ родительской.

4) *Скрывать, таить.*

Мы иногда просио *скрываемъ* какую нибудь вещь, *таимъ* всегда съ намѣрені-

ѣмъ и припомъ беремъ на себя припворную наружность. *Скрывая* горесъ, мы еще не кажемся веселыми; но *тая* горесъ, мы принимаемъ веселый видъ. Чшо переспаюшъ *скрывать*, шо показываюшъ; чшо не *таятъ* болѣе, шо объявляюшъ. Мы не проникаемъ въ *сокровенное*, *таинственнаго* не постигаемъ. Кто хочетъ *скрыть* свое намѣреніе, шому нужно шерпѣніе; чшобы *утаить* его, надобно имѣшъ большое искусство.

Б) *Защищаться, обороняться.*

Защищаясь — мы шолько отражаемъ удары; *обороняясь* — наносимъ ихъ своему непріятелю. Осажденные *защищаютъ* укрѣпленія, сражаясь на стѣнахъ и опшбивая присупающихъ; *обороняютъ* крепосшь — дѣлая вылазки и врываясь въ непріятельскіе окопы. *Защищая* невиннаго челоѣка, мы опровергаемъ возводимыя на него пресупленія; *обороня* его, мы обнаруживаемъ его невинносшь, обвиняя съ шѣмъ вмѣстѣ несправедливыхъ доносицелей.

6) *Перестать, кончить.*

Перестать работаешь, не значить еще совершилъ работу: послѣ нѣкотораго времени снова за нее принимаются; *кончатъ* дѣло тогда, когда уже оно совсѣмъ довершено. Спарики большею частію любящъ *не переставая* говоришь о разныхъ мащериахъ, ни одной не *оканчивая*.

7) *Сносить, терпѣть.*

Мы *сносимъ* — когда у насъ достаетъ силы; *терпимъ* по необходимости; если мы *сносимъ* обиды, то онѣ не очень протрагивающъ насъ; *терпимъ* же ихъ въ шакомъ случаѣ, когда не можемъ опѣ нихъ избавишься. Для *одного* попребно шолько хладнокровіе, для *другаго* мужество. Чшо *несносно* — шо можно еще *терпѣть*: опѣ *нестерпимаго* погибающъ. *Несносно терпѣть* жестокие поступки; должно *терпѣливо сносить* несчастіе. *Сносятъ* иногда сѣ жалобами, *терпятъ* безъ ропшанія.

8) *Принудить, приневолить.*

Несоглашающихся *принуждаютъ*; *приневоливаютъ* же шѣхъ, которые проши-

вяпся. Въ *одномъ* случаѣ чѣмъ менѣе упо-
 шребляеяса власши, тѣмъ менѣе бываеяса
 сопротивленія; въ *другомъ* — большой си-
 ль усшупаеяса большая непокорность. Ль-
 нивыхъ *принуждаютъ* угрозами; но когда
 онѣ не производяса дѣйсствія, тогда *при-*
неволиваютъ ихъ наказаніемъ.

9) *Бѣдность, убожество, скудность,*
недостатокъ, нищета.

Если соединишь крайности — то съ
бѣдностію будеяса богатство; *убожество*
 сблизися съ довольствомъ; зажиточность
 на ряду спанеяса со *скудностію*; подлѣ *ни-*
щеты будеяса излишество; подлѣ *недо-*
статка — доснашокъ. О *бѣдности* и
богатствѣ заключающъ по сравненію: вель-
 можа, получающій миліонъ годоваго дохода,
 назовеяса бѣднякомъ другаго, у котораго
 всего имѣнія не болѣе ста тысячъ; *убо-*
гимъ назваеяса можно увѣчнаго, нуждаю-
 щагося въ самыхъ необходимыхъ вещахъ;
скуднымъ — кто прудами снискиваетъ себѣ
 пропитаніе; *недостаточный* человекъ не
 имѣеяса всѣхъ вещей, приличныхъ его зва-
Нижка XXI. В

нію, хопя имѣетъ вещи необходимыя; *нищета*, прешерпѣвая недоспапокъ даже въ прописаніи, живетъ однѣмъ подаяніемъ: она показывается въ самой наружности. Изъ *бѣдности* многіе не могутъ выдти опъ спеченія неблагопріятныхъ обспоятельствъ; изъ *убожества* шѣ полько, копорые имѣютъ умспвенные или шѣлесные недоспашки; *скудность* бываетъ всегда жребіемъ шѣхъ людей, копорые, не имѣя никакого соспоянія, не привыкли шрудитъся; въ *недостаткѣ* оспаютъ мечшашели, копорыхъ пущныя желанія не ограничиваютъ ихъ званіемъ. Изъ *нищеты* никто не выдетъ самъ собою безъ помощи другихъ.

го. *Границы, предѣлы.*

Граница есть черта, опдѣляющая одну вещь опъ другой; *предѣлъ* есть прешспвіе, копорое не позволяетъ далѣе распроспранятъся. На западныхъ *границахъ* Россіи нѣтъ никакихъ преградъ, но Сѣверные *предѣлы* ограждены непроходимымъ Ледовитымъ Океаномъ. За *границами* продолжается по же самое, что и въ нихъ бываетъ заключено: за Россією слѣ-

дуеѣтъ Пруссія, Австрія, Турція; съ *предѣлами* же оканчиваеѣтся то, что въ нихъ находилоѣся: за Сѣверными *предѣлами* нашего опечества нѣшѣ болѣе ни Государствѣ, ни земли; за *предѣлами* дней нашихъ нѣшѣ жизни. Выходя изъ *границѣ* благопрістойности, мы еще не сполько погрѣшаеѣмъ, какъ тогда, когда выходимъ изъ ея *предѣловѣ*. Желанія наши *ограничиваются предѣлами* жизни.

11) *Тьма, мракѣ*.

Оба слова означающѣ сокрытіе свѣта; но *тьма* показываеѣтъ скоропреходящее лишеніе свѣта, *мракѣ* продолжительное: говорится *затмѣніе* солнца, но не *помраченіе*. *Первая* соспавляетъ одно отсутствіе свѣта, *другой* совершенное отрицаніе: *лричная* ночь ужаснѣ *темной* ночи. *Первое* слово даеѣтъ понятіе о тѣни, *послѣднее* о чернотѣ. *Затмившаяся* слава скрываетъ на время; *помрачившаяся* совѣсьмъ исчезаеѣтъ и покрываетъ поношеніемъ.

Саларееѣ.

В

О ГЛАВНЫХЪ СИЛАХЪ ТРАГЕДІИ У ДРЕВНИХЪ И НОВѢЙШИХЪ НАРОДОВЪ.

Безпрестанно швердятъ Спихопворцамъ, вступившимъ на драматическое поприще: подражайте древнимъ! — Они опцы Трагедіи, они ея образователи. Подражайте древнимъ! повпоряютъ ученые съ своихъ кафедръ. — Подражайте древнимъ! восклицають вообще всѣ Любители Словесности Греческой и Римской. — Сей соединенный голосъ, повпоренный всѣми вѣками и народами, оправданный безчисленными опытами и шоржеспвеннымъ признаніемъ Мужей безсмертныхъ, блистающихъ въ обширномъ царствѣ всѣхъ наукъ и искусствъ, долженъ имѣть безъ сомнѣнія неопровергаемую важность и силу. — Древніе видѣли природу безъ покрывала: она удоспоила ихъ избрать своими любимцами, и съ совершенною, шакъ сказашь, довѣренностію, изобразила сама себя въ ихъ неподражаемыхъ

пвореніяхъ , и сіи пворенія сдѣлались для насъ послѣ истиннымъ ея зеркаломъ. — Эпо безспорно. — Но если съ одной спороны обратимъ мы вниманіе на Испорію однихъ Грековъ , въ цѣпущемъ уже соспоаніи образованности общеспвенной ; по легко примѣшимъ можемъ , что ихъ образъ подражашъ природѣ , ихъ вкусъ , ихъ способы дѣйспвовапъ , весьма измѣнились и измѣнялись безпреспанно до самаго совершеннаго упадка Словесности изящной. Тѣ ли Греки были при Периклѣ , послѣ Александра Великаго и подѣ владычествомъ Римлянъ ? — Чипайше Орапоровъ , Философовъ , и вы найдешъ весьма яркіе оппѣнки во вкусѣ , въ чувспвахъ , въ благородствѣ , въ самомъ языкѣ. — Эпо и бышъ шакъ долженспвоало ; ибо движенія , дѣйспвія Словесности изящной и вообще вкусъ совершенно зависяптъ опѣ вліянія обспояпельспвѣ цѣлаго народа счаспливыхъ , или несчаспливыхъ , опѣ духа національнаго , увлекаемаго и волнуемаго бурео времени. Съ другой спороны обымпше взоромъ длинный рядъ вѣковъ , копорые опѣдѣляющѣ опѣ насъ Грековъ и Римлянъ. —

Сколько переменъ въ нравахъ, обычаяхъ, правленіи, въ способъ мыслишь и дѣйствовашь, въ самомъ образованіи человѣческаго ума, въ его ходъ и успѣхахъ! . . . Сколь много увлеченные неборимыми силами судьбы паинственной опдалились мы отъ природы, которая была столь близка къ Грекамъ! — Такъ ли мы на все смопримъ? такъ ли мы понимаемъ? — Могущъ ли быть во всей почности ихъ удовольствіе нашимъ удовольствіемъ, ихъ собственное изящное нашимъ? — И такъ въ семъ отношеніи кажущся, правило: *подражать древнимъ*, должно принять, по необходимости, весьма важныя ограниченія и измѣненія. — Это особенно относится къ Драмѣ, которая ничто иное есть, какъ видимое изображеніе или наспоятцихъ нравовъ народныхъ, или по крайней мѣрѣ примаровленіе къ нимъ древнихъ и чужеземныхъ. — Отсюда слѣдуешъ вопросъ: до какой почкы мы, новѣйшіе, сопвѣспвенно степени образованности и усовершенствованія искусства, можемъ подражать древнимъ, и въ чемъ особенно? — Чшобы рѣшилъ сей вопросъ, надобно имѣшь

подробнѣйшее понятіе о шеатрѣ Грековъ, о главныхъ его средствѣхъ и цѣли, и потомъ разобравъ цѣль и средства нашего шеатра, сравнишь ихъ между собою. — Предметъ великой и весьма полезной для успѣховъ вообще Словесности, а наипаче драматической — эпошъ прудъ, по всей справедливости, принадлежащъ вамъ, Почтеннѣйшіе Сочлены. Единственна по привязанности моей къ сему роду сочиненій, осмѣливаюсь я обратиться на него прозорливое и ученое вниманіе ваше. По ограниченности свидѣній своихъ предспавлю здѣсь на благоклонное разсужденіе ваше нѣкопорыя только поверхностныя мысли *о духѣ и силахъ древняго театра въ сравненіи съ новѣйшимъ*. Имѣя въ виду одну только пользу Словесности, надѣюсь, что вы проспите мнѣ сіе и исправите мой недоспашки. Сначала буду я говорить вообще о происхожденіи Трагедіи и ея свойствахъ, потомъ предложу краткое начертаніе Эдипа Софоклова, а наконецъ постараюсь сравнишь дѣйствія и успѣхи древней и новой Мельпомены. —

Трагедія сущестпованіємъ своимъ обязана не искусству, но природѣ, и случай открылъ первыя ея начала.

Празднества, копорыя Греція отпра-вляла въ честь Бахуса, были поводомъ къ ея возрожденію. Бахусъ почипался богомъ собиранія винограда и веселій; — ему приносили на жершву, какъ извѣстно, козла, и во время сего жершвоприношенія жрецы и народъ, во славу божества сего, пѣли хоромъ гимны, копорыя, по качеству жершвы, были названы *трагедією* или *пѣснію козла* *Τράγος ᾠδή*.

Торжештво сіе было вмѣстѣ и великолѣпно и спрашно. Народъ, спарцы, юноши, жены и дѣвы раздѣлялись на двѣ часпи и пѣли попеременно хвалы въ честь благошворнаго бога. Чшобы сей всеобщій обрядъ богопочишанія сдѣлашь нѣсколько разнообразѣе, послѣ придумали предспавляшь, между обыкновенными гимнами, одно дѣйствующее лице, копорое предлагало бы народу нѣкопорыя знаменипыя повѣспованія изъ испоріи похода Бахуса, а попомъ другихъ Героевъ, какъ то Геркулеса, Промеша и про-

чихъ. Тесеисъ первый весьма удачно занялъ сею новостію народъ младенчествующій и любопытный, особливо къ повѣствованіямъ своихъ боговъ и предковъ. Ободренный первымъ успѣхомъ, Спихопворецъ осмѣлился ввести въ повѣствованія свои предметы, даже поспоронніе — и это также было принято съ одобреніемъ. На послѣдокъ рассказъ былъ раздѣленъ на многія части, многократно прерывающія пѣніе. На пр. въ одной части повѣствовали о путешествіи Цереры и похищеніи Прозерпины; въ другой о испребленіи чудовищъ, ужасныхъ для Апшики и мѣстъ сосѣдственныхъ — и такъ далѣе. Такимъ образомъ непрерывно умножалось удовольствіе разнообразіемъ и привлекало охотниковъ до зрѣлища.

Эсхилъ сдѣлалъ другой шагъ, которымъ уже опредѣлена была форма будущаго великаго искусства во всѣхъ его безчисленныхъ отношеніяхъ. Онъ вмѣсто одного ввелъ двухъ актеровъ — онъ опецъ діалога, и слѣдовательно Драмы. Такимъ образомъ силой необыкновеннаго Генія повѣствованіе превратилось въ дѣйствіе. Сами собою развер-

нулись спроси; усилилась занимательность; составились завязка и развязка; дѣйствующія лица получили характеры и приличной имъ способъ выражать свои мысли и чувства. Между тѣмъ хоры, копорые въ началѣ были главнымъ основаніемъ зрѣлища, сдѣлались теперь нѣкопорою поспороннею его принадлежностію, и употреблялись только въ междудѣйствіи драматическомъ. — Вотъ колыбель истинной Трагедіи.

Предсхавивъ кратко исторію Трагедіи, опредѣлимъ ее теперь въ томъ видѣ, какъ она предсхавляется намъ на степени древняго ея величія. — Она естъ подражаніе дѣйствія возвышеннаго, благороднаго и вмѣстѣ гореспнаго, копорое, дѣйствуя на насъ посредствомъ страха и соспраданія, приноситъ чистое удовольствіе. —

Долго, весьма долго Геній изящнаго долженъ былъ блуждать по разнымъ степямъ для досхиженія цѣли своей, пока открылъ сію высокую пайну дѣйствовашъ на сердце человѣческое посредствомъ ужаса и соспраданія. — Мы прежде сказали, что въ пе-

вѣспованіяхъ, при Ортіи случавшихся, заключались благодѣянія боговъ и подвиги Героевъ, и что сіи повѣспованія болѣе и болѣе привлекали зритель. Это обыкновенно должно было сперва удивить, послѣ сдѣлаться обыкновеннымъ и наскучить. Но дѣятельность Генія чрезъ это не только не упоминаясь, но еще почувствовала въ себѣ новую ревность къ изысканію другихъ способовъ: — онъ обратился къ природѣ человѣческой, осмѣлился проникнуть во внутренность человеческого сердца: онъ разсуждалъ самъ съ собою.

Человѣкъ рожденъ робкимъ и сострадательнымъ. Когда онъ видитъ своего ближняго въ опасностяхъ, которыхъ легко могутъ и съ нимъ случиться, въ то время невольно чувствуешь страхъ, какъ будто при своихъ собственныхъ. Горести другихъ огорчаютъ его, несчастія перзаютъ. Всякое иное ощущение было бы слишкомъ сильно, или слишкомъ слабо, или не доставляло бы намъ никакого удовольствія. На прим. ненависть мрачна и тяжка, опущеніе несносно для насъ. Медеъ не по-

зволено перзашь дѣшеи своихъ на сценѣ и жестокому Апрею угоповлять на ней свое опврапительное пиршество. Все это униженительно и убійственно для человечества, представляя его въ видѣ презрительномъ. Но ощущение радости? Конечно, оно сладостно, однакожъ кратковременно. Сие чувство въ душѣ нашей подобно произрастѣнію чуждому, которое прозябаетъ и гибнетъ въ одно мгновеніе отъ перваго пропивнаго вліянія. — Да будетъ же оно, сказалъ Гений, силою поспороннею, но не главною въ моихъ произведеніяхъ! — Пойдемъ далѣе.

Доблесть героическая, величіе души, твердость, перпѣніе, все, что носитъ на себѣ нѣкошорую печать божественнаго; наконецъ все чрезвычайное въ добротѣ и злобѣ, возбуждаетъ удивленіе, испугленіе, восторгъ людей обыкновенныхъ. — Не можетъ ли оно быть душою Трагедіи? — Нѣтъ. Когда люди удивляются, тогда еще не значить, что они любятъ. — Удивленіе холодно и исчезаетъ при повшорительномъ явленіи одного и того же предмета. Припомъ оно болѣе или менѣе оскорбляетъ

человѣческое самолюбіе. Оно не вѣрно. И пакъ гдѣ же должно искашь истинной, прочной основы для Трагедіи?

Счастливецъ чуждъ состраданія. Самая высокая добродѣтель, если она не въ опасности, не въ несчастіи, не можетъ имѣть сильнаго вліянія. Душа человѣческая спремится на помощь слабому и невинному, копорыхъ бѣдствіе обременяетъ и преслѣдуетъ; но она мгновенно оставляетъ ихъ, какъ скоро несчастіе отъ нихъ удалится. Страхъ и состраданіе умножаются по мѣрѣ, какъ увеличивается опасность, и не оставляютъ насъ до той самой минуты, въ которую всѣ узлы завязки разрѣшаются; но удивленіе и радость напротивъ открываются въ душѣ чловѣка вдругъ во всей своей силѣ, и слабѣютъ почти въ самомъ рожденіи своемъ. — Такъ думалъ Геній и снова обратился наблюдать впечатлѣнія, производимыя Стихотворцами на сердца зрителей. Какая намъ нужда, кто первый смотрѣлъ удачнѣе: Аристокель, или Платонъ; довольно, что всѣ они рѣшиительно опредѣлили, что произшествія, въ копорыхъ спра-

даєтѣ невинный, или по слабости, свойственной всѣмъ челоукамъ, или даже шамиспенною судьбою завлеченный въ преступленія и наказывающійся богами всемогущими, всегда болѣе прогали, долѣе оспавались въ сердцахъ, нежели всѣ другія произшесствія. Вотъ начало и главная основа Трагедіи! Она споль вѣрна, что, не смотря на всѣ измѣненія и переворопы народовъ и вѣковъ, оспалась и для насъ споль же священной, какъ была и для древнихъ. — Но невозможно, чтобы въ народъ свободномъ, подверженномъ въ продолженіи времени различнымъ вліяніямъ со стороны правительсва, вѣшнихъ непріятелей и другихъ обспоятельствъ, не поперѣло перемѣны вообще сіе споль любезное для всѣхъ изобрѣшеніе. —

Въ самомъ дѣлѣ полипическія опношенія Греціи, соспавленной изъ многихъ Республикъ, шребовали, чтобы Трагедія имѣла двѣ главныя цѣли: одну опноситель но къ богослуженію, другую къ правительсву. Спрахъ къ богамъ, ограждаемымъ мрачною неизвѣстностію, и ненависть къ

пиранамъ, копорыхъ непрерывно боялись — вошъ уроки, какіе представляла она для народа. Съ одной стороны великіе люди временъ героическихъ, но слабые, безразсудные, порочные, способные ко всякой крайности, обремененные ужасными преспуленіями, разипельно напоминали, сколь опасно вручишь жребій свой волю одного гражданина, и въ то же время льстили духу свободы, представляя, что всъ люди сильные и слабые равно зависяшъ отъ неизбежной, паинственней и верховной власпи судьбы. Осада Фивъ, Трои, басни о Геркулесъ, Миносъ, Таншалъ составляли неиспощимый запасъ преспуленій и бѣдствій знаменитыхъ. Сіи самыя непреодолимые герои, какъ слѣпая жершва боговъ и судьбы, возвъщали смерпнымъ ихъ совершенную зависимость, и внушали во всѣхъ священный ужасъ и благоговѣніе. Все это придавало зрѣлищу нѣкое непоспижимое и мрачное величіе. — Вопіи на чемъ основывалось дѣйспвіе почти всѣхъ Трагедій Греческихъ. Мы, озаренные свѣпомъ разума и благодатию Ошкровенія, никоимъ образомъ не въ состояніи поспиг-

нупь, какъ могло споль нелъное начало бытъ испочникомъ одного изъ важнѣйшихъ заняпій и удовольствій цѣлаго народа, сполько въ другихъ опношеніяхъ образованнаго и просвѣщеннаго. Судьба, верховная воля боговъ, часпо спранная, несправедливая и жестокая, управляла всѣмъ на землѣ — и опъ этого спрадали невинность и добродѣпель, не смѣя жаловаться, а порокъ поржеспвовалъ до извѣстной роковой минупы. Есть безъ сомнѣнія спрахъ спасительной, копорой дѣлжно возбуждать въ насъ — но это не есть спрахъ слѣпой, раждающійся опъ случайныхъ произшеспвій, коихъ избѣжать выше нашихъ силъ. Привычка смопрѣть на такое зрѣлище, гдѣ чловѣкъ бываетъ сполько игралищемъ спайнспвенной судьбы, гдѣ самый пупъ добродѣпели ведетъ часпо къ преспупленію, гдѣ мудрость вѣнчаепся несчастіемъ, гдѣ поприще жизни чловѣческой усѣяно сѣпями, пернїями, пропаспями неизбежными — такое зрѣлище, говорю, судя по характерамъ людей, долженспвуетъ производишь два прощивныхъ дѣйствїя. Если оно предспав-

ляется слабымъ, копорыхъ число гораздо больше, по оно содѣлываетъ ихъ безпокойными, боязливыми, малодушными, а мужественныхъ отъ природы больше рѣшительными на все; но въ томъ и другомъ случаѣ увѣренность въ предопредѣленія производишь по, что мы никакъ не дорожимъ своею жизнью и жертвуемъ всѣмъ первому впечатлѣнію, копорое почищаемъ внушеннымъ свыше. Коль скоро мы вѣримъ въ необходимость, по мудрость спановицца уже бесполезною; порокъ и добродѣтель смѣшивающся, и не существуетъ больше ни правъ, ни обязанностей! —

Не сполько для меня кажешся спрачнымъ другая цѣль Греческихъ представлений, опноспительно къ правительству;— она совершенно происпекала и должна происпекашь изъ духа народнаго и образа правленія. — Тамъ, гдѣ всякой имѣлъ право бышь первымъ по своимъ талантамъ, или проискамъ, гдѣ каждому ошкрыты пути къ первымъ почестямъ Республики, гдѣ все завистло отъ числа голосовъ, составленныхъ изъ необразованной черни: шамъ весьма ещепе

Книжка XXI. Г

спвенно должны были рождашься разныя спорящія спороны, другъ друга преодолевашія и успупавшія другъ другу. Сильные боролись; слабые, участвуя равно въ ихъ побѣдѣ и проигрышѣ, спрадали; тѣ и другіе равно имѣли нужду въ громкомъ голосѣ, кошорой бы свободно и разишельно, извъялялъ свое негодование, или свое намѣреніе; — сей органъ народа раздавался шогда со сценны шеапральной. — Сильные нарочно заставляли знаменимыхъ Спихошворцевъ представляшь Героевъ, жерпвовавшихъ всѣмъ опечесству. — Въ семъ намѣреніи написана Трагедія *Персы* Есхиломъ. Безсильные со спороны, своей подкупали Аристофановъ выводишь на сцену ненаказанные пороки своихъ пришещипелей — и невинность находила въ эпомъ если не совершенную свою защиту, шо по крайней мѣрѣ утѣшеніе несчастныхъ: она уже опмешила, когда пороки опкрышь. —

Но дабы яснѣе можно видѣшь сіи мнѣнія о шеапрѣ Греческомъ, П. Ч. предшавлю я здѣсь изложеніе одной изъ лучшихъ древнихъ Трагедій, въ кошорой споль же

блистательно сияеть духъ Греческаго театра, какъ и безсмертный геній Софокла. —

Эдилъ Софокловъ во всь времена даже до нашихъ дней почипался совершеннѣйшимъ произведеніемъ въ древней Трагедіи, точно такъ же, какъ Лаокоонъ и Венера Медицейская въ скульптурѣ и шворенія Гомера въ эпической Поэмѣ.

Единоголасное, вѣками оправданное, признаніе утверждено послѣдователями и даже криптиками сего шворенія; ибо не криптикують и не подражаютъ тому, что не привлекаеть вниманія и уваженія. Оно по всей справедливости заслуживаетъ, чтобы мы изыскали причины самыя сокровенныя сей всеобщей хвалы. Это изысканіе съ одной стороны будетъ доказательствомъ всего прежде нами сказаннаго, а съ другой, надѣюсь, не бесполезнымъ можетъ быть и вообще для Словесности, особливо въ томъ ея родѣ, копорымъ споль ожно всь мы занимаемся. —

Дабы проникнушь причину удовольствія, доставляемаго намъ симъ сочиненіемъ, не нужно напередъ углубляться въ изслѣдованія

и тонкости правил Аристопелевых в
 разсужденіи сосава, хода, завязки и раз-
 вязки Трагедіи. Послѣдуемъ мыслямъ и
 чувствамъ, внушаемымъ въ насъ природою.
 Мы увидимъ, что нѣтъ ничего правильнѣе
 Эдипа. — Единство мѣста и единство
 дѣйствія въ немъ точно и естественнo; а
 единство времени съ такимъ раченіемъ со-
 блюдено, что для окончанія самаго дѣла въ
 природѣ не нужно болѣе времени, сколько и
 для представленія его на сценѣ. Безполезно
 будешь для просвѣщенныхъ чинашелей,
 если бы я обратилъ ихъ вниманіе на ту
 неподражаемую нить, связующую однѣ съ
 другими явленія и малѣйшія между ними
 части съ такимъ искусствомъ, что если
 чтонибудь опдѣлится отъ нихъ, то все
 разрушится, подобно зданію, соединенному
 сводами, въ коемъ всѣ камни держатся тѣс-
 ною взаимною связью. — Но перейдемъ къ
 важнѣйшему. —

Хотя достоинства Трагедіи, о кото-
 рыхъ было упомянуто, равномернo важны;
 но однѣ только онѣ никогда не соспа-
 лять хорошей Трагедіи — и Трагедія, за-

ключая ихъ въ себя, можеть оспашьом посредственною. Пусть зданіе чрезвычайно будетъ правильно, прочно; но не имѣя ни выгоднаго положенія, ни пріятнаго, ни величественнаго вида, ни богатыхъ украшеній, ни приличій, къ тому нужныхъ, оно не достигнетъ совершенства. — Довольно есть у насъ Трагедій, копорымъ грѣшно опказашъ въ правильности, въ единствѣ времени, мѣста и дѣйствія; но за то онѣ единственнымъ образомъ производящъ скуку. Между искусствомъ и понукостями искусства есть различіе, постигаемое только Гениемъ. —

Содержаніе *Эдипа* есть одно изъ самыхъ счастливейшихъ, какое только могло соеппавишь *воображеніе*. Чшо можеть бытъ важнѣе и занимательнѣе спасенія цѣлаго Царства, копорое зависитъ отъ того, чшобы развѣдашь шайну, наказашъ злодѣяніе, коего виновникъ, какъ окажется наконецъ, есть *великій* Государь, копорый самъ прудитъ надъ шѣмъ, чшобы опкрышь злодѣйство и наказашъ пресшунника? — Чшо можеть белѣе возбуждашь даже любезнѣ-

ство, какъ узнаніе сей шайны и сего злодѣянія, и что наконецъ можетъ быть разительнѣе, какъ открытіе того и другаго, и такими при томъ средствами, которыя бы, казалось, должны были еще болѣе зашмишь обстоятельство?

Начало ея совершенно неожиданно; не возможно не чувствовашъ красоту его и не возможно ихъ выразить. Картина величественная, достойная кисти Рафаеля! Представляетъ мѣсто, съ котораго открыты нѣсколько улицъ, въ отдаленіи чертоги — жертвенникъ, дымящійся благовоніями. Добрый Государь, грядущій во срѣщеніе дѣтямъ, юношамъ и жрецамъ; они, съ вѣщаніями въ рукахъ, стремятся возбудить въ немъ состраданіе. А тамъ, въ отдаленіи, видны разбросанные прупы челоуковъ, огромныя храмы, статуи боговъ и толпы народа, ихъ окружающія. Вотъ оживленная картина, написанная съ совершеннымъ искусствомъ! Здѣсь одно положеніе жреца и Эдипа Царя безъ всякихъ словъ изображаешь, что жрецъ говоритъ о бѣдствіяхъ, прешерпяемыхъ Эи-

вами, и Эдипъ, преогорченный симъ зрѣлищемъ, извѣялетъ неперпѣніе свое о медленіи Креона, посланнаго имъ вопросить Оракула. И въ какое другое время прибытіе Креона могло бы бытъ нужнѣе? Его ожидаютъ, считающъ каждое мгновеніе; ибо спасеніе Царства заключается въ его опвѣщъ: Онъ являещя — съ неперпѣніемъ принуждающъ его говорить. Онъ желаетъ успокоить; но двосмысленность Оракула уменьшаетъ нѣсколько радость. Между тѣмъ Эдипъ отправляется самъ, рѣшась изыскасть истину, обрѣсти виновника убійства Лаіева. — Сіе явленіе есть начало завязки; это входъ въ театральную лабиринтъ, гдѣ Эдипъ, кажется, самъ спѣшивъ заблудиться, чтобы, вышедши изъ него, познать, что онъ есть несчастнѣйшій изъ смертныхъ!

Въ слѣдующемъ дѣйствіи другое расположеніе. Эдипъ являещя не просто Государемъ соспрадашельнымъ, но дѣйствующимъ, повелѣвающимъ, и для того; чтобы повиноваться Оракулу, онъ заставляетъ соединенныхъ вмѣстѣ подданныхъ произнести

ужасныя проклятія надъ неизвѣстнымъ преступникомъ. Какая для него минута, когда опкроется, что онъ самому себѣ произнесъ приговоръ сей! — Совѣшуютъ, разсуждаютъ, изслѣдываютъ малѣйшіе признаки. — Приходитъ Терезіасъ. Кажется, что Трагедія должна окончиться, и прорицатель все опкроетъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ опкрываетъ. Но какой лжи можетъ повѣрить Эдипъ, народъ и зрители! — Эдипа признаютъ сыномъ Полибія, но не Лаія. Опееетъ прекрасной споръ между Царемъ и прорицателемъ. Здѣсь обнаруживается гордой, любопытной и пылкой нравъ Эдипа, и развязка, которая показалась уже близкою, опдалилась болѣе, нежели была когда-нибудь.

Третье дѣйствіе. Креонъ, обвиненный въ заговоръ съ Терезіасомъ, какъ ни оправдывается, но Эдипъ предается сильному гнѣву. Иокаста укрощаетъ его. Она убѣждаетъ его смириться предсказаніямъ прорицателя, обвиняющаго его въ убійствѣ Лаія, и чтобы уменьшить довѣренность къ Оракуламъ и прорицателямъ, она повѣствуетъ

ему о предсказаніи, что Лаій долженъ бытъ умерщвленъ сыномъ своимъ, о судьбѣ сего младенца и о случаѣ убіенія Лаіева. Какая спондоспъ въ эпомѣ средспвѣ: ибо разговоръ Іокаспы производишь совсѣмъ прошивное дѣйствіе. Эдицъ воспренешалъ онѣ словъ ея. Онѣ вспоминаешъ, что умершвилъ спарца и почно шакимъ образомъ, какъ описываешъ Іокаспа. Эдицъ начинаешъ подозрѣвашъ, что онѣ шощъ самой убійца, котораго ищешъ: — и вошъ сѣ какимъ искусшвомъ развязка смѣшнваешся сѣ *интригою*. Первая связываешъ послѣднюю, и въ шо же почши время разрываешъ ее для шо го, чтобы снова связашъ дѣйствіемъ сильнѣйшимъ, жопя прошивоположнымъ. Шо можно было видѣшъ изъ приговора, произнесеннаго надѣ неизвѣспнымъ еще преступникомъ; изъ свиданія Терезіаса и Креона, и пошомъ изъ разговора Іокаспы — и изъ шого, что все сіе напоследокъ должно окончншъ свидѣтельспвомъ пасшыря, [въ которомъ Эдицъ полагаешъ послѣднюю надежду. Онѣ безпрерывно шерзаешся спрахомъ, или упнѣшаешся какою - шо надеждою, но

никогда не представляется совершенно изцѣленнымъ опѣ своихъ подозрѣній, всегда нешерпѣливо спремящійся узнать судьбу свою. Соспомяніе сіе раждаеѣтъ сильныя движенія спраспей, оспанавливающихъ равновѣсіе театральное.

Дѣйствіе четвертое. Смущеніе Эдипа часѣ опѣ часу увеличивается болѣе; подробное и почное изысканіе убійцѣ споль глубоко проникло вѣ душу его, что Іокаста, казавшаяся доселѣ презирающею прорицанія Оракула, чтобы избавиѣтъ Эдипа опѣ сего мученія, дѣлаеѣтъ вдругѣ суевѣрною. Она идеѣтъ вопросиѣтъ Оракула. Характерѣтъ удивительный, прежде споль свободномыслящій и споль суевѣрный шеперь! Обспоятельсва производиѣтъ вѣ немѣтъ по, или другое дѣйствіе: таково сердце человѣческое! Шеспвужа во храмѣ, срѣшаеѣтъ она паспыря Коринтскаго, которой увѣряеѣтъ ее о судьбѣ Эдипа. — Она забываеѣтъ боговѣтъ. — Эдипѣтъ самѣтъ вопрошаеѣтъ сего паспыря. — Исчезаютѣтъ, ложныя прорицанія Оракула, которій прорекѣтъ ему, что онѣтъ умеривиѣтъ своего опца; ибо его извѣщають, что Полибій умерѣтъ.

Какое же върояпіе долженъ онъ дать обвиненію Терезіаса? Но увлекаясь характеромъ своимъ, которой естъ любопытство, онъ продолжаетъ вопрошать пасыря, и узнаетъ, что Полибій не отецъ ему. Ужасныя сомнѣнія снова волнуютъ душу его. Коринѳянинъ мало удовлетворяетъ его любопытству. — Эдипъ не знаетъ еще о имени и санѣ своего родителя — онъ былъ подкинутъ младенцемъ: вотъ все, что ему сказано. Успокоенный симъ увѣреніемъ, что онъ почто сынъ сего пасыря, или другаго какого нибудь невольника, и въ заблужденіи семъ онъ не видитъ удаленія и смущенія Царицы, уже переувѣренной въ своемъ сердцѣ. Должно прибѣгнуть къ Форбасу, пасырю Лаіеву; — онъ является наконецъ и открываетъ всю шайну шѣмъ, что сопротивляется открывать ее. И такъ Эдипъ, стремясь поспичь шайну, узнаетъ ее къ совершенному своему бѣдствію. Онъ видитъ ясно, что онъ убійца отца своего, супругъ матери своей. Какая *интрига* и какая развязка! какое соединеніе того и другаго и какая цѣпь происшествій! Онъ, подобно

волнамъ, уничтожающъ другъ друга, но никогда не сливаются. —

Пятое дѣйствіе есть съ одной стороны повѣспованіе ужасной смерти Іокасны, умерщвившей самое себя. Съ другой окровавленный Эдипъ, говорящій языкомъ оправданій. Вопли изображаютъ ужасъ злодѣяній его, прешедшихъ предѣлы, или ужасъ судьбы, предавшей его споль жестокой казни. Онъ хочеть, чшобы измѣрили по и другое, и преспуление свое описываетъ ужаснѣе, нежели самую судьбу. Наказанный собственными своими руками и осужденный приговоромъ, имъ самимъ произнесеннымъ, онъ ни во что вѣняетъ паденіе съ верху блаженства въ неизмѣримую бездну злополучія. Онъ безпрестанно видитъ преспунную судьбу свою. Самыя сильныя выраженія кажутся ему слабыми для изображенія оной, — и противоположное сошояніе Царя, въ одно мгновение содѣлавшагося проклятіемъ, своего народа, извергомъ земли, хотя плачевное, но по его мнѣнію неспособное изобразить малѣйшей мыслию того, что онъ чувствуетъ. Лаій, Іокасна,

Киферонъ, единственныя имена, которыя онъ произноситъ безпрестанно. Онъ спрашивая произнесъ имя отца и супруга; но чувство вѣжности оживаетъ въ немъ. Онъ желаетъ въ послѣдній разъ и навѣки проспаться съ дочерьми. — Приносятъ малютокъ — онъ сжимаетъ ихъ въ своихъ объятіяхъ, омываетъ кровавыми слезами. Какое чувство горести должно произвестъ подобное зрѣлище! Клеонъ не прежде можетъ утишить горестъ его, какъ обѣщая ему испросить у боговъ изгнаніе, будто нѣкую милость, на которое онъ самъ осудилъ себя. —

Разсмотримъ сей рядъ картинъ, и соединимъ ихъ въ одну: онъ совершенно изображаетъ картину прагическую. Обыкновенная живопись представила бы только одну минушу; но Трагедія собираетъ ихъ вмѣстѣ подъ одну точку зрѣнія. Картина та же, но только разнообразная, хотя повсюду одно расположеніе, одна мѣра, одно намѣреніе; ибо всеобщій планъ Эдипа Софоклова не подлежитъ никакой кришикъ; мѣра соблюдена до малѣйшей точности, и

намѣреніе столь велико, что содѣлывается источником истиннаго удовольствія, какое приноситъ себѣ твореніе. Намѣреніемъ почтиваю я сей неизвѣстный интересъ, который возбуждаетъ любопытство, и по мѣрѣ удовлетворенія увеличиваетъ оное на каждомъ шагѣ. Чистая Эдипа, не лѣзя не чувствовать сего непрерывнаго перехода отъ страха къ надеждѣ, отъ надежды къ страху; перехода, возбуждающаго наконецъ состраданіе, смѣшанное съ ужасомъ. Счастливое дѣйствіе интереса, разлипаго во всемъ твореніи, какъ жизнь въ шѣль! Нѣтъ ничего бесполезнаго, ни одного эпизода, ни одного явленія излишняго, ни одного выраженія, которое можно бы было отбросить. Однимъ словомъ: это собраніе интереснаго! И что другое можетъ поражать сердце въ красотахъ природы и искусства! Интересъ, хорошо веденный, есть прелесть и душа искусства. Вотъ что соединило мнѣнія всѣхъ въ пользу Эдипа.

Представленная мною здѣсь Трагедія въ полной мѣрѣ объясняетъ все то, что прежде сказали мы объ основѣ и силахъ древня-

го Театра. Сія трагедія конечно есть одна изъ лучшихъ Греческихъ , даже самыхъ Софокловыхъ Трагедій. Она по ходу и связи нѣкоторымъ образомъ есть крайняя степень совершенства въ семъ родѣ твореній Греческихъ.

Но таковы ли были прочія Трагедіи Греческія : Эсхиловы , Еврипидовы , Софокловы ? — Нѣтъ ! — конечно не всѣ Греческія Трагедіи равно совершенны въ ходѣ своемъ и расположеніи ; но онѣ тѣмъ не менѣе служатъ къ утвержденію замѣчаній нашихъ , совершенно соотвѣтствуя главной цѣли Греческаго театра , какъ политической , такъ и богослужебной. (Они уступаютъ только Эдипу въ искусствѣ расположенія , хода , завязки и развязки .) Всѣ они справедливо могутъ быть названы драматическими картинами , для коихъ предметы , какъ мы уже сказали выше , заимствовали Греки изъ священнои Исторіи , и не смотря на всю простоту оныхъ , весьма легко ихъ связывали ; ибо они не заботились , кажется , объ интригѣ , имѣя для своихъ пьесъ совсѣмъ другія и весьма важныя сред-

спва. Имъ не извѣсна была та сила, ко-
 торая связывала Трагедію и поспавляла
 Героевъ въ величайшей опасности, отъ ко-
 торой они освобождались бы сами собою, не
 нарушая правдоподобія. Скажемъ однимъ
 словомъ: система движенія и непрерыв-
 ныхъ измѣненій спраши не была основою
 ихъ шеапра. Это искусспиво еспъ изобре-
 щеніе новѣйшихъ Писателей — и оно - по
 соспавляетъ главное опличіе между Траге-
 діями древними и новѣйшими. У древнихъ
 судьба рѣшила все. Отъ Греческаго Поэта
 требовались только одна или двѣ сцены въ
 дѣйствіи. Хоръ, копорой оспается непре-
 спанно на шеапрѣ и вмѣшивается въ разгово-
 ры, соспавлялъ самую инпересную часть Тра-
 гедіи. Театръ древнихъ и нашъ могутъ сбли-
 зиться только по однимъ начальнымъ прави-
 ламъ и по нѣмъ красопамъ, копорыя общи по-
 му и другому, каковы на примѣрѣ: характеры,
 положенія, живопись и сила слога; — но они
 опдаются по причинѣ свойспвенныхъ имъ
 различій въ принадлежноспяхъ и средспвахъ.
 Нѣтъ сомнѣнія, что Писатели нынѣшней
 Трагедіи должны преодолѣвать несравненно

большія прудности , нежели древніе , ко-
 рымъ доспавался , такъ сказать , гошовой
 маперіаль. — Не будемъ говорить объ упо-
 ченносняхъ искусства въ ходъ и движеніи
 Драмы , объ упоченносняхъ , кошорыя ны-
 ньъ непрерывно болѣе и болѣе размножают-
 ся приходами пребовашельнаго и спрогого
 вкуса публики. Скажемъ только объ одномъ:
 древняя Трагедія , какъ мы видѣли , держа-
 лась главною поспороннею силою , совсѣмъ
 независящею отъ предмета ; — новѣйшая
 должна держаться сама собою. Всѣ ея сред-
 ства и способы непременно должны быть
 извлечены изъ сущности самаго содержанія. —
 Это чудесная машина , въ кошорой самая
 причина движенія заключаешся въ ней же
 самой и дѣйствуетъ собшвенными своими
 силами. — Теперь посудите : всякой ли пред-
 метъ равно можетъ быть способенъ для
 шакого дѣйствія ? всякой ли можетъ быть
 обработанъ съ равной удачею ? — Сколько
 Спихопворцевъ и самыхъ знаменитѣйшихъ,
 обольсаясь блистательною наружносцію
 предмета , принимались *обдѣлывать* его ,
 и шѣ [] зъ всякаго уснѣха шрудъ свой! —

К

УУГ

Д

Эпо испытали и Расинъ, и Вольперъ, и Корнель. — Одинъ выборъ басни въ новѣйшей Трагедіи естъ уже ужасный камень преткнанія. — Скажутъ, что новѣйшіе могутъ исправлять недоспапки содержанія вымысловъ; но развѣ эпо уже мало? — но развѣ вымыслъ, какъ бы онъ совершенъ ни былъ, какъ бы искусно не смѣшанъ былъ съ подлиннымъ произшествіемъ, можетъ имѣть сколько силы и вѣроятности, какъ произшествіе, взятое изъ природы? — Древніе Трагики *обработывали* наружность гоповаго куска чистаго мрамора; для новѣйшихъ въ дикомъ кускѣ мешалла, или гранита смѣшаны многія поспороннія породы; должно ихъ опдѣлить, очистишь, прибавишь или убавишь, а болѣе всего дашь ему душу и движеніе. Кромѣ эпого должно вспомнишь, что новѣйшій Поэтъ предлагаетъ свою Трагедію не цѣлому народу, но небольшому числу людей избранныхъ, кои, по привычкѣ судишь, имѣютъ вкусъ образованный и слѣдовательно снрогій, и чувствва ихъ, приученныя къ движеніямъ снрасши, гораздо снруднѣе пронущь, гораздо снруднѣе удерживаешь всегда въ одинакой

спешени. — Беретъ ли Спихопворецъ характеры изъ Истории опдаленной, или вымышляеть; въ томъ и другомъ случаѣ, кромѣ почтѣйшаго сохраненія всѣхъ качествъ, заимствованныхъ опъ вѣка и народа, коимъ они принадлежатъ, онъ долженъ еще придасть имъ такіе оптѣнки, кои приближали бы ихъ къ настоящимъ зрителямъ, для которыхъ написана Трагедія. Напротивъ того Грекъ писалъ для Грека, писалъ важнѣйшія происшествія изъ опечешвенной истории, близкія, драгоцѣнныя — и этого было довольно! —

Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о вѣрояпности драматической. — Въ древней Трагедіи вся вѣрояпность заключалась въ убѣдипельности преданія, опвященного Религією. — Добрая втра все замѣняла; воспламененное воображеніе и чувство пылокое довершали попребное для совершеннаго очарованія. — Новѣйшій Писатель въ проповоположномъ состоянціи: онъ обязанъ производить сіе очарованіе другими шруднѣйшими средствами; сила преданій баснословныхъ или упала, или ослабѣла: — на од-

Д я

но воображеніе и чувство дѣйствовать не надежно. — Нынѣ самая Поэзія спарается уже говорить разсудку спрогому, пребывающему вездѣ натуральнаго порядка, связи, отношеній, и всѣ сій способы должны бытъ извлечены изъ самаго содержанія. Иначе мѣтъ вѣроянія, мѣтъ очарованія. Наконецъ присоедините къ тому и самое устройство театровъ древнее и нынѣшнее. — Тогда сцена представляла огромную площадь, посреди которой были храмы и алтари богамъ, гдѣ приносились жершвы, и зеленѣющей сады, и виды огромныхъ зданій, и мѣста Архонтовъ: все это было оживлено придесятью тысячь зрителей, отъ самаго разсвѣта до вечера расположившихся веселились на безчисленныхъ ступеняхъ огромнѣйшаго амфитеатра. Это не подражаніе, а самая натура. Для трагика не было нужно опредѣлять мѣста своей Драмы: обширность театра включала въ себѣ все пространство и разнообразіе, какія только потребны были для его шворенія. — Новѣйшій Трагикъ заключенъ, такъ сказать, въ свѣтлой и тѣсной ямницѣ, гдѣ измѣня-

ющая видъ постороннею и ненатуральною силою. — Отъ того нарушенія единства времени и мѣста; отъ того оскорбленіе вѣроятія! — Сверхъ того новѣйшій Трагикъ лишенъ всѣхъ постороннихъ, споль благопріятствовавшихъ древнимъ способовъ. Нѣтъ музыки, плѣняющей слухъ; нѣтъ хоровъ, копорые недоспапокъ въ дѣйствіи замѣняли пѣніемъ. Нѣтъ ни пѣсней, ни пышныхъ рассказовъ, споль часто употребляемыхъ Греческими Поэтами въ срединѣ своихъ Трагедій. Отъ него требуютъ безпрерывно дѣйствія и стремленія къ цѣли въ продолженіи всѣхъ пяти актовъ, чшобы безпрестанно занималъ онъ наше любопытное вниманіе однимъ только избраннымъ имъ произшествіемъ въ различныхъ его перемѣнахъ. Зрицель ни на минушу не хочеть бытъ празднымъ — онъ всего пребуеетъ отъ одного Автора и ни въ чемъ ему не процаеетъ. Вошъ сколько трудностей долженъ побѣдиль драматическій Писатель, копорый желяетъ, чшобы Трагедія его оспалась долго на театрѣ. Къ симъ трудностямъ должно присовокупить еще одну, можетъ бытъ,

самую большую и припомъ весьма рѣдко по-
бѣждаемую, которую однакожъ долженъ пре-
одолѣть истинный Геній, чтобы и совре-
менники и потомство чинали его твореніе. —
Это прудность быть постоянно любимымъ
Писателемъ на такомъ языкѣ, которой ме-
нѣе образованъ и опредѣленъ, для различ-
ныхъ измѣненій слога, нежели каковъ былъ
языкъ Греческой.

Вошъ одна изъ главныхъ причинъ, что
на нашемъ театрѣ такъ давно не видимъ
мы Трагедій славнаго нашего Трагика Сума-
рокова, хотя должно признасться, что нѣ-
которыя Трагедіи его имѣютъ всѣ достоин-
ства, свойственныя сему роду сочиненій!
Мы забываемъ также Княжнина, котораго
творенія въ другихъ отношеніяхъ заслужи-
ваютъ все уваженіе наше и всю признатель-
ность. —

Греческіе хоры позволяли Стихотвор-
цу возвышать слогъ драматической до по-
на лирическаго, и въ то же время съ дру-
гой стороны, по свойству языка ихъ, шер-
пимы были выраженія самыя обыкновенныя,
простыя, которыя у насъ показались бы

слишкомъ просонародными, грубыми и низкими. — Спихошворецъ Греческой и въ помѣ и въ другомъ случаѣ не выходилъ изъ предѣловъ природы и приличія, не спрашивался бытъ низкимъ, и бывъ высокимъ, не боялся казаться напыщеннымъ. Сія двойная выгода, копорую доставлялъ имъ споль гибкой языкъ, и по еще, что зрѣлище было всеобщимъ и народнымъ увеселеніемъ, удаляло ихъ отъ опасностей, копорымъ наши Спихошворцы безпрестанно подвержены.

О новѣйшихъ Писателяхъ должно сказать вообще, что они гораздо далѣе проникали во глубину сердца человѣческаго, раскрыли спраски во всѣхъ нѣжнѣйшихъ отношеніяхъ и ошпѣнкахъ ихъ. Драма получила нынѣ несравненно болѣе движенія, разнообразія и силы. Театръ нашъ въ семъ качествѣ достигъ до высочайшей степени совершенства. Но въ подлинности изображеній Природы, еще повпорю, древніе оспались доселѣ неподражаемы, и эшому всѣ мы должны еще учиться у нихъ, удивляясь имъ! —

С. Смирновъ.

== БОЯРИНЪ МАТВѢЕВЪ.

Тамъ, гдѣ правды и дѣды,
Гдѣ отечества любовь
Черезъ спрдадельчески побѣды
Ожила изъ пепла вновь.
Здѣсь ихъ гробы! — здѣсь ученье!...
Преклонись къ ихъ коснямъ!
Ихъ спрданье, ихъ щерпѣнье,
Вотъ завѣшь ошцовъ сынамъ!...

Мерзляковъ.

Когда богатство и щеславіе увѣковѣчивають память людей обыкновенныхъ пышными надгробіями, безъ коихъ попомство не узнало бы и самаго имени ихъ; когда лезть воспѣваетъ имъ недостоинныя похвалы; когда художники, ученые, корыстію обольщенные, жершвуютъ своими способностями для ихъ прославленія — — въ по время сколько Героевъ освободившихъ отечество, сколько Мудрецовъ, копорымъ народы обязаны были просвѣщеніемъ, сколько добродѣтельныхъ исплѣваетъ въ неизвѣ-

спности, разсыянные по пространству вселенной? . . .

Гдѣ мы найдемъ священные оспашки *Пожарскаго*, благословляемаго спасеннымъ опечесствомъ? Едва прошекли два спольшя — и могида его почши для всѣхъ ивчезла. — Проспой камень скоро вроспаешъ въ землю, между щѣмъ какъ огромный памятникъ спойтѣ незыблемо и видитѣ непреспанно вокругъ себя Леспѣ, Набожноспѣ и Любопышспѣ!

Многимъ ли Московскимъ жипелямъ извъспенъ въ Марьиной роцѣ камень, вроспающій въ землю, покрышый мхомъ, съ едва примѣшною надписью, изв копорой время силишся изгладитѣ имя *Глюка*, восципащеля Екашерцны, Супруги Великаго Пешра? — Многие ли знаютѣ, гдѣ покоишся прахъ *Лэфорта*? Кто посѣщаешъ могилу *Матѣвева*, знаменищаго въ бояхъ и въ мирѣ, въ бѣдспвяхъ и въ счаспий? Еще не много прошекло времени, какъ смерть похишила преспарѣлыхъ его современниковъ. Кто знаетѣ, можетѣ бытѣ, живущѣ еще и шеперь шакіе люди, лѣтами ошв природы

надѣленные, коихъ жизнь получила начало при жизни *Матѣева* 1), — а память сего великаго чловѣка уже исчезаетъ! — Между шѣмъ, какъ многіе храмы великолѣпнѣе и богашествомъ украшенные, привлекаютъ ежедневно къ себѣ праздность и щеславіе; истинная благодарность къ заслугамъ рѣдкимъ весьма немногимъ внушаетъ желаніе посѣтить убогую обитель Николая Чудотворца въ сполпахъ 2), гдѣ покоятся останки *Матѣева*! —

Если бы вошло въ обыкновеніе, посвящая хотя одинъ день въ году на прославленіе знаменитыхъ Мужей, коихъ подвиги прославили Россію, какое зрѣлище представилось бы восхищеннымъ взорамъ! Я уже вижу мысленно, какъ истинные сыны Отечества собираются къ ихъ могиламъ: шамъ соединяются искусства и науки для изобрѣненія неслыханныхъ похвалъ; въ смѣняющихся дняхъ возгремѣтъ имена Героевъ Пожарскихъ, Щереметевыхъ, Румянцовыхъ, Суворовыхъ. Опличные изъ мужей духовныхъ: Гермогенъ, Филаретъ, Теофанъ, Платонъ, попеременно будутъ предметами торжествъ; воскреснутъ въ памяти славные вельможи:

Машвѣевы, Долгорукіе, Осперманы, Головины, Шуваловы; памѣ любимцы Наукъ: Ломоносовы, Державины, будущѣ оплакиваемы осиротѣлыми Музами. Время сокрушивъ ихъ памятники — но благодарность укажетъ ихъ могилы! Къ нимъ припекутъ юноши научающа мѣ мудрости, правосудію, храбрости, любви къ Отечеству и добродѣтелямъ семейственнымъ! Къ нимъ придетъ Герой, съ ослабшею десницею, которая прежде охраняла Отечество; имена почившихъ Героевъ поразятъ слухъ его; огонь воспламетъ въ попухшихъ его взорахъ, и онъ въ сердечномъ умиленіи скажетъ: *и я не буду забытъ!* —

Одинъ, бесѣдуя съ безмолвіемъ, споялъ я подлѣ гробницы Машвѣевой! — Кругомъ царствовала тишина! — Ничьихъ слѣдовъ не было видно на помостѣ, пылью покровенномъ. Казалось, *Матвѣева* забылъ весь міръ. — Вошъ слава! вошъ безсмертіе, за которыми спремился человекъ! — Мысленно перенесся я ко временамъ его жизни — и предомного открылось поприще его подвиговъ, славы и — его несчастій.

Матвеевъ родился (1625) въ царствованіе Михаила Романова, когда Россія, упомянутая войною, опдыхала и собирала новыя силы. Взвѣсивъ на необразованность тогдашняго времени, должно придти въ изумленіе, какъ возмогъ *Матвеевъ*, среди невѣжества, предрасудковъ и закоренѣлаго заблужденія, имѣть такое обширное просвѣщеніе и быть обязанъ имъ одному себѣ. Когда въ его вѣкъ многіе Цари не знали ничего болѣе, кромѣ чтенія и письма; когда почти всѣ вельможи погружены были въ совершенное невѣжество; когда поверхностное знаніе нѣкопторыхъ наукъ считалось особеннымъ достоинствомъ одного духовенства: въ то время *Матвеевъ* зналъ Словесность, Исторію, Философію и другія науки, чему доказательствомъ служатъ его письма изъ Пустозерска къ Феодору, къ Патриарху и къ вельможамъ. Въ изящномъ вкусѣ *Матвеева* убѣждаетъ домовая его церковь, писанная лучшею Испаніанскою живописью. Его охоту къ зрѣлищамъ утвердишь могущъ вызванные Нѣмецкіе актеры, находившіеся въ его распоряженіи. Собственныя *Матвеева*

сочиненія, до Исторіи опечесства относящіяся, и дружба его съ учеными иностранцами, не ясно ли открываютъ въ немъ любовь къ наукамъ и просвѣщенію 3)? — Чшобы удостовѣриться въ обширномъ пронцапельномъ его разумѣ, нужно только изчислить его переговоры съ иностранными Послами, копорые всѣ запечатлѣны благомъ Опечесства, и въ копорыхъ онъ побѣдилъ славнаго Оксеншпира! —

Знаменишее поприще *Матѣева* относится ко временамъ Царя Алексѣя Михайловича: слава сего Государя неразлучна со славою друга его *Матѣева*. — Вся шрудная наука царствованія заключается въ особенномъ искусствѣ укрѣпить престоль надежными подпорами. Найдите во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ хотя одного великаго Государя, копорый бы не имѣлъ славныхъ вельможъ? — На нихъ основано благоденствіе Государства; ихъ умъ блюдетъ правосудіе, гонитъ заблужденія и водворяетъ истину; они открываютъ источники народныхъ богатствъ; ими разширяются и швердѣютъ предѣлы опечесства. Царь Алексѣй Михай-

ловичь, избравъ себя другомъ *Матѣева*, приобрѣлъ болѣе, нежели сколько доспавили ему всѣ побѣды. *Матѣевъ*, снискавъ Царскую дружбу, пользовался ею для того единственно, чшобы доспавляшь благо согражданамъ: каждый часъ его жизни ознаменованъ былъ служеніемъ Опечеству.

Посвятивъ себя званію военному, *Матѣевъ* доказалъ, чшо можетъ сдѣлать постоянная храбрость, прозорливость и любовь къ возложенной на него должности. Переменная въ печеніи многихъ лѣтъ званіе Головы Спрѣлецкаго, Полковника, Спольника и Воеводы, *Матѣевъ* не перемѣнилъ своего усердія къ Государю, и говоря собспивенными его словами: *на приступахъ и на бѣгахъ, въ скорыхъ и частыхъ посылкахъ и на пожарахъ, былъ изувѣченъ, и все тѣло и кости сокрушилъ, и кровь пролилъ за Государя.* Не упоминая о многихъ его сраженіяхъ съ Поляками, Шведами и Ташарами, не лзя пропустить въ молчаніи, что въ славное взятіе Смоленска, копорымъ Россія оградила себя навсегда отъ Польскихъ набѣговъ, *Матѣевъ* изъ первыхъ

былъ на приступъ. Когда Князь Ромодановскій опспуналъ опъ Львова, *Матѣевъ* съ однимъ *выборнымъ* полкомъ прикрывалъ обозы, сражаясь въ то же время съ цѣлымъ войскомъ Поляковъ и Крымскихъ Татаръ; не смотря на малочисленность, не потерялъ ни одного человека и переговорами способствовалъ прекращенію военныхъ дѣйствій. По заключеніи мира, на возвращномъ пути войско изнемогало опъ недоспапка жизненныхъ потребностей: не лзя было найти куска хлѣба для утоленія голода, и никакого рубища для прикрытія оцѣпелыхъ опъ хлада членовъ; къ довершенію несчастія открылась необозримая степь, которую должно было проходить, и на которой взоры изнуренныхъ воиновъ ничего не открывали, кромѣ неба и земли, спужи, непогодъ и смерти! — Твердость ихъ поколебалась: дворяне, спрѣльцы, солдапы разбѣгаются, на степи оставляя военные снаряды. *Матѣевъ* одинъ пребылъ непоколебимъ; военачальникъ поручилъ ему сохраненіе кинушыхъ орудій, и онъ съ малымъ количествомъ людей, упомянутый успало-

стію , въ непрестанномъ сраженіи , съ лю-
птейшими непріятелями : голодомъ и спи-
хіями , чрезъ обширную степь на себѣ пере-
несъ всѣ пушки до Вѣлой церкви , откуда
онъ , безъ малѣйшаго урона , доставлены въ
Москву.

Съ доблестію Героя *Матвѣевъ* соеди-
нялъ искусство военное : въ значительную
пошерю подъ Коношопомъ , войско , предво-
дительствуемое Княземъ Трубецкимъ , про-
велъ онъ *отводомъ* (фланговымъ маршемъ)
до Пупивля ; имъ начертанъ былъ путь ;
устроивались обозы и станъ ; производимы
были укрѣпленія и окопы ; располагалось
войско сохраненное и опущеніемъ сво-
имъ враговъ побѣдившее.

Между тѣмъ , какъ храбрость *Матвѣе-
ва* оказывала блистательные успѣхи на вой-
нѣ , дѣятельный умъ его въ переговорахъ
приносилъ другую пользу , которая бы съ
трудомъ куплена была самою побѣдою : вмѣ-
стѣ съ Милославскимъ заключилъ онъ дого-
воръ о сдачѣ Смоленска ; съча Запорожская ,
набѣгами своими непрестанно Россію пре-
вожившая , съ Гетсманомъ своимъ склони-

лись подъ ея покровъ , но особенному убѣжденію Машвѣва ; *Матвѣевъ* усмирилъ мятежи въ Украинѣ и въ Черкассахъ; уничтожилъ заключенный въ Андрусовѣ съ Поляками договоръ , которымъ Россія принуждена была на вспоможеніе Польши выспавлять до двадцати пяти тысячъ войска ; склонилъ посланниковъ Римскаго Императора приписывать Государямъ Россіи титулъ *Величества* и въ Царскомъ присутствіи бытъ съ непокровенною главою ; уличилъ Шведовъ въ нарушеніи нѣкоторыхъ договорныхъ статей тогда , какъ отъ нихъ присланъ былъ славный Оксеншпирнъ для уличенія Рускихъ въ нарушеніи ; привелъ Гешмана Дорошенка въ подданство Россіи , чѣмъ и обезопасилъ полуденный край отъ безпокойныхъ Турокъ ; умножилъ число войскъ Черкасами и Калмыками , которые до того времени были непріятелями ; обличалъ и предупреждалъ измѣны , и начальствуя Малороссійскимъ Приказомъ , своимъ умомъ и победительностію , въ присоединенныхъ областяхъ умѣлъ внушить привязанность и любовь къ новому отечеству .

Книжки XXI.

Е

При его управленіи Посольскимъ Приказомъ, Россія начала имѣть полишическія сношенія со всѣми Дворами Европы; въ короткое время сберегъ онъ болѣе сѣмидесяти тысячъ золотыхъ ефимковъ; возобновилъ Монашій дворъ, споявшій въ запускѣннѣи пятнадцать лѣтъ, и сѣмъ тѣхъ поръ спали на немъ въ изобиліи выбивать серебряныя деньги. *Матвѣеву* поручено было береженіе Царской большой печати; его стараніями учреждено Медицинское правленіе, которое много способствовало сохраненію здоровья. Привязанный къ справедливости, *Матвѣевъ* совѣтами внушилъ Царю состраданіе къ несчастному Англійскому Королю Карлу II, которому Алексѣй Михайловичъ способствовалъ къ вступленію на опнятый Кромвелемъ престолъ 4).

Матвѣевъ хотя не имѣлъ еще боярскаго достоинства и не присутствовалъ въ Государевомъ Совѣтѣ; но, въ дружескихъ бесѣдахъ съ Царемъ, судилъ о всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Государь, по особенной любви къ *Матвѣеву*, часто бывалъ у него въ домъ, не смотря на то,

что по тогдашнему обыкновению Цари не посѣщали никого изъ подданныхъ. Въ сихъ-то бесѣдахъ Царь узналъ Наталью Кириловну Нарышкину, копорую *Матвѣевъ* по бѣдности призиравъ и воспитывавъ какъ собственную дочь. Видя достоинства сей Государыни, должно ли еще претребовашъ доказательствъ души рѣдкой, добродѣтельной *Матвѣева*? — Воспитанница его даровала Россіи Петра — и чѣмъ возблагодарить Россію за свое величіе и благоденствіе? —

Послѣ брака *Матвѣевъ* сблизился еще болѣе съ Государемъ: возведенный на степень боярства, первѣйшаго достоинства въ Государствѣ, *Матвѣевъ* радовался не возвышенію своему, но тому, что онъ получилъ болѣе средствъ радѣть о благѣ Отечества. Государь столько былъ къ нему привязанъ, что не могъ съ нимъ на короткое время разлучиться. „*Привѣжай къ намъ скорѣе*, писалъ Алексѣй Михайло-вичъ къ Матвѣеву въ Смоленскъ; *дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли; за нами присмотрѣть не кому, а мнѣ по-совѣтоваться безъ тебе не съ кѣмъ.*“

Е 2

Но какъ ни велика была къ Машвѣву любовь Государя, народъ не менѣе былъ къ нему привязанъ. Щедрость *Матвѣва* къ бѣднымъ до того простиралась, что онъ пожертвовалъ имъ большею частію своего имѣнія; *Матвѣевъ*, будучи въ ссылкѣ, не жалѣлъ о лишеніи богатствъ, а жалѣлъ о лишеніи средствъ употреблять ихъ на благошворенія.

Надобно припомнить по времени, когда Алексѣй Михайловичъ убѣдилъ Машвѣва построить новый домъ. Народъ, узнавши, что *Матвѣевъ* основался въ строеніи за недостаткомъ привознаго камня, рано поутру собрался къ нему на дворъ. — *Матвѣевъ*, проснувшись, удивился великому множеству людей; спрашивающъ о причинѣ и узнающъ, что для него привезенъ камень на цѣлой домъ; благодаря за усердіе, *Матвѣевъ* хочетъ плашью, но Спрѣльцы и народъ ничего не принимающъ, а только просятъ его сойти внизъ. *Матвѣевъ* сходящъ, и видитъ цѣлый дворъ надгробныхъ камней; тогда народъ ему говоритъ: *Эти камни покрывали могилы отцевъ нашихъ*;

купить ихъ не лъзя ни за какія деньги, а мы даримъ ими тебя, нашего благодѣтеля.“

Матѣевъ не долго былъ счастливъ: съ кончиною Царя кончилось и блистательное поприще друга его! Бывши первымъ любимцемъ умершаго Государя, превосходя разумомъ всѣхъ соопечесивенниковъ, воспитавъ Царицу и спараясь о воспитаніи Пепра, кошорый по слабому здоровью старшихъ своихъ брашъевъ долженъ ст в о в а л ь в скорѣ принятъ правленіе, *Матѣевъ* долженъ былъ неминуемо подвергнуться мщенію завистниковъ. Милославскій, оскорбленный предпочтеніемъ Алексѣя Михайловича къ *Машвѣеву*, встрѣчавшій въ *Машвѣевѣ* преяшесствіе грабиль казну, и *Волынскій*, *Машвѣева* предспашельствомъ получившій Царскія милосши — вопѣ особы его погубившія. Можеть бытъ, навѣнъ ихъ, передъ вступившимъ на пресполъ *Теодоромъ*, шѣмъ легче былъ принятъ, чно, по словамъ одного Польскаго Испорика, Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ *Матѣева* опредѣлишь въ правители Государства до совершенно-

льшія Петра. Клевешники обвиняли Матвѣева въ приобрѣщеніи непозволенными средствами вопчинъ и помѣстій; въ заготовленіи великаго множества въ домъ своемъ военныхъ орудій и пороха; въ близкой съ ученымъ иностранцемъ Спапаріемъ связи изъ копорой выводили догадки, будто бы они чиня въспѣ Лѣчебникъ, цыфрами писанный, умышляющъ на жизнь Θεодора, и наконецъ — въ сообщеніи съ духами! — Когда сіе послѣднее обстоятельство было въ числѣ причинъ, погубившихъ невиннаго человека, тогда чье сердце не разсѣрается, смотря на многія спраны, въ копорыхъ съ великою жестокостію гонящъ испину и поддерживающъ владычество предрасудковъ и заблужденія? —

Сначала *Матвѣеву* объявлено повелѣніе отправиться въ Сибирь на воеводство въ городъ Верхотурье: *Матвѣевъ* поспѣшно собрался и поплылъ водою; до Коломенскаго не имѣлъ онъ ни кормщика, ни весель, по волѣ погодъ отбиваясь отъ одного берега и прибываясь къ другому, въ безпрестанной опасности погибнуть. Въ Лаишевѣ былъ

онѣ остановленѣ присланными Чиновниками, которые у него искали писаннаго цыфрами Лѣчебника. По вторичному повелѣнію избъ Лаишева *Матѣевъ* перевезенѣ въ Казань : къ дому его приспавлена спража и; большая часшь его людей распущена. Между пѣмъ служитель приказный Гороховѣ, обогатившійся воровствомъ, обличенный прежде Машѣевымъ въ измѣнѣ и сосланный за то въ ссылку, нарочнѣ Милославскимъ возвращенѣ и, чшобы еще болѣе увизишь Машѣева, опсправленѣ въ Казань, для опняція у него боярскаго достоинства и всего имѣнія.

Вѣ ночное время влამывается Гороховѣ нагло къ *Матѣеву* въ домъ и шребуешъ именемъ Царя всѣхъ жалованныхъ Граммашъ на помѣспья и вопчины. *Матѣевъ* опдаешъ ему все, покойно опвѣчая : „*Имѣніе мое нажито не кражею, не разбоемъ, не измѣною ; оно досталось мнѣ послѣ родителей и приобрѣтено мною, по милости Государя, за мои службы, за посольства, за проливаемую кровь шестьдесятъ девять лѣтъ.*“ Пошомъ на шре-

Бованіе военныхъ орудій, *Матѣевъ* сказалъ: *Я, старался первый унимать злодѣйства, а не начинать.*“ Послѣ напрасныхъ поисковъ у Машѣева ничего не найдено, а со всѣмъ тѣмъ за отправленіе сего гнуснаго порученія Гороховъ пожалованъ Думнымъ Дьякомъ. — Чрезъ нѣсколько дней Казанскимъ Воеводою Милославскимъ присланъ къ Машѣеву спирѣлецкій Голова, и *Матѣевъ* съ малолѣпнымъ сыномъ и оставшеюся прислугою, ослабѣлый отъ старости, болѣзней, ранъ и печали, окруженный многочисленною опражею, веденъ былъ пѣшкомъ до Сѣзжаго двора, какъ измѣнникъ и злодѣй! Тамъ препианъ ему Указъ: *Матѣевъ* лишенъ боярства, у сына его опяты почести, имѣніе ихъ взято на Государя, и они сосланы за три тысячи верствъ въ Пустозерскій островъ! —

Бывши на первой степени достоинства, посвящая воѣ минушы жизни Ощечеству и въ награду получить поношеніе; изъ боярина сдѣлался узникомъ; распался съ родственниками; потерялъ наслѣдіе отцовское и все имѣніе, собственными трудами приобрѣ-

женное ; пресварѣлыя дѣла провести къ спранѣ дикой ; мучиться горестію , болѣзнями , голодомъ — есть крайняя степень чело­вѣческаго униженія ! И за что же ? За без­численные выгоды , Опечеству принесенныя !...

Матвѣевъ испыталъ всѣ бѣдствія , ка­кія только могутъ постигнуть чело­вѣчество . Сосланный въ край необитаемый , ни отъ родныхъ , ни отъ друзей не могъ онъ полу­чать никакого упѣшенія , пошому что стро­го было всѣмъ запрещено писать къ нему . Машвѣву и сыну его , со всею прислугою , копорая лучше захопѣла перпѣть несчастіе съ благодѣшелемъ своимъ , нежели воспользо­ваться свободою и оставить его одного на жертву , даны были только двѣ жижи­ны , въ копорыхъ они въ зимнее время ед­ва не замерзли . Назначенная выдача свѣсп­ныхъ припасовъ также была весьма не­досташочна , и однажды *Матвѣевъ* едва не погибъ смертію голодною : жишели Пусто­зерскіе получали хлѣбъ одинъ разъ въ году весною и запасались только для домашняго расхода ; хлѣбопашество въ тамошнемъ краю не было извѣстно ; у Машвѣева жизненныя

пошребности приходили къ концу, а до весны еще долго оспавалось; на покупку не имѣлъ онъ денегъ,—и кто бы продалъ необходимое? — Даже и милоспъни никто бы подашь не согласился, опасаясь собственнаго недоспашка. *Матвѣевъ* погибнулъ бы неминуемо отъ голода, если бы воевода Тухачевскій, кошпору онъ былъ порученъ, не раздѣлилъ съ нимъ пополамъ послѣдняго запаса, преперпѣвая самъ великую нужду. Въ семъ горестномъ положеніи писалъ *Матвѣевъ* къ *Ееодору*: „*Какія болѣзни миновали меня въ пожарахъ, въ огнѣ, въ ратяхъ, въ бунтахъ, въ посылкахъ и въ смерти? а теперъ превосходятъ онѣ стократно: неизцѣльными язвами ураняюсь! Въ ратяхъ противился я отъ мечей и отъ непріятелей, не только свой полкъ — все войско соблюдалъ; а теперъ — хлѣбомъ накормить не могу тѣло свое! кровь свою истощилъ, кости высушилъ — а теперъ не имѣю чѣмъ себя ублажить. Юность моя, Великій Государь, силу погубила — а старость покоя не обрѣла! —*

Люди въ юности дѣлаютъ , чтобъ старость безъ труда была ; а намъ противно : въ молодыхъ лѣтахъ свяли пшеницу , а сѣдина наша пожинаетъ волчець .

Между шѣмъ при Дворѣ произошла перемена : Бояринъ Языковъ , съ умомъ проницательнымъ и съ скрытымъ самолюбіемъ , вошелъ въ милость Θεодора . Милославскій и Хипрые начали ослабѣвать : приездъ ихъ ко Двору сдѣлался рѣже . Языковъ , видя изнеможеніе Θεодора и опасаясь наслѣдія Петра , хотѣлъ къ поддержанію своей власти , чшобы у Θεодора былъ преемникъ , коимъ бы онъ до совершеннолѣтія могъ управлять ; для ешого присовѣщовалъ онъ Государю , гошовающему уже къ смерти , вступить въ бракъ . Но онъ худаго намѣренія родилось дѣйствіе доброе : супруга Θεодора изъ рода Апраксиныхъ , одаренная добродѣтелями , унизила Хипрыхъ и Милославскихъ , кошорые гнали вдовствующую Царицу ; внушила супругу своему особенное уваженіе къ мачихѣ и къ брату , возвратила ко Двору Нарышкиныхъ , удаленныхъ подѣ разными

предлогами и обнаружила невинность *Матвѣева*. Въ сихъ благодѣтельныхъ поступкахъ Царицы, участвовали два ея брата, также Лихачевы и Языковъ. Сей послѣдній, какъ понкій придворный, всегда сообразовался общоупотребительству: онъ не способенъ былъ плавать противъ вѣтра. Невинность Матвѣева открылась послѣ семилѣтняго заточенія.

Вскорѣ былъ посланъ къ Воеводѣ Тухачевскому Указъ, чшобы Матвѣева перевезши въ Мезень: въ семъ послѣднемъ городѣ *Матвѣевъ* получилъ свободу; оставшіяся деревни, за раздачею, ему возвращены и вельно ему ѣхать въ Лухъ. Тутъ пришло извѣстіе о смерти Θεодора и вскорѣ пошомъ приглашеніе Матвѣева ко Двору опъ избраннаго на прееполъ Петра и опъ Матери Его, назначенной въ Правительницы. *Матвѣевъ* послѣ семилѣтней ссылки возвращался въ Москву, какъ ожидаемый опецъ, къ которому спремьяся дѣлши съ душевнымъ воспоргомъ: во всякомъ городѣ его встрѣчали и провожали чиновники, духовенство и народъ; всякой приносилъ ему для пуши

запасы, какіе только могъ отыскашь у себя; изъ окрестныхъ справъ жипели спекались толпами, чшобы взглянуть на своего благодѣтеля: радостныя слезы были ихъ сердечною данію!

По прибышій *Матѣева* въ Троицкій Сергіевъ монастырь, присланный отъ Двора Думный Дворянинъ объявилъ ему возвращеніе боярскаго достоинства, а сыну чинъ комнатнаго Стольника. Въ селѣ Брашовщинѣ встрѣшилъ *Матѣева* Царицы родной братъ съ привѣтствіемъ отъ Государей; отъ Брашовщины до Москвы разсыпано было безчисленное множество людей всякаго званія, такъ что *Матѣевъ* принужденъ былъ часшо останавливаться отъ народа, вокругъ его толпящагося.

Когда *Матѣевъ* спѣшилъ къ ожидавшему его Государю и къ Царицѣ, въ Москвѣ начинались безпокойства, предвѣспники близкаго возмущенія. По кончинѣ Феодора, духовенство, бояре и народъ, по слабости Іоанна, избрали на престолъ Петра и объявили мать его Правительницей Государства. Такое избраніе воспламенило мще-

ніемъ честполюбивую Софью, кошорая подв именемъ спаршаго брапа сама хопъла царспвовавъ. Упошребляя всъ силы къ испроверженію народнаго выбора, Софья съ Милославскими склонила на свою спорону Спрълецкіе полки. Бояре, осужденные заговорщиками къ смерши, назначены были въ спискахъ: имя знаменишаго *Матѣеа* спояло въ началъ — ожидали полько его прибышя, опасаясь, чшобы онъ своею пронцашельноспію не разрушилъ злодѣйскаго ихъ намѣренія. —

Матѣевъ, послѣ семилѣпняго изгнанія, вспунилъ въ первопреспольный градъ: Царица, Государь, всъ знашнѣйшіе бояре спѣшили его привѣшспвовавъ.

Между шѣмъ возмушеніе начиналось: подобно гулу воздымающихся волнъ, предвѣспнику грозящей бури, Спръльцы собирались шумными шолпами по улицамъ и по дворамъ; буйспво, пьянспво, грабежи производимы были безъ опасенія; граждане, преданные Пепру, мучимые жеспокими пышками, оканчивали жизнь; юныя дѣвы, жены похищались изъ домовъ и нагло лишасмы

были чести. Наконецъ въ четвертый день прибытія *Матѣева*, пятоенадесять число Мая (1682), до восхожденія солнечнаго, опсправленный отъ Софьи заговорщикъ Санбуловъ, прискакалъ въ Спрѣлецкія слободы и первый закричалъ: „Нарышкиными опня-„та жизнь у Царевича Іоанна!“ — Спрѣльцы, еще сномъ обремененные, поспѣшно пробуждаются; бочки вина и раздаваемые деньги воспаменяющъ ихъ исповство; ихъ ярспный вопль часъ отъ часу усиливается; шолпы множатся; оружіе, расхищаемое буншовщиками, дѣлится и мещъ ихъ произноситъ ужасныя заклятія! — — Сначала прибѣгающъ они въ Знаменской монастырь, оппѣвающъ молебень, берущъ образъ Богоматери — и въ предшеспвіи духовенства, съ пушками, при страшномъ спонѣ набата, при барабанномъ боѣ, спремаятся къ Царскимъ черпогамъ!

Матѣевъ оппѣзжалъ изъ Дворца въ домъ свой, какъ увидѣлъ скачущаго къ нему Князя Урусова, копорый оппьявляетъ, что Спрѣльцы ворвались уже въ Бѣлый городъ. *Матѣевъ* поспѣшно возвращается во Дво-

рець. — Между пѣмъ Спрѣльцы впоргают-ся въ Кремлевскія воропа и разливают-ся на площади. Для укрощенія бунта, Царица выходитъ на Красное крыльцо съ Иоанномъ и Пешромъ. Яростная толпа подставляетъ лѣстницы; многіе Спрѣльцы взбирают-ся по ступенямъ, поднимаютъ Иоанна: неистовство до того ослѣпило ихъ, что они спрашиваютъ его: „онъ ли Царевичъ Иоаннъ? — Первое движеніе ихъ ярости ослабѣваетъ, когда узнали они Царевича; но въ ешо время другіе полки Спрѣльцовъ, съ прошивной стороны, опѣ съней Грановишой Палаты, успрямляют-ся во Дворецъ. *Матѣевъ*, не пропуская ни одного случая бытъ полезнымъ Опечесиву, не смотря на преклонныя лѣта свои, выходитъ съ увѣщаніемъ къ мятежникамъ: злодѣи ничему ни внимаютъ. *Матѣевъ* съ другими боярами влечет-ся на Красное крыльцо; Князь Черкасскій бросае-ся въ толпу и испоргаетъ Машвѣва; но разсвирѣпѣніе злодѣи снова его вырываютъ, схватываютъ его за волосы и низвергаютъ съ крыльца къ ожидающимъ ви-

зу Спрѣльцамъ, копорые принимающъ его
копьями и на часпи разсѣкающъ! . . .

Такимъ ужаснымъ образомъ окончилъ
Матѣевъ жизнь свою. Будучи первымъ
человѣкомъ въ Государствѣ, могъ ли онъ
когда нибудь воображать, что за всѣ услу-
ги — преспарѣлыя лѣша свои проведетъ
въ ссылкѣ и попомъ погибнетъ отъ самыхъ
пѣхъ Спрѣльцовъ, копорые называли его
своимъ благодѣтелемъ? —

Жизнь *Матѣева* состояла въ непре-
спанной дѣятельности; каждый часъ его
жизни приносилъ дань Опечесиву. Чувства
его были ознаменованы любовію; въ отпра-
вленіи гражданскихъ обязанностей руководи-
ла его честность и безкорыстіе; въ пере-
говорахъ убѣждалъ онъ своими познаніями;
обширнымъ умомъ и прозорливостію; храб-
рость, предусмотрительность и постоян-
ство во всѣхъ перемѣнахъ прославили его
на войнѣ. Въ счастіи неразлучною подру-
гою его была благошворительность; въ бѣд-
ствіяхъ сопровождала чистая совѣсть. Со-
вѣты его были основательны, дѣйствія ус-
пѣшны; любовь его была вѣрна, дружба по-

споянна. Сердце его не было причастно ненависти къ завистникамъ, его погубившимъ : врагамъ своимъ мстилъ онъ благодареніями. По смерти Царя Алекся Михайловича можно было *угнѣтатъ Матѣева*; но угнѣтѣніемъ не лзя было уменьшитъ въ немъ привязанности къ Опечесву : *Матѣевъ* служилъ вѣрно даже пому Государю, копорый его не любилъ. Чѣмъ болѣе возвышался онъ, тѣмъ болѣе показывалъ смиренія ; съ возрастающею любовію Царя возрастало въ немъ рвеніе ко благу Опечесства. Любимый Государемъ , любимый народомъ , былъ онъ испиннымъ другомъ и Царя, и подданныхъ. *Матѣевъ* привлекъ милость Государя своими достоинствами, приобрѣлъ уваженіе вельможъ скромностию и привязалъ къ себѣ народъ рѣдкими своими благодареніями.

Взирая на поприще жизни *Матѣева*, всякой увѣрился, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ поспояннаго блаженства ; что человеческое счастье , если и можетъ существовать, то на одно только мгновеніе! — Тотъ самый , копорый послѣ Царя былъ

первымъ во всемъ Государствѣ, — почелъ бы за единственное благо въ пресварѣлыхъ лѣпахъ помѣнясь на званіе послѣдняго раба своего! — Тотъ самый, копорымъ прославлена Россія, покрытъ былъ поношеніемъ и вмѣсто благодарности нашелъ клевету! Тотъ самый, копорому народъ принесъ камни съ могилъ опцевъ своихъ — въ мученіяхъ погибъ отъ сего же самага народа! —

Саларевъ. =

П р и м ѣ ч а н і я.

1) *Матѣевъ* былъ убитъ 1682 года; слѣдовательно человекъ, родившійся въ послѣдній годъ его жизни, долженъ въ 1819 году имѣть отъ рожденія 137 лѣтъ.

2) Церковь Николая Чудотворца, въ Сшолпахъ, находится между Мяоницкой и Покровки, не далеко отъ Городской стѣны. Гробницы *Матѣева*, супруги его, сына, невѣстки и двухъ его слугъ поспавлены въ особой каменной палашкѣ.

Ж а

3) Изъ сочиненій Матѣева извѣстны слѣдующія книги: 1. *Всѣхъ Великихъ Князей Московскихъ и всея Россіи Самодержцевъ персоны, и титула, и печати.* 2. *Избраніе и посылка на Кострому, и о прошеніи, и о приходѣ къ Москвѣ и о вѣнчаніи на Царство Московское Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, въ лицахъ.* 3. *Описаніе всѣхъ Великихъ Князей и Царей Россійскихъ, славныхъ въ ратныхъ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями; и 4. Неизвѣстно какая, перевода Спатарія. Онѣ не всѣ дошли до насъ.*

4) Въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ находится Орденъ Подвязки; онъ присланъ по повелѣнію Елисаветы Пешровой Кабинетъ-Секретаремъ Черкасовымъ, коимъ полученъ былъ отъ сына Матѣева, Графа Андрея Аршамоновича. Изъ приложенной записки видно, что сей Орденъ пожалованъ Матѣеву Англійскимъ Королемъ Карломъ II. Обстоятельство сіе хотя не подшверждается современными записками, однакожъ по ешому не можетъ быть опровергнуто. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ, нужно видѣть списки Кавалеровъ сего Ордена.

ОБЪ ОВИДИЕВЫХЪ ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ.

Кто изъ Любителей древней Словесности забудетъ поэтъ знаменитый въкъ, въ которой судьба, открывъ отъ Рима славу мечтаемой долговременной вольности, жонгла утѣшилъ его славою Поэзии и Словесныхъ Наукъ? — Къ сему-то времени принадлежалъ и *Овидій*, сей любимецъ Музъ и Харитъ. Онъ родился въ томъ самой годъ, когда Консулы Гиршій и Панса погибли подъ стѣнами Кремоны, сражаясь противъ Марка Антонія, и когда Триумвиры проливали рѣки крови согражданъ своихъ. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ Овидій началъ писать стихи, и спросъ къ онымъ была въ немъ ещю сильна, что отецъ принужденъ былъ запретить ему сіе занятіе, опасаясь, чтобы оно не отвлекло его отъ вѣдѣній и законовѣднія, къ коему его опредѣляли. Доспигши зрѣлаго возраста, отправился онъ въ Аѳины, чтобы, согласно съ волею ре-

дипеля , усовершенствовавъ себя въ Философіи и Краснорѣчіи. Но послѣ его смерти, получивъ свободу, послѣдовалъ безпрепятственно врожденной склонности.

Быстрые успѣхи юноши доказали, что онъ не обманувъ былъ Геніемъ своимъ. Вскорѣ сдѣлался онъ славенъ въ Римъ. Его славили уже въ числѣ лучшихъ Спихонворцевъ Элегическихъ: слава, шѣмъ болѣе блистательная, что онъ имѣлъ современниками Тибулла и Проперція; да и любовныя пѣсни Капулла были еще въ свѣжей намяти у Римлянъ. Дарованія Овидіевы приобрѣли ему въ короткое время дружбу особъ, отличнѣйшихъ своими талантами, знаменитыхъ или услугами, оказанными опечесиву. Проперцій часто читалъ ему спихи свои, или, какъ говорилъ Овидій, повѣрялъ ему огонь свой. Спарикъ Горацій, не смотря на разность лѣтъ, обходился съ нимъ какъ съ другомъ, ободрялъ его юную Музу и слушалъ съ удовольствіемъ ея опыты. Тибуллъ, родившійся въ одинъ день съ Овидіемъ, соединенъ былъ съ нимъ узми нѣжнѣйшей, истинно брапской любви. Кромѣ

сихъ великихъ мужей, онъ имѣлъ друзьями многихъ Писателей, знаменитыхъ тогда своими дарованіями, но коихъ сочиненія и слава не могли дойти до насъ сквозь мраки времени. Въ числѣ сихъ были Понтикъ, славившійся въ Поэзіи Героической и воспѣвшій, по сказанію Проперція, войну Эвскую; Бассъ или Башпъ, Лирической Стихотворецъ, извѣстный своими ямбами; Луцій Корнелій Северъ, коего Овидій называетъ первымъ изъ Поэтовъ Героическихъ, и которъ писалъ Трагедіи, эпиграммы, элегіи; Тушиканъ, авторъ Поэмы Улисса на оспровѣ Феакійскомъ; Каръ, наставникъ юныхъ Кесарей, пѣвецъ подвиговъ Геркулеса и побѣдъ Германика; Педъ Альбинованъ, коего Овидій же называетъ божественнымъ. Онъ сочинилъ Поэму въ честь Тезея, другую о плаваніи Германика; ему же приписываютъ прелюдію, содержащую утѣшеніе Ливіа по смерти Друза.

Съ восхищеніемъ воспоминаетъ Овидій о дружбѣ, соединявшей его съ ними, и называетъ ихъ частью души своей: *magna pars animae*. Такъ и Гораций говоритъ о

бессмертнѣмъ другъ своемъ, о лебедѣ Ман-
 шуйскомъ: *canitae dimidium teae*. Злапой
 вѣкъ для Словесности, вѣкъ, въ которомъ
 пѣснѣйшія узы дружбы соединяли мужей, со-
 единенныхъ послѣ славою и бессмертіемъ въ
 памяти народовъ просвѣщенныхъ! Августъ
 самъ оказывалъ имъ опличное уваженіе. Гора-
 цій и Виргилій называли своими друзьями
 Мецената, Агриппу, Подліона; Овидій также
 считалъ въ числѣ друзей своихъ многихъ
 изъ первыхъ вельможъ Двора Августова. Но
 для него сіе было началомъ несчастій. Мы
 не дерзнемъ поднимать непроницаемую за-
 вѣсу, скрывающую отъ глазъ любопыт-
 ныхъ причину ссылки Овидіевой; но, каже-
 ся, что это была шайна, близко касав-
 шаяся до Дома Императора. Овидій самъ
 говоритъ, что онъ обидѣлъ Августа; самъ
 часто просилъ у него прощенія, утверждая,
 что виновенъ только въ ошибку, а не въ
 пресупленіи. Представленія сіи были тщет-
 ны: Августъ оспался непреклоненъ, и
 Овидій умеръ между Сарматами, на берегахъ
 Чернаго моря.

Никакой другой Стихошворецъ Римской въ споль разнообразныхъ родахъ и съ подобнымъ успѣхомъ не писалъ, какъ Овидій. Не доспигнувъ еще двадцати лѣтъ своего возраста, уже воспѣвалъ онъ Коринну въ своихъ любовныхъ Элегіяхъ. Всѣ сочиненія такого рода собралъ онъ въ пять книгъ, подъ названіемъ *Amores*. Но разсмотрѣвъ ихъ съ бѣльшею спрогоспью, онъ много исключилъ и предалъ огню, хотя послѣ и признавался, что въ сіи часы досады, между многими посредственными или дурными, погибло довольно и хорошаго. Все оставшееся заключается въ прехъ книгахъ.

Бывши пѣвцомъ любви, *Овидій* захопѣлъ бытъ ея законодапелемъ и написалъ Поэму *о искусствѣ любить, de arte amandi*; но увидѣвши, что въ Римѣ многіе осуждали сію Поэму, какъ проповную нравственности, онъ послѣ сочинилъ другую, подъ названіемъ: *Врачеваніе отъ любви, Remedium amoris*; впрочемъ обѣ сіи Поэмы не доспойны великихъ дарованій шворца ихъ. Пылкій Гений не довольспвовался уже приобрѣтенною славою: онъ хотѣлъ блиспащъ

въ важнѣйшемъ родѣ. Оставя свирѣль Эрапы, взялъ онъ кошурнѣ и скиптрѣ Мельпомены; но всѣ Трагедіи его, подобно многимъ оплитчѣйшимъ сочиненіямъ древности, не могли избавишься отъ руки времени и нашествія варваровъ. Одна только *Медея* извѣстна намъ, по сужденіямъ Римскихъ писателей. Квинтилианъ говоритъ: „Медея Овидіева показывается намъ, что могъ бы содѣлать сей опихопворецъ, ежели бы онъ, вмѣстѣ нго, чтобы предаваться легкости, слишкомъ обильнаго Генія, удерживалъ его въ предѣлахъ мудрой умеренности.“ Въ другомъ мѣстѣ повсюряетъ нго же Крипикъ: „Никакая Трагедія Мессалы или Полліона не пользуется такою славою, какую приобрѣли Овидіева Медея или Варовъ, Тіеспъ.“

Въ то же самое время писалъ онъ славныя свои *Герюды*, или Посланія разныхъ Героевъ и Героинь баснословныхъ. Въ нихъ распочаешь онъ щедрою рукою всѣ цвѣпы блистательнѣйшаго воображенія; но надобно признашься, что, читая сіе сочиненіе, безпрестанно слышишь Овидія и рѣдко го-

воращее, лице. Гдѣ надобно сильное чувство, находишь цинпическія и оспроумныя украшенія. Эпопѣ же самой избытокъ украшеній и недоспапокъ въ чувствѣ замѣчаемъ мы въ *книгахъ Печалей, Tristium*, и въ *Письмахъ изъ Понта*. Оба сія сочиненія имѣющъ для насъ особенное достоинство: изъ нихъ извлечено почти все, что знаемъ о жизни Овидія; ибо о немъ, какъ и о прочихъ великихъ Спихотворцахъ Августова вѣка, очень мало оставили намъ извѣстій Римскіе Историки.

Фасты суть прекрасная Поэма, содержащая въ себѣ описаніе праздниковъ Римскихъ, ихъ начала, устанавленія. Овидій повѣспвуетъ въ сей Поэмѣ съ силой, съ легкостью: богатое его воображеніе блистаетъ всегда на своемъ мѣстѣ.

Но вѣнецъ всѣхъ его сочиненій суть *Метаморфозы* или *Превращенія*, повѣспвующія о разныхъ превращеніяхъ боговъ и людей во временахъ баснословныхъ и оканчивающіяся смертію Юлія Кесаря, коего душу представляетъ обращенною въ комету. Римляне считали сію Поэму послѣ *Энеиды*

прекраснѣйшимъ твореніемъ Музы Латинской въ Героическомъ родѣ. Въ новыя времена Критики еще болѣе его превозносили. Муретъ называетъ *Превращенія* Поэмою божественной; Іоакимъ Камерарій не находилъ Спихопворца, коего бы можно предпочесть Овидію, или съ нимъ сравнить; Іаковъ Мициллъ полагаетъ, что никакая Поэма не можетъ превзойти въ достоинствѣ сія *Превращенія*; Юлій Скалигеръ называетъ нарушителемъ святыни того, кто посмѣлъ находить недоспапки въ стихахъ божественнаго Овидія; Іосифъ Скалигеръ ставилъ его наравнѣ съ творцемъ *Энеиды*; Гейнзій называетъ Овидія Пѣвцомъ безсмертнымъ, вѣчнымъ успѣшеніемъ Музъ. Конечно похвалы сія слишкомъ велики; но по крайней мѣрѣ мы должны признаться съ Лагарпомъ, симъ славнымъ и строгимъ критикомъ нашего вѣка, что превращенія Овидіевы суть одинъ изъ драгоценнѣйшихъ остатковъ Словесности Римской.

Поэма сія есть Героическая и принадлежитъ къ роду Циклическихъ, *carmen Sublicum*, когорыя не подвержены правилу

единства дѣйствія, но содержащѣ въ себѣ многіе предметы, связанные какою нибудь общою принадлежностью (*). И такъ несправедливы тѣ, которые осуждаютъ планъ *Превращеній*, по тому только, что онъ не сообразенъ съ правилами Аристошеля, который писалъ правила Гомерической Эпопеи.

Напротивъ того, самое разнообразіе столь многихъ предметовъ, соединенныхъ съ великимъ успѣхомъ, заслуживаетъ наше удивленіе. Персей, Геркулесъ, Язонъ, Мелеагръ, Аргонавты; Тезей и Пиритой, побѣждающіе грозныхъ Кеншавровъ; Неспоръ, повѣспвующій предъ Троей дѣянія древнихъ лѣтъ; богоподобный Ахиллъ; черный сынъ Авроры; спранспвующій Улиссъ; набожный и мужеспвенный Эней; попомъ Ромулъ, полагающій основаніе Риму и составляющій переходъ отъ времени баснословнаго во времена историческія — сіи Герои переходятъ попеременно предъ нашими глазами. Но повѣспвованія

(*) Къ сему же роду относятся и тѣ, столь частыя у древнихъ, Поэмы, которые содержали въ себѣ описаніе цѣлой жизни героя или бога.

о ихъ геройскихъ подвигахъ безпрестанно переищиваются съ другими еще многообразнѣйшими о любовныхъ приключеніяхъ боговъ, Нимфъ и людей, о ихъ враждахъ, странствіяхъ, празднествахъ. Здѣсь юноша гонится за прелестною дѣвою; пупъ рѣзвой Саширъ играетъ съ молодой Дриадой; шамъ Аркадской богъ повпоряетъ на девятишвольной свирѣли паспущескія пѣсни свои; а вдали, на высокихъ горахъ, скачутъ Вакханки и вскрикиваютъ: *эво! эванъ!* Часто горестная любовница плачетъ на берегу испочника или подлѣ цвѣповъ, которые сами суть только памятники такой же несчастной любви, или жертвы жестокой ревности. Не думайте, чтобы сей очаровательный міръ, созданный Пѣвцами Греціи и украшенный воображеніемъ пворца *Метаморфозовъ*, ограничивался пѣсными предѣлами древней Эллады. — Овидій носитъ насъ по легкимъ, приятнымъ пущамъ, отъ богатой Ассиріи до садовъ Гесперійскихъ, отъ хладныхъ жилищъ Борея до знойной Египціи, отъ Сѣвера на Югъ, отъ восхода солнца до морей, принимающихъ колесницу его въ

мрачное свое лоно; по возносишь насъ на Олимпъ, спавишь посреди совѣща боговъ; по низводишь въ подземное царство Плутона, показываешь тяжелыя воды Коципа и ужасы Тарпара; по играетъ съ нами въ цвѣтущихъ лугахъ; по сходитъ къ Нимфамъ въ ихъ прохладныя чершочи. При всемъ множествѣ сихъ разнообразныхъ картинъ нигдѣ нѣтъ опущенной связи, нигдѣ принужденнаго перехода. Мы блуждаемъ въ лабиринтѣ, но въ рукахъ пушеводителя нашего нить Ариаднина.

Слогъ въ *Овидіѣ* вездѣ легкой, естественный, плавный. Онъ, кажешся, играетъ всѣми предметами, играетъ оковами спиха, споль тяжелыми для другихъ. Любимецъ Аполлона, избранный имъ опъ колыбели, воспитанный, пакъ сказашь, на самомъ берегу Каспаліи, онъ побѣждалъ шрудности и препяшспвія и, играя, достигъ безсмертія. Голосъ его берешъ попеременно всѣ тоны, и всѣ кажущся ему равно сродными. Опъ высокаго переходишь онъ къ просному, опъ важнаго къ легкому, опъ припнаго къ ужасному, опъ игриваго къ нѣжному. Слогъ его всегда сообразенъ

предмету ; важенъ , когда повѣствуетъ о сотвореніи міра ; пышенъ , богатъ , блестящъ , когда изображаетъ чертогъ Солнца ; пламенъ и силенъ , когда предсавляетъ битвы Ахелоя и Геркулеса , яростную спрасть варвара Теря , или неистовыя волненія Вакханокъ ; просъ , когда говоритъ о жизни Филемона ; нѣженъ и пріятенъ , когда описываетъ смерть Кипарисса , или бѣгство и превращеніе юной Дафны . Всѣ сіи мѣста могутъ почитаться образцовыми . Прибавимъ къ нимъ еще описанія битвы Кадмовой противъ змія Марсова , рассказъ Алименида о Циклопахъ , спрасть и превращеніе Нарцисса , жилище Зависти , подземный чертогъ Сна и храмъ Молвы . Послѣднія описанія , равно какъ и чертогъ Солнцевъ , по пому особенно доспойны замѣчанія , что въ нихъ встрѣчаемъ мы всѣ красоты Виргиліева слога въ его блистательнѣйшихъ сочиненіяхъ .

Должно однако же признасться , что шаковыя мѣста очень рѣдки въ Овидіѣ . Слогъ его плавной , живой , богатой и гармонической , не предсавляетъ намъ ни споль поэпического и живописнаго выраженія , ни

споль восхищительной полноты звуковъ, какимы удивляемся въ безсмертныхъ сочиненіяхъ соперника Теокрышова, Гезіодова и Гомерова. Иногда разпротраняетъ онъ карпины шакъ, что опнимаешъ у нихъ всю цѣну; иногда даже упоминаетъ чипашеля, предсавляя въ разныхъ видахъ шу же мысль. Но ежели разнообразнѣшя и прелеснѣшя качества могутъ замѣнить нѣкошорыя недостатки; ежели богатое воображеніе, соединенное съ гармоніей стиховъ, съ пріятношью и любезношью, можетъ восхищать людей, умѣющихъ чувствовашъ прелести Грацій: то Овидіева слава никогда не увянетъ, и онъ будетъ считаешъся въ числѣ блистательнѣшнихъ Стихотворцевъ, — въ числѣ тѣхъ, кошорые человеку, одаренному вкусомъ и чувствомъ изящности, доставляютъ пріятнѣшшее занятіе.

ПОВѢСТЬ О ФАЭТОНѢ,

изъ 2й книги Превращеній Овидіевыхъ.

Описание чертога Солнцева; Фаэтонъ проситъ у отца своего позволенія править его колесницею.

Высокіе столпы поддерживали Солнцевъ чертогъ, покрытый свѣтлою слоноюю костью, сіяющій яркимъ златомъ и пламеннымъ прономъ; серебро створчатыхъ дверей испускало свѣтлозарныя лучи. Но работа превосходила вещество. Самъ Вулканъ изсѣкъ на нихъ шаръ земли и пространныя воды, обвивающія землю и небо, висящее надъ водами. Своихъ боговъ зеленювласыхъ имѣющъ воды, звучащаго въ рогъ Трифона и Пропея многовиднаго, и огромныя хребты киповъ объемлющаго руками Эгеона, и Дориду и дочерей ея. Изъ нихъ однѣ плавающъ; другія, сидя на песчаной насыпи, кажется, обсушающъ зеленые власы; иныхъ рыбы везущъ: не всѣ онѣ одного лица, но и не совсѣмъ различны, —

такъ какъ должно бытъ сестрамъ. На зем-
 лѣ являются мужи, грады, лѣса, рѣки,
 звѣри, Нимфы и иныя сельскія божества.
 Надъ всѣмъ проспирается свѣплый образъ
 неба, и шесть знаковъ на правомъ створѣ
 предспавлены, и столько же на лѣвомъ. Сынъ
 Клименинъ, переступивъ высокой прагъ
 сихъ врагъ и вшедши въ обитель отца,
 обратилъ очи свои на лице его и спалъ
 вдали: ближе не могъ бы онъ сносить пла-
 менныхъ лучей. Въ багряную одежду обле-
 ченный, сидѣлъ Фивъ на престолахъ, сіяющемъ
 драгоценными изумрудами. На правой и лѣ-
 вой сторонѣ споянъ дни, мѣсяцы, годы, и
 вѣки, и часы, на равныхъ разстоянїяхъ;
 споятъ и младая Весна, увѣчанная цвѣ-
 тами, и Лѣто нагое, носящее въ рукъ вѣ-
 нокъ изъ класовъ; споятъ и Осень, очер-
 вленная сокомъ раздавленныхъ гроздїевъ, и
 Зима, съ власами сѣдыми, всклокоченными.
 Изъ среды ихъ всезрящее Солнце бросаеъ
 взоры свои на юношу, испрашеннаго но-
 востью предметовъ. Для чего пришелъ сю-
 да, Фатонъ, о сынъ! не безчестїе отцу
 своему? чего ищешь въ чертогъ моемъ? —

„О всеобщее свѣшило неизмѣримой вселенной!“ опвѣчаетъ Фаэтонъ, „о Фивъ, отецъ мой! ежели позволяешь мнѣ называть тебя опцомъ, и ежели Климена не скрываетъ симъ вымысломъ какого - либо прощунка: дай мнѣ залогъ истиннаго моего рожденія опъ тебя и разсѣй сомнѣнія въ умъ моемъ.“ Онъ рекъ. — Родитель, опложивъ лучи, сіяющіе вокругъ главы, повелѣвъ ему приблизиться и, облобызавъ его, сказалъ: „Я не имѣю причины опъ тебя опречься. Климена произвела въ міръ истинное мое чадо; а чшобы ты не оспавался въ сомнѣніи, проси, чего хочешь: я все дамъ тебѣ. Свидѣтелемъ объша да будешь рѣка, коей клянущся боги, рѣка, очамъ моимъ неизвѣстная.“ Едва умолкнулъ Фивъ, и Фаэтонъ уже просилъ его, чшобы, уступивъ на одинъ день колесницу свою, онъ позволилъ ему править крылашными его конями.

Фивъ вотще старается отератить Фаэтона отъ безразсуднаго намѣренія.

Раскаялся отецъ [въ кляшвѣ, и при, чешыре раза качнувъ свѣшлую гла-

вою, сказалъ: „Безразсудна была рѣчь моя: ахъ, ежели бы можно было не дать обѣщаннаго! Признаюсь, въ эпосѣ одномъ опказалъ бы тебѣ, о сынъ мой! Могу по крайней мѣрѣ отвратишь тебя отъ своего желанія. Опасно оно, Фазмонъ! Великаго пребуешь пы и несоопвѣпспвеннаго ни силамъ своимъ, ни споль юнымъ лѣпамъ. Жребій твой смертный; не смертнымъ принадлежишь ты, чего пребуешь въ невѣдѣннн своемъ: оно и богамъ не возможно. Какъ бы они о себѣ ни мечпали: никто, кромѣ меня, не возможетъ снать на огненосной колесницѣ; ею не управитъ и самъ владыцель пространнаго Олимпа, грозною дланью мещущій ужасныя молніи; а что можетъ быть больше Юпитера? Вначалѣ дорога крупа, и поушпру кони мои едва могутъ по мей взбираться. Средина пуши огибается на превыспреннемъ небеснаго свода; и часто сердце мое прецепетъ отъ хладнаго ужаса, когда опшоль взираю на море и земдю. При концѣ пушь наклоненъ и спускается съ правильною цоспеденносью: тогда и Фетида, принимающая ме-

ня въ волны свои, опасаясь, да не паду
 спремглавъ. Припомъ и небо, вращаясь
 беспрестанно вокругъ себя, быстро влечетъ
 выпрвенія звѣзды: я же спремлюсь въ про-
 тивоположную спрану и не покорствую силъ,
 движущей весь міръ. Предположи шеперь,
 чпо я уже вручилъ тебѣ колесницу: чпо
 будешь ты дѣлать? Возможешь ли ты шепе-
 ци противъ кружащихся полюсовъ и не
 бышь увлеченъ ихъ мощнымъ движеніемъ?
 Можешь бышь ты воображаешь увидѣшь
 шамъ священныя лѣса, грады, обипаемыя
 богами, и храмы, даровъ богатыхъ испол-
 ненныя: нѣтъ! среди разныхъ коней, предъ
 образами звѣрей проходиптъ путь твой. Ты
 долженъ пролетѣшь предъ рогами вола,
 предъ лукомъ Фессальскимъ, предъ зѣвомъ
 свирѣпаго Льва, предъ лютымъ Скорпіемъ,
 стигающимъ въ огромный кругъ длинныя ла-
 пы свои, и предъ Ракомъ, съ другой спраны
 стигающимъ также свои клени. Имѣешь ли
 ты сполько силъ, ччтобы могъ править сими
 конями, носящими огонь въ груди и изрыга-
 ющими пламя изъ рта и ноздрей? Когда воз-
 горипся пылокъ ихъ сердце, шо и мнѣ они едва

повинуюся: гордая выя прошивоборсшвуешъ
браздамъ. Брегись, о сынъ мой! да не по-
лучишь опъ меня дара гибельнаго: пока воз-
можно, перемъни желаніе пвое. Ты хочешь
увѣришься, что ты истинная кровь моя,
и для сего пребуешь несомнѣннаго залога:
не служишь ли несомнѣннымъ залогомъ
спрахъ мой? Опцомъ являешъ меня безо-
койство, свойственное опцу. Возри пок-
мо на лице мое! . . . Ахъ! ежели бы ты
могъ взоромъ проникнуть и въ грудь мою,
видѣшь въ ней всѣ заботы, перзающія ро-
дительское сердце! . . . Обозри все, что ни
заключается въ пространномъ, изобилую-
щемъ богатствами, мѣрѣ: избъ полияхъ,
поль многихъ благъ и неба, и земли, и моря
проси, чего желаешь, не получишь опказа.
Опъ одного, заклинаю тебѣ, опкажись —
опъ того, что въ самомъ дѣлѣ не почешъ,
а наказаніе. Наказаніе просишь ты, Фаз-
шонъ, вмѣсто дара. Почто, безразсудный
юноша, обемдешъ ты ласкающими длань-
ми выю мою? Не сомнѣвайся: мы дадимъ
(въ еемъ клялися мы водами Спикса) все,

чего бы ты ни просилъ; проси шокма съ
 благоразуміемъ.“

*Фивъ возводитъ Фаэтона на колесницу
 и даетъ ему тщетныя наставленія.*

Опець кончилъ рѣчь свою; но непреклонный и швердый въ намѣреніи своемъ Фаэтонъ горитъ желаніемъ править колесницей. Фивъ медлитъ, сколько можно; наконецъ ведетъ онъ сына къ высокой колесницѣ — Вулканову дару. Злая въ ней была ось, златое дышло, златые круги, объемлющіе колеса; изъ сребра спицы оныхъ. На блестящемъ ярмѣ хрисолипы и другіе драгоцѣнные камни ярко сіяли, отражая Фивовы лучи. Между шѣмъ, какъ Фаэтонъ разсмаприваетъ чудесное искусство, являющееся во всей колесницѣ, внезапно отъ свѣтлаго востока бдительная Аврора опверзаетъ багряныя враша и усѣяныя розами предѣнія: бѣгутъ звѣзды; денница заключаетъ ряды ихъ, и послѣдняя сходитъ съ небесной сиражи. Но державный Титанъ, узрѣвъ опливы алыхъ лучей, про-

спирающіеся по землѣ и по всей вселенной, концы роговъ луны, какъ будто исчезающіе въ свѣтломъ пространствѣ, повелѣлъ легкимъ Горамъ (часамъ) впрягать коней своихъ. Вышрывая богини, исполняя повелѣніе, ведущъ изъ высокихъ спойлъ изрыгающихъ пламя коней, насыщенныхъ содами амвросіи, и налагаяющъ на нихъ звучащія узды. Тогда опецъ умащаетъ священными мазями лицо сына своего, да сноситъ онъ жаръ бурнаго пламени; вѣнчаетъ главу его лучами и, выпуская изъ груди тяжкіе вздохи, предвѣспивая плача, говоритъ ему: „О сынъ мой! будь покоренъ по крайней мѣрѣ послѣднимъ совѣщанъ отца; крѣпче держи бразды и брегись ударять коней моихъ: и безъ того они столь пылки, что трудно удержатъ ихъ полемъ. Не избирай пути по направленію пяти прямыхъ круговъ: вкось пересѣкаетъ оныя шropa, сгибающаяся въ широкую дугу и заключенная въ предѣлахъ трехъ среднихъ поясовъ. По сей шropѣ да будетъ путь твой: на ней узришь ты еще примѣтные слѣды колесъ. Дабы небо и земля пользовались рав-

ною шеплопою, не опускай колесницы шзо-
 ей, но и не воспарай къ превыспреннему
 ээиру; ежели высоко будешь лепшъ, воз-
 горяшъ небесные черноты; ежели низко, заж-
 жешь землю: въ среднѣ безопаснѣйшій пущь.
 Не совращайся направо къ излучисному
 змию, но и не опклоняйся налѣво къ зва-
 дному алпарю; между ими направляй шече-
 ние. Прочее поручая шасшю, желаю, чшо-
 бы оно лучше о шевѣ промыслило, нежели
 ты самъ. Между шѣмъ, какъ я говорю, вла-
 жная ночь уже доспигла мешы своего шѣ-
 ченія, лежащей на морѣ Гесперійскомъ; насъ
 ждущъ и медлишь не лзя: свѣшозарная
 Аврора разсѣяла мраки. Бери бразды; или —
 ежели намѣреніе швое можешъ еще перемѣ-
 ниться, воспользуйся совѣшомъ моимъ, а
 не колесницею; шеперь еще сіе возможно,
 шеперь ты шчощишь еще на семъ швердомъ
 прагѣ, шеперь ты не несешъ еще на не-
 вѣрныхъ колесахъ. Смотри на нихъ, и шѣмъ
 довольшуйся, не подвергаясь опасностямъ:
 ошавъ мнѣ должностъ освѣщашъ землю.“
 Юношескою ногою вскакиваетъ Фаэтонъ на
 легкую колесницу; споя на ней, любуется

онъ браздами, споль много желанными, и благодаритъ опца, жалющаго о своемъ подаркѣ.

~~~~~

Фазтонъ неуспѣшно правитъ колесницей; уже не владея собою, онъ покидаетъ бразды.

—————

Между пѣмъ Пироей, Эой, Эеонъ и Флегонъ, крылатые Солнцева кони, изрыгая пламя, ржащъ и бьющъ ногами о швердые заклепы. Оешида поднимаетъ оныя, не вѣдая судьбы внука своего, и опкрываетъ предъ конями проспранныя небеса. Кони спремаяся и, быспро шагая по воздуху, разскаютъ густые шуманы; легкія крылія ихъ опережаютъ Эвровъ, лепящихъ опъшой же спраны; но споль легко для нихъ было ихъ бремя, что они едва могли его чувспвовать: даже ярмо не шягопило выи ихъ, какъ прежде. Колесница скачетъ въ воздухъ, какъ будшо бы лишенная возницы: она подобна мало нагруженнымъ кораблямъ, копорие качающа на всѣ спороны, не имѣя птяжести, чинобъ прошивобѣрспвовать смѣ

воля. Почувствовавъ сіе, гордыя живописныя несущія въ безпорядкѣ и оспавляющія проложенный путь. Возница блѣднѣетъ отъ страха, не зная, куда должно править браздами; а ежели бы и зналъ, не могъ бы однако же повелѣвать конямъ. Тогда хладныя Трионы, ощутивъ въ первый разъ горячіе лучи, вошце порывались погрузиться въ воды имъ восбраненнаго Океана. Тогда и лежащій близъ мразнаго полюса змій, дошолъ оледѣный и никому не ужасный, согрѣлся и, новымъ жаромъ оживленный, новою яростью возпламенился. И пы также, вѣщающъ, о Воспѣ, бѣжалъ смущенный, хопя удерживала себя своя медленность и обременяла меня сельская колесница своя. Когда же съ высоты эира Фэшонъ увидѣлъ землю далеко, далеко подъ нимъ лежащую; колѣна его запряслися, блѣдность просперлась по ланишамъ и, среди шолликаго свѣта, мракъ покрылъ глаза его. Уже хотѣлъ бы онъ никогда не касаться до коней опцовскихъ; уже жалѣетъ онъ, чпо успѣлъ въ прощени и узналъ происхождение свое: онъ желалъ бы слышь сыномъ

Мерономъ, видя себя носимаго подобно злополучному судну, воздымаемому бурнымъ Бореемъ, когда кормчій, оставивъ кормило, возлагаетъ надежду на молишвы и на благоспъ боговъ. Чшо дѣлаетъ ему? много небеснаго пуши позади его, еще болѣе предъ нимъ. Мыслию измѣряетъ онъ оба пространства: но смотришь на Западъ, коего достигнуть запрещають ему Судьбы, по обращается на Воспокъ. Не зная, къ чему прибѣгнутьъ, цѣпнетъ онъ въ недоумѣніи: возжей не покидаетъ, держашъ ихъ швердо не можешъ, имена коней ему не извѣсны; но когда представились глазамъ его разсѣяныя въ разныхъ краяхъ небесъ чудовища и образы огромныхъ звѣрей, тогда еще болѣе онъ усманился. Есть мѣсто, гдѣ, простирая огромный хвостъ и двѣ лапы согнушыя въ дуги, Скорпій занимаетъ одинъ пространство двухъ знаковъ. Его когда узрѣвъ омоченнаго чернымъ, ядовишымъ попомъ, грозящаго нанесши жестокия язвы копиеобразныхъ клещей, оцѣпентъшій отъ ужаса юноша, не владѣя духомъ, покинулъ бразды. Кони, почувшовавъ оныя на сн-

нѣ своей, пускаются въ пространство и, никѣмъ болѣе не удерживаемые, несущся въ неизвѣстной имъ странѣ: куда влекущъ порывы духа, шуда спремятся въ безпорядкъ; набѣгающъ на звѣзды, укрѣпленныя въ вышнемъ эфирѣ; влекущъ колесницу въ мѣстахъ, никѣмъ дополъ незримыхъ. То взлетающъ они къ высреннимъ; по, по наклоненнымъ пупямъ, приближаются къ землѣ. Луна дивится, видя подъ собою брашнихъ коней; зажженныя облака дымятся.

Горы и лѣса загараются.

Пламя объемлетъ всѣ возвышенныя части земли: земля сохнетъ, лишенная соковъ, и, прескаяся, повсюду опверзаетъ рвы. Взнущъ пажити; древо шлѣетъ съ листвѣями своими, и жашва пипаетъ пожирающій ее огонь. Но это все малыя нещасія: великіе города превращаются въ пепелъ со сѣнами; съ народами погибающъ цѣлыя страны, ими обипаемыя; лѣса и горы пылающъ. Пылающъ Ашосъ, Тавръ, Ипа, и Тмоль, и тогда изсохшая, но прежде

славная испочниками Ида, и посвященный двамъ Геликонъ, и Гемъ, еще не получивший имени Загрійскаго. Эпна горитъ проспраннымъ пламенемъ усугубленныхъ огней; горитъ Парнасъ двуглавый, Эриксъ, Клитъ, Опрій, Родоубъ, уже не раждающий кораблей, Мимантъ, Диндимъ, Микала и рожденный для свяпыни Кисеронъ. Скиѣи бесполезны въ морозы. Кавказъ горитъ съ Оссою, съ Пиндомъ, съ Олимпомъ, обвихъ ихъ превышающимъ: пылаютъ и выпренія Альпы и Апеннинъ облаконосный. Тогда Фазпонъ видитъ міръ, со всѣхъ спранъ зажженный, и не можетъ снести шоль жестокаго жара: онъ шептъ горящій воздухъ, какъ изъ глубокой печи, чувствуетъ разкаляющуюся колесницу и не можетъ долѣ шертъшъ ни пепла и вола, опшвсюду на него извергаемыхъ, ни дыма, его обемлющаго и жгущаго. Ослѣпленный густымъ облакомъ, не зная, гдѣ находишься и куда долженъ шпремиться, онъ предается на волю крылашыхъ коней, его мчащихъ. Думающъ, что въ сіе-по время Еѣопи получили черной цвѣтъ опъ крови, прилявшейся къ по-

верхности шла. Ливія содѣлалась тогда безводною опѣ зноя, превратившаго въ пары всю влагу оной земли. Нимфы, съ разпрепанными власами, оплакивали тогда изсякшіе источники и изсушенныя озера. Виопія щещно ищещѣ Диркію, Аргосѣ Амиону, Коринтѣ воды Пиренскія.

~~~~~

Рѣки и моря высыхаютъ.

И рѣки, получившія въ удѣлѣ отдаленные берега, не избѣгли общаго бѣдспвія: дымшся и Танаисѣ, и древній спарецѣ Пеней, и Каикѣ, орошающій царство Тевтранша, и быспрый Исменѣ съ Эрманпомѣ Фокейскимѣ, и Ксантѣ, не въ послѣдній разѣ горящій, и желшоводный Ликормѣ, и Меандрѣ, играющій въ излучиспыхѣ спруахѣ, и Меланѣ Мигданійской, и Эвроптѣ, пещущій близѣ мрачнаго Тенара. Горитѣ Эвфрашѣ Вавилонскій: горяшѣ Ороншѣ, быспрый Термодоонѣ, Гантѣ, Фазѣ и Исперѣ, кипитѣ Алфей; берега Сперхія пылаютѣ; ручьями огненными печетѣ злато, кошорое Тагѣ влачилѣ въ своихѣ спруахѣ. Пши-

цы рѣчныя, коихъ пѣніе раздавалось безпресшанно на брегахъ Меонійскихъ, ощутили зной въ водахъ Каисра. Успрашенный Нилъ бѣжалъ къ предѣламъ вселенной и сокрылъ главу свою, копорая оспалась и доселѣ сокровенной: семь успій его являющъ одинъ иль осушенный, семь долинъ безводныхъ. Равно сохнутъ и дѣши горъ Шмарскихъ, Гевръ со Спримономъ, и рѣки Гесперійскія, и Ренъ и Роданъ; съ Падомъ сохнетъ древній Тибръ, копорому всемошныя судьбы обѣщали державу цѣлаго міра. Разсѣлась земля, и лучъ Солнцевъ проходитъ чрезъ опвершія до самаго Таршара, успрашая адскаго царя и съ супругою. Изсякающъ воды морскія; и шамъ, гдѣ была влажная пучина, осшающся поля сухаго песка; являющся горы, сокрышыя дошолъ въ глубокихъ водахъ, и увеличивающъ число разсѣянныхъ Кикладъ. Рыбы низвергающся ко дну: и дельфины не дерзающъ поднимать надъ волнами бугрисшыя хребшы. Бездушныя пѣла шюленей всплыли, опрокинушыя изъ глубины пучинъ: даже, если въ-

Книжка XXI.

И

ришь молвъ, и самъ Нерей скрылся съ Доридою и дочерьми ея въ согрѣтыхъ Солнцемъ водахъ. Три раза, съ грознымъ взоромъ, Непсунъ поднималъ длани изъ воды: при раза скрывался отъ горящаго воздуха.

Богиня земли жалуется Юпитеру о разрушеніи міра.

Тогда благая Земля, среди окружающихъ ее отъсюду морей и изсякшихъ источниковъ, коихъ воды спѣшили укрыться въ нѣдрахъ своей матери, возсала и до самаго выи подвѣла на свѣшъ плодоносящую, но тогда изсушенную главу. Рукою покрыла она чело свое и, попрысая ужаснымъ препенемъ громаду шара своего, опустилась еще ниже прежняго, священнымъ гласомъ шакъ вѣщая къ Юпитеру: „Ежели ты желаешь гибели моей, ежели я заслужила оную, о! почто косняшь громады твои, власшитель

боговъ? Долженъ швующая погибнуть силой огня, позволь, да погибну опъ швоихъ огней: бѣдствіе мое легче будетъ, когда опъ шебя низпошлешся. Едва могу опверстъ устпа, чшобъ произнесъ слова сіа. (Пары оспанавливали ея дыханіе.) Возри на сіа власы, изсушенны жаромъ, на очи, дымомъ омраченныя: пепелъ лепаетъ по лицу моему. Сію ли награду даешъ пы за мои заслуги, за мое плодородіе, за шо, чшо цѣлый годъ шерплю язвы опъ оспрозубчашаго плуга, опъ тяжелой бороны, опъ разныхъ прудовъ земледѣльца? за шо, чшо скошамъ даю праву и лиспья, людямъ благороднѣйшую пищу, хлѣбъ, и вамъ самимъ небожишелямъ — еиміамъ? Но пусть я заслужила испребленіе свое: чшо содѣлали воды? чѣмъ заслужилъ сіе брашъ швой? по чшо врученныа ему рокомъ моря уменьшающся и удаляющся опъ ээира? Но ежели пы не прогаешся учаспью брата, или моею, шо сжался по крайней мѣрѣ надъ небомъ швоимъ. Возри, дымятся оба предѣла небесной оси, и ежели огонь пожретъ ихъ, шо па-

И я

душъ и своды вашихъ чертоговъ: вопль, Аплантъ самъ изнемогаетъ и едва можетъ поддерживать на плечахъ раскаленный небо-склонъ. Ежели моря, ежели земля, ежели жилища небесныя погибнутъ, то мы повергнемся опять въ древній Хаосъ. Поспѣши на спасеніе міра и, ежели что еще оспалось, изпоргни изъ пламени.“ Тако възвѣстала Земля и умолкла: не могла она продолжать, не могла долѣ сносить задушающихъ ея паровъ; но скрылась въ глубокіе вершины, сопредѣльныя царству штъней.

Фазтонъ пораженъ молніей.

Гробъ его и надпись надгробная.

Всесильный Царь боговъ, поклявшись предъ небожителеми и предъ самимъ Фивомъ, давшимъ колесницу, что все должно погибнуть, ежели онъ не поспѣшитъ на спасеніе, восходитъ въ высшій чертогъ, откуда онъ

наводилъ пучи на пространство земли, откуда движешъ громами и мещешъ прещущія молніи. Тогда не имѣлъ онъ ни пучь, копорья могъ бы навеспи, ни дождей, чпобы послать ихъ на землю: но грянулъ и, раскачавъ грозной перунъ, бросилъ на возницу. Тѣмъ же ударомъ свергнулъ его съ колесницы, изпоргнулъ изъ него душу и грозными огнями ошпановилъ огни. Кони успрашаются и, обращая въ прошивную спрану порывъ свой, свергающъ иго съ выи и покидающъ разперзанныя бразды. Здѣсь лежатъ узды, здѣсь ось, оппоргнушая опъ дышла; тамъ спицы разломанныхъ колесъ, и разсѣянные по землѣ ошпанки колесницы. Но Фэшонъ между шѣмъ, какъ пламя спруишся по его злпшымъ кудрямъ, падаетъ спремглавъ и ошавляетъ въ воздухъ длинный слѣдъ: шакъ иногда при ясномъ небѣ звѣзда, не падая, кажется падающею. Фэшона, далеко опъ опчизны на чужой споронѣ падшаго, принялъ въ воды свои великой Эриданъ и омылъ дымящееся его лице. Нимфы Гесперійскія сокрыли въ гробъ шѣло его,

обезображенное приспруйнымъ иламенемъ ;
а на камнѣ его надгробномъ начерпали сіи
слова :

„Здѣсь лежитъ Фазшонъ , правившій
колесницею ошца своего : хопя онъ и не
удержалъ ее , но палъ среди великаго пред-
пріяшя.“

Съ Латцискаго Федоръ Хомяковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ 36му ПСАЛМУ.

Не поревнуй властполюбивымъ,
Которымъ вся земля пѣсна,
И пѣмъ счастливымъ нечестивымъ,
Чья жизнь — какъ шихая весна,
А власть — какъ грозныхъ бурь дыханье,
Чья слава — ропоть и сненанье,
Которые чрезъ мечь и громъ,
Въ кровавомъ полѣ бивъ ужасныхъ,
Сразивши миллионъ несчастныхъ,
Провозгласились божествомъ!

Не позавидуи и развратнымъ,
Роскошнымъ, знатнымъ богачамъ,
И пѣмъ судьямъ лицепрятнымъ,
Правдиваго суда бичамъ,
Что ослѣпясь преступной мздою,
Законъ — условною мечшою,
А совѣтъ — предрасудкомъ члупшъ;
Которые чрезъ святошашство
Собравъ несмѣшное богатство,
Безъ наказанья жизнь вѣдущъ.

Не обольстись и пѣнемъ спройнымъ
 Сладкорѣчивыхъ пѣхъ пѣвцовъ,
 Что изъ корысти, недоспойнымъ
 Подносящъ лавры для вѣнцовъ.
 Порокъ, какъ добродѣшель славящъ,
 Безумца выше мудрыхъ ставящъ,
 И чрезъ одну презрѣнну лестъ
 Воздавши сильнымъ обоженье,
 Могли коварствомъ уваженье
 Въ слѣпомъ народѣ приобрѣсшъ.

Не мысли, что сыны разврата
 На розахъ благовонныхъ спящъ!
 Спокойствомъ совѣсшъ не богаша;
 Не все шо звѣзды, что блестящъ.
 Степень вельможъ и самовласшь
 Не естъ еще прямое счастье;
 На полѣ жизни прелестъ ихъ,
 Подобно крину увядаешъ
 И щептно дерзкій умъ мечпаешъ
 Великимъ бышъ безъ дѣлъ благихъ.

Какъ на полешѣ погасающъ
 Нощные въ небесахъ огни:
 Такъ мужа злаго исчезающъ
 Блещащіе подъ небомъ дни.
 Сшоя на высотѣ случайной,
 Онъ мучишся боязнью шайной,

Печалень посреди друзей,
 Среди довольства — негодуешь,
 Въ часы спокойствія — поспеешь
 И счастливыхъ не видишь дней.

Остави мужа развращенна,
 Хошябъ снѣжалъ себѣ алшарь:
 Душа, спростямъ порабощенна,
 Не ешь уже разумна шварь;
 Власпитель самъ, какъ робкій воинъ,
 Соревнованья недостоинъ,
 Когда дерзнулъ поставишь ояъ,
 Презрѣвъ народа общимъ бѣдствомъ,
 Закономъ — гордостью, силу — средствомъ,
 А цѣлью — свой единый провъ!

Познай, кому въ превратномъ мѣрѣ
 И въ чемъ держаемъ равновашь!
 Внимая вдохновенной лирѣ,
 Доколь осмѣлимся зывать
 Земнаго счастья къ кумиру?
 Еще ль, блаженствомъ чпѣ порфиру,
 Забудемъ, что речешь Пророкъ?
 Еще ль щещеславью въ честьъ возшрубимъ,
 Развраща шумный путь возлюбимъ,
 Гдѣ царствуешь одинъ порокъ?

Гдѣ грѣшникъ въ ярости рыкаешь
 На праведныхъ, какъ гладный левъ,
 А в

Коварства когши изощряешь
 И злобы разтворяешь зѣвъ!
 Ужасно бытъ добычей звѣря, —
 Но чувствую, надѣюсь, вѣрю,
 Что праведныхъ вошще боязнь!
 Богъ силъ речешь — и врагъ смирился,
 И гордость гордыхъ посрамилъ;
 Пожди — и узришь злобѣ казнь.

Пожди не много — и злодѣевъ
 Не будешь на землѣ своихъ;
 Падуть громады ихъ профеевъ,
 И не обрящешь мѣсна ихъ,
 Которое во дняхъ грядущихъ,
 Къ оправдѣ бѣдныхъ, неимущихъ,
 Благіе мужи заселятъ,
 И гдѣ былъ слышанъ стонъ печали,
 Оковы и мечи звучали,
 Тамъ пѣсни счастья возгремятъ.

Въ десницѣ Божьей царство міра
 И жребій ливой въ рукахъ Его;
 Держава, посохъ, мечъ и лира
 Даются смертнымъ отъ Него.
 Трудись, шерпи до воздаянья,
 И не преслѣдуй злодѣянья
 Ни завистью, ни похвалой.
 Будь справедливъ, великодушень,

Закону Божьему послушенъ,
И не роцци на жребій свой.

Преспань опъ гнѣва и смирися,
Оприни зависть и мелисъ;
Будь крошокъ — съ сильнымъ не борися,
Будь мудръ — съ богатымъ не судисъ.
Не дѣлай гордому упрека,
Щади въ злодѣѣ чловѣка;
Онъ безъ доноса швоего
Въ дѣлахъ преспупныхъ обличися,
Осудися, уничижися,
И слава рушися его.

Мужъ грѣшнѣй, ненавидай браша,
Не можешъ бышь и самъ любимъ.
Онъ жаждешъ славы, алчешъ злаша,
Не знаешъ мѣръ спростямъ своимъ;
Нажишокъ чуждый похищашъ,
Заемлешъ и не возвращашъ;
Но праведникъ, какъ другъ людей,
Бѣдой чужой не богатися,
Щедрошно съ бѣднымъ всѣмъ дѣлишя,
И не взыскуешъ мзды своей.

Онъ не прельщашся мечшою,
И чужды лжи его уста;
Онъ друженъ съ мудрой простошою,
И совѣсть въ немъ всегда чиста.

Его разсудокъ — рабъ закона ,
 Опверсны ушеса для спона ;
 Въ немъ сердце — милоспей сосудъ ,
 Душа естъ храмъ живаго слова ,
 Его рука — къ добру готова ,
 Языкъ — вѣщающъ злодѣю судъ .

Таковъ мужъ кропкѣй , непорочнѣй ,
 И врагъ не спрашенъ для него .
 Въ полдневнѣй часъ , и часъ полнощнѣй
 Взоръ Божїй спережешъ его .
 Съ мечемъ ли къ брани успремишся ,
 Подъ сѣнъ ли мира уклонишся ,
 На ниву ли съ сохой пойдеши ,
 Къ народу ли проспрешъ ученье ,
 Къ Царю ли вознесешъ моленье —
 Вездѣ благїй успѣхъ найдешъ .

Еще подъ солнцемъ не видали ,
 Чшобъ праведникъ оспавленъ былъ ,
 Сыныбъ его въ бѣдахъ спрадали
 И внукъ друзей не находиль .
 Кшо бѣднѣхъ облегчалъ несчастїе ,
 Въ печали скорбнѣхъ бралъ учасїе ,
 Былъ мудръ , былъ кроцокъ , справедливъ ,
 Въ любви къ Творцу не колебался :
 Тотъ самъ блаженствомъ наслаждался ,
 И родъ его былъ всею счастливъ .

Сей мудрый мужъ одинъ на свѣшѣ
 Достоинъ ревности швоей ;
 Какъ быспрь и смѣль орель въ полещѣ ,
 Такъ славою онъ быспрь своей .
 Теки и пы его слѣдами ,
 Одними добрыхъ дѣлъ звѣздами
 Пошщись свою украсишь грудь .
 Вознагради себя любящихъ ,
 Ухлѣби зло шебѣ шворящихъ
 И въ нуждѣ сущихъ не забудѣ .

Пущь грѣшникъ злыми очами
 Твой всюду назираешъ слѣдѣ ,
 Скрежещеть на шебя зубами
 И все шворишь шебѣ во вредѣ ;
 Пускай мечъ шяжкѣй извлекаешъ ,
 Лукъ крѣпкѣй сильно напрягаешъ
 И прямо мепишь въ грудь швою , —
 Не бойся — жертва не пожрешся :
 Шпрѣла въ полещѣ сопряшешся .
 И не ударишь въ цѣль свою .

И мечъ , къ убійству обнаженный ,
 Сразишь убійцу самаго ;
 И лукъ , во гнѣвѣ напряженный ,
 Преломишь въ рукахъ его .
 Надѣйся , вѣруй — Богъ поможетъ ,
 Онъ гордосшь сильныхъ уничтожишь ,

А крошестъ слабыхъ вознесетъ,
 Не ослѣпляйся блескомъ шрона ;
 Злодѣя и сама корона,
 Въ день судный, гнѣва не спасетъ.

Я видѣлъ мужа развращенна,
 Носящаго въ десницѣ громъ,
 Въ элашную броню облеченна,
 Въичаннаго побѣдъ вѣнкомъ,
 Предъ кѣмъ могущіе смирились,
 Кому всѣ Царства покорялись,
 Кто посреди подвласныхъ ордъ
 До Царскаго возвысясь сана,
 Какъ кедръ на высотахъ Ливана,
 Казался швердъ, высокъ и гордъ.

Но минуль срокъ пиранской власти,
 Ударилъ громъ — и сильный палъ.
 Изчезла власть шворить напастн,
 И Царь-злодѣй — какъ не бывалъ.
 Народовъ бѣдство съ нимъ скончалось,
 И даже слѣда не оспалось,
 Гдѣ грозный исполниль сшупаль,
 Лъспацы - вельможи убѣжали,
 Пѣвцы - сирены замолчали
 И ближній память проклиналъ.

Такъ Всемогущій поражаетъ
 Всѣхъ человѣчества враговъ.

Люби людей, да окружаешь
Всегдашній миръ швой шихій кровь!
Люби Творца, да въ день награды
Блаженства вѣчнаго оспрады
Вознаградяшь швой срочный трудъ!
Не забывай, что жизнь минешся,
Земная слава пронесешся,
И встрѣдишь за могилой судъ.

Николай Шатровъ.

ПОДРАЖАНІЕ 90 му ПСАЛМУ.

Какъ вѣковъй огромный кедръ,
Между Ливанскихъ горъ распуцій,
Которому не спращенъ вѣспрь,
Не вреденъ въ шучахъ громъ ревущій:
Такъ крѣпокъ, швердь, неполебимъ,
Величественъ, непобѣдимъ
Живущій съ помощью небесной;
Онъ въ кровѣ Божьемъ водворенъ,
Гигантской мощью одаренъ,
Увѣнчанъ мудросшью чудесной.

Сей мужъ Царю небесъ речешъ:
Ты мой Опець, Пушеводитель!
И врагъ мнѣ дней не пресѣчетъ,
Хошябъ онъ былъ земли власшипель.
Я вѣрю, что во время бѣды
Укажешъ мнѣ къ спасеню слѣды,
Вѣнцовъ побѣдныхъ удоспоишь,
Опъ сильныхъ рукъ освободишь,
Опъ словъ мяшежныхъ защишишь
И подъ щитомъ Своимъ спокоишь.

Твой Ангель, разсѣвая громъ,
 Окрестъ меня на спражѣ спанешъ ; —
 Сражусь безпрепешно съ врагомъ,
 Хотя незапно онъ нагрянешъ ;
 Не ужаснусь въ лѣсахъ гуспыхъ,
 Блудящихъ призраковъ ночныхъ,
 Ни шумныхъ спрѣлъ во дни лешящихъ,
 Ни злыхъ полуденныхъ духовъ,
 Ни бурь вечернихъ, ни громовъ,
 На мрачномъ западѣ блестящихъ.

Блаженъ, кто можешъ пакъ вѣщашъ
 Царю Царей, Творцу вселенной !
 Блаженъ, кто можешъ ощущашъ
 Глаголы Вѣры несомнѣнной !
 Топъ не подвижешся вовѣкъ !
 О ты, великій человекъ,
 Мужъ крѣпкій на судѣ и въ полѣ !
 Тебѣ не нуженъ царскій проиъ,
 Ты знаменишъ и безъ коронъ,
 Почтенъ и въ самой низкой долѣ.

Когда велишъ себѣ швой долгъ
 Въ защиту правды ополчишся,
 Тогда съ шбой изыдешъ Богъ
 И духъ швой въ бишѣ укрѣпчишся.
 Не начершишъ рубца копьемъ
 Врагъ сильный на щипѣ швоемъ,

Ослабнущъ сѣпротивныхъ длани,
 Замолкнешъ страшный звукъ громовъ —
 Ты побѣдишь своихъ враговъ
 И кончишь славно подвигъ брани.

Пустькай несмышное число
 Окрестъ тебя мечей сомкнешся,
 Къ тебѣ не придетъ близко зло,
 И рана къ шѣлу не коснется;
 Всесильный Ангелу велишь
 Передъ тобой простершь евой щипъ,
 Безвреднымъ сдѣлашь громъ и пламень,
 Во всѣхъ пущахъ тебя хранишь,
 На вѣтренныхъ крылажъ носишь,
 Да не предкнешъ ноги о камень.

Кудабъ ты пушь ни обратишь;
 Вездѣ взоръ Божій надъ тобою,
 И гордый врагъ со шмами силь
 Изчезнешъ подъ швоей рукою.
 Тебѣ не здѣлаешь преградъ
 Ни василиска страшный взглядъ,
 Ни люшосшь асида глухаго:
 Ты можешь ихъ пяпой попрашь
 И пасшь ужасную раздрашь
 У самаго дракона злаго.

Такъ укрѣпляешь Богъ шого,
 Кто Бога въ помощь призываетъ,

Кто на едину власть Его
 Во всѣхъ случаяхъ уповаешь ;
 Сянь въ полѣ и въ судѣ равно,
 Имѣя мужество одно,
 Съ опеческимъ благословеньемъ
 Изсунешь мечъ прошивъ враговъ
 И умертвишь свирѣпость львовъ
 Единнымъ доблестми воззрѣньемъ.

Ктобъ ни былъ онъ между людей,
 Судья, паспужъ иль воевода, —
 Не вреденъ для него злодѣй ;
 Въ руцѣ его сердца народа ;
 Покорно все его словамъ ;
 Нѣтъ спорника ему ; — Богъ Самъ
 Опъ всѣхъ враговъ его избавитъ ,
 На царствѣ мѣра ушвердитъ,
 Въкъ счастья на землѣ продлитъ,
 По смерти — въ небесахъ прославитъ.

Шатровъ.

Г И М Н Ъ Б О Г У .

О Ты, никѣмъ Непоспѣжимый,
Опъ вѣчноши и вѣчно Сый,
Повсюду Сущій и Всечшимый,
Порочнымъ спрахъ, благимъ благій;
Кого вселенныя строенье,
Порядокъ, стройность и движенье
Въщающъ ночью и днемъ!
Лишь мыслию къ Тебѣ вскриляюсь,
Какъ искра въ солнцѣ, я шераюсь
Въ великолѣпїи Твоемъ.

*

Когда вѣчанное лучами
Встаешь свѣшило на горахъ,
И рдяно - цвѣшными огнями,
Играя въ млечныхъ небесахъ,
Попушишь пламенныя звѣзды,
Зажешь водородащи бездны;
Когда опъ высошы своей
Все грѣешь, все живишь, питаешь:
Вошще изобразишь держаетъ
Тебя, о Царь земныхъ Царей!

*

Я зрѣлъ покрышыя лазури
Грядями черныхъ облаковъ,
Внималъ шумящей, грозной бури

И гласу спрашному громовъ ;
 Я зрѣлъ — огонь въ тучахъ извивался,
 Ушесь надменной содрагался
 И бурной океанъ кипѣлъ.
 Твой гнѣвъ , Твой гнѣвъ вѣщали громы,
 На мрачныхъ крыліяхъ несомы ;
 Но Ты молчалъ имъ повелѣлъ.

*

Я видѣлъ шверди голубья ,
 Проспершы въ горней высопѣ ;
 Я зрѣлъ , какъ звѣзды золошья
 Пылали въ дивной лѣпопѣ.
 Не Ты ль возжегъ сіи лампы ?
 Не Ты ль міровъ сихъ мириады
 Повѣсилъ словомъ средь небесъ ?
 Ты волей ихъ одной вращаешь ,
 Ты перспомъ пупъ имъ назначаешь
 И держишь ихъ число и вѣсь.

*

Зиждись ! Твой престоль вселенна ;
 Любовь , незыблемой покой ,
 Надежда съ Вѣрой окриленна
 И правосудье предъ Тобой ,
 Тебѣ Твои послушны слуги.
 Крупящій вихрь и бурны дужи ,
 И огонь , и молнія , и хладъ ,
 Престоль Твой шайной окружая ,
 Святыхъ велѣній ожидая ,
 Въ безмолвномъ шепетѣ стояць.

*

Во гнѣвъ спрашенъ Ты, Всесильный,
 Мой Богъ и грозной Судя!
 Но Ты, щедротами обильный,
 Разишь и милуешь меня.
 Я гордъ — Ты гордаго смиряешь;
 Смирюсь — Ты крѣпость поспылаешь;
 Подъ игомъ рока я унылъ:
 Ты падшаго меня возспавиль,
 Опъ спрѣлъ лешающихъ избавиль
 И броней Вѣры ополчилъ.

*

Мечпалъ я въ гордоспи: нѣшь Бога! . . .
 И тварямъ міра я служилъ;
 Но Ты на грѣшника убога
 Призрѣлъ и взоръ его опкрылъ;
 Проникъ Твой свѣшь въ мой духъ смущенный,
 Я палъ передъ Тобѣй смиренный,
 Раскаялся и сердцемъ рекъ:
 „Ты Царь, Ты Богъ, Ты нашъ Зиждищель,
 „Ты нашъ Опець и Промыслищель,
 „Ты вѣчно былъ и будешь вѣкъ!“

А. Глаголевъ:

О Т Р Ы В О КЪ

изъ IVй Пѣсни Виргиліевыхъ Георгикъ.

Сія четвертая пѣснь Виргиліевыхъ Георгикъ, по общему признанію, лучше первыхъ трехъ пѣсней сего шворенія. Въ ней вездѣ разсыяны блистательныя каршины и правила пчеловодства назидательныя. Правила, какого бы рода онѣ ни были, всегда холодны и упоминательны, ежели онѣ не носятъ на себѣ оппечатка Поэзіи. — Виргилій умѣлъ приправить ихъ неподражаемою красою слога.

Наблюденія и опкрышія новѣйшихъ испытателей природы обнаружили странность многихъ мнѣній и заблужденія древнихъ въ Физикѣ; древніе, на примѣръ, думали, что медъ сходитъ въ росахъ опъ эфирныхъ спиранъ, или опъ звѣздъ: *Sive ille est coeli sudor*, говоритъ Плиній, *sive quaedam siderum saliva*, *sive purgantis se aeris suc-*
Книжка XXII. В

cus. Управляющая обществомъ пчелъ называлась у нихъ *царемъ* (rex), а нынѣ называется она *царицею* (regina). Рѣшившись во всемъ слѣдовать по стопамъ Автора, переводчикъ не осмѣлился перемѣнить ложныхъ его мнѣній.

Пою небесный даръ—горящій златомъ мѣдъ,
Въ яншарныхъ капляхъ росъ сходящій отъ вы-
сошь.

На ново поприще, о Меценатъ, со мною!
Я въ маломъ — зрѣлице великое опкрою.
Склони свой взоръ къ пчеламъ, я славлю ихъ царей,
Законы и народъ, права и доблестъ прей.
Предметы малые, но славу обѣщаютъ,
Кому спезю самъ Фебъ и Музы освѣщаютъ.

Въ началъ избери пристанище для пчелъ,
Гдѣ дремлетъ тишина, гдѣбъ Эвръ дышатъ
не смѣль:
Дыханье бурныхъ устъ въ пупи ихъ совращаетъ
И въ дома имъ носишь запасы возбраняетъ.
Тони опшолъ кравъ, овецъ и рѣзвыхъ козъ,
Спрясающихъ съ цвѣтновъ жемчужны капли росъ;
Тони и жолнь, и змй съ зеленой чешуею,
И прогну, рѣюцу извивиспой спезею:
Имъ ужась предлежишь, имъ смерць течишь,
во слѣдъ;

Для пчель покойный домъ искусною рукой
 Изъ гибкихъ ивы лозъ, иль изъ коры устрой,
 Пусть малыя врага для входу онъ имѣетъ:
 Опъ жару медь печетъ, опъ холода густѣетъ.
 Какъ шопъ, шакъ и другой равно враги пчеламъ.
 Смотри, какъ всѣ онѣ нахлынули къ ульямъ,
 Съ запасомъ восковымъ спаницей внутрь вле-
 пѣли,

И всѣ наперерывъ къ одной спрематся цѣли;
 Спѣшатъ, несутъ цвѣты, въ разсѣлины кладутъ,
 И клей, и смолу въ нихъ пекучую лѣютъ.
 Онѣ и подъ землей жилища созидаютъ,
 Въ пещерахъ ушлыхъ пней и въ камняхъ оби-
 шаютъ.

Забопливыхъ шруды искусствомъ облегчи:
 Надъ кровомъ ихъ вѣшвей зеленыхъ намечи
 И глиною обмажь разсѣвшіяся спѣны;
 Тогда ничшо имъ зной и хладъ ожесточенный.

И писа не сади въ окрестной споронѣ,
 И раковъ не сжигай предъ ними на огнѣ;
 И глубина воды, и смрадна влага ила
 Ихъ алчности слѣпой отверстая могила;
 Не довѣрай скаламъ, гдѣ Эхо спишь, и вдругъ,
 Возставъ на легкій шумъ, пронзаешь спономъ
 слухъ.

Лишь красной вождь весны разпоргнешъ
 цѣпи льдисшы

И съ кудрей сопрясешь попокъ лучей огни-
 сый, —

Игривыя лепяшь по рощамъ и лугамъ,
 Сбираютьъ дань съ цвѣповъ, касающихъ водамъ;
 Надъ свѣшлой влагою ихъ носяшь легки крыла;—
 Весна имъ нова жизнь, весна имъ нова сила:
 Тогда забошы ихъ — потомство, кровь родной,
 Тогда готовяшь воскъ, льюшь въ сопы медь
 злапой.

Смотри, какъ по зыбямъ нагрѣнаго зеира
 Ихъ черный полкъ плывеши въ слѣдъ кропка-
 го зефира

И темнымъ облакомъ вѣшея надъ побой! —
 Слѣди ихъ всѣ пуши забошливой снопой! —
 Ихъ цѣль — шокъ чистыхъ водъ и пѣнь лѣ-
 совъ густая;

Тамъ ищешь вкусныхъ брашнь легкрылалыхъ
 сшая,

Тамъ благовонія по воздуху разлей
 Мелиссы лакомой и двѣспвенныхъ лилей
 И слухъ ихъ порази бряцающимъ кимваломъ,—
 И въ домъ свой бѣглецы кипящимъ хлынушь
 валомъ.

Коль въ царствѣ два царя враждуютъ
 межъ собой, —

Возникнешь, закипишь во всемъ народѣ бой:
 Легко предугадашь мяшежныя волненья,

Гивздящійся въ сердцахъ духъ распри и жи-
ченья :

Возспаетъ браанный шумъ и шрубъ прерывный
гласъ ,

Предзнаменующій кровавый битвы часъ.

Тогда всѣ въ препетъ сшекаются полнами

И воздухъ вокругъ спруають дрожащими крѣ-
лами ,

Гоповаять къ бою грудь и , жалы изостря ,

Несупся къ знаменамъ, полпясь вокругъ царя

И кликами зовушь врага на спращну съчу ,

И мужество въ сердцахъ несущъ ему на вспрѣчу.

Едва проглянешъ день сквозъ упренной туманъ ,

И горнія поля откромюють битвы спань ;

Всѣ ринулся изъ вращъ , всѣ къ брани понеч-
сутся ,

И раши двухъ вождей смѣщаюся , сольются

И шумомъ бурной при окреспность огласяють ;

Совьюся вихремъ въ клубъ и воздухъ огус-
шяють .

И слабый, и герой — жестокой съчи жертвы —

Съ зерной высоцы падуть на землю мерпвы.

Такъ долу градъ падеть, шакъ дубъ дождишь
плоды .

Царей блиешательны досиѣхи и шруды :

Вожди дружнъ — они изъ спроя въ спрой
лещають

И въ мѣлой ихъ груди великой духъ нишають ,

Вливаютьъ въ воевъ огонь, и съ поля ни на шагъ,
Доколь въ позорный бѣгъ не обратится врагъ.

Такъ грозныя въ бою свирѣпствуютъ,
Яряся;

Брось пыли горсть на нихъ — мяшежники сми-
рятся.

Опъ брани уклонивъ враждебныя полки,
Слабѣйшаго царя въ давь смерти обреки:
Онъ бремя подданныхъ несышою алчбою.
Осиротѣвшій пронъ предай вождю — герою.

Оплице сего — горящій огонь въ глазахъ,
Злашая чешуя блисцаеть на крылахъ.
Другой — въ позоръ ордѣ, въ позоръ вождямъ
рожденный,

На лонѣ праздности и лѣни воздоенный,
И чрева шягопой, и нѣгой изможденъ.

Въ ордахъ царей равно различіе племень:
Однѣхъ презрѣнный видъ, чешуйчатыя крыла,
Щепинистый хребеть — ешь образъ влажной
пыли,

Которую опъ устъ запекшихся опрясь
Текущій спранникъ въ пушь полудня въ зной-
ный часъ.

Эмалю у другихъ покрышь хребеть и выя,
И капли на крылахъ разлиши золошья.
Сей родъ — хвалење пчель; ихъ искромешный
медъ

Вънецъ твоихъ надеждъ , возмездіе заболѣ .
 Ихъ нектаромъ злашымъ сокъ Вакховъ раз-
 шворяюшъ ,
 И пряной вкусъ его , и силы пришунляюшъ .

Но если бѣглецы , оставя кровь родной
 И сопы хладные , спаницею густой
 Безплодно по зыбямъ эфирныхъ волнъ кружашся ;
 Вели — и рѣзвыя къ жилищамъ обратяшся .
 Безжалостно крылѣ испоргни у вождей ;
 И кто изъ ихъ толпы опважною спезей
 Дерзнешъ изъ спана вдалъ развить хоругви въ
 полѣ ,

Свѣдѣющему царю смиренно на престолѣ?

Безпечную орду маняшъ подѣ опчій кровь
 Душистые цвѣты смѣющахся садовъ .
 Тамъ пшцамъ лакомымъ и хищникамъ грозою
 Лампсака вружи ракишовой косою ,
 И сосны гордыя , и благовонный шминъ
 Пересели шуда съ любимыхъ имъ вершинъ ;
 Тамъ розы и шафранъ разсаживай рядами ,
 Делѣй и оживляй прохладными водами .

Когда бы мой корабль , кончая путь въ мо-
 ряхъ ,
 Ко брегу не спѣшилъ на быстрыхъ парусахъ ;
 Бышь можешь , кисть моя , плѣненная цвѣшми ,
 Живописала бы игривыми чертами
 Луканскіе сады , гдѣ Флора каждый годъ
 На шелковыхъ коврахъ двукрашно пиръ даетъ ;

Тогда бы, можетъ бытьъ , подь пѣсню мою
 Прозрачныя спруи поили цикорею ,
 Извиный огурецъ 'шучнѣль бы подь правой ,
 Задумчивый нарциссъ склонялся надь водой ,
 И кудрями аканшь согбенный величался ,
 И гибко- блѣдный плющъ съ древами обнимался ,
 И миршы нѣжныя , любовники бреговъ ,
 Сплешались межъ собой среди моихъ садовъ .

Въ странѣ , гдѣ , съ ропомъ крупясь ,
Галезѣ бурлявый

Водами черными поишь злашныя нивы ;
 Корцирскій старецъ жилъ ошъ родины вдали .
 Укромной уголокъ оставленной земли ,
 Презрѣнный пастыремъ , забытый земледѣломъ ,
 Скупой для Бахуса , — пришельца былъ удѣломъ .
 Разсаживая памъ забѣпливой рукой
 И макъ , и овощи , лилеи и левкой ,
 Владѣнья малаго богатыми дарами —
 Не купленнымъ добромъ — равнялся онъ съ царями .
 Спускалась долу ночь , — онъ въ кущѣ мирну шолъ
 И сада брашнами обремѣнялъ свой сполъ .
 И розу первую весна ему дарила ,
 И осень первый плодъ счастливцу приносила .
 Еще жестокой хладъ и камни раздроблялъ ,
 Въ цѣпяхъ зимы ручей недвижимо стоялъ ;
 Сердась на медленность и лѣща золошаго ,
 И позднихъ зефировъ , съ аканша молодого
 Дрожащею рукой онъ мягки кудри спригъ

И первой медь почилъ изъ сошовъ золошыхъ,
 Янтарною спруей въ скудельные фіалы;
 И пчелы никогда ему не измѣняли,
 У перваго роясь съ воскресшею весной;
 Окрестность красилась и липой, и сосной;
 И каждый цвѣтъ весны, питомецъ юной Флоры,
 Былъ осенью плодомъ, манящимъ жадны взоры.
 Онъ первый видами свой край обогатилъ:
 Близъ хижины своей рядами насадилъ
 И вязы древніе, и пополи молодые,
 И груши дикія, и яворы густые,
 Зовущіе подъ шѣнь вирующихъ друзей.
 Но пѣшь сады не мнѣ — другихъ ждетъ под-
 вигъ сей.

С. Амѣтеатровъ.

УТѢЩЕНІЕ ДОБРЫХЪ.

Видишь ли, ясное солнце пылаешь?
Небо безоблачно, холмы въ цвѣсахъ!
Мрачно ль шворенье, и скорбь ли являешь
Мірѣ сей въ безчисленныхъ, дивныхъ красахъ?
Взоры возвыси, шоской омраченны!
Взоры возвыси — все дышешь красой!
Съ доблестью въ сердцѣ мы прямо блаженны;
Мудрость даруешь небесный покой.

*

Пусть озарится духъ радости свѣтомъ!
Слышишь? Ей гимны поешь соловей!
Что ощущаешь? Зефира привѣтомъ
Рѣзвая мчится съ цвѣшущихъ полей!
Чувствуешь? Брашно она услаждаетъ,
Въ чашахъ кристальныхъ играетъ, кипитъ!
Видишь? Дубравы она убираетъ
Въ свѣжую зелень и холмы живитъ!

*

Мрачная скука, печаль и шомленье
Часто по нашей винѣ насъ гнетунуть.

Крѣпость спрадалца въ несчастьи — шерпѣнье;
 Крѣпость съ надеждой отпращу даюшь.
 Если померкнешь блаженства сіянье,
 Духомъ возвысья къ благому Творцу!
 Въ сердцѣ покорномъ пишай упованье;
 Доброе къ доброму клонить концу.

*

Радостнымъ взоромъ смѣри на творенье:
 Всюду величьемъ, красой окружень!
 Въ счастья исполни несчастныхъ моленье:
 Вѣрь, благодѣшель спокрашно блажень!
 Подвиговъ доблестныхъ много предъ нами,
 Много великаго намъ предстоишь.
 Радость приедемъ мы вмѣстѣ съ спраданьемъ,
 А при концѣ насъ покой усладитъ.

*

Дѣйствуй! мудрецъ познается дѣлами,
 Слава съ бессмертьемъ грядущъ имъ во слѣдъ!
 Дѣйствуй! означи благими трудами
 Алчнаго времени быспрый полетъ.
 Вѣренъ будь дружбѣ, для сердца безцѣнной,
 Будь ей полезенъ прекрасной душой;
 Дружба ушѣшитъ твой духъ сокрушенной,
 Злобой убишый и шайной поской.

*

Мысли о скорби, давно претерпѣнной,
Душу питающъ, какъ нивы роса:
Такъ видъ могилы безмолвной, смиренной
И незабудокъ печальна краса. —
Другъ! мы должны, мы должны веселиться!
Радость даруетъ намъ мудрый Творецъ;
Радостью новой нашъ духъ насладится,
Всрѣшивъ безпрепетно жизни конецъ.

Изъ Записки А. Мансуровъ.

ПОСЛАНИЕ

Горация къ Меценату, въ которомъ пригла-
шаетъ его къ сельскому обѣду.

Приди, желанный гость, краса моя и ра-
дось!

Приди, — себя здѣсь ждешь и кубокъ круговой,
И розовой вѣнокъ, и пѣсней вѣжныхъ сладость!

Возжены не льстеца рукой
Душистый анемонъ и крины
Ліютъ на брашны ароматы,
И полныя плодовъ корзины
Твой вкусъ и зрѣнье усладятъ.

Приди, мужъ правоты, народа покро-
вишель,

Очизны вѣрной смѣль и спротою другъ Царевъ,
Нипомецъ счастливый Касшальскихъ чистыхъ
дѣвъ,

Приди въ мою смиренную обитель!

Пусть велѣбныя столпы,

Громады храминъ позлащенны!

Преизчаюшь алчною взоръ несмысленной толпы;

Оснвъ на время градъ, въ заботахъ погру-
женный,

Склонись подъ шѣнь дубравъ; здѣсь ждетъ шѣ-
бя покой:

Подъ кровомъ сельскаго Пенаша,
Гдѣ все красуешься, все дышешь простотою;
Гдѣ чуждъ холодный блескъ и пурпура,
и злапа, —

Тамъ сладокъ кубокъ круговой!

Чело наморщенное думой

Теряешь здѣсь свой видъ угрюмой;

Въ обипели опцевъ все льещь, ошраду намъ!

Уже небесный левъ тяжелою спотою

Въ предѣлахъ зноя спаль — и пламенной спезею

Течешь по свѣшлымъ небесамъ! . . .

Въ священной рощицѣ Сильвана,

Гдѣ мгла шамнственна съ прохладю слянна,

Гдѣ брезжеть сквозь листовъ дрожащій, ти-
хой свѣшь,

Игривой ручеекъ едва, едва печешь

И шепчешь въ сумракъ съ прибрежной осокою;

Здѣсь въ знойные часы, предъ рощею густою,

Спитъ снадо и паспухъ подъ свѣню прохладъ,

И въ розовыхъ куспахъ зефиры легки спяшь.

А ты, Фемиды жрецъ, защитникъ беззащитныхъ,

Проводишь дни свои подъ бременемъ заботъ;

И счастье согражданъ—благій, достойный плодъ

Твоихъ стараній неусыпныхъ! —

Для нихъ желалъ бы ты познашь судьбы предѣль;

Но строгій власпелинь земли, небесь и ада,

Глубокой, вѣчной шѣмой грядущее одѣль.

Кто можетъ, радостный, сказать себѣ: я жилъ!

Пусть завтра тучею свинцовой

Всепильный Богъ громовъ вокругъ ризою багровою

Эфиръ стущенный облечетъ,

Иль снова въ небесахъ разсыплетъ солнца свѣтъ:—

Для смертныхъ все равно; — и что крылатымъ
годы

Съ печальнаго лица земли

Въ хранилище время съ собою увлекли,

Не премънишь пого и самъ Отецъ природы.

Сей миръ — игралище Фортуны злой —

Она кичливый взоръ на шаръ земной бросаетъ,

И всей вселенной потрясаетъ

По прихоти славной! . . .

Невѣрная, меня сегодня осѣнила;

Богатства, почести, обильно мнѣ лѣтъ;

Но завтра вдругъ простерла крыла,

Къ другимъ склоняетъ свой полетъ!

Я презрѣвъ, — не ропщу, — и горестной сви-
дѣтель,

И жертва роковой игры,

Ей отдаю ей дары;

И облакаюсь въ добродѣтель! . . .

Пусть бурями увитый Ночь

Пучины сланья крутитъ и воздымаетъ,

И черные холмы морскихъ кипящихъ водъ

Съ громовой тучею сливаются,

Книжка XXII.

В

И бранныхъ кораблей

Рвешь снасти, все крушишь въ свирѣпости
своей . . .

Отчизны мирныя покрытый небесами,
Не буду я боговъ обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейскихъ волнъ,
Безбѣдно приведушь въ пристанище мой чолвъ.

О. Тютчевъ.

Э Л Е Г И Я.

Л и д а.

Еще ль завидуешь оспрадѣ, злобной рокѣ,
И сладкій неба даръ послѣдній исторгаешь?
Не всѣхъ ли горестей рушительной потокомъ?
На грудь стениющую пы грозно низвергаешь!
Похипивъ милую — души и мысли рай,
Прервавъ свящую связь сердецъ соединенныхъ,
Не въ ужасѣ ль ведешь погибели на край,
Какъ злыхъ преслупниковъ, на казнь пригово-
ренныхъ? ..
О Лида, нѣжный другъ! уже ли по виной
Жестокія сердца въ безумствѣ нарекали,
Что съ самыхъ юныхъ дней сдружившися съ
побой,
Чистѣйшимъ пламенемъ любви сердца пылали?
Къ прошедшему ли я взоръ томной устремлю?
Вездѣ, мой милый другъ, себя съ собой встрѣ-
чаю,
Съ побоею радости невинныхъ лѣтъ дѣлю,
Не зная, что любовь, — всѣмъ сердцемъ обо-
жаю.
Ахъ! памятенъ цошь день, когда я, въ пер-
вый разъ,
Младенца милаго — себя узрѣлъ съ восторгомъ:

На персяхъ матери, въ прохладной утра части,
 Какъ юной, свѣтлой Май, были ты нежнымъ
 взоромъ.

Въ родительскомъ саду я встрѣтилъ васъ го-
 спей,
 Увидѣлъ — запыхавъ и съ гордостію смѣлой
 Повсюду вамъ былъ вождь, и съ гибкихъ тамъ
 вѣтвей
 Рукѣй младенческой для васъ срывалъ плоды
 зрѣлой.

Съ улыбкой радости моя взирала мать,
 И каждая изъ насъ спремилася обнять; —
 Или пшеницами мы гуляли по лугамъ, —
 Невинною игрой насъ радость утѣшала:
 Я рвалъ тебѣ цвѣтны и несъ къ своимъ сто-
 ламъ,
 А ты, сплетя вѣнокъ, чело мнѣ украшала;
 И множествомъ услугъ, которыхъ мнѣ не
 счестъ,
 Съ пріятной ласкою, другъ друга, восхищенны,
 Спѣшили упреждать и радости принести.
 О юность нежная, коль мы тобой бла-
 женны!

Какъ свѣтлой ручеекъ извивистой спезей
 По бархатнымъ лугамъ, или въ тѣни древесной
 Камится въ серебрѣ ошь упреженныхъ лучей;
 Средь смѣховъ и утѣхъ, въ безопасности пре-
 лестной,
 Лепѣли съ легкостью такъ наши юны дни.

Но кто, о милая! опишетъ изумленье,
 Какъ развивались есъ прелести пвои? —
 Чпо новый день, чпо мигъ, шо диво, вос-
 хищенье! —

Красы божественны являлися очамъ;
 Лилеина грудь и спань съ воспоргомъ возвы-
 шались,

Уста, какъ юной цвѣтъ, волшебнo улыбались,
 И кудри свѣшлыя, вѣся по плечамъ,
 Небесной огнь лица прелестно осѣняли,
 И ароматы въ нихъ, собирая по дугамъ,
 Зефиры нѣжные съ прохладою вдыхали. . . .

Ахъ! словомъ, Граціи, одна передъ другою
 Спѣшили награждать, предвидя торжество,
 И благомъ, и красой, — всѣмъ щедрою рукою,
 На землю низводя Невинность — божество.

И сколько новыхъ чувствъ въ цвѣтущія лѣта,
 Созрѣвъ съ паланшами, въ душѣ пвоей сіяло!
 Въ кругу ли рѣзвыхъ игръ являлася красота,
 Въ величїи ли: — все раемъ въ мигъ дышало;
 И Геній свѣшлой пвой, съ эфирной высоты
 Слепая, окривлялъ пвое воображенье,

Касалась кисши ли? — въ мигъ пламенны
 черты

Рождали съ прелестью красоту изображенье.
 По струнамъ арфы ли въ вечерній тихій часъ,
 При блестящей лунѣ, перспами пы летала,
 И славъ съ гармонїей свой нѣжной, сладкой
 гласъ,

Ты Эху близкія дубравы повѣрляла :
 Казалось , небеса волшебнымъ звукамъ внявъ ,
 Смиряли быстрый бѣгъ въ своемъ очарованьи
 И ночь на высотахъ , завѣсу мрака снявъ ,
 Угрюмой сбросивъ видъ , покоилась въ молчаньи.
 О сладость райская ! о прелестей мечта !
 Навѣкъ промчались вы ! — Ахъ ! нѣтъ , вос-
 поминаньемъ
 Въ туманѣ ужъ блеститъ прошедшаго черта ,
 Восторги вновь живитъ въ душѣ съ очаровань-
 емъ.

Смотрище ! Ангель мой подѣ звуки арфы въ
 размѣръ ,
 Съ невинной робостью въ бесѣдѣ выплываетъ ,
 И съ скромной прелестью — красавицамъ въ
 примѣръ —
 Во всѣхъ движеніяхъ свой легкой спанъ яв-
 ляешь.

Поникнушь взоръ ; лишъ двѣ бѣлѣйшія руки ,
 Проспершы въ воздухѣ , роскошно колебались ,
 И всѣ ея шаги слѣдами по земли ,
 Какъ легкой вѣтерокъ въ зыбяхъ , изображались .
 Невинность ей — щипомъ , спыдлигость — кра-
 сопой .

Съ почтеньемъ каждой взоръ за нею въ слѣдѣ
 летаешь ,
 И въ нѣжномъ препетѣ любовію свяшой
 Къ тебѣ моя душа въ безмолвіи пылаешь .
 Одной награды я всегда себѣ искалъ ;

За сколько тайныхъ чувствъ, которыми ды-
шаль,

Которыя тебѣ извѣсны лишь смущеньемъ,
Покоряюсь слѣпой и скрытымъ восхищеньемъ;
Когда ты Ангельской рукою сиротамъ,
Унынью, спарости, всѣхъ горю помогала,
Какъ радость горняя по всѣмъ своимъ чертамъ,
Сопутница добра, румянецъ разливала

И полны очи слезъ ко мнѣ ты обращала:
Чтобы предъ алтаремъ мы клятвою святой,
Слагая длань во длань — въ залогъ соединенья,
Навѣки сопряглись и сердцемъ, и душой,
И памъ — въ превыспреннихъ обителихъ сна-
сенья.

Но рокъ неумолимъ! — Свершенъ нашъ приговоръ:
Коварство, злоба, гнѣвъ, обѣщъ пвой за-
глушили,

Полмертвые уста и потухавшій взоръ
Ужасной сердцу бракъ съ пропивнымъ заклю-
чили.

И нѣтъ оправды вѣкъ: — погибель — жребій
мой!

Почто же скорбной духъ вновь къ жизни про-
буждаю?

Почто, въ уныніи, препещущей рукою,
Днесъ лиры томныя по струнамъ ударяю?

И долго ль въ горестяхъ влачишь оспапки
дней?

Ни сладкой сонъ , ни ночь мнѣ вѣжды не смѣ-
каеть :

Одинъ лишь образъ твой , въ обители моей ,
Какъ призракъ спраждущій , въ безмолвіи ле-
таеть .

Ахъ! мчися смертный часъ , въ мигъ съ острою
косою ,

Прерви страданій нить ! О , тихая могила ,
Другъ горестныхъ сердець , отверзи мнѣ покой !
Но если , милый другъ , тебя какая сила
Невидимой рукой близъ гроба проведешь ,
И если легкой спонъ услышишь въ мирной сѣни ,
Дыханье вѣшерка вокругъ сладость разольешь ,
Тогда осщановись : здѣсь близость дружной
щѣни .

Твоя слеза на гробъ прохладяще росы ,
Твой вздохъ мнѣ сладостнѣй лобзаній Зефира !
При тихомъ вечерѣ , въ свободные часы ,
Приди бесѣдовать съ пришельцемъ дальня міра ;
Съ вечернимъ сумракомъ , мой духъ къ тебѣ
сойдетъ :

Все тажъ любовь въ очахъ , все тажъ черпъ
смиренья ,

Передъ тобой безъ слезъ , съ улыбкой вос-
хищенья ,

Черпъ прошедшаго на память приведетъ .

Но вошь тебѣ зарокъ , души моей ошрада ! —
Не сщавъ мнѣ мавзолей , устрои лишь прелестъ
сада ;

На мѣстѣ, гдѣ мой прахъ ; пусть юный миртъ
расцвѣтъ,

Цвѣты и мурава пускай благоухаетъ ,

И спривникъ, ушомаясь, пусть опдыхъ обрѣ-
тетъ ,

Гдѣ тѣнь прохладная къ покою приглашаетъ ;

На вѣтвяхъ пусть виситъ и лира, и вѣнецъ.

Одной лишь надписью укажется могила :

Здѣсь тихо почіетъ чувствительный пѣвецъ ;

Во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ любовь его сразила !...

Дмит. Шелеховъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ ПИРРЪ.

A Paris, à la cour, on trouve, je l'avoue,
Des femmes dont le zèle est digne, qu'on
le loue.

Boil. Sat. X.

Quis feret uxorem, cui constant omnia?

D. I. Juven. Sat. VI.

Всегда ль по своему ты, Пирра, будешь
жизнь,
Дивишь собой людей, чудесницею слышь?
Не хочешь навыка принявъ большого свѣта,
Не хочешь получаешь отъ зеркала совѣта,
Какъ гибкій спанъ держашь, какой рисунокъ губъ,
Чтобъ кспати показашь ряды жемчужныхъ зубъ;
Искусствомъ замѣнишь природы неудачу,
Какой надѣшь уборъ въ деревню иль на дачу,
При небѣ съ облакомъ, иль если два на немъ. —
Упряма до шого въ характерѣ своемъ,
Что не язвишь другихъ ни дѣломъ, ни рѣчами,
И рѣзвымъ мошылкомъ не въешься надъ ог-
нями, —
Какъ будто въ рѣзвощи какая есть бѣда!
А если и придешь на мысль тебѣ когда

Попрыгаешь, на примѣрь; по съ дѣтской прос-
поною,

Безъ хитроспи въ прыжкахъ, съ безопасностью
шакою,

Что, право, совѣсно по моднымъ всѣмъ умамъ:

Подумаешь, спорхнулъ отъ неба Ангель къ намъ,

И, чуждый нашихъ модъ, пустился въ хороводъ.

Ты въ нѣжной юности, въ свои цвѣтущи
годы,

Спозналась съ древностью, склонила къ Му-
замъ слухъ;

Ты поседила въ умъ и вкоренила въ духъ

Бредъ романической, науку состраданья;

Твое веселіе — плоды благодѣянья;

Любовь къ родителю не есть единый видъ:

Она въ швоей душѣ; и даже шы.... о спыдъ!

Крошка и набожна. Какая слабоспъ,
Пирра!

Ты легче перышка и вѣтреннѣй Зефира. . . .

Но узы брачныя искореняшъ все зло:

Оно лишь въ юности терпимо бытъ могло.

Супругъ уже готовъ, и жертвы воскурили;

Два бога, Марсъ и Фебъ, его съ побой
сдружили.

Какая шма даровъ! . . . и онъ шебъ супругъ!

Два бога, Марсъ и Фебъ въ согласіи — самдругъ!

Достойны зависти споль рѣдкіе примѣры,

Съ шѣхъ перъ, какъ Фебъ ошкрылъ невѣрнос-
ши Венеры

И мстительный Вулканъ, посредствомъ тай-
ныхъ силъ,
Любовника съ женой подь сѣткой заключилъ!
Супругой стала пы, но Пиррою осталась,
И съ золошымъ кольцомъ любовью обмѣнялась.

Упрямица! смотри, какъ провождаютъ
дни!

Уже ль съ супружествомъ всегда несутъ они
Неволю, цѣпь, щюрьму и власиъ супруга
вѣчно?

Сиди съ нимъ по упряму, кажися съ нимъ....
конечно,

Таковъ нашъ этикетъ, таковъ обычай дней;
Но мыслями будь памъ, гдѣ для тебя милѣй!
Укрась свой кабинетъ съ небрежностью бо-
гапой,

И образъ простоты дай роскоши крылатой;
Пусиъ будуще предъ шобой съ Кипридой Адо-
нисъ,

Сатурнъ съ Филярою, съ Еленою Парисъ, —
Всѣ въ рамкахъ золошыхъ; а тамъ, между стол-
бами,

Славнѣйшихъ мудрецовъ перемѣшай съ богами,
Съ Вольшеромъ и Руссо пы въ рядъ Святыхъ
поставъ;

Сквозь стекла цѣльныя на бюсты свѣтъ на-
правъ,

Чшобъ краска свѣжихъ розъ во мраморѣ алѣла:

Не должны нарушать обычаевъ предѣла:
 Романы все подъ спудъ; лишь книжечка одна,
 Для взоровъ каждаго и всѣхъ осуждена,
 Какъ нѣчто важное, премудрое, святое,
 Молитвенникъ лежи предъ зеркаломъ въ покой!
 А самолюбіе, а суешность, а страсть,
 Которыхъ слѣдуешь признавать законну власть,
 Пусть нѣжались съ тобой въ согласіи единомъ,
 На бархатныхъ софахъ, на пухъ лебединомъ!
 Ударилъ ровно часъ, пора на бульваръ,
 Хоша и ешь свой садъ, гдѣ Флоры пышный даръ

Украшилъ злачный доль, гдѣ Панъ густою
 шпѣнью

Дорожки осѣнилъ и своему владѣнью
 Даль видъ Калабріи, — несносень, скучень спалъ!
 Скорѣй на бульваръ, гдѣ могъ бы спарь и малъ,
 И всякой полъ въ глазахъ искапельныхъ пол-
 питься.

Опселя увернись на время прокапиться,
 Смотришь къ Арианамъ шаль; по чести, чудо
 шаль!

Деревню заложить за эту шаль не жаль.
 Съ торговкой новостей уже ли не имѣешь
 Ты связей никакихъ? Быть можешь, что ро-
 бѣешь?

Пустьякъ! извѣстны ей все слабости сердцець,
 Какъ надо дѣло свесить и хоронишь конецъ.....

Ты сердилъся? — За что? Ахъ, Пирра! гнѣ
забыла ,

Чѣмъ людкости должна? Мнѣ здѣшній не могила;
Ты рождена въ немъ жить и пресыщать себя,
Пишашъ любовь къ другимъ, блаженство ихъ
любя .

Не вѣчно намъ и жить! мы спранныки лишь
свѣща .

Смотри на небеса! тамъ свѣплая комета
Блестящій хвостъ влечешь! Пусть такъ и за
твоей .

Изъ яркихъ юношей влечется рѣзвый рой,
Чтобъ съ гордостью могла сказать, сходя въ
гробницу :

Не даромъ я жила, бунтуя всю столицу .

Неблагодарная! тебѣ наука въ смѣхъ ;
Но я остановлюсь, лишу тебя ушѣхъ ,
Не хочешь ты внимашъ сей рѣчи безприсира-
шней ,
День , вечеръ , ночь , я все бы описалъ прекра-
сной . —

Ты ушра не могла дослушашъ моего .

Ты хочешь умничашъ и живишь лишь для
того ,

Чтобъ мужа обожашъ, образовашъ малюшокъ
Для блага ближнему, для чести, не для шу-
токъ ;

И—къ слову сказано — хозяйкой хочешь быть ,

Для бѣдныхъ матерью и даже Музы любить.

Упрямство грубое, къ словамъ моимъ презрѣнье,

Достойну примутъ казнь и лютое опмщенье.

Тебя предъ свѣсомъ я шавѣки погублю;

Чудесница! спросишь! всю шайну объявлю;

Скажу ему, скажу — самъ Фебъ пому свидѣ-
тель —

Что въ женскомъ образѣ ты, Пирра — добродѣ-
тель!

Степановъ.

МАРІЯ СТУАРТЪ

въ темницѣ.

Никто Маріи не внимаетъ
Среди безмолвныхъ, мрачныхъ стѣнъ —
Лишь эхо стонъ мой повторяетъ. —
Ужель мой вѣчень будешь пльнь? —
Смотрю въ окно и вижу въ полѣ
Попарно пшичекъ на кустахъ:
Онѣ счастливы — и на волѣ;
А я несчастна — и въ цѣпяхъ!

Пусть злоба люшая грозится
На жизнь мою; — спокойна я!
Невинный смерти не боится —
Ему попомство судія;
Оно коварную Царицу
Стыдомъ покроетъ, проклянетъ (*);
А на Маріину гробницу
Чувствительность слезу прольешь.

(*) Но смерть примирила гонительницу съ гонимой.
Гробницы Елисаветы и Маріи въ Вестминстерскомъ
Аббатствѣ стоятъ рядомъ одна подле другой.

Жилище бѣдъ и воздыханій!
 Безмолвье, страхъ въ тебѣ живешь —
 Въ тебѣ и часъ есть вѣкъ спраданій,
 Въ тебѣ и время не печешь! —
 Въспрь воешь — колоколь спенаешь,
 Соны зловѣщей слышанъ гласъ:
 Онь смерть Маріи возвѣщаетъ!
 Умри! пришелъ послѣдній часъ!

Изъ Флоріана, И. Снегиревъ.

ВЕСНА.

Еще пою себя, дочь милая природы!
И как своихъ красотъ и благосии не пѣшь
Тому, кто другъ полей, другъ пишины, сво-
боды? —
Ахъ! какъ бы я желалъ небесный даръ имѣшь
Делилевъ, Томсоновъ! — Чпо Креза всѣ спя-
жамья
Съ его холодною, безчувспенной душой!
За алчность къ золошу всю муку наказанья
Онъ шерпишь съ Танцаломъ; проводишь въ кла-
довой —
Въ свящилищѣ его постыднаго кумира —
И день, и ночь! . . . и чшожь? ни дня, ни но-
чи нѣшь
Счастливыхъ для него! Ему пуспыня свѣшь,
Не милы прелести ликующаго міра
И люди всѣ враги! . . . Онъ самъ себѣ позоръ!
Онъ всюду сирота! . . . Ужасная картина!
Ужасная судьба! . . . Я ошвращаю взоръ, —
И вижу: шамъ въ цвѣшахъ зеленая долина;
Тамъ пурпуръ запада верхи рисуешь горъ;
Тамъ Циншя взошда надъ синими лѣсами,
И смотришся въ криспаль журчащаго ручья,

Который у меня печетъ передъ глазами —
 И гимнъ въ душѣ моей! . . . Но пѣнье соловья
 Мой умъ и чувства развлекаетъ,
 И гимнъ достойнѣйшій природѣ возсылаетъ!
 Внимаю: шрель гремишь; вдругъ слышанъ ров-
 ный тонъ;
 Переменяется — и спроси всѣ движенья:
 Надежда, радости, опчаянье и спонъ
 Любушъ мнѣ въ грудь рѣкой всю сладость вое-
 хищенья
 И горечь всю тоски; — пылаешь, — спынешъ
 кровь! . . .
 Вотъ дѣйствіе швое, Весна! швое, Любовь!
 Орфей лѣсовъ свою ждетъ къ сердцу Евридику.
 Ахъ! онъ счастливѣе Фракійскаго Пѣвца!
 Природа соединилъ два спраснныя сердца;
 Любовь не шронула подземнаго Владыку!

Какъ мирно вокругъ меня, и какъ душа моя
 Съ вечерней роскошью, возсѣдшею на шронѣ —
 Который всюду ей, Весна, рука швоя
 Поставила молодой природы въ нѣжномъ лонѣ —
 Душа моя паритъ далеко отъ суеты,
 Пороковъ гибельныхъ и вѣшреннаго свѣща! —
 Уже прошли мои мечшательныя лѣша,
 И въ людяхъ, въ обществѣ мнѣ больше нужды
 нѣтъ! . . .

Но сердцу милые (имѣю васъ) придите,
 И счастье шихое со мною раздѣлите!

Г в

Бываетъ хорошо намъ въ жизни и безъ васъ ;
 Но съ вами лучше во сто разъ !
 Что чувствую теперь, кому я открываю ? . . .
 Слова мои зефиръ разноситъ по лугамъ ,
 И можешь ихъ принести къ холоднѣйшимъ
 сердцамъ !
 Въ сей мысли посреди веселья унываю !
 Любовь къ природѣ , будь всегда щиромъ мо-
 имъ !

Противу рока и форшуну ! —
 Пусть надо мной гремятъ перуны , —
 Спокоенъ буду я подъ нимъ !
 И ежели въ груди моей шты не увянешь ,
 Доколѣ не увяну самъ .
 И не сойду во гробъ , — шо въ жизни по цвѣ-
 шамъ
 Всегда водить меня шты спанешь ! . . .
 Ахъ , вѣшь ! на жизненномъ пуши
 Такъ много шерня , что смерпнымъ не воз-
 можно
 Всегда по немъ безъ ранъ чувствительныхъ
 идши :
 Намъ данъ сію плашищу законамъ Неба должно !
 Я невредимъ — но другъ , но ближній мой
 Печальны слезы проливаетъ ,
 Или въ часъ грозной , роковой
 Глаза навѣки закрываетъ ! . . .
 Могу ли счастливъ бытъ одинъ ? . . .

Могу . . . благоговѣшь предъ пайной Прови-
 дѣнья! . . .
 Природы - матери смиренный, нѣжный сынъ,
 Могу еще взирашь съ улыбкой наслажденья
 На пиршество земли, на красоту небесь,
 И въ непоспѣжности здѣсь видимыхъ чудесь
 Свой жребій постигаешь шамъ — жизни за пре-
 дѣломъ! . . .
 Тамъ вѣчная Весна для добрыхъ есть удѣломъ!

К. Шаликовъ.

С О Ф Ъ Ъ.

Еслибъ сердце покорялось
Разсужденью одному,
Никогда бы не случилось
Горько плакать никому.

Еслибъ другомъ равновѣрно
И разумокъ сердцу былъ,
Ни одинъ бы смертный вѣрно
О несчастномъ не забылъ.

Еслибъ не прельщались взгляды
Блескомъ прелесни мірской,
Вѣрнобъ зависшь и досады
Не смущали нашъ покой.

Еслибъ мы всегда любили,
Какъ друзья друзей своихъ,
Вѣрнобъ пакже находили
Чувствна вѣжныя и въ нихъ.

Еслибъ счастья искали
Не въ богатствѣ, не въ чинахъ,

Вѣрнобъ ми погда познали,
 Чшо у насъ оно въ сердцахъ.

И погдабъ сама порфира
 Не могла спрасшей внушашъ,
 И корысть слѣпаго міра
 Дружбѣ искренней мѣшашъ.

Но привыкнувъ жишь мечпою,
 По чинамъ встрѣчашъ гостей,
 Мы поссорясь съ проспозною,
 Сдѣлались игрой спрасшей.

Гордостъ — умъ очаровала,
 Золото — прельщило взглядъ,
 Воля — храмовъ пожелала, —
 И вмѣстился въ сердце адъ.

Всѣ шопчасъ размежевались
 И въ желаньяхъ, и въ душахъ;
 Злме люди показались
 И въ градахъ, и въ шалашахъ.

Появилась предъ очами
 Въ парчевомъ кафшанѣ Чесъ,
 Знапносъ облеклась лучами,
 Сдѣлалась вельможей Лесъ.

Потеряли Дарованья
 Преній блескъ свой и вѣнецъ,
 Чувства, Мысли и Желанья
 Измѣнились вконецъ.

И безсильные могущимъ
 Поклонялись какъ богамъ,
 И богатый немущимъ
 Далъ законъ, какъ рабамъ.

Такъ исчезли миръ, свобода
 Преннихъ счастливыхъ временъ,
 И душой всего народа
 Сдѣлался одинъ обманъ.

Такъ и правды царство пало,
 Истребился брашскій долгъ,
 Добрай совѣсти не спало,
 И пушились чувства въ шоръ.

Дружбу сдѣлали товаромъ,
 Изъ любви сопкали съшь,
 И никто не хочеть даромъ
 Слезъ несчастнымъ оперешъ.

Всѣ предъ идоломъ Фортуны
 Оиміамъ сердечный жгушь,
 Мечъ, вѣсы и лирны спруны
 Опъ нее награды ждушь.

Какъ же въ области порока
Добродѣтели искашь?
Подъ державой злаго рока
Счастьемъ льспишься и — ласкаешь?...

Можно ль видѣшь шамъ блаженство,
Заслужишь вѣнокъ умомъ,
Гдѣ всѣ видяшь совершенство
Только въ золотѣ одномъ?

Софья добрая! — не льспися
Въ шумномъ мѣрѣ мирно жить,
И напрасно не трудися
Дружбу свѣша заслужишь.

Не надѣйся, другъ любезный,
Ни на разумъ, ни на честь;
Не возможно въ вѣкъ желѣзный
Къ сердцу пушь чрезъ нихъ обрѣсть.

Не плѣняйся звѣздъ сіяньемъ,
Не ищи себѣ вѣнцовъ,
Не унизь себя желаньемъ
Милліоновъ и льспейцовъ.

Не мечшай, у Провидѣнья
Счастье золотомъ купишь,
И съ богашествомъ безъ паденья
Поле жизни перейшишь.

Неба лучшее созданье!
 Софья! — другъ души моей,
 Отверши свое вниманье
 Ошь волшебныхъ фонарей.

Верь пѣвцу! — души свобода
 Драгоценнѣе коронъ.
 У невольника народа
 Право сильнаго законъ.

Долго ль, Софья, сердце нѣжно
 Въ сѣнь коварну заманишь?
 Трудно въ обществѣ мятежномъ
 Истинныхъ друзей найпишь.

Если хочешь быть счастлива,
 Помирися съ просопой.
 Ахъ! не будь самолюбива,
 Не гоняйся за мечшой.

Н. Шатровъ.

ОБМАНЧИВОСТЬ НАДЕЖДЫ.

Представьше бездну подь ногами,
Копорая опъ вашихъ глазъ
Сокрыша песпрыми цвѣшми:
Вы къ нимъ еще шагнули разъ —
И . . . ужась въ сердцѣ ощущаю!
И взоръ, и мысли опвращаю
Опъ бѣдспвенной каршины сей! . . .
Надежда по же для людей:
Она предъ нами озаряетъ
Сіаньемъ ложнымъ темный пущь,
И въ сладкомъ нектарѣ вливааетъ
Ядъ люшый, смертоносный въ грудь!
Почувспвуемъ его — но поздно!
Увидимъ въ образѣ благомъ . . .
Не вѣримъ — смошримся кругомъ
Чудовище увидимъ грозно —
И въ жилахъ охладѣетъ кровь!
Ахъ! еслибъ не было цвѣшовъ
Надъ бездною, сокрышой ими,
И еслибъ льстивыми своими
Надежда призраками ввѣкъ
Души и сердца не плѣняла:

То былъ бы счастливъ человекъ,
И толькобъ Парка окончала
Его спокойны, мирны дни :
Природой намъ даны онѣ!

Князь Шаликовъ.

А Р І А Д Н А.

Р о м а н с ь .

Гдѣ вѣчнось кляшъ? — гдѣ громъ не-
бесъ?...

Къ кому ли я тебя любила,
Тебѣ все въ жертву приносила,
Чтобъ въ жертву ны меня привесть?...
Пускай забыша я шобою —
Но я властна ль себя забышь? —
Ахъ! еслибъ я могла шобой любима бышь —
Кшобъ равенъ въ счастья былъ со мною?

*

Ты огонь разлилъ въ моей крови —
И грудь мою еще шерзаешь!
Приди, жестокой! ны узнаешь
Все зло... всѣ сладости любви!
Пускай забыша я шобою —
Но я властна ль себя забышь? —
Ахъ! если бъ я могла шобой любима бышь —
Кшобъ равенъ въ счастья былъ со мною?

*

Когда бы въ смершній, близкій часъ
Узрѣла образъ швой безцѣнный,
И взоръ мой, грустью помраченный,
При миломъ другѣ бы угасъ!...

Пускай забыша я шобою —
 Но я власшна ль шебя забышь? —
 Ахъ! если бъ я могла шобой любима бышь —
 Кшобъ равень въ счастья былъ со мною?

*

Прости! — Покорствуя судьбѣ,
 Любовь я съ жизнію кончаю!
 Послѣдній вздохъ мой посвящаю
 Съ послѣдней мыслию тебѣ!...
 Пускай забыша я шобою —
 Но я власшна ль шебя забышь? —
 Ахъ! если бъ я могла шобой любима бышь —
 Кшобъ равень въ счастья былъ со мною?

Саларевъ.

ВЫБОРЪ АМУРОВЪ.

Послушайте, какой въ Циперѣ шоргъ идетъ :
Венера каждый день Амуровъ продаетъ.
Корзину цѣлую Амуры наполняютъ ;
 Вокругъ ея толпой ,
 Какъ пчелъ шумящій рой ,
Амуры рѣзвятся , играютъ и порхаютъ.

*

Въ вѣточкѣ изъ простыхъ цвѣтовъ ,
Аглая первая къ богинѣ приспугаетъ ;
Амуру уголокъ давно у ней готовъ —
Крылатога божка купитъ она желаетъ.
— „Здѣсь всѣ передъ тобой : любова выбирай !
Венера говоритъ ; но прежде испытай ,
Смотри , не порошась , и послѣ не раскайся ;
Чѣмъ видъ пріятнѣе , тѣмъ больше опасайся !
Возьми лучшій изъ всѣхъ : возьми его съ собой ;
 Такъ шихъ , шакой ручной ,
Повѣрь , останешься навѣкъ довольна мной ;
 А въ вѣрности не сомнѣвайся.“

*

„Тебѣ жь Амурь другой ,
 Алинѣ вѣтренной Зевеса дочь сказала ;
 Желаніе швое давно я угадала ,
 Ты можешь привязать лишь ласкою одной.
 Онъ , правда , всѣхъ рѣзвѣй — за шо и меньше
 горе,

Когда онъ улешишь ;
 Да я и ошдаю шебѣ на уговорѣ ,
 Ты завтра же его вольна перемѣнишь !

*

Лизеша въ ревности клянется , въ
 изсшупленьѣ ,
 Амуру своему всѣ крылья ощипать ;
 Для Хлои скромныя довольно въ награжденье
 Изъ своего божна два перышка достать ;
 Кларисса для себя красавца назначаетъ ,
 Елена смирнаго , Зельмира шалуна ;
 Дориса , въ сорокъ лѣтъ , одна
 Новорожденнаго въ корзинѣ выбираетъ !

*

Прелесныя , во всѣхъ мѣснахъ ,
 Стремяшся радостны съ любезными дарами ;
 Кшо въ городъ , кшо въ село съ Амуромъ на
 рукахъ :

Разсыпались шолпами.

*

Какъ счастливой торгъ ! богинѣ я сказала ,
 Ты съ прибылью большѣю ;
 Но не было ль, скажи, порою,
 Что долго твоей шоварь непроданный ле-
 жаль ? —

— „Амуровъ не продать ? Венера мнѣ сказала ;
 Какой же ты знашокъ жудой !
 Въ Цистерской обласпи златой
 Почти нѣтъ женщины такой,
 Которая бы двухъ себѣ не покупала !

Салареевъ.

СТАРАЯ ЯБЛОНЬ И САДОВНИКЪ.

Б а с н ь.

Стояла Яблоня въ саду
И на свою, несчастная, бѣду
Она опъ спаросши плодовъ не приносила;
Сапурнова рука чего не испребила?
Хозяинъ Яблони хотѣлъ ее срубить;
Занесъ шопоръ! — „Поспой! бѣдняжка умо-
ляла:

„За что меня губить?
„И шакъ мнѣ суждено на свѣтѣ мало жить!
„Ты вспомни, я швой вкусъ не рѣдко услаж-
дала,

„И шы жвалился мной!“ —
Я съ горемъ разсшаюсь съ тобой,
Садовникъ говорилъ: и за швои услуги
Благодарить тебя готовъ;
Но времена шеперь, признайся, спали шуги,
А для шеплицъ моихъ мнѣ нужно много дровъ!
— Сказаль — и въ дерево удариль!
Пернашые пѣвцы, качаясь на сучкахъ,
Просили, чшобъ его въ покоѣ онъ осшавиль;
„Будь жалоспливъ! они въ слезахъ

Жестокому твердили:

„Подъ тѣнью Яблони, мы здѣсь привыкли
жить,

„И пѣснями тебя согласны веселить;

„Избавь, избавь ее отъ гибели ужасной!“ —

Все щещно! злыхъ людей молишь есть прудъ
напрасной!

Садовникъ ппичекъ разогналъ;

Махнулъ еще въ дупло! — сосѣдній сукъ упалъ;

И куча пчель явилась!

„Глупецъ! жужжашъ онъ, рука швоя спреми-
лась

„На гибель нашу и свою;

„Нась много! — всю швою семью

„Мы подчивашъ гошovy;

„Къ помужъ, прекрасный медъ пы можешъ
продавашъ

„И деньги доспавашъ; —

„На милоспъ обрати поспунокъ свой суровый

„И Яблони позволъ пожить!“ —

— Чпо дѣлашъ? такъ и бытъ;

Я васъ послушаюсь, Садовникъ опвѣчаетъ:

Душой я, право, добръ! пусть Яблоня жи-
вешъ,

И въ староспи своей судьбу благослосляешъ.

Когдажъ подъ тѣнъ ея жена моя придетъ,

Подсяду къ ней съ дѣшми, и всѣмъ намъ бу-
дешъ любо!

Напрасно поступалъ я грубо;
 Впередъ не буду я шаковъ,
 Для васъ же, добрыхъ ццель, усью я цвѣ-
 памн
 Всей мой зеленцй садъ! — Увидише вы
 сами!

*

На что шуть много словъ!
 Съ Садовникомъ и мы признаемся сердечно,
 Гдѣ только приблмь ешь, мы благодаримъ
 вѣчно.

В. Пушкицъ.

ЖИЗНЬ И СЧАСТІЕ.

Б а с н ь .

„Признайся, Счастіе, что небо для меня,
Для радостей моихъ тебя въ сей міръ послало;
А ты не проведешь со мной почти ни дня,
И не забоишься о мнѣ ни мало!

Не стыдно ли тебѣ?

Неблагодарное! я за тобой гоняюсь

И всѣми узами къ себѣ

Навѣки привязашь спараюсь:

Богашствомъ, почествами, пирами и молвой! —

Короче же скажашь, ушѣхами и славой!“ —

— Ты хочешь, Жизнь, меня заславашь житьъ
съ тобой

Смершельною справой?

Прекрасной способъ! Нѣтъ! —

Упошреби другіе:

Разеудокъ, чувштво, умъ; при нихъ — дѣла
благія —

И мы навѣкъ друзья! насъ разлучаешь свѣтъ:

Онъ для всего даетъ тебѣ законы;

Ты имъ покоршвуя, пшашь не рѣдко спояшъ;

Онъ швой ширанъ, а я шираговъ не люблю,

И для шего оковъ съ шобою не дѣлю.

К. Шаликовъ.

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

Радость, даръ Творца безцѣнный
И отрада въ жизни намъ,
Мы воспоргомъ упоены,
Входимъ въ швой священный храмъ!
Ты велишь — и соединишь
Все, что дѣлишь шумный свѣшъ.
Дружба, браштво водворишь,
Гдѣ повѣшь швой полешъ.

Х о р ъ.

Во кругъ единый сонмъ народовъ!
Дай любви обѣшь свяшой!
Брашья! нашъ Опець благой
Тамъ, превыше звѣздныхъ сводовъ!

*

Кто пріяль удѣль блаженной,
Другу другомъ вѣрнымъ бышь,
И полругъ неизмѣнной —
Сладко съ ними скорбь дѣлить!
Счастливь, кто въ сей жизни крашкой
Серцу сераце обрѣнешъ!
Онъ, томясь, одинъ украдкой,
Слезъ прискорбныхъ не пролешъ.

Х о р ъ.

Дѣвъ краса и другъ любимый
 Въ сей любви клятва намъ!
 Клятва прямо къ небесамъ,
 Гдѣ сѣдишь Непоспѣжимый!

*

Здѣсь во всемъ, всему творенью
 Машъ природа радость льещъ.
 Счастью, скорби и мученью
 Радость тихая во слѣдъ;
 Намъ, опъ нашей колыбели
 Вѣрный спутникъ до конца;
 Въ прахъ, что плѣнное имѣли!
 Съ нею духъ предъ шронъ Творца!

Х о р ъ.

Преклонися сонмъ народовъ,
 Преклонися! — съ нами Богъ.
 Тамъ свяшый Его чертогъ,
 Тамъ превыше звѣздныхъ сводовъ!

*

Въ часъ великій, въ часъ священной,
 Съ міромъ радость родилась;
 И гармонія вселенной
 Вмѣстѣ съ нею разлилась.

Радость шихо развиваешь
 Изъ былинки сшебль молодой,
 И ряды мировъ вращаешь
 Всемогущею рукой.

Х о р ъ.

Спройно сонь мировъ капишься!
 Будемъ, други, равни имъ,
 И въ пушь жизни полешимъ,
 Какъ Герой на брань спремимся!

*

Радость ликъ свой указываетъ
 Здѣсь, въ зеркаль Правды намъ.
 Тамъ — пушь легкой образуешь
 Къ грознымъ доблести скаламъ.
 Предъ святой хоругвью Вѣры
 Ушренной звѣздой горимъ,
 И прешедъ земли предѣлы,
 Въ ликъ Ангеловъ споишь.

Х о р ъ.

Бодрствуй, бодрствуй сонь народовъ,
 Смерть насъ въ лучшій миръ ведешь!
 Тамъ награда добрыхъ ждешь,
 Тамъ превыше звѣздныхъ сводовъ.

*

Кто дерзнетъ съ Творцемъ сравниться! —
 Но не сладко ль близкимъ бытъ?
 Такъ! — съ веселымъ — веселишься,
 Съ грустнымъ — грустишь его делишь;
 Дашь обидамъ всѣмъ забвенье,
 И не бытъ врагу врагомъ,
 О порочныхъ — сожалѣнье,
 И за зло плачешь добромъ!

Х о р ъ.

Братья! всю вражду забудемъ,
 Спанемъ въ пихомъ мирѣ жить!
 Тамъ насъ будешь Богъ судить,
 Какъ мы здѣсь другъ друга судимъ!

*

Радость въ кубкахъ бьешь, играешь,
 Сладокъ гроздїи сокъ златой,
 Въ робкихъ бодрость онъ вливаетъ,
 Въ буйныхъ — крепость и покой!...
 Кубокъ нѣвисный съ любовью!
 Онъ кипитъ въ рукѣ твоей!
 Пошопи въ немъ грусть съ поскою!
 Полной чашей радость пей!

Х о р ъ.

Въ кругъ единый сонмъ народовъ!
 И сей кубокъ къ Небесамъ!
 Крижка XXII.

Е

Благъ Подашель вѣчный — шамъ,
Тамъ превыше звѣздныхъ сводовъ!

*

Въ скорби — кропость и шерпѣнье ;
Слабымъ — помощь, буйнымъ страхъ;
Всѣмъ обѣтамъ — исполненье ;
Въ правдѣ — равенъ другъ и врагъ!
Все, и жизнь, и доспоянье
Все, за тронъ Царя-Опца.
Къ Провидѣнью — упованье,
Вѣрѣ — вѣрность до конца!

Х о р ъ.

Сонмъ народовъ въ кругъ священной!
Братья! кубокъ сей въ завѣпъ:
Вѣкъ хранишь святой обѣпъ!
Кляшвъ свидѣшель Царь Вселенной!

Изъ Шиллера, А. Мансуровъ.

Конецъ четырнадцатой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

четырнадцатой Части.

Прозаическія сочиненія.

	Стран.
Опытъ о порядкѣ словъ. - - -	5
Продолженіе синонимъ. - - -	29
О главныхъ силахъ Трагедіи у древнихъ и новѣйшихъ народовъ. - - -	36
Бояринъ Мамвѣевъ. - - -	72
Объ Овидіевыхъ превращеніяхъ. - - -	101
Повѣсть о Фэстонѣ, изъ 2 й книги Пре- вращеній Овидіевыхъ. - - -	114

С т и х о ш в о р е н і я.

Подражаніе 36 му Псалму. - - -	5
Подражаніе 90 му Псалму. - - -	12
Гимнъ Богу. - - -	16
Ошрывокъ изъ IV й Пѣсни Виргиліевыхъ Георгикъ. - - -	19
Упѣшеніе добрыхъ. - - -	29

О г л а в л е н і е.

Спраи.

Посланіе Горація къ Меценату, въ копо- ромъ приглашаетъ его къ сельскому обѣду. - - - - -	32
Элегія. - - - - -	37
Посланіе къ Пиррѣ. - - - - -	44
Марія Спуаршъ въ темницѣ. - - - - -	50
Весна. - - - - -	52
Софья. - - - - -	56
Обманчивость надежды. - - - - -	61
Ариадна. (Романсъ). - - - - -	63
Выборъ Амуровъ. - - - - -	65
Старая Яблонь и Садовникъ. (Баснь). - - - - -	68
Жизнь и Счастіе. (Баснь). - - - - -	71
Пѣснь радости. - - - - -	72

Т Р У Д Ы
ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ
П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

~~~~~  
ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.  
~~~~~

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1819.

Въ Ценсурный Комитетъ надлежащее коли-
чество экземпляровъ сей книги доставлено.

**ПРОЗАИЧЕСКІЯ
СОЧИНЕНІЯ.**

Л Ю Б О В Ъ
К Ъ О Т Е Ч Е С Т В У .

Изобрѣсти полезное и совершить великое
можетъ одна *любовь къ отечеству*. Это
мащерь Героевъ, бдущишельница Царствъ,
защитница народовъ. Сія спрасшь всѣхъ
спрасшей благороднѣе : изцѣля насъ отъ
эгоизма , для общей пользы заспавляемъ
забывающъ собственное свое благо. Всѣ
великія дѣянія , ознаменованныя истин-
нымъ мужесшвомъ , — всѣ блищательные
успѣхи въ наукахъ , художесшвахъ и иску-
спвахъ , — всѣ семейшвенныя добродѣтели,
мирныя и любезныя , произшекающъ изъ
одного источника : отъ чувшвованія и ис-
полненія священныхъ обязанностей къ оче-
чешву. Гдѣ мы увидѣли первое ушро, воз-
расли подъ руководшвомъ попечишельнаго
опца и нѣжной мащери, гдѣ умы наши со-
арѣвали подъ надзоромъ усердныхъ и опыш-
ныхъ насшавниковъ, гдѣ родшво и дружба

Книжка XIII.

А 2

соединяють насъ неразрывными узами любви, а взаимныя нужды и вспомошествованія укрѣпляютъ согласіе; гдѣ собственность, свобода, безопасность и жизнь вѣрены покровительству законовъ; — тамъ шолько мы можемъ быть спокойны и счастливы, тамъ шолько хошѣлось бы намъ жишь и умерещь.

„Человѣкъ, по мнѣнію Платона, не ходишь на расщѣніе, которое, укоренившись на одной землѣ, вянешь и засыхаетъ, когда пересадятъ его въ другую.“ Онъ можетъ перемѣнить мѣсто, можетъ жишь и въ отдаленіи отъ своей родины; но преодолѣетъ ли священное чувство, къ отечеству его увлекающее? Пусть природа и искусство осыпають насъ всѣми благами; но сіи блага изгладятъ ли изъ памяти приверженность къ мѣсту рожденія? Не смотря на распояніе, вопреки обольщеніямъ, сердце наше къ нему близко, и гораздо ближе, нежели мы думаемъ. Тогда живѣе представляются воображенію даже неодушевленные предметы, кои занимали насъ

въ юности; тогда чувствуемъ привязанность и къ мягкому ложу, на которомъ покоились въ счастіи, и къ соломѣ, на коей не могли заснуть отъ горести; тогда и радость намъ не въ радость: разлука съ родными пягошитъ душу; мысль о свиданіи съ ними и наяву и во снѣ не отходитъ отъ насъ ни на минушу.

„Истинному сыну опечесва — говоришь одинъ изъ нашихъ Писателей — все любезно въ родной странѣ своей: и вѣра, и законы, и обычаи, и прахъ сродниковъ, и небо, подѣ коимъ онъ выросъ, и земля, кою вскормленъ, и воздухъ, коимъ дышалъ, и вода, кою прохлаждался, и деревья, подѣ коими отдыжалъ, и даже камни, о копорые прешкался, и даже дымъ родительскаго дома.“ — Такъ! любовь къ опечесву раждается въ насъ вмѣстѣ съ жизнью; вмѣстѣ съ млекоу машери мы пьемъ ее; Первое слово, копорое приучаемся выговаривать во младенчествѣ, и последнее, копорое произносимъ умирающими ушами, доказываетъ любовь нашу

кѣ отцу и матери. Въ опечесствѣ — хотя бы мы получили бышіе среди льдовъ пустынной Исландіи, или среди песковъ палачей зноемъ Африки — и люди кажутся намъ добрѣе, и средства пользовашься жизнью удобнѣе, и шруды легче, и удовольствія сладоспнѣе, и природа величественнѣе, и воздухъ пишашельнѣе, и земля плодороднѣе, и истинныя блага прочнѣе и многочисленнѣе.

Отъ чего Греки и Римляне славились между древними народами? Сердца ихъ оживляемы были духомъ любви кѣ мѣспу своего рожденія. Вездѣ гремѣло и сіяло имя *отечества*; и Орапоры и военачальники почипали оное божествомъ сердецъ своихъ — и чего не дѣлали, на что не пускались они изъ любви кѣ нему? *Леонидъ*, съ шремами Спаршанцевъ, выступаетъ противъ шрехъ сотъ штысячъ Персовъ, и падаетъ подъ Фермопилами. *Скорѣе умру за мою отчизну, нежели соглашусь царствовать въ ней противъ воли согражданъ моихъ*, говоритъ сей Герой Ксерксу;

который обѣщалъ ему царство въ Греціи, если онъ переспанетъ сопрошивляшьяся. — *Епалинондъ*, на Манпинейской бившъ пораженный смертельнымъ ударомъ, забываетъ свои спраданія, какъ скоро доходитъ до него вѣспъ, что *Фивяне* одержали побѣду надъ *Спарпанцами*, и сказавъ: *довольно жилъ я на свѣтѣ; мое отечество спасено!* — вынимаетъ опломокъ копья изъ раны своей, и умираетъ. — И *Фемистокль*, знаменитый великими заслугами, безъ ропшанія подвергается изгнанію, забываетъ обиду, опъ Грековъ ему нанесенную, и до послѣдней минушы оспается вѣрнымъ своей родинѣ. *Лучше умру, нежели пойду разорять отечество*, сказалъ онъ *Ксерксу*, возбуждавшему въ немъ желаніе опомспить неблагодарнымъ согражданамъ.

И побѣдоносный Римъ славился своими *Сципіонами*, *Регулами* и *Капіонами*. *Кому драгоцѣнно спасеніе Рима, тотъ слѣдуй за мною вездѣ, куда зоветъ гласъ отечества!* говорилъ первый своимъ вои-

намъ — и храброе не дорожили жизнью
 шамъ, гдѣ цѣною ея надѣялись купишь честь
 и славу. Другой, свято соблюдая данное
 непріятелямъ слово, не успрашилъ мучи-
 тельной смерти въ Кареагенѣ. Послѣдній,
 не могши спасти опечеслива, не могъ и
 пережить его.

И мы имѣемъ своихъ Темиспокловъ, Епаминондовъ и Регуловъ. Какъ древо многоплодовитое, цвѣтеши Россія; какъ колоссъ несокрушаемый, возносиши къ небесамъ главу свою; какъ солнце, неиспощимое въ сіяніи, лучами славы озаряеши вселенную. Какая же сила вознесла Россію на сію степенъ величія и благоденствія? Пламенная, постоянная любовь къ ней великихъ Государей; любовь усердныхъ сыновъ ея. И минувшія спольстія, и насюущія времена обилують примѣрами истинной приверженности къ опечесству. Опкроемъ зеркало вѣковъ прошедшихъ — и *Святославъ*, первый Славенекій Герой, явился предъ нами. Опвсюду окруженному Греческимъ ополченіемъ, опспаешся ему одно спасеніе — въ оружїи;

не перья бодрости и рѣшась умереть
 съ мечемъ въ рукахъ, говоришь онъ рат-
 никамъ своимъ: *не посрамимъ земли Ру-
 скія: ляжемъ здѣ костьми, мертвіа бо
 срама не имутъ* — и ратники единоду-
 шно восклицающъ: *гдѣ твоя глава, тутъ
 и наши лягутъ* — вшоргающся въ Грече-
 скія полчища, рязашъ, опровергающъ и
 одерживающъ побѣду. — Успремимъ взоры
 свои на Куликово поле: тамъ увидимъ *Ди-
 митрія Донскаго*, въ несчастіи швердаго,
 на войнѣ неуспрашаемаго. Сокрушаясь объ
 Опечесшвъ, на часпи раздробленномъ и
 порабощенномъ игу Ташарскому, рѣшился
 онъ испытать силы свои прошивъ несмѣ-
 пнаго воинства Мамаева. *Или избавлю
 землю Рускую отъ плѣненія, или за-
 всѣхъ васъ положу главу мою на рат-
 номъ полѣ. Славная смерть лучше по-
 стыдной жизни.* Такъ говорилъ Герой
 дружинъ своей, и поразивъ враговъ, одер-
 жалъ знаменистѣйшую побѣду. — Взгля-
 демъ на Нижегородскую площадь. Тамъ
 является купецъ *Мининъ*, *выборный отъ
 всехъ земли Рускія; всѣхъ согражданъ сво-*

ихъ одушевляешъ онъ одною благородною спраспю : любовію къ Отечеству , и обливаясь слезами , говоритъ имъ : *грозитъ намъ конечное разореніе Царства Рускаго ; отдадимъ все наше имѣніе на жалованье ратнымъ людямъ , буде же не достанетъ , зложимъ женъ и дѣтей своихъ , и выкупимъ изъ бѣды Отечество.* Для достиженія сей цѣли усремляешъ онъ вниманіе на Князя Пожарскаго , пользовавшагося общою довѣренностію , храбраго , честнаго , и пользу Отечества предпочипавшаго всему на свѣтѣ ; убѣждаетъ его принятъ на себя званіе и обязанности военачальника , и способствуешъ къ избавленію Москвы отъ ига иноплеменниковъ. — *Вопъ и Гермогенъ* , ревностнѣйшій любитель земли Руской. — Гепманъ Желковскій настоятельно претовалъ , чпобъ онъ не давалъ благословенія Пожарскому собирашъ войско. *Кто же спасетъ Отечество ?* говоритъ ему Папріархъ , и умираешъ отъ люпости враговъ неукропимыхъ. — *Вопъ и Филаретъ* , мудрый , благочестивый и великодушный. Во время

смятеній , бывшихъ въ Россіи , со многими гражданами и сей Свяшитель опсправленъ былъ къ Королю Польскому , коему измѣнники опспавали тогда пресполь Россійскій. Сигизмундъ пребовалъ опъ пословъ , а болѣ опъ Филарета , чпобъ они рукописа-ніемъ своимъ подшвердили избраніе его на Царство. *Гдѣ нѣтъ руки Патріарха Гермогена , тамъ не будетъ и нашей* , сказалъ Филаретъ , и опрекся подписаць грамошу. Ни угрозы , ни жеспокоспъ , ни заключеніе въ пемницу , ни десятильпннн спраданія — ничшо не поколебало пвердаго въ душъ сына Опечеспва и служиселя Вѣры. — Подлѣ сихъ испинныхъ Папріюшовъ во храмъ безсперпіа сіяюшъ священныя лики *Пожарскихъ* и *Діонисіевъ*, *Палициныхъ* и *Трубецкихъ*. Въ благодарномъ сердцѣ привѣспсвуемъ васъ , Мужи безпримѣрные ! И въ самомъ опдаленномъ попомспвѣ имена ваши будупъ слівашься съ именами Ангеловъ - храниспелей Россіи. Миръ праху вашему , ревностнѣйшіе защитники Опечеспва !

Царствованіе **ПЕТРА Великаго** представляетъ намъ недремлющихъ спражей общеннаго блага, неушомимыхъ соспрудниковъ мудраго Преобразителя Россіи въ *Долго-рукомъ, Головинъ и Голицынъ*. — *Правда лучшій слуга Царю; любитъ Царя, любитъ Отечество* — говаривалъ первый, и всегда мыслилъ и дѣйствовалъ сообразно съ словами своими. — *Стыдно и грѣшно возлагать на отягченный народъ бремя, когда вельможи безъ всякаго отягощенія могутъ поднять оное на себя*, такъ говорилъ второй, — и за шо Государь почишалъ его другомъ, а признашельный народъ — благодѣшелемъ своимъ. — *Донеси Царю, что и теперь принадлежу одному Богу*, сказалъ Голицынъ посланному отъ **ПЕТРА** въ шо время, когда при осадѣ Шлиссельбурга, вопреки воли Монаршей, готовился онъ на рѣшительный приступъ. — И заслуги сихъ охранителей престола звалъ доспойно цѣннш **ПЕТРЪ Великій**. *Безъ васъ Отечеству, какъ тѣлу безъ души, жить не можно* — говаривалъ имъ Монархъ прозорливый. *Честъ и слава*

Опцу Опечества; умѣвшему избиратьъ мудрыхъ и ревностныхъ соудружковъ! честь и слава сынамъ Опечества, умѣвшимъ оправдать довѣренность *Великаго!*

И царствованіе *ЕКАТЕРИНЫ II* ознаменовано безчисленными подвигами именистыхъ Героевъ, славу и благоденствіе Россіи спасающихъ выше собственнаго блага своихъ. Небозримый рядъ сыновъ усерднѣйшихъ возсѣлъ окрестъ Машери чадолюбивой, нѣтъ числа ихъ побѣдамъ; нѣтъ мѣры ихъ рвенію; нѣтъ словъ къ изображенію ихъ доблестей. На водахъ и на сушѣ пворило чудеса ихъ мужество. Имена *Паниныхъ* и *Задунайскихъ*, *Чесменскихъ* и *Крымскихъ*, *Таврическихъ* и *Рымникскихъ*, сильныхъ любовію къ Опечеству и ненавистию ко врагамъ его, приняты безприсраспной Исторіей и внесены во святилище безсмертія. И сколько произвели они соревнователей, которые, одни за другими являясь среди насъ, гордящихся ими, не дають угаснуть ихъ славы! Смерть похишила ихъ у Россіи; но

не умираетъ память Великихъ! Услуги
Опечесству любезны и святы для опдален-
ныхъ потомковъ. Знаменимые подвиги вѣчны.

1812-й Годъ и слѣдующіе доказали,
сколько Россіане ошличаются привержен-
ностію къ вѣрѣ, любовію къ Опечесству,
вѣрностію къ Государю; сколько одушев-
ляетъ ихъ духъ народной гордости, честь
всему предпочитающей, ни одному изъ про-
свѣщеннѣйшихъ народовъ не уступающей въ
желаніи украшаться собственными дос-
лоинствами, въ стремленіи ко всему вели-
кому и достопочтенному; — доказали, сколь
сильно дѣйствуетъ въ нихъ благородное
надѣяніе на самихъ себя, согласіе умовъ и
сердецъ, брашское единомушіе и пламенное
рвеніе съ каждымъ днемъ приобретаешь но-
выя силы служить Опечесству, новыя сред-
ства содѣйствовать его благоденствію, но-
выя причины веселишься его славою.

Опечесство, коему угрожалъ власполю-
бець, поправшій священныя установленія
Вѣры и права человѣчества, потребовало

необыкновенныхъ пособій — и Россіяне съ радостію поспѣшили великодушными пожертвованіями содѣйствовать общему благу; оправдавъ довѣренность и надежду своего Государя. Опечесство гласомъ нѣжной мащери призывало Россіянъ ополчиться прошиву возмущеній общаго спокойствія; обнажишь мечъ на испребленіе полчищъ высокоумнаго Корсяканца; коему пролише человѣческой крови и опущеніе Государствъ казались забавою. Опечесство возвало — и Россія въ рашной спанъ превратилась, плуги и серпы измѣнились въ оружія: и полетѣли Орлы, и запылала кровь, и заревѣли громы на пораженіе сопоспашовъ. Содержащій въ десницѣ Своей судьбу Царствъ и народовъ воззрѣвъ на насъ окомъ милосердія — и поблѣднѣла зависть, сраженная правою; онѣмѣло коварство предъ испиною; припудилось жало пронырства швердостію духа; упихло дерзкое самохвалство ошъ благороднаго честолубія.

Въ сіе время испытанія среди необозримыхъ полковъ Россійскихъ воскресли
Книжка XXIII. В

Пожарскіе, обуздавшіе дерзость, укрощившіе бури, возстановившіе спокойствія; воскресли *Румянцовы*, съ малымъ числомъ ратниковъ побѣдившіе несчетныя легіоны враговъ злоухищренныхъ; возспали *Репнины*, соединявшіе пылкость юношескихъ лѣтъ съ хладнокровіемъ старости, быспрому мужества съ опытностію прозорливости, мщеніе злобъ съ любовію къ спраждущему человѣчеству; — явились Герои, созрѣвшіе въ училищѣ *Суворова*, вездѣ гремѣвшаго побѣдами, шоржествовавшаго надъ ужасами грозной природы и злоумышленіями адскаго коварства; явились Герои, приобрѣвшіе опытность подъ руководствомъ *Смоленскаго*, оспорившаго славу у того, котораго почитали завоевателемъ, приковавшимъ ее къ своимъ знаменамъ, смирившаго необузданность власполюбія, совершившаго избавленіе Россіи и Европы, а надъ пиромъ — праведный судъ Божій; явились Непобѣдимые, — и доказали, что научились благоговѣть къ Царю, спасать Отечество, мужаться въ бѣдствіяхъ и смиряться во славу. Гдѣ не были превозносимы доблести

Россійскихъ Героевъ? гдѣ не гремѣло побѣдоносное ихъ оружіе? куда не достигла молва объ ихъ исполинскихъ подвигахъ, утвердившихъ благо не одной Россіи, но цѣлаго міра? Начиная опѣ Византіи, гдѣ нѣкогда *Олеги* усмирили дерзновенную гордоспъ, до Парижа, подклонившаго выю свою къ спопамъ *Великаго* во Владыкахъ земныхъ, вездѣ воздвигнушы памяшники храбрости, величію и славъ меодолимыхъ смновъ Сѣвера.

Но не одни успѣхи оружія способспвуютъ къ возвышенію Царспвѣ; не одною неуспрашимоспшію дужа доказываетспся любовь къ опечеспву. И распроспраненіе наукъ, и усовершенспвованіе опечеспвеннаго языка ведушъ къ доспшиженію пош же цѣли. Поселяшъ въ душъ нравспвенныя испины, возносптъ ее къ природѣ и Творцу ея, дѣйспвовашъ на преклоненіе воли къ добру, шрогашъ сердце жалоспшію къ спрадающей невѣщносши, возбуждашъ соревнованіе къ подвигамъ; ознаменованнымъ доблеспями, и ужасъ къ дѣламъ, очерненнымъ

Б в

пороками; пльняшь воображеніе цвѣтами изобрѣшательнаго ума и разборчиваго вкуса — не значить ли употребляшь даръ слова во благо народное? Благородно мыслишь и чувствовашь, убѣдительно и пріятно выражашь свои мысли и ощущенія — не значить ли служишь опечесству? Опъ успѣховъ Словесности зависящъ и самые успѣхи законовъ и всѣхъ полезныхъ успановленій мудраго и попечительнаго Правительства. Она дѣлаешь незабвенными всѣ произведенія искусствъ и наукъ; предаешь вѣчности все, до чего шолько могутъ довести человека проникательность и шерпѣніе, опытность и размышленіе. Опечесство наше имѣешь справедливое право хвалишься великими людьми, и на семъ поприщѣ отличившимися. *Ломоносовъ* и *Державинъ*, какъ два свѣшила, сіяющъ надъ нами; какъ два пушеуказашеля, изъ міра существеннаго и историческаго ведушъ насъ въ ширъ мечшательной и баснословной; какъ два живописца, дающъ намъ киспи и краски, и указуя на сокровищницы природы, говоряшъ: *избирайте и пользуйтесь!* Кто не

плѣнялся пылкостью ихъ воображенія , обильемъ и новостію мыслей , роскошнымъ великолѣпнымъ выраженіемъ , когда они — однимъ гласомъ Димосеена и Цицерона , другою лирою Пиндара и Горація — прославляли и великихъ Монарховъ , благошворителей Россіи , и Героевъ , защитниковъ Опечесства , и гражданъ , украсившихъ жизнь свою мирными добродѣтелями ; когда слова ихъ , написанныя умомъ и чувствомъ , рѣкою текли изъ сердець , пламенившихъ любовію къ Опечесству ? Ими обогащенъ и прославленъ языкъ нашъ . Имъ одолжены мы многими Писателями , доказавшими богатство Русскаго языка , обширность своихъ познаній и благородство мыслей — Писателями , составляющими красу и честь нашего вѣка . Одни , удивляя насъ громогласною трубою Эпоеи , живо описываютъ знаменитыя произшествія , имѣвшія вліяніе на судьбу народа ; другіе , плѣняя благозвучіемъ арфы и свирѣли , вливаютъ въ душу высокія и сладостныя чувствованія . Здѣсь рѣземъ Исторіи изображаютъ минувшее и переносятъ насъ въ отдаленную древность , обильную

великими событиями; а шамб, подь руководствомъ Талии и Мельпомены, возбуждающь улыбку удовольствія, или изпоргающь слезы состраданія, веди къ нравственнѣйшей цѣли по пути, усыпанному цвѣтами игристого остроумія или глубокомыслія, опирающагося на основательное знаніе человеческого сердца, и умѣющаго соединять искусство съ природою — или подь завѣсою иносказанія, входящаго въ составъ басни, скрывая нравоученіе и смягчая суровость истины, убѣждающь вѣришь, что всѣ шворенія составляютъ наше семейство, и, кажущаяся, дѣлающь насъ довольнѣе бытіемъ своимъ. Музы и Граціи были собесѣдницами сихъ Писателей. Пользу и удовольствіе сопрягли они узами дружбы. Имъ посчастливилось доказать, что любовь къ родному языку, ему прочному памятнику народнаго просвѣщенія, слѣдственна и благоденствія, есть знаменіе любви къ Отечеству. Сіи образцы предъ нами. И мы попечемъ въ слѣдъ ихъ. Соревнованіе оживитъ насъ. Поспешенно восходя на крутую гору познаній, размышленіемъ и наукою повѣряя каждой

шагъ свой на спезь, намъ предназначенной, испышашельнымъ окомъ обозрѣвая все встрѣчающееся въ обласпи просвѣщенія, бесѣдуя съ учеными Мужами древними и новыми, никогда не уклоняясь опѣ достохвальной цѣли: говоришь и пишашь въ пользу истины и добродѣтели, и мы, и мы докажемъ любовь свою къ Опечесству.

Рожденные въ Россіи, осыпанной щедрошами небешной Благоспи, возвеличенной и превознесенной мудрыми Монаршами, ушвердившими ея счастье на незыблемомъ основаніи, мы наслаждаемся жизнью. Обиліе, зрѣющее на поляхъ Украйны и Тавриды, на брегахъ Волги, Дона, Днѣпра и Дуная, предлагаешь намъ сокровища неиспоцимыя. Природа и искусство опкрывающь для насъ всѣ испочники жизненныхъ пошребностей и роскоши; промышленность и торговля надѣляющь насъ избышками спранъ опдаленныхъ. Озера, рѣки и моря угощающь насъ неоскудными дарами своими. Законѣ, внушенные человекѣлюбіемъ, начерпанные опытноспію, ограждающь насъ опѣ бурь поли-

пическихъ и нравственныхъ. Всѣ пути къ наукамъ и знаніямъ отшверсны; всѣ способы пользоваться плодами трудовъ показаны. Всякое предпріятіе, къ общей пользѣ, народной чести и отечественной славы клонящееся, ободряется хвалою или наградою; всякая дерзость и несправедливость подвергается стыду или наказанію. Ревностные Начальники, достойные довѣренности Монаршей, не опускаютъ ничего, могущаго служить къ довольству, безопасности, свободѣ и спокойствію всѣхъ сослоній, государственное семейство составляющихъ. Вошь благодѣянія, коими имѣемъ счастье пользоваться подъ правленіемъ свыше Благословеннаго АЛЕКСАНДРА, украшеннаго крошестію и челоуѣколюбіемъ, ознаменовавшаго благополучное царствованіе. Свое громкими побѣдами, мудрыми законами и благонворными учрежденіями.

Кому имя *Росіядница* кажется любезнѣйшимъ именемъ, кто Рускую землю почитаетъ нѣжною матерью, которая оперла первую слезу его, произвела первую

улыбку радости, на благодатномъ лонѣ своемъ укрывала его опъ хлада и зноя, — откажешся ли пошъ посвяпишь милой родинѣ каждую мысль ума, каждое ощущение сердца? откажешся ли дѣйствовать съ безкорыстіемъ и правдою вездѣ, куда только воззовушъ его обязанности чловѣка и гражданина? откажешся ли, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, соглашашъ языкъ съ сердцемъ, волю съ совѣстію, желанія съ законами чести, дѣла съ общею пользою? откажешся ли наконецъ жертвовать для Отечества услугами, имѣніемъ, здоровьемъ и даже самою жизнью? Не изъ общественнаго ли образования произтекаетъ для насъ источникъ живѣйшихъ удовольствій? не опъ его ли доблестей заимствуемъ свой блескъ и наши добродѣтели? не его ли польза и слава тѣсно сопряжены съ нашею пользою и славой?

И такъ жить и дѣйствовать для блага современниковъ и потомковъ — да будетъ священнѣйшимъ нашимъ закономъ. Бодро и величественно, подобно орлу, паря:

шему подѣ небесами, да шпешвуемъ по своему поприщу, не уклоняясь опѣ единствен-
ной цѣли — бышь вѣрнослужебными члена-
ми общеспвеннаго шѣла. Каждая мысль да
спремится къ усовершенствованію нравсп-
венности нашей; каждое предпріятіе да
клонится къ доспженію испинной славы;
каждое дѣло, основанное на почномъ поня-
тіи о чеспи, да опличается благород-
спвомъ души, руководимой справедливоспію
и человѣколюбіемъ. Государь и Опечество
не щадяшѣ драгоцѣнныхъ силъ своихъ для
доспавленія намъ благоденспвія: посвяшимъ
же и мы всѣ силы шѣла и ума, всѣ чув-
спвованія сердца, всѣ часы жизни —
Государю и Опечеству!

II. Побѣдоносцевъ.

К Р О Н Ш Т А Т Ъ.

Благодаря счастливому случаю, доставившему мнѣ честь въ первый разъ бесѣдовать въ Вашемъ почтенномъ Обществѣ, я позволяю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ представить на судъ Вашъ слабыя пруды мои—*Описаніе Кронштата*. Если снѣхъ сія по предмету своему и удаляется нѣсколько отъ цѣли занятой сего Общества, то смѣю ласкаться, что заключаеиъ въ себѣ многія историческія свѣдѣнія и преданія, пріятныя и драгоценныя для всякаго Рускаго.

*

Въ Кронштаптѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранились слѣды безсмертныхъ учрежденій ПЕТРА Великаго; они тамъ живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, представляютъ Геній Преобразователя Россіи, Геній, предписывающій потомству непремѣнные, святыя законы на нѣсколько столѣтій — предусматривая успѣхи его въ просвѣщеніи, предвидя естественныя переменны общественыя нужды и потребности. Рука времени грозитъ уничтоженіемъ остатковъ сихъ достопамят-

ностей, готова испробить самыя преданія о нихъ. Постараемся по крайней мѣрѣ собрать тѣ и другія.

Въ 1703 году, по взятіи Нейшанца, ПЕТРЪ Первый осматривалъ устье Невы, и открывъ опрядъ Шведовъ на островѣ *Ретузари*, приказалъ Меншикову выгнать ихъ отсюда. При приближеніи Рускихъ, Шведы кинулись на рыбацкія лодки, оставя въ добычу одинъ котелъ, въ коемъ они варили себѣ пищу. Въроятно, въ память сего происшествія ПЕТРЪ назвалъ островъ *Ретузари* — *Котлинымъ*, приказавъ на гербъ его изображать котелъ, который и донынѣ употребляется въ Магистратской печати.

Вскорѣ потомъ ПЕТРЪ, начавъ основаніе С. Пешербурга, нашелъ необходимымъ обезпечить отъ нападенія непріятельскаго устья Невы сильными укрѣпленіями. Кошлинъ островъ не только предсавился для сего удобнымъ; но прозорливый МОНАРХЪ открылъ въ немъ безопасную гавань для побѣдоносныхъ Россійскихъ флотовъ, существовавшихъ еще единственно въ Его во-

ображеніи, и выгодное пристанище торговымъ кораблямъ всѣхъ націй, кои предполагалъ Онъ привлечь въ свое Отечество. Назначивъ тогда же мѣста для военной и купеческой гаваней, Государь не могъ однако приступити къ заложению оныхъ прежде 1710 года, бывъ безпрестанно опшываемъ изъ Пешербурга важными политическими обстоятельствомъ, такъ что даже чертежи и модель Кронштапта сдѣланы Имъ въ Воронежъ и присланы шуда для выполненія съ Меншиковымъ. Построеніе гаваней поручилъ ПЕТРЪ Капитанъ - Командору *Лену*, пользовавшемуся опличною Его довѣренностію, но и Самъ приѣзжалъ шуда при каждомъ свободномъ времени для смопрѣнія за производствомъ работъ, посиривъ для пребыванія Своего небольшой домикъ, который донынѣ сохраняется въ первоначальной его наружности.

Мочная, творческая рука ПЕТРОВА скоро превратила юговосточный берегъ пустаго, необитаемаго острова въ торговый портъ и грозную крѣпость. Въ первой стремились купеческіе корабли съ всѣхъ

спранѣ Европы (*); приближись ко впо-
рой спрашились сильныя непріятельскіе
флоты, и въ 1718 году ПЕТРЪ называлъ мѣ-
сто сіе — *Вѣнцемъ града*, ш. в. Крон-
шпатамъ. Уже въ 1720 году Государь,
показывая всѣ сія заведенія Генераль - Адъю-
паншу Шведскаго Короля Фридриха, при-
сланнаго отъ него съ извѣстіемъ о возше-
ствіи его на престолѣ, сказалъ улыбаясь:
„Теперь вы видѣли все сами, а попому
„можете сберечь своему Правительству
„много денегъ, употребляемыхъ [имъ на
„шпіоновъ!“

Кронштадтъ, бывъ съ тѣхъ поръ постепенно
украшаемъ, увеличиваемъ и укрѣпляетъ всѣми
царствовавшими Монархами, поистиннѣ мо-
жетъ назваться нынѣ неприсупнымъ мор-
скимъ оплотомъ Санктпетербурга и однимъ
изъ красивыхъ портовыхъ городовъ въ Бал-
тикѣ. Сямъ послѣднимъ особенно обязанъ
онъ попеченію и распоряженіямъ нынѣшняго
Главнаго Командира Вице - Адмирала Фед.

(*) Въ 1722 мѣ году уже приходящихъ кораб-
лей было числомъ 119, а въ 1723 мѣ 377.

В. Моллера. Городъ содержишь въ окружности около 8 верстѣ, полагая $2\frac{1}{2}$ вер. въ самую большую длину — опѣ востока до запада и въ половину широты — опѣ сѣвера на югѣ, имѣешь при гавани: *военную, среднюю и купеческую*, кои защищаются, вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями, 1040 орудіями большаго калибра.

Обывашелей, постоянно живущихъ въ Кронштаптѣ, какъ то: опспавныхъ морскихъ Чиновниковъ и служиселей, Духовенства, купечества, иноспранцевъ и дворовыхъ людей, полагается не съ большимъ 5,000 человекъ; но главное населеніе онаго соспоишь во флотѣ, кошорый число жиселей увеличиваетъ болѣе, чѣмъ 17,000-ми; также въ лѣпнее время порговля привлекаетъ сюда не рѣдко до 30,000 и болѣе всякаго званія людей. Домовъ считаецца въ городѣ около 1000, въ шомъ числѣ 128 казенныхъ каменныхъ зданій, въ коихъ помѣщаются воинскіе служисели, Присудспвенныя Мѣста, гошписали, магазины, заводы и проч., и около 30 каменныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ.

Церквей для Греческаго исповѣданія 5; полагаю въ по число двѣ домовыя — при Шшурманскомъ Училищѣ и морской Гошпитали; иноспранныхъ при: Люперанская; Каполическая и Англійская.

Казенныя зданія въ Кронштаптѣ хотя простираются, но огромной архитектуры, особливо прехвально-эпические флигели; образующие красивую улицу вдоль берега. Они называются Губернскими; ибо выстроены по указу Губерніями; на кои раздѣлялось тогда Россійское Государство и на кои возложилъ въ 1718 году Государь сію повинность. Примеръ къ тому подалъ К. Меншиковъ; выстроивъ за годъ по оной линіи великолѣпный Дворецъ. Въ немъ помѣщается нынѣ Шшурманское Училище. Высокая башня его съ учрежденнымъ на ней шелеграфомъ для повпоренія сигналовъ съ *Толбухинымъ* маякомъ и *Красною горкою* далеко видна съ моря, первую открывающа непереплывому взору мореходца, плывущаго сюда, и послѣднюю погружающа въ пучины при удаленіи отъ береговъ сихъ. Вскорѣ за Меншиковымъ построилъ здѣсь Минихъ

такой же большой каменный домъ, который занимается нынѣ Благороднымъ клубомъ и Коншорою Главнаго Командира. Три флигеля, подобные первымъ, находящіяся позади сего дому, выстроены въ послѣдствіи Финляндскою, Еспляндскою и Лифляндскою Губерніями. Попомъ по плану Адмирала Грейга воздвигнуто еще 10 большихъ прехъ-ешажныхъ домовъ для помѣщенія морскихъ Чиновниковъ и служителей, каждый во 100 сажень длины, и выстроены артиллерійскія магазейны и арсеналь.

Паршикулярные дома большею частію здѣсь одноэтажные, съ полисадниками на улицу; что придаётъ имъ пріятную наружность, особливо къ сторонѣ Петербургскихъ воротъ, которой большая часть вновь выстроена послѣ пожара, превратившаго ее въ пепелъ 1811 года (*); улицы всѣ вымощены камнемъ, прямы и чисты.

(*) Ужасный пожаръ сей угрожалъ истребленіемъ всего города, еслибъ Г. Коммендантъ, Генераль-Маіоръ Клугенъ, не остановилъ его опличнымъ присутствіемъ духа. Спрашное пламя несло съ сильными порывами вѣтра

Книжка XXIII.

В

Городъ раздѣленъ на двѣ Часпи и 4 кваршала; при каждой Часпи имѣется 4 пожарныя шрубы, съ доспапочнымъ количествомъ нужныхъ для того инструментовъ, людей и лошадей. Кренштапъ снабжается прѣсною водою помощію 16 колодцевъ, кои наполняются конною машиною, дѣйствующею у Петербургскихъ воротъ; въ другіе 21 колодезь вода проведена шрубами изъ проводнаго канала.

Первая достопамятность Кронштапа есть, конечно, чудесный каналъ *ПЕТРА Великаго*.

ПЕТРЪ, обширный во всѣхъ Своихъ замыслахъ, чувствуя силу Своего владычества, не могъ удовольствоваться однимъ докомъ, выстроенымъ Имъ въ средней гавани

чрезъ деревянныя дома прямо къ пороховымъ погребамъ. Уже, не смотря на всѣ усилія Полиціи, загорѣлся на нихъ дернъ, и никто не смѣлъ къ нимъ приблизиться, какъ всходитъ на нихъ неуспрашимый Клугенъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, примѣромъ своимъ возбуждаетъ всеобщее соревнованіе и предупреждаетъ ужаснѣйшее несчастіе.

ни для починки кораблей (*). Онъ начершалъ планъ каналу — обширнѣйшему и единственному въ цѣломъ свѣсѣ, въ коемъ бы нѣскольکو кораблей могло спрощься и починивашься въ одинъ разъ, и въ 1721 году успѣлъ Своими руками положить оному основаніе. Въ Царствованіе АННЫ ІОАННОВНЫ оппускалось ежегодно изъ Казначейства по 200,000 рублей на производство сей работы, а въ 1752 году Императрица ЕЛИСАВЕТА, свято выполнявшая предназначенія Своего Родителя, имѣла славу окончить сіе великое Его предпріятіе. При торжественномъ открытіи сего канала, Она первая подняла щитъ шлюза за рукоятку,

(*) Докъ сей называется *мокрымъ*. Онъ обсушался прекрасною въпряною машиною. — Изъ сохранившихся доселѣ *шлюзныхъ воротъ* во всей цѣлости, видно, что они не зашворялись, подобно нынѣшнимъ, а опускались сверху западнею. Замѣчательно, что сей способъ запирашь шлюзы принятъ нынѣ во Франціи какъ новое и лучшее изобрѣшеніе. — Недавно положено: утвердительно Правительствомъ нашимъ возстановить докъ сей; ибо онъ найденъ удобнѣе и дешевле каналу для починки одного корабля или судна.

В я

кошорая донынѣ сохраняется въ память се-
го. Есть преданіе, что ЕЛИСАВЕТА, желая
изъявишь отмиѣнное удовольствіе Свое знаме-
нишному спроишелю его, неупомимому,
искусному Инженеръ-Генѣралу Любрасу, при-
казала подѣшь *Андреевскую ленту*; но
при словѣ подѣшь — слабый спарецѣ, со-
подвижникѣ Пешровѣ, палѣ на колѣна и отѣ
восхищенія, или отѣ другаго какого чув-
ства, (говорящѣ, боясь вмѣсто Ордена оковѣ,
ибо при Дворѣ имѣлъ множество неприяше-
лей и завистниковѣ,) палѣ бездыханенѣ къ но-
гамѣ *Государыни*. По обоямѣ концамѣ Дам-
бовѣ на *устѣвѣ канала*, кошорый слу-
жищѣ продолженіемѣ дока въ среднюю та-
вань, воздвигнушы двѣ пирамиды съ золопо-
двуглавыми орлами по верху, держащими
корабли вмѣсто державы. На нихѣ начер-
шаны многія значительныя надписи, сочи-
ненныя самимѣ Сенапомѣ, какѣ шо, близь
орловѣ: *обвини силенѣ! На пѣдеспалѣ:
дѣло являетѣ, каковѣ былѣ трудѣ! чего
не побѣдитѣ Россіи мужество!* И по-
испинѣ не лзя безѣ особеннаго чувства
удивленія и восшорга взиращѣ на сію ужас-

ную бездну, изрыпую, шакъ сказать, въ сердцѣ самаго моря, но споль сухою и гладкою, что Государь ИМПЕРАТОРЬ, АЛЕКСАНДРЬ ПАВЛОВИЧЬ, посѣпивъ Кронштаптъ въ 1805 году для заложения новаго Собора, изволилъ пройти по дну всего канала; а къ большему очарованію въ пошъ же день послѣ обѣденнаго стола, смотрѣвъ, какъ при боевыхъ корабля съ развѣвающимися знаменами и Императорскимъ шпандаршомъ свободно плавали въ немъ и выводились въ гавань. Для наполненія всѣхъ доковъ и бассейна водою пошребно съ небольшимъ 7 часовъ, и дѣйствіе сіе представляетъ само по себѣ оплично любопытное зрѣлище; по поднятіи скрыпыхъ шлюзовъ вода спремится изъ моря съ необыкновенною силою въ подземные проводники и падаетъ въ каналъ многочисленными живописными каскадами. Не рѣдко случается, что одинъ Зюйдовой докъ наполненъ такимъ образомъ водою; а другіе осцаются сухими. Вообще вода впускается согласно съ надобностію работъ, освобождая пошепенно упоры и подставы, а сего удобства не представляющъ даже и

самые морскіе приливы и отливы. Каналь фигурую похожъ на правильный крестъ, въ длину имѣетъ 740 саж., въ ширину по верху 15 саж. 2 фуша, а внизу по шпателью 12 саж. 2 фуша. Глубина канала отъ поверхности стѣнъ 4 саж. $6\frac{1}{2}$ фушовъ. Бассейнъ имѣетъ длины 125, ширины 75, а глубины 8 саж. 6 фушовъ, въ помъ числъ Кувешъ, который въ 8 фушовъ глубины. Сверхъ сего недокончанная часть канала проспираешся на 170 саж. въ длину, отъ 100 до 120 въ ширину и 6 отъ поверхности грунта до Кувеша.

Внутренность стѣнъ канала изъ Сяской и Пушиловской глины, а дно выслано гранитомъ; равномерно стѣмъ же высланы спуски, лѣщницы и выступы.

Надъ устьемъ - каналомъ ПЕТРЪ I предполагалъ воздвигнуть чрезвычайно высокую башню въ родѣ Колосса Родосскаго; подъ которую бы подходили самые большіе линейные корабли, а на верху помѣщались бы обсерваторія и маякъ. Неизвѣстно, по чему предпріятіе сіе не выполнено. Модель сего

чуднаго зданія сохраняется еще въ Инженерномъ вѣдомствѣ.

Тамъ же можно видѣть модель славнаго сего дока, сдѣланную машрозомъ съ такимъ искусствомъ и вѣрностію, что ПЕТРЪ Первый пожаловалъ за шо неученому механику 10 рублей серебромъ : награда весьма важная по извѣстной бережливости Монарха и погдашней цѣнности денегъ ; ибо на сумму сію можно было купить порядочный домикъ въ Кроншпартѣ.

При бассейнѣ устроена огромная паровая машина, копорою изъ канала выливается вода въ проводный каналъ. Симъ способомъ осушается весь каналъ въ 6 сутокъ (полагая по гидравлическому изчисленію, что зачерпываетъ она въ минуту 570 кубическихъ фушовъ или 1,140 ведръ); а бассейнъ, копорый помещаетъ воды въ полшора раза болѣе (п. е. 16,000 кубическихъ сажень, или 140,317 шоновъ) обсушается въ 9 сутокъ. Машина сія Болшоновой системы изъ самыхъ первыхъ его изобрѣшеній, и выписана изъ Ан-

глии въ 1775 году; сила ея полагается въ 185 лошади (*). Прямо и утѣшительнѣе для всякаго Рускаго узнать, при видѣ отличнаго порядка, чистоты и исправности въ содержаніи всѣхъ частей машины, что ею управляешь нынѣ его соотечественникъ, получающій жалованья 120 рублей, между тѣмъ, какъ предшественнику его Англичанину, платило Правительство ежегодно 5,000 рублей! Впрочемъ этому такъ и должно быть: — одинъ служитъ Отечеству, по долгу сына, гражданинъ, а другой получалъ плату за услугу за дарованія свои!

Замѣтимъ еще, что кромѣ величайшаго удобства разламывать, починивать и обшивать мѣдью корабли въ семъ каналѣ, отсироенныя здѣсь вновь суда не подвергаются

(*) Первоначально она имѣла два главные недоспакка: долго не нагрѣвала воду, и вага ея слишкомъ была тяжела. Въ послѣдствіи времени отклонили оба сіи несовершенства, такъ что нынѣ для перваго вмѣсто 10 часовъ пошребно ошъ $1\frac{1}{2}$ до 2 хъ, и это единственно при дѣлкою мѣднаго дна къ кошдамъ.

перелому, который необходимо получаютъ они отъ крушаго спуска со скапелей, особливо въ Петербургѣ. Въ немъ могутъ спроститься или починиваться вмѣстѣ до 18 судовъ всякаго рода. Въ 1778 году здѣсь разломанъ послѣдній корабль постройки ПЕТРА Великаго — *Димитрій Донскій*, служившій до самаго конца въ дѣятельномъ употребленіи, что доказываетъ удивительную прочность Его кораблестроенія.

При входѣ въ Адмиральтейство на берегу канала усмотрите небольшой красивой домикъ, или бесѣдку, въ коей хранятся модель Кронштапта, сдѣланная во время царствованія ЕКАТЕРИНЫ II и поновленная въ послѣдніе годы, и при чершежа ПЕТРА Великаго, изображающіе цорть сей и его укрѣпленія. На нихъ увидите нѣкопоры замѣчанія, писанныя собственною рукою Государя, а исполненныя уже Его Преемниками, на примѣръ: мапрозамъ отводить подъ дома длиннику 10, ширины 5 сажень. Многіе изъ старожилонъ Кронштацкихъ помнятъ, что на мѣстѣ бесѣд-

ки сей споялъ высокій толстый дубъ, одинъ изъ шѣхъ двухъ дубовъ, кошорые къ удивленію найдены были первоначально на семъ безплодномъ оспровѣ. Въ немъ выдолбленъ былъ шкафикъ, въ кошорой спавилась бушылка и спаканъ съ прохладительнымъ напишкомъ для ушоленія жажды неушомимаго Монарха.

Послѣ сего осмошримъ *Арсеналь*, недалеко ошсюда находящійся. Хопя онъ недавно начашъ, но уже заслуживаетъ особенное вниманіе ушпройсвомъ, красошю и нѣкошорыми любопытными знаменами и орудіями, въ шомъ числѣ серебряныя липавры, ушпробляемыя на яхшахъ при ЕКАТЕРИНѢ II и проч.

Адмиралшейшво окружаешъ достопримѣчательный прекрасныи каналъ, огражденный со внѣшней шпороны богашю чугуною рѣшеткою, вылишю въ Пешрозаводскѣ. Каналъ сей начашъ въ 1782 мѣ году по повелѣнію Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, и предпочишельно обрабощанъ въ царшво-

ваніе АЛЕКСАНДРА. Когда онъ совершенно окончившя, по будещѣ имѣшь 1775½ сажень въ длину; доселѣ оспалось недодѣланнымъ только 350 сажень. Каналь сей начинаеться у *Италіянскаго пруда* (*), сдѣланнаго изъ болописшаго мѣста и имѣющаго сообщеніе съ *Купеческою* гаванью и кошорый долженъ окончиться у *Мокраго дока*. Берега его выкладены гранитомъ; ширина канала повсюду въ верхнихъ стѣнахъ 8 сажень 5 фушовъ, по ординарной водѣ 8, а по дну 7 сажень 3 фуша. Глубина его отъ шпоруара до грунша 18 фушовъ (**).

(*) Названіе Италіянскаго пруда дано въ воспоминаніе каменнаго Италіянскаго Дворца ПЕТРА Великаго, бывшаго на семь мѣстѣ и названнаго такъ вѣроятно потому, что онъ построень былъ въ семь вкусѣ. Богатство убранствъ его свидѣтельствуется великолѣпными креслами, уцѣлѣвшими единственно изъ мебели оного,

(*) *Погонная сажень* канала во всю ширину его и глубину, съ откосами и кувшами, заключаетъ 31 кубическую сажень, и смѣшль

Посредствомъ сего канала всѣ припасы и матеріалы погружаются нынѣ изъ Адмиральтейскихъ магазиновъ, прекрасно выстроенныхъ по берегамъ его, прямо на баркасы и боты, и перевозятся съ чрезвычайною удобностію на корабли, между тѣмъ, какъ дошоль вооруженіе флота крайне изуряло мапрозовъ, кои принуждены были денно и нощно таскать на себѣ сіи тяжести. По той же причинѣ облегчилось и снабженіе припасами магазиновъ.

Давно уже любопытство влечетъ васъ къ домику ПЕТРА Великаго. Вотъ и онъ. Наружность его проста, но красива. Двери и шри Италіянскія окошка обращены на улицу. Внутренность раздѣлена на двѣ половины, состояющія 7 маленькихъ горенокъ. Главная изъ нихъ занимаема была ПЕТРОМЪ Великимъ, а другая по лѣвую сторону неразлучнымъ Его сотрудникомъ Княземъ Меньшиковымъ. Замѣчательно, что

одно вырытье ея 1067 рублей 25 копѣекъ, полагая по нынѣшнимъ цѣнамъ 34 руб. 40 коп. за каждую кубическую сажень.

изъ спальни Государевой прямо входъ въ баню. На дворъ построены другой небольшой домикъ для Ягушинскаго и прочихъ свиты Его Генераловъ. Намъ; въ нашемъ вѣкъ, мудро повѣришь, чшобъ споль великіе люди могли помѣщаться въ споль маленькиѣхъ комнатахъ; спрудно спспичь, какъ сіи исполины по генію и дѣніямъ своимъ могли ограничивать нужды свои и приходи въ споль шѣсныхъ предѣлахъ!

Съ сѣверной стороны домика еще сохранилось нѣсколько почтенныхъ дубовъ, насажденныхъ ПЕТРОМЪ Великимъ. Оспальная часть обширнаго сада, имѣющаго ошъ 80 до 110 сажень въ длину и 93 въ ширину, похвальнымъ спараніемъ нынѣшняго начальства разбила въ новомъ Англійскомъ вкусѣ шѣнистыми извивающимися дорожками и густыми аллеями, съ высокою бесѣдкою по срединѣ, сдѣланною наподобіе храма, и покойными скамейками. Сады сей ошкрытъ ежедневно для Публики, а по Воскресеньямъ играешъ здѣсь прекрасная духовая музыка, привлекающая великое множество гуляю-

щихъ. Нигдѣ, можешъ бышь, ни въ самомъ Гибралтарѣ, не удастся видѣшь вмѣспѣ споль большаго собранія разныхъ націй и услышашъ такого различія языковъ и звуковъ. Равномѣрно опличительное свойство каждого народа предспавляешся здѣсь несравненно живѣе, чѣмъ въ Сполциѣ; ибо жипейское обращеніе и условія свѣща, какъ извѣспно, не имѣющъ большаго дѣйствія на нравы моряковъ!

Опсюда пойдешпе осмопрѣшь *Канатный заводъ*. Огромное зданіе сіе въ два этажа и содержишь 210 сажень въ длину и $8\frac{1}{2}$ въ ширину. Операція выпря канавовъ чрезвычайно облегчена помощію простой машины, изобрѣспенной Г. Мауневымъ, морскимъ Офицеромъ, шакъ чшо ежедневно выдѣлываешся здѣсь шакелажу до 60,000 пудъ (*). Весьма любопышна проба кана-

(*) По неизвѣспности сей важной машины, изобрѣспенной нашимъ соопечеспвенникомъ, Г. Гаммель прислалъ въ Сѣверную почпу описаніе ей изъ Англіи, какъ новому изыщ-лѣшшему опкрышію Англичанъ!

повѣ: каждая кабалка, прежде чѣмъ допустить она бытъ помѣщенной въ сосавѣ канаша, должна выдержатъ отъ 4 хѣ до 5 пудовъ вѣсу. Предосторожность сія необходима, когда подумаешь, что часто крепость канаша бываетъ единственною надеждою мореходцевъ въ опаснѣйшихъ положеніяхъ корабля, что прочностью его сохраняется не рѣдко жизнь нѣсколькихъ тысячъ людей!

Парусная палаша также въ два этажа, длиною 45 сажень, а шириною 9. Здѣсь кроются, шьются и сохраняются сіи огромныя крылья морскихъ громадъ.

Не менѣе любопытна *пекарня*: въ ней приготавливаются сухари для флотовъ, и въ одни супки печется ихъ до 700 пудъ; *мачтовые сараи и литейной чугунной заводъ*, коего производство работъ простирается иногда цѣною на 80,000 рублей. Сей послѣдній заведенъ въ 1789 году и содержитъ двѣ воздушныя печи, столько же обжигательныхъ и два гранка. *Пушечный дворъ*, удивляющій количествомъ разнаго

рода и калибра орудій, числомъ болѣе 3000, изъ коихъ 10 я часть бронзовыхъ. Здѣсь можно замѣтить нѣсколько старинныхъ пушекъ, какъ по ПЕТРА Великаго осадныя, длиною въ 3 сажени:

Оглядѣвъ такимъ образомъ Адмиральтейство и принадлежащія къ нему заведенія, оемогривъ шеперь любопытнѣйшіе два храма Божія: *Богоявленскую церковь и новый Андреевскій Соборъ*. — Первая замѣчательна тѣмъ, что, не смотря, что построена изъ дерева ПЕТРОМЪ Первымъ, и не смотря на огромность свою, сохраняется досель во всей цѣлости, и даже колокольня ея, которая почишалась чудомъ архитектурн сего рода по чрезмѣрной высотѣ своей и легкости, уже въ 1811 году передѣлана и гораздо понижена. Въ церкви сей замѣчательно паникадило поченья ПЕТРА Великаго.

Каменный *Соборъ* воздвигнутъ по плану знаменишаго Архитектора *Захарова*, и представляеть чрезвычайно пропорціональ-

ное эданіе изящной Греческой архипектуры. Въ числѣ драгоцѣнностей его занимаетъ главное мѣсто Образъ Андрея Первозваннаго, на коемъ сохраняется доселѣ та самая Андреевская лента, кошую получилъ ПЕТРЪ въ награду изъ рукъ Головина за взятіе въ 1703 году абордажемъ неприятельскихъ судовъ у деревни Калинкиной. На нее надѣтъ Его же работы кошіяный образъ сего Святаго.

Кромѣ сего ещѣ много здѣсь учрежденій, заслуживающихъ особенное вниманіе и дѣлающихъ честь заведенію, какъ то : обширныя *госпитали*, устроенныя для 2,500 больныхъ, въ коихъ можно найти чистоту и исправность во всякое время безъ пригосовленія, съ каковымъ не рѣдко показывающся сего рода заведенія Царямъ и Вельможамъ. Благодаря попеченіямъ бывшаго Министра морскихъ силъ Павла Васильевича Чичагова, учрежденъ при семъ госпиталь лазаретъ для морскихъ Офицеровъ на 12 кроватей. Видѣвъ подобныя больницы въ Портсмутѣ и Вуличѣ, съ удовольствіемъ

Книжка XVIII.

Г

можемъ сказать, что наша не уступаетъ не только обыкновенными качествами, но и со стороны великолѣпія, которое употребляютъ гордые Англичане во всѣхъ своихъ общественныхъ заведеніяхъ. Каждый изъ Офицеровъ имѣетъ здѣсь особенную комнату, получаетъ чистое бѣлье, хорошую пищу, чай и даже вино, и за все сіе не платитъ ничего, а потому учрежденіе сіе превышаетъ еще Англійскіе великодушіемъ, съ какимъ предлагается сія помощь отъ благодѣтельнаго Монарха; ибо въ тѣхъ вычитается изъ жалованья за лѣченіе и содержаніе Офицеровъ.

Штурманское Училище. Оно учреждено ПЕТРОМЪ Великимъ и водворено было первоначально въ Москвѣ на Сухаревой башнѣ. Училище сіе можно назвать корнемъ морскаго корпуса и всѣхъ по сей часи ученыхъ заведеній. Въ немъ воспитывались знаменитые Адмиралы наши Нагаевъ, Чичаговъ, Пуцынъ и проч. Первымъ Учительмъ былъ *Леонтій Магницкій*, коимъ издана первая Ариѳметика на Россійскомъ

языкъ, напечатанная церковными буквами. Навигациа и Морской Аспрономіа обучаль въ ней Фаргурсонъ (или Фарварсонъ).

До послѣднихъ годовъ царствованія Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ лучшіе ученики переводились изъ сей школы въ Морскую Академію (копорую снабжала Она также Учишелями, изъ коихъ извѣсны: Кургановъ, Кривовъ, Чепвериковъ и проч.), и выпускались, судя по успѣхамъ, въ Гардемарины, Мичманы и разныя мастерства; въ Штурманы же поступали весьма рѣдкіе, ибо въ званіе сіе нанимаемы были тогда иностранцы по договору (*).

Въ 1750-хъ годахъ отдѣлилась собственно называемая *Штурманская рота*, по шпашу, составленному Капишаномъ 1 го ранга Семеномъ Ивановичемъ Мордвиновымъ, копорый наименованъ былъ ея Дирекпоромъ, и переведена въ Кроншпашъ. Ученики жи-

(*) Поступавшіе изъ нихъ въ подданство жалуемы были чинами, и дѣши ихъ считались по линіи Дворянъ.

ли по разнымъ кварширамъ и получали жалованье. Съ сихъ поръ Россійскій флотъ началъ получать своихъ кормчихъ. Но какъ въ семъ положеніи образованіе и воспитаніе учениковъ не могло бытъ наблюдаемо съ должнымъ попеченіемъ, то въ 1798-мъ они всѣ собраны были вмѣстѣ Адмираломъ Одицовымъ, и по переводу въ по время большей части Морскаго Корпуса въ С. Пешербургъ, помѣщены въ казенномъ зданіи.

Въ 1804-мъ году, по докладу Павла В. Чичагова утверждёнъ новый штатъ Штурманамъ и положено основательное положеніе Штурманскаго Училища Балтійскихъ флотовъ. Въ силу онаго находився нынѣ въ немъ 250 учениковъ по части мореплаванія и 50 экономическихъ для отправленія комиссарскихъ, Клеркскихъ и другихъ по флоту должностей. На содержаніе ихъ опредѣлено было 45,000 р. въ годъ, что и было весьма достаточно по существовавшей тогда дешевизнѣ.

Въ томъ же году, по предложенію бывшаго Министра Коммерціи, Графа Румян-

дова, увеличено еще число воспитанниковъ зою подв именемъ Коммерческихъ, коихъ содержаніе плащися особо опѣ Минисперства внушренныхъ дѣлъ. Воспитанники сіи гоповяцца для коммерціи частной, и многіе изъ нихъ уже съ пользою для опечеспвенной торговли и къ чеспи мѣспу образованія ихъ выполняющъ сіе предназначеніе.

Курсъ наукъ, преподаваемый нынѣ въ Училищѣ, заключаецца въ слѣдующемъ: чиспописаніе, Грамматика, законъ Божій, полный курсъ Математики, Навигація, Астрономія, Географія, Испорія, рисованье и языки Нѣмецкій и Англійской, какъ самыя нужные въ мореходствѣ. При выпускѣ изъ Училища, дѣлаецца имъ спаршими морскими Чиновниками самое спроеое испыпаніе во всѣхъ сихъ наукахъ.

Економією и спараніями бывшихъ Директоровъ Контрѣ-Адмираловъ Коробки, Ломана и нынѣшняго А. В. Моллера заведена при Училищѣ изрядная библіотека, сошюящая большею частію изъ путешеспвій

и приличныхъ предмету твореній, также дорогій кабинетъ разныхъ морскихъ — астрономическихъ, математическихъ и географическихъ инструментовъ и богатое собраніе картъ, плановъ и видовъ береговъ.

За опсущствіемъ Главнаго Директора, Училищемъ управляетъ нынѣ Капитанъ 2го ранга Спешовой. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, посѣпивши заведеніе сіе нынѣшняго года 24го Іюня во время ученія, споль доволенъ былъ отличнымъ порядкомъ по всѣмъ часнямъ, что изъясилъ Свое благоволеніе значительною прибавкою жалованья всѣхъ классовъ штурманамъ и увеличеніемъ 42,000 рублей въ годъ для содержанія Училища. Послѣ сего важнаго поощренія можно съ увѣренностію ожидать еще вяцшихъ успѣховъ и важнѣйшей пользы Государству отъ сего заведенія.

Мы уже видѣли прежде, что Училище сіе занимаетъ Дворецъ К. Менщикова, и что на башнѣ его утверждена обсерваторія, управляемая здѣшними воспитанниками; замѣ-

шимъ еще, что въ домъ сей на нѣкоторое время перемѣнены были Кадеты Морскаго Корпуса, послѣ того, какъ въ Пепербургѣ сгорѣлъ ихъ домъ, и занимала его также Императрица ЕКАТЕРИНА II во время пребыванія Своего въ Кронштаптѣ. Еще доселѣ сохранились нѣкоторыя оспалки великолѣпія пышнаго Вельможи Пешрова, великолѣпія удивительнаго и въ нынѣшній вѣкъ роскоши; стѣны большаго зала покрыты лучшимъ Испаліанскимъ мраморомъ, и промежутки примѣшно занимаемы были каршинами. Крытая галлерей, идущая вдоль всего нижняго эшажа, подтверждаетъ преданіе, что ярусъ сей былъ занимаемъ первоначально госпинымъ дворомъ и купеческими амбарами.

Въ 1807-мъ году попечительностію бывшаго Министра П. В. Чичагова заведено при Штурманской школѣ Училище для *Юногъ*, копорые, будучи взяты малолѣпными изъ домовъ своихъ, пригопвляющся здѣсь бытъ хорошими морскими унперво-офицерами. Ихъ обучающъ Руской грамо-

тѣ, Артиметикѣ, разнымъ нужнымъ мастерствамъ и всякимъ мапрозскимъ работамъ: для сего послѣдняго сдѣланъ на дворѣ Фрегатѣ въ уменьшенномъ видѣ съ полнымъ вооруженіемъ. Сверхъ того приучаютъ ихъ Фрунтовой службѣ и военному порядку. Ихъ числомъ до 500. Для скорѣйшаго успѣха, стараніемъ главнаго Командира Вице - Адмирала Моллера, обучающагося они нынѣ грамотѣ и цыфрамъ по Ланкашерской методѣ.

Предъ зданіемъ по спорону Петрова канала находится якорная площадь. Здѣсь замѣчательны *краны*, коимъ съ величайшею легкостію поднимаются съ цлашкоуповъ и опускаются на нихъ самыя тяжелыя якори, и особаго рода *якорная важня*, помощію коей однимъ давленіемъ узнается вѣсъ якоря.

Военно-Сиротское Училище. Въ немъ состоитъ нынѣ до 900 кадетовъ. *Народное Училище*, въ коемъ обучается до 150 учениковъ. *Больница*, основанная въ

1803 году для 40 женщинъ и 20 младенцевъ; при ней находится родильный домъ.

Больница для рабочихъ людей. Благотѣтельное заведеніе сіе заслуживаетъ вниманіе каждаго и можетъ служить примѣромъ къ подражанію всѣмъ устроеннымъ Столицамъ и городамъ. Оно учреждено въ 1808-мъ году по представленію Чичагова для присмотра и леченія рабочихъ людей, приходившихъ въ Кронштадтъ изъ разныхъ мѣстъ Государства въ земляныя, плотничныя, каменные и другія работы, кои доподъ не имѣли пристанища и нужнаго пособия въ болѣзняхъ. Для содержанія сей больницы собираются съ подрядчиковъ за всякаго работника и съ хозяевъ домовъ за ихъ служителей по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ. Послѣ сего всякой больной пользуется здѣсь и довольствуется всѣмъ нужнымъ — пищею и одеждою до своего выздоровленія. Бывшій въ Кронштадтъ Командиромъ Адмиралъ Ханьковъ пожертвовалъ для сего почтеннаго заведенія свой двухъ-этажный деревянный домъ.

Острогъ опличаеяся чистопою и порядкомъ.

Въ 1818-мъ году, Декабря 10го дня, основалось, по примѣру прочихъ Опдѣленій, Кронштапское Библейское Общество, коего Вице - Президентомъ избранъ флотскій Начальникъ Конспрѣ - Адмиралъ *Коробка*.

Его же стараніемъ на слѣдующій годъ, въ день Рождества Христова, составилось, въ воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійской отъ нашествія Галловъ, благопворительное Общество изъ морскихъ Офицеровъ для помощи бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ.

Кромъ *Благороднаго Собранія*, есть еще здѣсь *Коммерческій Клубъ*. Оба они основаны на обыкновенныхъ приличныхъ правилахъ, получающъ Газеты и Журналы, зимою дающъ балы и маскарады. Благородное Кронштапское Общество не рѣдко соспавляетъ между собою охотничьи шепшры, разыгрывая лучшія опечесщвенныя и иноспранныя Драмы и Комедіи. Таковыя

дружескія забавы, кромѣ удовольствія, раз-
вязывающъ и приучающъ къ свѣтскому об-
ращенію молодыхъ Офицеровъ и дѣвицъ; а
были примѣры, говорящъ, что онѣ вели къ
сердечнымъ связямъ, къ брачнымъ союзамъ.

Прогулка въ шляпкѣ по гаванямъ со-
ставляешь конечно одно изъ пріятнѣйшихъ
удовольствій Кронштапа. Приближаясь къ
Рупеческой, гдѣ споятъ елбопы, или
шлюбки, не лзя не замѣпить въ *рыбномъ*
ряду красивыхъ деревянныхъ лавокъ, вы-
спроенныхъ улицею въ 1815-мъ году; не лзя
не останоѡвиться, видя по обѣимъ сторонамъ
забавныя выѡски, на примѣрѣ: *Joseph Wil-*
lams or, Осипъ Василевъ, и слыша звуки
Англійскаго языка, раздающимися изъ устъ
брадашыхъ соопгичей, поргующихъ лукомъ,
морковью, капустою. Лавка на площади
Рускаго купца Курычанова, коего называ-
ющъ иностранцы Джонсономъ, установлена
на манеръ Англійскихъ магазейновъ. Шки-
перъ и Соперъ - карго, опправляющійся въ
дальній пущь, или пришедшій изъ него,
находитъ въ ней все, чего ни пожелаешь,

все лучшей доброты и за настоящую цѣну. При томъ Рускій Джонсонъ говоритъ совершенно по Англійски, ловокъ и привѣпливъ, какъ лучшій Веспминсперскій лавочникъ, а потому напрасно досель настоящіе Джонсоны спарались отбить у него кредитъ.

У приспани выспроенъ прошлаго 1818 года прекрасный домикъ для кладовыхъ и амбаровъ Г. Флегомъ. Съ балкону отсюда представляется самый хорошій видъ Кронштапта; но ничто не можетъ быть пріятнѣе, какъ взглядъ на купеческую гавань: безчисленныя мачты перяютъ уже образъ гуснаго лѣсу, а сцѣпясь рѣями и обвиваясь разноцвѣтными флагами, представляютъ обнимающимися въ залогъ дружбы и вѣчнаго союза. Столь же красивая и разнообразная наружность дана нынѣ и всѣмъ домамъ и амбарамъ вдоль биржи.

По благоразумной предосторожности не позволяется въ гавани разводити огня на корабляхъ, а выспроена для сего нарочно на берегу большая каменная кухня съ оча-

гами, называемая *Голландскою кухней*. Съ давняго времени между поварами ввелось здѣсь положеніе: *кукъ* или поваръ перваго пришедшаго весною корабля называется адмираломъ, и всякой другой, по пріѣздѣ своемъ въ Кронштаптъ, обязанъ принести въ кухню бушылку рому или водки для потчеванія адмирала и осушенія съ другими поварищами — и эшопъ законъ исполняется вѣрными ими свяшо.

Пробираясь въ шлюбокъ по тѣснымъ рядамъ кораблей, подобно какъ по узкимъ улицамъ или переулкамъ, слышишь раздающимися спранные оклики безспрашныхъ моряковъ, по покойно развязывающихъ снасти, цѣпясь на веревкахъ въ воздушныхъ проспансвахъ, по съ долошомъ въ рукъ, висящихъ подъ кормою надъ бездною, по весело насвистывающихъ, сидя верхомъ на реѣ или бушпортѣ.

Въ гавани сей могутъ помѣститься до 1,000 судовъ. Первоначально ворота или входъ въ нее проведенъ былъ съ запада; но

по неудобности для входа кораблямъ въ гавань при морскомъ вѣтрѣ, они задѣланы и открыты новыя съ юга.

Изъ *Купеческой* гавани проѣзжаешь прямо въ *среднюю*. Въ сей послѣдней разгружаются и вооружаются всякаго рода суда, килуются и починиваются, также зимуютъ въ ней транспорты. Къ сторонѣ военной гавани построены на сваяхъ два каменные погреба для храненія пороха, гранатъ и бранскугелей, а въ срединѣ двѣ смоловарни. Здѣсь также ставятся на корабли мачты придѣланнымъ къ берегу огромнымъ воропомъ.

Военная гавань соединяется съ городомъ помощію моста въ 400 саж. длины. Гавань сія чистится нынѣ паровою машиною, изобрѣтенною Генераломъ Бешанкуромъ, которою въ часъ вынимается около трехъ кубическихъ саженой грязи. Караулъ при сей гавани содержится нынѣ Штабъ - Офицеромъ, а при ПЕТРѢ I мѣ наряжаемъ былъ на него Капитанъ Бригадирскаго чина: споль

почиталъ Онѣ важнымъ сей постѣ. Въ ней можетъ свободно помѣщаться до 25 линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ и мѣлкихъ судовъ. Любопытно замѣнить, что гавань сія начата строиться въ 1715-мъ году, а уже въ 1715-мъ находилось въ ней 30 линейныхъ кораблей, 9 фрегатовъ и много другихъ разнаго рода военныхъ судовъ.

Мѣсто, отдѣленное отъ мосту полисадомъ, называется *Лѣсною гаванью*; въ ней находятся обширные лѣсныя сараи, въ коихъ спроехся, снаряжаются и сохраняются всякаго рода кашеры и шлюбки. Между любопытнѣйшими изъ сихъ послѣднихъ замѣчательна Норвежская, обитая пробкою. Она не подвержена попопленію и прислана отъ Датскаго Короля въ подарокъ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ. — Преданіе повѣствуетъ, что на мѣстѣ сихъ сараевъ построень былъ Дворецъ ПЕТРА I го, называемый *Подзорнымъ*, изъ коего могъ Онѣ видѣть всякое приходящее съ моря судно. Нынѣ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ или признаковъ онаго. Здѣсь замѣнить такъ

же можно нѣсколько домиковъ для спасенія ушопишихъ, въ коихъ не рѣдко возвращающся жизнь несчастнымъ ушопленникамъ. Намъ рассказывали при семъ весьма прогашельный примѣръ вѣрности и преданности собаки, случившійся здѣсь недавно. Машрозъ одного Американскаго корабля былъ весьма неводержнаго поведенія и не рѣдко напивался до такой степени, что засыпалъ на улицахъ. Въ такомъ случаѣ вѣрный товарищъ его, небольшая Ньюфундландская Терневская собака не разлучалась съ нимъ никогда, оберегала его и не позволяла никому къ нему приближиться. Однажды идя подвѣчеръ къ своему кораблю по гавани, онъ обступился и упалъ въ воду. Будучи пьянъ, онъ потчасъ же погрузился на дно, и собака нырнула за нимъ. Люди, видѣвшіе сіе и замѣшивъ, что долго ни одинъ изъ нихъ не показывался изъ воды, кинулись въ лодки, дали знать Начальству, искали нѣсколько часовъ по дну гавани, но самыя усердныя спаранія оспались тщетными; на другой день исканія повшорились, и также безъ всякаго успѣха. Машрозъ съ собакою про-

паль, не знали, на что подумать, какъ черезъ три недѣли, по выходѣ одного корабля изъ гавани, они всплыли на верхъ мертвыми, но неразлучными. Собака держала господина своего за воротникъ, за которой вѣроятно она старалась его поднять, но не могла по безсилію своему, умерла съ нимъ вмѣстѣ. Полагаютъ, что все то время они удерживаемы были подъ швѣмъ кораблемъ силою припаяженія или всасыванія, которое свойственно выгнутоости корабельныхъ боковъ.

Вокругъ гавани можно еще пройись съ большою пріятностію по валу или муламъ, и на каждомъ шагу также благоговѣшь предъ памяшью ПЕТРА и ЕКАТЕРИНЫ. Оба Они не боялись прудовъ для общей пользы, дѣлали болѣе для потомства, нежели для Себя; Оба знали Свое могущество и умѣли употреблять его для славы и благоденствія Россіи. — ПЕТРЪ I отгородилъ обширное пространство моря для гаваней и обнесъ ихъ крѣпкимъ валомъ; ЕКАТЕРИНА обложила его границами. При АЛЕКСАНДРѢ

Книжка XXIII.

Д

укрѣплена несравненно западная бап-
 рея, защищающая вмѣстѣ съ Кроншлотомъ
 главный форшартъ при входѣ въ Купецкую
 гавань; и усироена шайбъ, что шеперь бо-
 лѣе прехъ сошъ пушекъ и каронадъ самага
 большаго калибра могутъ бышь устремле-
 ны на одну почку, и однимъ ударомъ попо-
 пиль и сокрушилъ всякій непріятельскій
 корабль, дерзающій приближиться къ бере-
 гамъ симъ. Очаровательный видъ рейда,
 усвяннаго кораблями, безконечность моря,
 шеряющагося за небосклономъ, грозный
 взглядъ Кроншлота, дѣятельность въ Ку-
 пецкой гавани, шумъ безпреспанно уходя-
 щихъ и приходящихъ кораблей — созыва-
 ютъ на бапарею сію и на валъ ея подвѣ-
 черъ великое множество гуляющихъ, и по
 справедливоспи — не лзя избрать луч-
 шей, инпереснѣйшей прогулки! Морякъ
 видилъ здѣсь любимую свою сшихію во
 всѣхъ ея красотахъ и величїи.

Съ западной спороны города есть не-
 большой форшпартъ, чрезъ кошорый лежатъ
 дорога въ *Александревъ Шанецъ*, защи-

щающій Кронштадтъ съ сухаго пути. На одномъ чершежѣ ПЕТРА I го видно, что Онъ предполагалъ провешь изъ шанца сего каналъ въ Кронштадтъ, вѣроятно для облегченія обоюднаго сообщенія. По срединѣ сей дороги находился дву - этажный загородный Дворецъ Его, съ огородомъ, существующимъ и донынѣ.

Троицкая церковь, принадлежащая теперь къ кладбищу, есть первый храмъ, построенный на Коплиномъ островѣ; близъ нея видны еще лагерныя мѣста, а ближе лежатъ иностранное кладбище. Почтипашель испинныхъ достоинствъ и великопши души отличилъ на семъ послѣднемъ монументѣ знаменитаго Адмирала Крюза, одного изъ безсмертныхъ Героевъ Чесмминскихъ, сего славнаго Героя, коего судьба спасла чудеснымъ образомъ въ сей кровавой битвѣ (*) для обороны Сполицы въ 1789 - мѣ году,

(*) Онъ взлетѣлъ на воздухъ съ адмиральскимъ кораблемъ, и упавъ на мачту, спасся на ней.

и признательное попомство воздвигнуло ему монументъ сей, состоящій изъ роспальной мраморной колонны Дорического ордена, съ сею на подножии его примѣчательною надписью, сочиненною ЕКАТЕРИНОЮ II ю:

„Громами отражая громъ,
Спасъ градъ Петровъ и домъ!“

Для привѣзжающихъ въ Кронштадтъ находятся двѣ гостиницы на манеръ Англійскихъ. *Кроншлотъ* есть чрезвычайно крѣпкое мѣсто и ушверженъ во 180 саженьяхъ отъ Купецкой гавани. Мы уже видѣли, что планы Кронштапа начерпаны были Государемъ въ Воронежъ (*), и присланы сюда съ Меншиковымъ для выполненія, понеже онъ находился при немъ у измѣренія сихъ мѣспѣ — и соподвижникъ ПЕТРОВЪ съ такимъ рвеніемъ исполнилъ волю своего Монарха, что въ ту же зиму совершилъ чудесное построение Кроншлота, пре-

(*) Чершежъ Кроншлота, весьма чисто отдѣланный самимъ Императоромъ, сохраняется въ Географическомъ Отдѣленіи Сп. Пешбургскаго Университета.

одолѣвъ самыя препяшшствія природы. Для ушверженія основанія должно было опускаться на дно моря шерасы, длиною въ 30 фушовъ. Весною, когда возврапился Государь въ Петербургъ, первымъ дѣломъ Его было перевезеніе артиллеріи во вновь созданную Свою крѣпость. При ЕКАТЕРИНѢ II и берега Кроншлота одѣшны гранитомъ, а при АЛЕКСАНДРѢ опдѣлана бапаша въ два яруса на мѣсто высокой башни. Нынѣ въ срединѣ его спояшъ гребныя суда и находяпся печи для каленія ядеръ и большой пороховой магазейнъ.

Кромѣ *Кроншлота*, портъ сей укрѣпленъ слѣдующими крѣпостями, поспроенными на подобіе перваго: Старою и новою *цитаделью*, при ПЕТРѢ I мѣ, *ризбанкомъ* при ПАВЛѢ и чрезвычайно сильными и многими другими воздвигнутыми при АЛЕКСАНДРѢ. — Всякое судно, идущее въ Кронштадтъ, должно непременно проходитьъ мимо всѣхъ сихъ бойницъ; чрезъ сѣверный же форвапашъ пробрапаться никакъ не можетъ; ибо наколочены въ немъ сваи, и по-

топлены суда съ камнями. Сверхъ того и шамъ построены большія башарей въ шахматномъ положеніи для устройства непріятельскаго бомбардированія. Къ увеличенію еще обороны Кронштапта, фарвашеръ между ризбанкомъ и ципаделью заграждается подводнымъ *бономъ*, коего изобрѣтеніе дѣлаетъ честь корабельному мастеру Власову.

Кронштапская рейда имѣетъ положеніе отъ Остѣ-Зюйд-Оста къ Вест-Норд-Весту. Длина ея отъ Военной гавани до Толбухи на маяка простирается на 12 верстѣ; ширина между Купеческою гаванью и Кроншломомъ не съ большимъ на кабельшовѣ, между ципаделью и ризбанкомъ $1\frac{1}{2}$ версты, противъ косы около 5 верстѣ, а противъ маяка 3 версты. Глубина у Военной гавани отъ 23 до 24 фушовѣ, при средней отъ 25 до 30, а у Купецкой до 35 фушовѣ; далѣе къ западу глубина постепенно увеличивается до 45 фушовѣ. Грунтъ вездѣ иль съ пескомъ. Обыкновенное теченіе въ рейдѣ стремится по напра-

влению рѣки Невы къ западу, и перемѣняешся силою и продолженіемъ вѣтровъ, такъ что при долгопродолжающихся вѣтрахъ иногда за ципаделью съ моря опѣ запада поворачиваешся, и тогда вода на рейдѣ дѣлаешся нѣсколько солоноватою. Между Кроншлопомъ и гаванью, быспроша пшенія имѣешъ опѣ $\frac{3}{8}$ до $\frac{1}{2}$ узла въ часъ (около вершны), а при большой водѣ скорость его увеличиваешся до $1\frac{1}{2}$ узла. Равномѣрно прибываніе и убываніе воды зависитъ опѣ вѣтровъ; періодическихъ же приливовъ и опливовъ не только въ Финскомъ заливѣ, но и во всемъ Балтійскомъ морѣ не замѣчено. Въ 1777 году, когда при жеспокомъ западномъ вѣтрѣ было въ С. Пешербургѣ самое большое наводненіе, и когда вода въ Невѣ подымалась на 11 фушовъ выше ординарной, возвышеніе въ Кроншпашѣ было не болѣе 7 фушовъ; самое большое пониженіе воды, причиняемое продолжительными воспочными вѣтрами, не примѣчено болѣе $2\frac{1}{4}$ фушовъ.

Рейдъ Кроншпашскій закрытъ опѣ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ западнаго, который

иногда разводитъ большое волненіе ; впрочемъ онъ спокоенъ. — Подобный рейдъ изъ прѣсной воды извѣщенъ въ Европѣ, только въ Саловикѣ. Фарвашеръ или водяной проходъ идетъ мѣлями, простирающимися отъ Кроншпатскаго и Ораніембаумскаго береговъ. Ходъ его указывается флагами или вѣхами, копорыя съ сѣверной спороны мѣлей бѣлаго цвѣта, а съ южной краснаго. Для безопасности кораблей, ночью зажигаются фонари на военномъ углу, рифбачкѣ и на бранвахштѣ.

Сверхъ того на ошмѣди, составляющей островъ съ западной оконечности Кошлина острова, освѣщается маякъ, получившій названіе Толбухина въ честь Полковника сего имени, копорый, бывъ ославленъ на косѣ ПЕТРОМЪ съ малымъ числомъ солдатъ, протналъ большой Шведской десантъ, напавъ на него невзначай изъ лѣсу. Островъ Кошлинъ имѣетъ въ самую большую длину отъ востока къ западу (т. е. отъ Пещербургскихъ воротъ до Толбухина маяка) около 11 верстъ, а въ ширину въ самомъ го-

родъ до 2 хъ верстѣ. Онѣ вообще плоскѣ и первоначально покрыты были дремучимъ лѣсомъ, коего нынѣ весьма мало осталось. Грунтъ, гдѣ лежишь нынѣ городъ, значитель- но возвысился привозимымъ на корабляхъ балластомъ. Въ прямомъ разстояніи Крон- штаптѣ отстоитъ отъ Петербурга по водѣ въ 30 верстахъ, по берегу чрезъ Ораниен- баумъ въ 47, отъ сего же послѣдняго от- дѣляюща проливомъ въ 7 верстѣ ширины.

Сообщеніе Кронштапта съ Столицею весьма живо, особливо лѣтомъ. Въ сіе вре- мя года оно производится разными образа- ми. Впервыхъ помощію вольныхъ каше- ровъ, копорые ежедневно ходящѣ взадъ и впередъ и перевозящѣ всѣ пняжеспи. Съ пассажировъ они берутъ отъ 50 к. до 1 го рубля съ человека, а съ пуда отъ 10 до 20 копѣекъ. Въ вторыхъ посредствомъ ка- зенныхъ пассажировъ, отправляющихся изъ Петербурга съ Англійской набереж- ной, также каждый день въ 8 часовъ по- упру. Служащій человекъ платитъ 10 ко- пѣекъ, а частный полтину. Наконецъ *Бертъ*

въ 1815-мъ году устанавилъ пріятное и скорое сообщеніе С. Петербурга съ Кронштапомъ чрезъ *стимботы* или *паровыя суда*. Спрошеніе ихъ слишкомъ извѣстно, и мы не имѣемъ нужды описывать его; скажемъ единственно подробности, относяціяся къ нашему предмету, и удостовѣримъ, что здѣшнія паровыя машины построены на правилахъ, не подверженныхъ ни въ какомъ случаѣ разорванію или сожженію, какъ по было въ Америкѣ и въ Англіи, а пошому и совершенно безопасны; припомъ каждое судно дѣйствуется двумя машинами, для шого, чшобъ въ случаѣ поврежденія одной машины, судно двигалось другою. — Таковыхъ *паровыхъ судовъ* заведено *Бертонъ* донынѣ чепыре, два силою въ 32, одно въ 25 и одно же въ 12 лошадей; сіе послѣднее для взводу плашкоповъ и мѣлкихъ купецкихъ судовъ. Опъ дома его, что на пряжкѣ, ежедневно по устанавленіи первой навигаціи опправляется сіе судно въ 9 часовъ утра въ Кронштапъ, а въ свѣшлые дни другое въ 5 часовъ послѣ полудня, и приходящъ, не смотря на прошивныи

вѣспрѣ, съ небольшимъ въ 3 часа, при попушномъ же вѣспрѣ и въ два часа; спало бышь, судно сіе ходишь болѣе 10 верстѣ въ часъ; изъ Кронштапта отваливаюшь спимбошы въ одинаковые часы. Таковая почность драгоцѣнна не только для торговыхъ людей, но и для всѣхъ. Присоедините къ тому еще безопасность и пріятность пущи. На паровыхъ судахъ подѣланы прекрасныя свѣтлыя комнашы, въ коихъ можно покойно заниматься не только чтеніемъ, но и письмомъ; дождь шакже ни сколько не беспокоишь. Пришомъ здѣсь можно найши весьма хорошій завтракъ, самыя лучшія вины и прохладицельныя напитки. Удовольствія же на палубѣ въ хорошую погоду ни съ чѣмъ несравненны! На ней подѣланы покойныя кресла и софы (*). Можете прогуливаясь, или сидя любоваться прекраснымъ южнымъ маперикомъ, на коемъ поспешенно показывающся какъ будто возраждающимися изъ моря разныя мызы, Сергіевская пущынь, Спрѣльна, Пещергофъ, Ораніембаумъ, а напрошивъ синѣшся дикій мрачный берегъ

(*) Изъ чугуна съ мягкими подушками.

Финляндіи. Не рѣдко найдете здѣсь шоварищей, коимъ можете передашь свои чувства и опѣ коихъ услышите часто много любопытнаго. Плаша, взимаемая здѣсь, двоякаго рода : 5 руб. и 2 рубли ; послѣдняя съ просполюдимовѣ, кои пакже имѣющѣ особенную для себя комнашу въ носу судна. Если *катеры* зависяшѣ опѣ въпра, шо пѣмѣ болѣе еще *пасаж - боты*. Извѣстны примѣры, что шѣ и другіе принуждены бывали по цѣлымъ супкамъ боролъся съ яростію волнѣ и въспровѣ, и не достигнувѣ цѣли своего пупешествія, возвращались назадѣ.

Нѣшѣ! никогда не забуду и съ удовольствіемъ передаю чипашелямъ прогашельное произшеспвіе, случившееся однажды на вольномѣ *катерѣ* посреди пупи изѣ Кроншшаа въ Пешербургѣ. Одна прекрасная 17 - лѣшняя дѣвица возвращалась на немѣ съ брашомѣ своимѣ, проводивѣ въ Англію близкаго родспвенника. Каперѣ шелѣ скоро подѣ парусами. Дѣвушка, распроганная печалію разлуки, опѣ волиенія почувствовала круженіе головы, и пошерявѣ равновѣсіе,

перевѣсилась съ борту, у коего сидѣла, и упала въ воду. Произшествіе сіе поразило всѣхъ ужасомъ; спали спущають паруса, оборачивають каперъ, копорый между тѣмъ уже ушелъ далеко; но одинъ изъ пассажировъ, великодушный, благородный Брипанецъ Грантъ, сидя на носу судна и увидя, что несчастная дѣвица шобъ часъ же погрузилась въ воду, бросился въ море и плавалъ на помъ самомъ мѣстѣ около получаса, доколъ возвратился каперъ. Долго искали ее, и наконецъ связавъ два багра, имѣли счастье вышацишь ее бездыханною, полумертвою. Брапскія попеченія и спаранія искусныхъ Медиковъ возвратили ей жизнь въ Ораніембаумъ, куда удобнѣе всего было каперу спуститься (*).

(*) Къ чести Брипанцевъ, расскажем къ стапъ другой подобный примѣръ, случившійся близъ Неаполя. Лордъ Спуартъ, прогуливаясь въ Порпичи, замѣчаетъ на берегу множество собравшихся людей; онъ подходитъ къ нимъ, и къ удивленію и негодованію своему видитъ, что они смотряють на понувшаго чедовѣка. Спуартъ предлагаешь кошелекъ зо-

Кто изъ Рускихъ не вспомнитъ при семъ подобнаго подвига великодушія и со-спрадапельности безсмертнаго Монарха нашего ПЕТРА Великаго, подвига важнаго для изображенія Его душевныхъ качествъ и несчастнаго по слѣдствіямъ; ибо просуда, полученная Имъ при семъ, увеличила Его болѣзнь и приблизила къ гробу. ПЕТРЪ ѣхалъ изъ Пепербурга въ Сесреребъ на обыкновенной Своей шлюбкѣ; къ вечеру возспала страшная буря, и Онъ усмаприваетъ, что бошъ, плывшій изъ Кроншпаша, яросшю волнъ выброшенъ на мѣль близъ *Лакты*. Государь посылаетъ всѣхъ мапросовъ на помощь погибающимъ и оспаешся Самъ другъ съ мальчикомъ на Своей шлюбкѣ; но увидя, что одна женщина съ ребенкомъ борешся въ волнахъ у крушаго камня и никъмъ непримѣчена, Герой Полшавскій не

лоша шому, кто спасетъ погибающаго; но сколь ни привлекательны были гиней его, никто не вызывается на его предложеніе. Благородный Лордъ послѣ сего сбрасываетъ съ себя кафшанъ, кидаетъ въ море и спаешъ несчастнаго.

морѣ воздержашь спремленія Своего сердца, забываешь болѣзнь Свою, сскакиваеть вѣ воду, и идя вѣ ней по грудь, извлекаешь опѣ неминуемой смерпи машь сѣ младенцемъ, и сверхѣ того пособляешь вѣ спасеніи другихѣ! — Вѣ Академіи задано было программю художникамѣ предснавишь на холстѣ сей величайшій примѣрѣ челоѣколюбія Рускаго Царя. Скородумовѣ принимался гравировать его. — Все сіе мало, недоспапочно, недоспойно великаго народа, умѣющаго цѣнишь доблести своихѣ Монарховѣ. Принапелное Опечеспво долженспивовало бы на *Лактинской скалѣ*, при коей *Величайшій Монархѣ* пожертвовалѣ жизнью для спасенія малѣйшаго изѣ *Своихѣ подданныхѣ*, воздвигнушь пвердый памятникѣ, сѣ изображеніемѣ сего подвига, дѣлающаго честь челоѣчеспву и шрону. (*)!

Зимю при первой возможности прокладываеться прямая дорога изѣ Кроншта-

(*) Вѣ Кале воздвигнушь памятникѣ двумѣ лоцманамѣ Гаве и Марешалю, которые вѣ 1791мѣ году пожертвовали жизнью, спасая утопающихѣ.

ша въ Пешербургъ по льду. Она назначает- ся алеею высокихъ вѣховъ. На срединѣ дороги спроекся пра к п и р ь, въ коемъ путешественникъ не только можетъ обогрѣться, но найти добрый завтракъ и хорошіе напитки; сверхъ того чрезъ каждыя три версты подѣланы шепля будки для часовыхъ, кои во время тумановъ обязаны раскладывать огни и звонить въ колокола. Обитатель южныхъ климатовъ не можетъ безъ пренепа помыслишь о путешествіи надъ безднами по морской поверхности споль же ломкой, какъ и ненадежной. Сѣверный житель привыкъ къ сему феномену природы, и съ равнодушіемъ видитъ рѣки, озера, моря исчезающими и превращающимися въ швердые помосшы.

Море отъ Кроншпата весьма крѣпко замерзаетъ до Гогланда. Находимъ въ Исторіи, что одинъ Шведскій Король, расположась со всею арміею своею на поверхности сей части Балтійскаго моря, приказалъ разложить огни и проспоялъ 48 часовъ. Но удивительнѣе сего повѣствуетъ Исторія

Что въ странѣ, лежащей подъ умереннымъ климатомъ, на замерзшемъ озерѣ Меотійскомъ (Азовскомъ морѣ), одинъ военачальникъ Миридашъ одержалъ побѣду надъ непріятелемъ, а въ послѣдующее лѣто выигралъ морское сраженіе на томъ же мѣстѣ. Въ 763 году, въ царствованіе Константина Куприма, Понтъ Евксійскій (Черное море) могъ бы служить полемъ сраженія для двухъ многочисленныхъ армій; поверхность его тогда замерзла въ глубину на нѣсколько локтей. Во время оттепели Азія и Европа сблизились несчастныхъ послѣдствій; ледяныя горы едва не разрушили Констанціанополя.

Замерзаніе *Кронштатскаго залива* рождаешь новыя забавы, неизвѣстныя въ другихъ странахъ. Коль скоро покроется море льдомъ, на стеклянной поверхности его являющагося множествомъ лодокъ, называемыхъ *буерами*, съ разнородною оснасткою. Надуваются паруса, развѣваются разноцвѣтные флаги, и моряки, стоя на *Книжка XVIII.* Е

руль, искусными маневрами спараюшся опередить одинъ другаго, лешаюшъ быспрѣй въпра около 40 верствъ въ часъ. Въ 20 минутъ приѣзжаюшъ изъ Пешергофа въ Кронштаптъ. *Буера* дѣлаюшся изъ досокъ и спавягся на два желѣзныхъ полоза, наподобіе длинныхъ коньковъ, а шрепій короткой прикрѣпляется подъ рулемъ; число мачтъ спавится по величинѣ буера отъ одной до шрехъ; скамейки дѣлаюшся вокругъ. Они ходяшъ очень близко къ въпру, производяшъ уголъ не болѣе 4 румбовъ или 45 градусовъ безъ всякаго дрейфу. Кронштаптскія дамы особенно любяшъ сей родъ капанья, и оно прекращается шолько большимъ наносомъ снѣга. Не рѣдко весною, послѣ опшепели, забава сія возобновляешся съ большимъ удовольствіемъ, при свѣпломъ небѣ и красномъ солнышкѣ. ПЕТРЪ Великій весьма жаловалъ сію забаву, извлекая изъ ней, какъ и изо всего, большую пользу: онъ училъ новыхъ моряковъ своихъ маневривовашъ, боясь, чтошъ въ продолженіе длинной зимы они не разучились обходиться съ парусами и

веревками. Для сего разчищали всякую зиму ледъ на Невѣ отъ Дворца до крѣпости.

Для непрерывнаго сообщенія *Кроншта-та* съ Ораніембаумомъ содержатся льдомъ дежурные кашера, называемыя почшовыми, а зимою учреждена прямая дорога по льду.

Въ снѣгахъ о *биржѣ*, помѣщенной во 2 й Частн *Достопамятностей Петербурга* мы довольно разпроспранились о первомъ пришедшемъ въ 1708 году корабль въ Кронштаптъ; а при описаніи Петербургскаго Адмиралшейства, упомянемъ о знаменитыхъ подвигахъ Россійскаго флота, въ томъ числѣ и объ отраженіи Шведскаго флота Адмираломъ Крейцомъ, въ коемъ содѣйствовали уже возрожденныя башарей Кроншлотскія. Оспаемся сдѣлать краткое обзорніе Кронштаптской навигаціи. Она зависитъ, какъ и шорговля, отъ политическихъ обстоятельствъ и взаимныхъ нуждъ.

Въ 1817 году была самая блестящая эпоха шорговли; 1707 кораблей приходило

Е я

сюда большею частію за хлѣбомъ, коимъ въ томъ году Россія снабдила всю Европу. Изъ сего числа 683 корабля опшло въ Англію, 123 въ Пруссію, 66 въ Швецію, 11 въ Норвегію, 47 во Францію, 37 въ Мекленбургъ, 29 въ Данію, 7 въ Ганноверъ, 32 въ Португаллію, 11 въ Испанію, 4 въ Италію, 60 въ Гамбургъ, 60 въ Любекъ, 44 въ Бременъ, 5 въ Россійскія гавани, 58 въ Зундъ, 51 въ Америку.

Мѣли, находящіяся въ Невскомъ форва-теръ, оспанавливають въ Кронштаптъ всѣ корабли, идущіе глубже 7 фушовъ. Кажется, попечительное Правительствво предполагаетъ разчищеніемъ сей мѣли уничожитъ сіе препятствво; уже приняты къ тому мѣры. Въ шагомъ слуаѣ Столица и коммерція несказанно выиграють, а Кронштаптъ одинъ пострадаетъ.

Въ числѣ феноменовъ природы весьма любопытно замѣтитъ, что вѣтры приносятъ, или такъ сказать, пригоняють съ собою на здѣшнюю рейду разнаго рода рыбу.

Съ сѣвернымъ являются *сиги*, *щуки* и другая жирная рыба. Съ западнымъ ловятся *лососи*. Съ восточнымъ приходитъ во множествѣ *ряпушка*, *ерши* и проч. Съ южнымъ же не бываетъ никакой рыбы, и съ дуновеніемъ сего вѣтра рыбаки собираютъ свои мрежи и невода и идетъ отдыхать, или ожидатъ съ неперпѣніемъ перемѣны онаго (*).

Пав. Свиньинъ.

(*) Рассказываютъ, что послѣ взорванія пороховъ магазейновъ, случившагося въ 1799 году отъ молніи, поверхность залива Кронштадтскаго покрылась рыбою, оглушенною симъ страшнымъ потрясеніемъ, и даже дѣти брали ее руками.

О РУСКОМЪ СИНТАКСИСѢ.

(Письмо сіе писано къ Предсѣдателю
Общества.)

Милостивый Государь!

Долгое молчаніе мое непроспешельно ни предъ Вашимъ Превосходительствомъ, ни предъ почтеннѣйшимъ Обществомъ, и я не имѣю оправданій. Въ одномъ только снихожденіи Вашемъ долженъ искать защиты отъ справедливаго обвиненія. Я обѣщаль представить мысли мои о Рускомъ Синтаксисѣ; но послѣ обѣщанія, увидѣль новоспѣ, прѣстѣ изданіе Академической Грамматики. Могъ ли я предложить мысли, не прочитавъ новой книги о томъ же предметѣ — книги, сочиненной споль знаменитымъ сословіемъ, Россійскою Академіею, и достойной особеннаго вниманія споль ревностнаго Общества, каково, если смѣю назвать, *наше*? Мнѣ казалось, что Ваше Превосходительство скорѣе согласишесь простить мнѣ долгое молчаніе, нежели подобную неосмотрительность.

Разсматривая Академическій Синтаксисъ, не съялъ я принять на себя должность критика; но иногда прибавлялъ, а чаще применялъ мои записки. Проспья мысли превратились теперь въ замѣчанія на Руской Синтаксисъ. Представляя ихъ сужденію Вашего Превосходительства, долженъ предупредить, что мнѣ слѣдовало начать съ плана Синтаксиса, потомъ рассмотреть Синтаксисъ согласованія, наконецъ заключить Синтаксисомъ управленія; а я началъ съ послѣдняго: можетъ быть по тому, что мнѣ, какъ и многимъ, рѣдко удается дѣлать то, что должно. Признаюсь, однакожъ, что Синтаксисъ управленія, которымъ у насъ рѣшицельно не занимались, обратилъ на себя все мое вниманіе; и я читалъ его не съ цѣлю, чтобы только видѣть достоинства и недостатки одной изъ лучшихъ нашихъ учебныхъ книгъ; но съ цѣлю, чтобы вмѣсто послѣднихъ — если удастся найти ихъ — предложить что-либо по возможности лучшее.

Многія правила очень любопытны, и первое объ управленіи существительныхъ неожиданно остановило меня. Въ немъ (на стр. 200. §. 294) сказано: „*Сущительныя имена* (которыя по счѣту моему оказалось 25) *требуютъ не рѣдкого дательнаго падежа съ предлогомъ, къ.*“ Если это правило, думалъ я, а не исключеніе; но за чѣмъ только симъ 25 существительнымъ дано преимущество помѣститься въ правило, а о прочихъ и не упомянуто, хотя ихъ несравненно больше, на примѣръ:

Милость.	Снисхожденіе.
Кротость.	Благосклонность.
Вѣжность.	Вниманіе.
Привѣтливость.	Уваженіе.
Услужливость.	Почтеніе, и проч.

Къ помужъ вспомнилъ я, что и всѣ существительныя, происходящія отъ глаголовъ сложныхъ съ предлогомъ *при*, требуютъ у насъ того же дательнаго съ предлогомъ *къ*, — и долго не зналъ, что думать. Наконецъ полагаю, и кажется, не ошибаюсь, что

это должно быть *исключительное правило для немногих*.

На другой страницѣ встрѣтилъ я правило любопытное. Въ немъ (§ 297) сказано: *Слѣдующія имена требуютъ иногда другаго имени въ надеждѣ винительномъ: награда съ предложомъ за, на пр. награда за труды.* Пономъ вычислено 7 именъ, пребующихъ винительнаго съ предложомъ *на*. — Очень хотѣлось мнѣ знать, почему, въ первомъ случаѣ, упомянуша одна только *награда за труды*, а объ *наказаніи за лѣность* ни слова. Лучше уже, по моему мнѣнію, выбрать для сего такимъ образомъ слово — если нужно одно слово — чинобъ годилось въ обоихъ случаяхъ, какъ на пр. *воздаяніе*, или *возмездіе*, которое бываетъ и за то и за другое. Во второмъ случаѣ, за семью существительными, щощасъ заключилось правило, а прочія не упомянуты и, кажется, въ щаккомъ порядкѣ:

Вошли. Не упомянуты въ правилѣ.

1. Надежда.	Упованіе.	Нашестіе.
2. Право.	Досада.	Покушеніе.
3. Вражда.	Злоба.	Нападеніе.

4. Гнѣвъ.	Шумъ.	Налогъ.
5. Навѣпль.	Крикъ.	Набавка.
6. Клевеша.	Ропотъ.	Возвышеніе и
7. Жалоба.	Негодованіе.	Пониженіе цѣны
на что, и проч.

Мнѣ кажется, очень хорошо сдѣлали, что ихъ не пустили въ правило; ибо за такую шумною полпою непремѣнно впорглись бы еще очень многія другія.

Перевернувъ четвершку, еще встрѣчаю правило. Вошъ оно (ѳ. 309): *Существительныя: власть, надзоръ, надзираніе, надсмотръ, подыскъ, побѣда, требуютъ иногда другаго имени въ надежѣ творительномъ съ предлогомъ надъ.* — Но слова: *надзоръ, надсмотръ, надзираніе, управляютъ иногда творительнымъ съ предлогомъ за.* — Такимъ образомъ изъ числа шести три исключаются, а три остаются иногда вѣрными правилу; прочимъ же съ равными правами нѣтъ мѣста въ этомъ правилѣ. Но за нѣкоторыя существительныя можно вступиться. На при-

мѣръ, положимъ, что *шутка и насмѣшка надъ кѣмъ*, ни въ какомъ случаѣ не должны быть приняты въ правило; но *владычество и господство надъ* спраспями считается наравнѣ съ побѣдой: слѣдственно по достоинству должно войти въ правило. Еще также полагаю, что *надстройку надъ* домомъ и *надпись надъ* вратами можно пусшить въ правило; первую на случай нужды, а вторую для украшенія. Чтожъ касается до *надгробій надъ* покойными и имъ подобныхъ, то, и мнѣ кажется, пусть ихъ, гдѣ хотятъ, ищущъ себѣ мѣста.

Наконецъ еще встрѣчается правило (§. 314): *Слѣдующія имена (счетомъ также 6) требуютъ имени въ надежѣ предложномъ, съ предлогомъ о или объ*. Если и это правило сдѣлано шолько для шести именъ: то, признаюсь, не могу надивиться строгости и разборчивости, съ каковыми берутся существительныя въ правила. Отдаю полную справедливость избранымъ, и жалю объ участи оставшихъ.

ея. Въ какомъ уныніи сматрять онъ на
избранныя :

Избранныя. Не избраны. Не избраны. Не избраны.

1. Забота.	Печаль.	Плачь и
воплъ.	Размышленіе.
2. Повѣсть.	Сожадѣніе.	Слеза и
стонъ.	Разсужденіе.
3. Попеченіе.	Сободѣнова-
ніе.	Мысль и
вдохъ.	Разговоръ.
4. Предста-
тельство.	Сокрушеніе.	Мечтаніе.	Бесѣда.
5. Спараніе.	Сѣпованіе.	Воспомина-
ніе.	Молва.
6. Ходатай-
ство.	Рыданіе.	Воображе-
ніе.	Служь и проч.

И сверхъ сихъ что дѣлашь еще
сѣ пѣми суцесшвительными, копорыя
происходятъ отъ глаголовъ, значащихъ
памятованіе или *забвеніе*, *радость* и
печаль, *заботу* и *размышленіе*, кошо-
рыя всѣ требуюшь предложнаго сѣ пред-
логомъ *о*, или *объ*? — Развѣ частнымъ об-
разомъ поручишь ихъ въ милосшъ добрымъ
любителямъ Синтаксиса.

И такъ могушь ли подобныя правила
бышь удовлетворительны? Но я привелъ

ихъ не съ, шѣмъ, чшобъ видѣшь недоспашки; но чшобъ, если можно, ихъ исправить. Какимъ же образомъ? — Мнѣ скажутъ: пополнись сїи правила и сдѣлашь ихъ удовлетворительными. Думаю и не рѣшаюсь согласиться на пополненіе; ибо прежде знашь долженъ, всѣ ли сущесшвительныя пребующъ въ Рускомъ падежей, или не всѣ. Вижу, что имена физическихъ предметовъ, на пр. Иванъ и Петръ, дубъ и береза, камень и желъзо, не пребующъ и не могутъ требовать падежей. Какіяжъ сущесшвительныя пребующъ у насъ падежей? — Значачія *dѣйствіе*, слѣдсшвенно происходящія отъ глаголовъ, или имѣющія корень общій съ ними. Много ли ихъ въ Рускомъ? Почши сполько же, сколько и глаголовъ. И такъ можно ли рѣшиться переписывать въ Синтаксисъ знашную часть Академическаго лексикона? Но еслибъ жестокой сочинитель и рѣшился, такъ не уже ли никто не сжалился надъ бѣднымъ мальчикомъ, кошорой долженъ все это швердить наизусть, и вышвердить (увы!) отъ страха нака-

заній! Но еслибъ и то и другое было возможно и даже удовлетворительно, то все [еще] оспается важный вопросъ: По чему сущесвишельныя пребуишь разныхъ падежей съ предлогами и безъ предлоговъ въ языкѣ нашемъ, когда нѣтъ эпого ни въ одномъ классическомъ? — (гдѣ къ одному сущесвишельному ошносится другое только въ родительномъ, и эпоишь родительный собсвенно есть замѣна прилагательнаго, и служишь къ дополненію, или объясненію главнаго имени, что часто бываетъ и въ Русскомъ.) — Тутъ все скажуишь мнѣ въ одинъ голосъ: того пребуеишь духъ, или геній, или свойсво языка Рускаго. Милосивые Государи! очень вѣрю; но если эпо есть свойсво, или геній языка нашего; то онъ долженъ дѣйсшвовашъ не случайно, но *постоянно*; по швердымъ, можеишь быть, немногимъ правиламъ; а можеишь быть, и по одному закону.

Чувствую наконецъ, что спросяишь меня, и можеишь быть, съ коварною улыбкою:

по какимъ же немногимъ правиламъ, и по какому закону сущесвительныя въ Русскомъ пребуютъ разныхъ падежей? — Рѣшительно не знаю; но если позволено угадывать, то думаю: такъ какъ разныхъ падежей пребуютъ у насъ тѣ только сущесвительныя, копорыя происходятъ отъ глаголовъ, пребующихъ тѣхъ же разныхъ падежей; то между ними есть *постоянное сходство въ требованіи*: т. е. какого падежа требуетъ глаголь, тотъ же самой падежъ нуженъ и сущесвительному, имѣющему съ нимъ общій корень (кромя винительнаго при глаголь, копорый *постоянно* переходитъ въ родительный при сущесвительномъ). Слѣдственна правила для ихъ требованій могутъ быть однѣ и тѣ же; на пр.

Шупка и шучу — надъ Забоша и забочусь — о
къмъ? чемъ?

Надежда и надѣюсь — на Рѣшимостьъ и рѣшаюсь — на что?

На этомъ свойствѣ языка нашего желалъ бы я основати вниманіе всякаго на-

блюдателя; оно достойно подробнѣйшаго изслѣдованія, потому что весьма важно для всего Синтаксиса управленія. Но здѣсь не имѣю времени; ибо припворивъ *пока-мѣсть*, какъ говоритъ фонъ - Визинъ, *дверь существительную*, спѣшу къ *прилагательной*. Пройдя мимо правилъ *согласованія*, которыхъ теперь не касаюсь, вижу первое *управленія* (спр. 207. § 320) *Имена прилагательныя: достоинъ, помонъ, чуждъ, требуютъ надежа родительнаго*. Безъ сомнѣнія, эпо значить явно *требуютъ*; а прочія, каковы на примѣръ: *лишенный* или *недостойный* милосерпія, особенно *нечуждый*, хотя и ищутъ того же, но видно не смѣютъ *требовать*.

Далѣе встрѣчаю правило (§ 323): *Прилагательныя: жаденъ, лакомъ, жалостливъ, ласковъ, требуютъ родительнаго съ предлогомъ до*. Потомъ сдѣлано особое примѣчаніе: *Не рѣдко вмѣсто родительнаго, поставляется надежъ дательный съ предлогомъ*. Очень согласенъ; но за чѣмъ нѣтъ здѣсь ни *доб-*

раго, ни злаго, ни милостиваго, ни жестокаго, ни кроткаго, ни суроваго? Почему лакомый и жадный больше имѣють права, нежели снисходительный и пріятливый? —

На страницахъ: 209, 210 и 211. параграфы: 324, 325, 326; съ примѣчаніемъ, 327, 328, съ примѣч. 329 и 330, всё сряду не удовлетворительны. Всё они начинающя словами: „*прилагательныя*“ или „*слѣдующія имена прилагательныя.*“ Помощь слѣдующь вычисленіе ихъ больше или меньше недостаточное; а наконецъ объявленіе права на шопъ, или другой падежъ, съ предлогомъ, или безъ предлога. Но какъ по свойству языка Рускаго, *всѣ почти* прилагательныя пребують падежей; а ихъ бездна въ лексиконъ: што судите, сколько времени, трудовъ и досадъ потребно какъ сочинителю, такъ и учащемуся, помю, чшобъ вѣрно и всё вычислшь, а эшому, чшобъ вѣрно и всё выучишь. Сочинитель не заплачетъ, а бѣдному малюпкѣ безъ слѣзъ не обойдется. Развѣ нѣтъ средства сосша-

Книжка XXIII. Ж

вишь правила ихъ легче, короче и полнѣе по значенію?

Здѣсь должно вникнуть въ свойства языковъ. Извѣстно, что прилагательныя означающѣ, А. *качество*; ихъ очень много, и въ Рускомъ всѣ пребудушѣ падежей; В. *свойство* (которое смѣшивающѣ иногда съ качествомъ); ихъ также чрезвычайно много, и въ Рускомъ всѣ до единого пребудушѣ падежей; С. *количество*, или число; онѣ извѣстны, и въ Рускомъ могушѣ пребывать падежей; D. *мѣсто*, E. *время*, F. *матерію*; ихъ не очень много, и ни въ какомъ языкѣ не пребудушѣ падежей; наконецъ G. *дѣйствіе* (куда относящя и причастія); ихъ безчисленное множество, и въ Рускомъ всѣ до единого пребудушѣ падежей.

Прилагательныя а), значащія *качество*, всѣ могушѣ бышѣ подведены — смѣю ли рѣшительно сказашь? — подъ одно правило легкое и удобное. На примѣръ: прилага-

шельныя, показывающія *качество*, копорымъ одинъ предметъ отличаетъ отъ другихъ, пребывающъ творительнаго. *Суровъ наружностью, а добръ душою*. Сюда отнести можно: § 328 на страницъ 210, гдѣ 210я часть прилагательныхъ вычислена, а 209 подразумевается; ибо всѣ прилагательныя и даже числительныя могутъ показывать отличительное качество и пребывать творительнаго. — При немъ одно только нахожу исключеніе, и то правильное; но есть, когда показывается отличительное качество *доброе* (достоинство); то иногда, вмѣсто творительнаго, можетъ быть дателъный съ предлогомъ *по*: *отличенъ по уму*; а если *худое, смѣшное* (недостатокъ), винительный съ предлогомъ *на*: *Куда на выдумки натура торогата! Крыловъ*.

Прилагательныя в), значащія *свойство*, также могутъ быть подведены подъ общія правила, *по значенію* разныхъ свойствъ. На примѣръ: Всѣ прилагательныя, значащія *пользу и вредъ, пріятность и не-*

Ж 2

пріятность, легкость и трудность, приличіе и неприличіе, шребующѣ дашельнаго, или родишельнаго сѣ предлогомѣ для. Изъ сего правила не много бы нашлось исключеній. — Или на примѣрѣ: Всѣ прилагательныя, значащія *способность и неспособность, охоту, склонность и страсть*, шребующѣ дашельнаго сѣ предлогомѣ *къ*, или родишельнаго сѣ предлогомѣ *до*; и ш. д.

Прилагательныя с), числишельныя порядочныя, кажешся мнѣ, шри шолько въ Рускомѣ имѣющѣ правила: 1) когда показывающѣ часпѣ изъ цѣлаго, или имѣющѣ силу превосходной степені, шребующѣ родишельнаго сѣ предлогомѣ *изъ*. 2) Когда показывающѣ опличишельное качество предмета числомѣ, сочиняющѣ какѣ прилагательныя качества и пѣже имѣющѣ исключенія: *первый поведеніемѣ*, или *по поведенію*. 3) Когда означающѣ достоинства лица, шребующѣ предложнаго сѣ предлогомѣ *по*: *второй по Государѣ*, *первый по*

Главнокомандующемъ. Первое (на стр. 208. въ § 322.) мимоходомъ упомянуто, а второе и третье пропущены.

Наконецъ прилагательныя d) e) f) значенія мѣсто, время, матерію : *здѣшній*, *вчерашній*, *железный*, не требуютъ падежей; а прилагательныя g) — опглагольныя : *согласный*, *противный*, всѣ подходящъ подъ однѣ правила съ глаголами; тамъ имъ и мѣсто. Такимъ образомъ правила именъ прилагательныхъ сдѣлаются легче, короче, полнѣе и удовлетворительнѣе. — Еще одно замѣчаніе : въ Рускомъ Синтаксисѣ такъ важно значеніе, что, кажешся, не слово, а значеніе слова опредѣляетъ требованіе падежа. На пр. *суровъ наружностью*, и *суровъ къ подчиненнымъ*; *полезенъ знаніемъ* и *полезенъ ближнимъ*. Въ первомъ случаѣ прилагательное значить опличительное *качество*, (примѣръ 1), а во второмъ *свойство* (пр. 2).

Но ничто такъ не важно для Синтаксиса управленія, какъ глаголы : они дающъ

жизнь и душу цѣлой рѣчи. Позвольте къ нимъ обратиться. Вотъ первое и прекрасное правило, свойственное всѣмъ языкамъ (спр. 221. § 357.): „Глаголы действительные сочиняются обыкновенно съ падежемъ винительнымъ.“ Но оно не удовлетворительно; ибо что здѣсь значить обыкновенно? то ли, что во всѣхъ языкахъ такъ бываетъ? Это справедливо; но дѣло идетъ о Рускихъ глаголахъ. Или то, что Рускіе действительные всѣ? — А это едва ли справедливо; ибо говоримъ: *требовать чего, помогать кому, управлять чѣмъ и основывать на чемъ.* Не уже ли скажутъ, что это не действительные, а средніе глаголы (*)? Еще и такъ бываетъ:

(*) Чего я и ожидаю, судя по примѣчанію къ § 201. на стр. 117, гдѣ сказано: „Глаголъ средній отличается отъ действительнаго тѣмъ, что онъ не принимаетъ винительнаго падежа.“ Не уже ли у насъ всѣми прочими падежами управляютъ средніе, которые ни въ какомъ языкѣ, ни въ мертвомъ, ни въ живомъ не принимаютъ падежей.

судить кого и судить о чемъ; говорить правду и говорить о дѣлѣ; слѣдственно это правило въ такомъ видѣ неудовлестворительно. Лучше, кажется мнѣ, предложить его такъ: Всѣ дѣйствительные глаголы, при коихъ бываетъ предметъ дѣйствія, на вопросъ *когда*, или *что*, пребываютъ винительнаго. Помомъ привесть исключенія: два шть, о коихъ упомянуто, и преше, которое, не знаю по чему, пропущено, то есть, когда дѣйствіе простирается только на нѣкоторое время: *дайте ножичка* (на то время, пока очиню перо).

Справка та же, § 358: „*Нѣкоторые глаголы средніе, принявъ къ себѣ извѣстные предлоги, получаютъ силу и знаменованіе дѣйствительныхъ.*“ Здѣсь меньше говорится о томъ, что они пребываютъ винительнаго, нежели о томъ, что они, принявъ предлоги, переходятъ въ дѣйствительные. Что за рѣдкость, когда нѣкоторые, и не принимая предлоговъ, переходятъ въ дѣйствительные; но и они пребываютъ винительнаго. На пр. *рости и ро-*

стѣть ; воскресить и воскрешать ; бѣ-
лѣть , бѣлѣть ; чернѣть , чернить и
проч. Въ Греческомъ языкѣ всѣ средніе мо-
гущѣ переходѣтъ въ дѣйствительные съ
перемѣною одного окончанія (откуда, вѣро-
япно , чрезъ Славянскій что - то подобное
перешло и въ Русскій). Въ Латышскомъ и
въ новѣйшихъ языкахъ , иногда одинъ и
тотъ же глаголъ употребляется и въ дѣй-
ствительномъ и въ среднемъ знаменованіи ;
но я не касаюсь Этимологіи , а предлагаю
только вопросъ : нужно ли это правило въ
Синтаксисѣ , или нѣтъ ? Ибо средніе глаго-
лы , перешедъ , какимъ бы то ни было обра-
зомъ , въ дѣйствительные , ужъ больше не
средніе , а дѣйствительные ; слѣдственно,
должны относиться къ общему правилу
дѣйствительныхъ . Такимъ образомъ прави-
ломъ будетъ меньше . А если нужно , то ,
кажется , лучше его предложитъ такъ : Если
средніе глаголы перейдутъ въ дѣйствитель-
ные , то и они пребудутъ винительнаго .
Въ такомъ случаѣ это будетъ дополненіе
къ предшествовавшему правилу .

Попомъ вижу (на спр. 222. § 360.) правило о взаимныхъ глаголахъ совершенно удовлетворительное; и такъ какъ оно основано на общей примѣшѣ, на знаменованіи; припомъ обнимаешъ цѣлый родъ глаголовъ, хотя ихъ не много, и даже не имѣешъ исключеній, а попому твердо, ясно и кратко; почему, безъ всякаго сомнѣнія, можешъ служипъ образцомъ, каковы должны бытъ правила въ Рускомъ Синтаксисѣ.

Слѣдующее правило. (§ 361) о управленіи глаголовъ, по ихъ сложенію съ предлогами, весьма важно; ибо оно одно изъ коренныхъ, общихъ и постоянныхъ правилъ, по которому всякой легко узнавашъ можешъ, какому падежу пребуешъ какой сложный глаголъ; а сложныхъ въ Рускомъ чрезвычайно много: почему сіе правило достойно большаго вниманія и пребуешъ подробнѣйшаго изслѣдованія. Здѣсь вмѣщено оно въ одинъ параграфъ. При точнѣйшемъ изслѣдованіи откроешся, что сюда же относятся и §§ 364. глаголъ *досягать*; 365. глаголъ *воскреснуть*; 371. глаголъ *проникать*; 374. глаголъ *воскрешать* и другіе.

Что касается до прочих правилъ управления глаголовъ (сб 223 страницы до 237, или сб ф. 363 до 399), копорыя всѣ начинающся словами: „*глаголы*“ или иногда: „*слѣдующіе глаголы*“, то я могъ бы охотно взять на себя и легко поставишь для каждаго правила еще по столько глаголовъ, по сколько въ каждомъ изъ нихъ находишь. Но что пользы? Правила не будутъ полны. Чтожъ дѣлать? Не уже ли прикажутъ взять всѣ глаголы въ Синтаксисъ и росписать ихъ по разнымъ падежамъ подъ разными предлогами? развѣ кому угодно будетъ повпорить счетъ до пяти и болѣе тысячъ. Нѣтъ, я давно уже не о томъ думаю; но ищу и не нахожу болѣе шрехъ *началъ* или *основаній* (principia), на копорыхъ можно утвердить общія правила Рускихъ глаголовъ. Первое *знаменованіе*, или родъ глаголовъ, (genus verborum); на семъ основаніи положены два правила въ Академическомъ Синтаксисѣ, и оба прекрасны: 1) для глаголовъ дѣйствительныхъ; 2) для взаимныхъ. Можно, кажется, еще положишь на немъ

два правила : одно для глаголовъ спрадательныхъ , а другое для возвратныхъ ; или оба сократишь въ одно : ибо какъ спрадательные , такъ и возвратные всегда пребудути шворительнаго , или родительнаго съ предлогомъ *отъ*. Жаль , что не дзя больше воспользоваться симъ началомъ. Впорымъ основаніемъ для общихъ правилъ , можетъ быть *сложеніе глаголовъ* ; на него показано и въ Академическомъ Синтаксисѣ ; но оно пребудути подробнѣйшихъ изслѣдованій. А прешимъ основаніемъ , кажется мнѣ , можетъ и должно быть *значеніе* глаголовъ , которое , не знаю почему , вовсе оставлено , или забыто въ Академическомъ Синтаксисѣ.

Значеніе глаголовъ можетъ пополнить нашъ Синтаксисъ общими правилами ; ибо всѣ глаголы , кои не подходятъ подъ правила первыхъ двухъ родовъ , могутъ определены быти правилами *значенія*. Давно уже не только мною , но и другими замѣчено , что глаголы одного значенія пребудути у насъ и одного падежа , и что многіе глаголы оныхъ того только пребудути разныхъ

падежей, что употребляются в разных значениях. На пр. *судить* и *говорить*, в одном значении, по праву действительных, пребывают винительного: *судить преступника*, *говорить правду*; а в другом, когда показывают заботу и размышление, пребывают предложного: *судить и говорить о дѣлѣ*. Или *надѣяться чего*, и *надѣяться на что*; шамь значить ожидание с сомнѣніемъ, а здѣсь уповаііе с увѣренностію. И шакъ одно шолько значеніе рѣшаетъ, сѣ какииъ падежемъ глаголъ поставишь должно.

Если шакъ, шо по чему бы не положишь у насъ правилъ, на пр. 1) все глаголы, значащіе *боязнь* и *осторожность*, *желаніе* и *ожиданіе*, *стыдъ* и *искательство*, *лишеніе* и *удостоеніе*, пребывают родительного? Здѣсь бы осталось шолько дополнить исключеніемъ, что шкоторыя из нихъ пребываютъ къ родительному предлоговъ *отъ* и *до*: *избавиться отъ бѣдъ*, *добиться до чиновъ*. Или 2) все глаголы,

значачіе *пользу* и *вредъ*, *угождене* и *прекословіе*, *зависть* и *соревнованіе*, *удивленіе*, *подражаніе* и *ученіе*, перебуюпѣ *дапельнаго*. Или 3) всѣ глаголы, значачіе *гнѣвъ* и *жалобу*, *упованіе* и *ссылательство*, перебуюпѣ *винипельнаго* съ предлогомѣ *на*. Или 4) всѣ глаголы, значачіе *памятованіе* и *забвеніе*, *радость* и *печаль*, *заботу* и *размышленіе*, перебуюпѣ *предложнаго* съ предлогомѣ *о*, или *объ*. Не многіе изъ нихъ упошребляюпся *просто*, въ значеніи *дѣйшвишельныхъ*, съ *винипельнымъ*, и шакъ далѣе. Такимъ образомъ *составились бы правила для всѣхъ простыхъ глаголовъ*. Чшожъ *касається до сложныхъ*, шо, *хотя ихъ несравненно больше*, но *подвешть ихъ подѣ общія правила по сложенію легче*. Само собою *слѣдуешъ*, что *каждое изъ шаковыхъ вновь вводимыхъ правилъ должно бытъ хорошо обдумано*, со *всѣхъ сторонъ осмошрѣно* и *дополнено* *исключеніями*; *ибо нѣшъ правила безъ исключеній*.

Наконецъ *еще перевершываю чешвертку*, и *вижу о сочиненіи нарѣчій*. Не уже ли на-

рѣчія пребують разныхъ падежей, думалъ я, чѣтая первый параграфъ? Вдругъ вижу, что безличные глаголы: *жаль*, *жалко*, (которые сверхъ дательнаго лица, свойственнаго всѣмъ безличнымъ, пребують еще родительнаго) изъ прѣтвѣей части рѣчи, переведены въ пашую, и въ числѣ нарѣчій, занимающъ первое мѣсто; но по чему бы вмѣстѣ съ ними не перевести и *стыдно* и *совѣстно*; ибо и они, сверхъ дательнаго лица, пребують родительнаго. Теперь же, если сказать вмѣстѣ: *стыдно*, *жалко* и *совѣстно*; то никакъ сразу не угадаешь, гдѣ глаголъ, и гдѣ нарѣчіе. Предлоги: *близь*, *внутри*, *вокругъ*, *позади* и *сверхъ*, собираются ипши въ нарѣчія, или въ слова, въ видѣ нарѣчій употребляемая, однакожъ удерживающъ за собою прѣжнее право на падежъ родительный. Не знаю, могутъ ли они это сдѣлать по вольности Этимологии, которой я не касаюсь, а по праву Синтаксиса пусть прѣжде перестануць стоять предъ существительными и пребовать падежей; а попомъ вольны не только они, но хоща и

всѣ предлоги бытъ нарѣчіями, или шѣмъ, чѣмъ имъ угодно. И такъ, думалъ я, если назовашь нарѣчіями безличные глаголы и предлоги; то не удивительно, если нарѣчія наши станушъ требовать всѣхъ возможныхъ падежей, чего ни въ какомъ классическомъ языкѣ не бываетъ. Наконецъ увидѣлъ ошибку свою; ибо нашелъ шамъ дѣйствительныя нарѣчія количества, которыхъ не только у насъ, но и во всѣхъ языкахъ требуютъ родительнаго.

Однакожъ слѣдующіе параграфы увѣрили меня совершенно, что нарѣчія наши требуютъ разныхъ падежей. Тутъ не сталъ я разсматривать, полны ли или не полны правила; но желалъ знать, всѣхъ ли, или не всѣхъ оиѣ требуютъ падежей. Замѣпилъ, что нарѣчія наши не требуютъ *прямыхъ падежей* (*casus rectos*), и въ этомъ сходны съ существительными и прилагательными (*). Попомъ желалъ знать, всѣхъ ли

(*) Потому что *именительный* самъ почти всегда бываетъ главнымъ; *винительный* до-

онѣ пребуютъ косвенныхъ падежей (casus obliquos), или не всѣхъ. Въ числѣ пребуваній ихъ нѣтъ ни родительнаго съ предлогомъ *для*, ни винительнаго съ предлогами, ни предложнаго. Но хошя въ Академическомъ Синтаксисѣ и нѣтъ ихъ, но ешь въ напурѣ; ибо можно сказашь: *опасно для меня, надежно на кого, заботливо о чемъ*. И шакъ вижу, что нарѣчія наши могутъ имѣть всѣ шѣ падежи, какихъ пребуютъ существительныя и прилагательныя, и въ эшомъ совершенно съ ними сходны. Переходя такимъ образомъ отъ одного сходства къ другому, наконецъ замѣнилъ еще больше, что нарѣчія наши не только пребувашь могутъ, подобно прилагательнымъ и существительнымъ, всѣхъ падежей; но и пребуютъ шѣхъ самыхъ падежей, какихъ существительныя и прилагательныя, имѣющія съ ними общій корень. На пр. если *польза* и *полезенъ кому*, то и *полезно* шакже *кому*? Сіе

стался на часть дѣйствительныхъ глаголъ; а *звательнымъ* завладѣли междометія.

постоянное, неподверженное исключеніямъ, *сходство* не могло быть случайно; оно заключается въ самомъ источникѣ языка нашего, и я удивляюсь, какъ до сихъ поръ не было замѣчено.

Новосць предмета и любопытство заставляющъ меня вникнуть подробнѣе въ общія свойства языковъ и примѣнить ихъ къ свойствамъ Рускаго. — Всѣмъ извѣстно, что совершенство языка и разумъ пребудетъ, дабы каждое понятіе могло быть и въ видѣ существительнаго, и въ видѣ прилагательнаго, и въ видѣ глагола, следственно причастія, и наконецъ въ видѣ нарѣчія: это бываетъ больше, или меньше въ каждомъ языкѣ, судя по его обилію, а въ Рускомъ очень часто. На пр.

Согласіе, согласный, соглашаюсь, согласно.

Надежда, надежный, надѣюсь, надежно.

Забота, заботливый, забочусь, заботливо.

Понятія *отвлеченныя* (*ideae abstractae*) всѣ почти бываютъ, или могутъ быть во всѣхъ чепырехъ видахъ, или частяхъ рѣчи. Сія
Книжка XXIII. 3

потребность ума, превращая понятия в равныя части речи; есть законное основание для введения словъ новыхъ. Но понятия *физическихъ предметовъ* (*ideae concretæ*) могутъ быть только в двухъ первыхъ видахъ, в трехъ редко, а в четырехъ еще реже. На пр. *огонь, воздухъ, вода* и *земля* могутъ имѣть только прилагательныя: *огненный, воздушный, водяной* и *земляной*, но глаголовъ не имѣютъ. Нѣкоторыя могутъ имѣть и глаголы, на пр. *золото, золотой, золотить; камень, каменный, каменѣть*; но не имѣютъ нарѣчій. А отъ нѣкоторыхъ, развѣ только вопреки языку; насильно можно одѣлать глаголы, на пр. *Россия, Рускій, обрусѣть*; или *обрусить*; *Франція, Французскій, офранцузѣть*, или *офранцузить*: но это все равно, если бы сказать *береза, березовый, обрезаѣть*, или *обрезитъ*. Впрочемъ слова, означающія физическіе предметы (кроме дѣйствительныхъ глаголовъ), ни в какомъ языкѣ не преобладаютъ падежей, чему послѣдуетъ и Рускій. Чтожъ касается до словъ, значущихъ ошвлеченныя понятия; то во всѣхъ

языкажъ больше или меньше пребующѣ
онѣ падежей, хотя не такимъ образомъ,
какъ въ Рускомъ.

Ибо духъ, или геній, или свойстве
языка Рускаго пребуешъ, чшобы слова,
имѣющія одинакій корень, во всѣхъ чешы-
режъ, или пяти часяхъ рѣчи шребовали
одинакихъ падежей. На пр.

Вредъ кому? Надежда на кого, въ чемъ?

Вредный кому? Надежный на кого, въ чемъ?

Врежу кому? Надѣюсь на кого, въ чемъ?

Вредящій кому? Надѣющійся на кого, въ чемъ?

Вредно кому? Надежно на кого, въ чемъ?

Если корень какого-либо слова пре-
буешъ разныхъ падежей; то и производныя
отъ него, во всѣхъ сихъ пяти видахъ, мо-
гутъ шребовашъ тѣхъ же разныхъ падежей.
(Доказательство, чшо геній языка дѣйств-
вуешъ постоянно, по одному бченъ просто-
му закону.) На пр.

Согласіе на чшо? или согласіе съ чемъ?

Согласный на чшо? — согласный съ чѣмъ?

Соглашаюсь на что? — соглашаюсь съ чѣмъ!
 Соглашающійся на — соглашающійся съ
 что? чѣмъ?
 Согласно на что? — согласно съ чѣмъ?

Слѣдствіе 1). Въсѣмъ характеръ языка Рускаго, которій опличаетъ его отъ всѣхъ Европейскихъ, и показываетъ въ немъ какую-то простоту и величество языковъ первобытныхъ или воспочныхъ! Не смотря на вліяніе чуждыхъ языковъ и на нѣкошорыя немногія изключенія, долженствовавшія войти въ печеніи временъ, сіе свойство такъ твердо въ немъ и постоянно, какъ характеръ народа, имъ говорящаго. И если Синтаксисъ долженъ быть въ духѣ языка; то эшо свойство должно служить основаніемъ для всего Рускаго Синтаксиса.

Слѣдствіе 2). Наконецъ объясняется намъ, не только отъ чего, но и какимъ образомъ въ Рускомъ языкѣ пребываютъ разныхъ падежей и тѣ часпи рѣчи, которыя въ другихъ языкахъ вовсе не принимають

падежей, какъ-то существительныя и нарѣчія: по еспѣ, онѣ происходящѣ отъ корней, пребывающихъ падежей, и, по свойству языка нашего, сами имѣющѣ въ нихъ нужду.

Слѣдствіе 3). Основываясь на этомъ свойствѣ языка нашего, можно сокращать, сдѣлать легче и полнѣе весь Синтаксисъ управленія; ибо — вмѣсто того, чтобы говорить въ одномъ мѣстѣ, существительное *вредъ* пребываетъ дательнаго; въ другомъ прилагательное *вредный* пребываетъ дательнаго, въ третьемъ глаголъ *вредитъ*, и въ четвертомъ нарѣчіе *вредно* пребываетъ дательнаго — насравненно легче и короче можно сказать въ одномъ мѣстѣ. На пр. Глаголы, значащіе *пользу* и *вредъ*, пребываютъ дательнаго, и всѣ существительныя, прилагательныя и нарѣчія, отъ нихъ происходящія, пребываютъ того же дательнаго: попомъ, если еспѣ, показатъ исключенія. Но это собственно относится къ положенію Синтаксиса.

* * *

Въ заключеніе длиннаго письма моего, честь имѣю донести, что въ непродолжительномъ времени представлю Вашему Превосходительству и планъ мой Рускаго Синтаксиса, въ сравненіи съ расположеніемъ Академическаго; а теперь долгомъ поспавляю засвидѣтельствовать истинное высокопочитаніе мое и совершенную преданность, съ которыми честь имѣю быть,

Вашего Превосходительства,
покорнѣйшимъ слугою
Николай Кошанскій.

Сентября 15 го дня
1819.
Царское село.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

на нѣкоторыя статьи о глаголахъ, помѣщенные во 2й, въ 3й и 6й книгѣ Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности, при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ.

Въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности съ удовольствіемъ читалъ я между прочимъ: Разсужденія о глаголахъ; о средствахъ исправить ошибки въ глаголь; возраженія неизвѣснаго, и оповѣсть Г. Сочинителя. Чтеніе сіе возбудило во мнѣ охоту повѣрить ихъ собственными размышленіями, и было поводомъ къ составленію сихъ примѣчаній, копорыя и представляю здѣсь на судъ Почтеннѣйшаго Общества.

Я нахожу, что первыя двѣ статьи, заключающія въ себѣ нѣкоторыя основательныя замѣчанія, весьма любопытны и важ-

ны ; но Г. Сочинитель , обнаруживая недо-
спашки прежней меподы , самъ удаляется
опъ наспоющей цѣли. Такъ на примѣрѣ,
справедливо замѣчаніе его, что глаголы *дулѣ*
и *сдулѣ*, имѣющіе различное значеніе, долж-
ны и спрягаются опдѣльно одинѣ опъ дру-
гаго (ибо глаголѣ, говоритѣ онѣ, спря-
гается во всѣхѣ временахѣ своихѣ, не пере-
мѣняя первоначальнаго своего значенія), и
что слѣдовательно предложенный въ Грам-
матикѣ образецъ спряженія неправиленѣ.
(См. Грамм. Росс. Акад. стр. 21). Въспѣ
сѣ щѣмѣ впадаетѣ онѣ въ заблужденіе, раз-
дѣляя между собою *дутѣ* и *дунутѣ*, ко-
порые служатѣ къ изображенію одного дѣй-
ствія и сосшавляютѣ одинѣ глаголѣ.

Г. Сочинитель, ушверждая, что Грам-
матика наша назначила для глагола болѣе
временѣ, нежели онѣ имѣетѣ, что она со-
сшавила спряженіе не изѣ одного, но изѣ
нѣсколькихѣ глаголовѣ въспѣ, хочетѣ пра-
вильно опдѣлитѣ одинѣ глаголѣ опъ друга-
го, сыскаетѣ подлинное число временѣ и

соспавишь изъ нихъ спряженіе, которое было бы всеобщимъ.

Для сего избираетъ онъ средство ошибочное. Желая разпутать глаголы, онъ не раздвлетъ ихъ, но раздроблетъ: раздроблетъ и дѣйствія. Предложенный имъ способъ неправильно опниваетъ у однихъ глаголовъ настоящее, а у другихъ прошедшее и будущее время.

Я намѣренъ сообщить здѣсь нѣкоторыя мысли мои о семъ предметѣ, и предложитъ начала, на коихъ спряженіе должно основываться.

Въ примѣчаніяхъ сихъ увидятъ, можетъ быть, щепетныя усилія ума, принимающаго на себя трудъ, для него необязанный; но шакковыя усилія его достойны вниманія: онъ могущъ предспавишь наблюдаемую новую мысль, новое соображеніе, и случайно, шакъ сказать, навести его на истину.

Приспупаю къ обьясненію.

Глаголъ есть слово, коимъ выражаемъ мы сужденіе.

Глаголъ *быть* выражаеѣтъ, собственно, сужденіе, связь всѣхъ понятій нашихъ, и заключается во всѣхъ глаголахъ. Это дерево (*есть*) высоко. Въ семъ примѣрѣ глаголъ *есть* выражаеѣтъ сужденіе, которое производится отъ сравненія двухъ понятій: *дерево* и *высоко*. Онъ *стучитъ*; здѣсь подразумѣвается поѣтъ же глаголъ *есть*, который связываетъ понятія: *онъ* и *стукъ* или *стукающій*.

И такъ глаголы, вообще выражая сужденіе наше о предметахъ, означаютъ состояніе ихъ непремѣнное, на пр. это дерево (*есть*) высоко; или означаютъ премѣнное ихъ состояніе, п. е. означаютъ перемѣну въ состояніи, или дѣйствіе предметовъ, на пр. онъ *смѣется*, онъ *бѣжитъ*, и проч.

Слово *дѣйствіе* разумѣю я въ пространнѣйшемъ знаменованіи, нежели какъ оно привято въ Грамматикахъ. Всѣ почти глаголы означаютъ дѣйствіе. И сіе естественно. Премѣнное состояніе предметовъ непрестанно возбуждаеѣтъ въ чловѣкѣ сужденіе; и пребовалось великое разно-

образіе , множество сокращеній , опмѣнѣ въ словахъ , для изображенія впечатлѣній , ими производимыхъ.

Разумъ человѣческій , размѣряя , такъ сказашъ , каждое дѣйствіе , спарается предспавитъ себѣ оное цѣлымъ , имѣющимъ продолженіе и конецъ.

Дѣйствія краткія запечатлѣваютъ въ умѣ нашемъ окончательный образъ , который означаемъ мы глаголомъ . На пр. Онъ *дунуль* , *il souffla* , и проч.

Онъ *дунуль* ему въ лицо , *il lui souffla au visage*.

Сколь ни кратко сіе дѣйствіе , но мы спараемся предспавитъ продолженіе онаго и изображаемъ наспоющее время сего дѣйствія . На пр. Онъ *дуетъ* ему въ лицо , *il lui souffle au visage*.

Дѣйствія продолжительныя (*continues*) не запечатлѣваютъ въ умѣ нашемъ окончательнаго образа . Онѣ представляюща намъ неокончательными , и мы означаемъ продолженіе ихъ . На пр. прохладный вѣтеръ *дуетъ* , *un vent frais souffle* ; онъ *бѣжитъ* , *il court*.

Но мы стараемся представить себѣ начало сихъ дѣйствій минувшимъ или прошедшимъ, и означаемъ глаголомъ сіе минувшее время или сей окончательный образъ дѣйствія. На пр. прохладный вѣтеръ *подулъ*, un vent frais *souffla*; коль скоро онъ увидѣлъ его, то и *побѣжалъ* къ нему на встрѣчу, dès qu'il l'eut aperçu, il *courut* à sa rencontre.

Il *commença à courir* и проч. не выразило бы наспоющей мысли; ибо *courir*, *souffler*, могло бы означать временное дѣйствіе, ш. е. неопредѣлительное, неизвѣстное повпореніе дѣйствія, поже, что и глаголъ нашъ *бѣгать* (о глаголахъ сего рода будещъ упомянуто ниже сего).

Равнымъ образомъ изреченіе: онъ *началъ бѣжать*, не свойственно Русскому языку; *началъ дуть* не выразило бы наспоющей мысли; ибо можно было бы понять, что вѣтеръ началъ дуть по временамъ, а не сряду.

По мѣрѣ значенія, какое даемъ мы дѣйствію, мы представляемъ себѣ и особенный образъ дѣйствія, который означаемъ

особымъ глаголомъ. На пр. онъ *бѣжитъ*, *побѣжалъ*, *il court*, *il courut*. Онъ *подбѣгаетъ*, *подбѣжалъ*, *il accourt*, *il accourut*.

Самое прекращеніе дѣйствія представляемъ мы себѣ въ образъ цѣлаго, имѣющаго продолженіе и конецъ. На пр. я *молчу*, *замолчалъ*, *je me tais*, *je me tûs*.

Сей умственный размѣръ служитъ намъ и къ изображенію дѣйствій душевныхъ, внушенныхъ ощущеній. На пр. онъ *сравниваетъ*, *сравнилъ*, *il compare*, *il compara*. Онъ *любитъ*, онъ *воз* или *полюбилъ*, *il aime*, *il aima*.

И съ перваго шебя я *возлюбила* взгляда.

Вѣроятно, что, при начальномъ образованіи языка нашего, дѣйствія краткія означались единственно глаголами, изображающими конецъ ихъ. На пр. *шагнулъ*, *свиснулъ*, и проч. Напротивъ же того дѣйствія продолжительныя (*continues*) означались единственно глаголами, изображающими продолженіе ихъ. На пр. *лѣсъ шумитъ*, онъ *бѣжитъ* и проч. Различныя впечатлѣнія, производимыя сими дѣйствіями,

долженствовали бытъ и выражаемы различнымъ образомъ, что доказываютъ различные окончанія сихъ глаголовъ: *бѣжитъ*, *шумитъ*, и *шагнулъ*, *свиснулъ* и проч. Человѣкъ описывалъ дѣйствія шака, какъ онъ чувствовалъ.

Самый глаголъ *быть*, вѣроятно, состоялъ въ началѣ изъ настоящаго времени *есмы* и проч., выражающаго понятіе опвлеченное, но первоначальное, коимъ человѣкъ сравниваетъ предметы, и судитъ о себѣ и о всемъ окружающемъ его. Сколько пребывало времени и усилій человѣческаго ума, прежде нежели онъ могъ означить словомъ прошедшее время бытія, служило доказательствомъ то, что глаголъ сей неправиленъ во всѣхъ языкахъ. *Есть*, *былъ*; *est*, *fut*; *il est*, *il fut* и проч.

Сдѣланнымъ здѣсь сравненіемъ нашего языка съ Французскимъ я хотѣлъ только показать, что главные правила Грамматики во всѣхъ языкахъ одинаковы; ибо у всѣхъ народовъ однѣ причины побуждали че-

ловѣка къ выраженію мыслей своихъ. Но свойство языковъ можетъ быть различно; ибо одинъ языкъ болѣе или менѣе другаго способенъ къ почному выраженію мыслей.

И пакъ, если въ языкъ нашемъ дѣйствіе краткое или продолжительное означается иногда двумя различными глаголами; если, для означенія начала продолжительныхъ дѣйствій минувшимъ или прошедшимъ, глаголы наши заимствуютъ предлоги: по я нахожу, въ противность мнѣнія Г. Сочинителя разсужденій о глаголахъ, что сіе ни мало не прекословитъ правиламъ всеобщей Грамматики, но показываетъ свойство его, совершенно отличное отъ прочихъ языковъ. Сіе показываетъ только, что языкъ нашъ естественнѣе и почнѣе изображаетъ дѣйствія. Такъ на примѣрѣ: *il frappa* (*frapper*, *donner un ou plusieurs coups*. См. Словарь Акад. Французской) можетъ изображать два дѣйствія, кои означаются двумя глаголами: *стукнулъ*, *застучалъ*.

На слѣдующихъ началахъ основываю я спряженіе глаголовъ нашихъ:

1) Наклоненіе извѣившешельное, *настоящее, прошедшее несовершенное, прошедшее, будущее настоящее, будущее прошедшее*. 2) Наклоненіе повелишешельное, *настоящее, будущее*. 3) Наклоненіе неопредѣленное, *настоящее, прошедшее*. 4) Причастіе, *настоящее, прошедшее несовершенное, прошедшее*.

Основываясь на сихъ началахъ, спанемъ разбиратьъ и спрягатьъ глаголы.

Всякое дѣйствіе, какое бы мы ни представляли себѣ, содержишь нѣкоторое продолженіе.

Глаголь означаешъ продолженіе, т. е. настоящее время дѣйствія, на пр. онъ *подходитъ* къ нему, *открываетъ* глаза, или означаешъ окончаніе или прошедшее время дѣйствія, на пр. онъ *пошелъ* къ нему, *открылъ* глаза.

И такъ *подхожу, пошелъ* суть изображенія одного дѣйствія, и вмѣстѣ составляющъ одинъ глаголь.

Подходилъ означаешъ продолженіе того же дѣйствія въ прошедшемъ времени. Сіе свойство изображаетъ дѣйствіе *настоющимъ*

въ отношеніи къ другому прошедшему дѣйствію, имѣютъ глаголы и въ другихъ языкахъ. *Подходя* (когда я *подходилъ*) къ дому, я вынулъ плапокъ изъ кармана. *Подошедъ* (когда я *подошелъ*) къ дому, я вынулъ и проч. Въ сихъ примѣрахъ видимъ мы, что *подходилъ*, *подошелъ*, суть изображенія одного дѣйствія; но первый означенъ, что дѣйствіе совершалось или продолжалось, а послѣдній, что дѣйствіе совершилось или кончилось.

Чтобы представить себѣ дѣйствіе будущимъ, надобно представить себѣ окончательный образъ дѣйствія. И дѣйствительно, *подойду* означаетъ будущее время дѣйствія. Но мы можемъ представлять себѣ дѣйствіе настоящимъ въ отношеніи къ другому будущему дѣйствію. На пр. когда мы *будемъ подходить*, *подойдемъ* къ дому, ты махни рукою. Отсюда происходитъ раздѣленіе будущаго времени на будущее настоящее или сложное, и на будущее прошедшее или простое.

Книжка XXIII.

И

Подходи означаєть настоящее время, а *подойде* будущее время дѣйствія въ величельномъ смыслѣ.

Подходить, *подойти*, не въ прямомъ отношеніи къ предмету означають, первый продолженіе, а другой окончаніе того же дѣйствія, и вмѣстѣ принадлежатъ къ одному глаголу.

Премънное состояніе предметовъ, какъ выше сказалъ я, непрестанно возбуждаєть въ челоуѣкъ сужденіе, и пребывалось великое разнообразіе, множество сокращеній, оузмѣвъ въ словахъ, для изображенія впечатлѣній, ими производимыхъ. По сей причинѣ во всѣхъ языкахъ глаголы, скрытно заключаая въ себѣ глаголъ *быть*, означають переменну въ состояніи или дѣйствіи предметовъ. Для означенія же непремѣннаго ихъ состоянія, сужденіе или связь понятій нашихъ выражается существишельнымъ глаголомъ *быть*. На пр. челоуѣкъ *есть* живое, одаренное разумомъ.

Есть, означаєть продолженіе, ш. е. настоящее время бытія. Онъ (*есть*) шѣломъ малъ, но великъ душою.

Былъ, означаетъ окончаніе, ш. е. прошедшее время бытія. Онъ *былъ* шломоу малъ, но *былъ* великъ душою.

Былъ, означаетъ и прошедшее несовершенное и прошедшее время. Въ спрадательныхъ глаголахъ окончанія спрадательныхъ причасій обозначивающъ сіи времена. На пр. Прошед. несовер. онъ *былъ* *настроиваемъ*, ванъ. Прошед. онъ *былъ* *настроенъ*.

Будущее настоящее и прошедшее: *будетъ*.
Спрад. *будетъ* *настроиваемъ*, ванъ; *будетъ* *настроенъ*.

Повелительное, настоящее и будущее: *будь*.
Спрад. *будь* *настроиваемъ*, ванъ; *будь* *настроенъ*.

Неопредѣленное, настоящее и прошедшее: *быть*.

Спрад. *быть* *настроиваему*, вану; *быть* *настроеноу*.

Причастія: настоящее, *сущій*.

Прошед. несовер. и прошед. *бывшій*.

Спрад. настоящее: *настроиваемый*.

Прошед. несовер. *настроивавшій*.

Прошедшее: *настроенный*.

И

Для избѣжанія повпореній не излишнимъ считаю я именоватъ *несовершенными* временами тѣ , кои означаютъ продолженіе дѣйствія или состоянія , на пр. *есть, подхожу, подходилъ, буду подходить, подходи* и проч. ; а *совершенными* тѣ времена , кои означаютъ окончанія дѣйствія , на пр. *пошелъ, подойду, подойти, подошедшій* и проч.

Несовершенныя времена суть — въ изъявительномъ наклоненіи : *настоящее, прошедшее несовершенное, будущее настоящее* ; въ повелительномъ : *настоящее* ; въ неопредѣленномъ : *настоящее* ; причастія : *настоящее, прошедшее несовершенное*.

Совершенныя времена суть — въ изъявительномъ : *прошедшее, будущее прошедшее* ; въ повелительномъ : *будущее* ; въ неопредѣленномъ : *прошедшее* ; причастіе , *прошедшее*.

Несовершенныя времена глаголовъ во всѣхъ языкахъ , на пр. во Французскомъ

Le present и *l'imparfait*, означаютъ продолженіе состоянія или дѣйствія двоякимъ образомъ. Онѣ изображаютъ почное продолженіе дѣйствія или состоянія, на пр. смотрице, онѣ *встаютъ* съ постели; *voyez, il se leve* de son lit. Онѣ *вставалъ* съ постели, какъ вдругъ услышалъ и проч. *Il se levait* de son lit, lorsque tout-à-coup il entendit etc. Сими временами можемъ мы также означать и временное продолженіе, т. е. неизвѣстное, неопредѣлительное повтореніе дѣйствія или состоянія. На пр. онѣ *встаютъ* въ семь часовъ утра. *Il se leve* à 7 heures du matin. Прошлую зиму *вставалъ онѣ* въ 7 часовъ утра. L'hiver passé *il se levait* à 7 heures etc.

Но въ языкѣ нашемъ нѣкоторыя прошые глаголы, для означенія неопредѣлительнаго, неизвѣстнаго повторенія дѣйствія или состоянія, имѣютъ особые глаголы, кои назову я *множественными*. Таковы сунъ глаголы: *быть*, *бѣжать*, *идти* и проч., имѣющіе множественныя глаголы свои, *бывають*, *бѣгаютъ*, *ходятъ*, и проч. Чѣобы яснѣе

показать сіе отличительное свойство языка нашего, приведемъ слѣдующіе примѣры: *Voyez, il court*, смотрите, онъ бѣжитъ. *L'enfant que j'ai porté sur mes bras court déjà*, ребенокъ, котораго носилъ я на рукахъ, уже бѣгаетъ. *Voyez, il se traîne à peine*, смотрите, онъ насилу тащится. *Il se traîne partout*, онъ вездѣ таскается. Hier l'enfant courait et se divertissait, et aujourd'hui il vient de tomber malade, вчера ребенокъ бѣгалъ и рѣзвился, а сегодня сдѣлался боленъ.

Всѣ первообразные глаголы въ языкѣ нашемъ имѣли, а многіе и до сего времени сохранили множественные глаголы свои. Глаголы: *несу, лезу, плыву* и проч., отличаясь и до сихъ поръ въ знаменованіи своемъ отъ множественныхъ глаголовъ: *ношу, летаю, плаваю* и проч. Другіе же первообразные глаголы смѣшались съ своими множественными, и составляютъ теперь вмѣстѣ одни глаголы. Таковы есуть: *дую, дулъ; храню, хранилъ; творю, творилъ;* и проч.; ибо *дму, хранлю, творю* болѣе не употребительны.

Кромѣ сихъ множественныхъ глаголовъ, есть еще другіе, на пр. *хаживалъ*, *нашивалъ* и проч., кои назову я *временными*, для опличія ихъ отъ множественныхъ; ибо они означаютъ хошя и повшореніе дѣйствія прошедшаго, но съ нѣкошорою однако же разспановкою. А пошому и не лѣзя сказашь: я часшо, всегда, во всякое время, иногда, *хаживалъ* къ нему; но должно сказашь: я *ходилъ* къ нему часшо и проч.

Множественныхъ глаголовъ гораздо меньше, нежели временныхъ; ибо первые, смѣшавшись съ первообразными глаголами своими, сосшавили вмѣстѣ съ ними одни глаголы. Временныхъ же гораздо болѣе. Всѣ почти просые глаголы имѣютъ оныя. На пр. *пилъ*, *пивалъ*; *билъ*, *бивалъ* и проч. Говорится: онъ часшо, всегда, иногда *пьетъ*, *пилъ* вино; но не лѣзя сказашь: онъ *пивалъ* вино часшо, всегда, иногда; ибо глаголъ *пивалъ* есть временный.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключишь, что въ языкѣ нашемъ нѣкошорые

простые глаголы имѣютъ въ несовершенныхъ временахъ особыя множественные глаголы; прочіе же и всѣ сложные глаголы не имѣютъ оныхъ, и не въ несовершенныхъ временахъ могутъ изображать дѣйствіе двойнымъ образомъ, ш. е. могутъ означать почное или временное продолженіе дѣйствія.

Образецъ спряженія простыхъ глаголовъ, имѣющихъ множественные глаголы,

Изъявительное, настоящее,	<i>Лечу, летая.</i>
Прошед. несовер.	<i>Летѣлъ, летѣла.</i>
Прошедшее.	<i>Полетѣлъ.</i>
Буд. настоящ.	<i>Буду летѣть, буду летать.</i>
Будущ. прошед.	<i>Полечу.</i>
Повелительное, настоящ.	<i>Лети, летай.</i>
Будущее.	<i>Полети.</i>
Неопредѣленное настоящ.	<i>Летѣть, летать.</i>
Прошедш.	<i>Полетѣть.</i>
Причастія настоящ.	<i>Летящій, летящій.</i>

Прошед. несов. *Летѣвшій, летавшій.*

Прошедш. *Полетѣвшій.*

Образецъ спряженія прошлыхъ глаголовъ, не имѣющихъ множественныхъ глаголовъ.

Изъявительное, настоящее. *Бросаю.*

Прошед. несов. *бросалъ.*

Прошедшее. *бросилъ.*

Буд. настоящ. *буду бросать.*

Буд. прошед. *брошу.*

Повелительное, настоящ. *бросай.*

Будущее. *брось.*

Неопредѣленное, настоящ. *бросать.*

Прошедшее. *бросить.*

Причастія, настоящее. *бросающій.*

Прошед. несов. *бросавшій.*

Прошедшее. *бросившій.*

Образецъ спряженія сложныхъ глаголовъ.

Изъявительн. Повелител. Неопредѣлен. Причастія.

Открываю, открывай, открывать, открывающій.

Открывалъ, открой, открыть, открывавшій.

Открылъ, открывшій.

Буду открывать, шій.

Открою.

Разберемъ теперь глаголы : *стучать*, *стукнуть*, *стучать*, *застучать*.

Несовершенныя времена *стучитъ*, *стучалъ*, *будетъ стучать*, *стучи*, *стучать*, *стучащій*, *стучавшій*, могутъ означать почное продолженіе крапкаго дѣйствія. На пр. смотрише, онъ *стучитъ* молотомъ; не шебъ, а мнѣ должно *стучать* молотомъ. Совершенныя времена : *стукнулъ*, *стукну*, *стукни*, *стукнуть*, *стукнувшій*, означающъ окончаніе крапкаго дѣйствія. *Стучать* есть глаголъ множественный. *Стучаю*, *стучалъ*, *буду стучать*, *стучай*, *стучающій*, *стучавшій*, означающъ временное продолженіе, п. е. неопредѣлительное, неизвѣстное повтореніе сего крапкаго дѣйствія. Онъ *стучаетъ* молотомъ съ утра до ночи. Не шебъ, а мнѣ должно *стучать* молотомъ.

Но несовершенныя времена : *стучу*, *стучалъ*, *стучать* и проч., могутъ также означать почное продолженіе дѣйствія, которое представляется намъ неокончательнымъ. На пр. слышише ли, кто-то

стучитъ въ двери. Мнѣ вчера слышалось, что кто-то *стучалъ* въ двери. Въ семъ значеніи глаголъ не имѣетъ множественнаго глагола, и несовершенныя времена его: *стучу* и проч., служащъ также къ означенію неопредѣлительнаго, неизвѣснаго повтора сего продолжительнаго дѣйствія. На пр. Онъ часто заходитъ ошибкою сюда, и *стучитъ* въ эту дверь. Для означенія же начала сего продолжительнаго дѣйствія минувшимъ или прошедшимъ, глаголъ *стучать* заимствуетъ въ совершенныхъ временахъ предлогъ *за*. На пр. *застучалъ*, *застучу* и проч.

Нѣкоторыя сложные глаголы имѣютъ два совершенныхъ времени, означающихъ окончаніе краткаго, или продолжительнаго, и. е. сразу повтора дѣйствія. На пр. *сдуть*, *сдунуть*, *сдуть*. Онъ *сдулъ* бумажку со стола. Онъ *сдулъ* пыль со стола. Но совершенныя времена *сдуваетъ* и проч., могутъ изображать точное или временное продолженіе сихъ двухъ дѣйствій.

Можно ли два совершенныхъ одинакихъ временъ, означающихъ одно окончаніе краткаго дѣйствія, а другое окончаніе продолжительнаго или сряду повпореннаго дѣйствія, можно ли *сдунулъ* и *сдулъ* включить въ спряженіе одного глагола? Не думаю; ибо всѣ глаголы не могутъ имѣть сего свойства, да и значеніе такихъ глаголовъ бываетъ совершенно различно. Напр. *развернуть* и *развертѣть*; *забросить* и *забросать* и проч.; *развернуть* значитъ сложенное раскрыть, а *развертѣть*, свисное развить. *Забросить* камень за сѣню, *Забросать* ровъ камнями.

Спряженіе глагола *Забрасывать*, *забросить*.

Забрасываю. Забрасывай. Забрасывать. За-

брасывающій.

Забрасывалъ. Забрось.

Забросить. За-

брасывавшій.

Забросилъ.

Забросившій.

Буду забрасывать.

Заброшу.

Спряженіе глагола *Забрасывать*, *забросать*.

Забрасываю. Забрасывай. Забрасывать. За-

брасывающій.

Забрасывалъ. Забросай. Забросать. Забрасывавшій.

Забросалъ. Забросавшій.

Буду забрасывать.

Забросаю.

Но глаголы сіи, различествующіе въ значеніи, имѣютъ впрочемъ одинакія несовершенныя времена. Сіе не служитъ ни мало къ опроверженію предложенныхъ здѣсь началъ. Онѣ должны, по мнѣнію моему, приняты бытъ за основаніе при спряженіи глаголовъ. Всякой глаголъ, какое бы ни изображалъ дѣйствіе, спрягаясь на основаніи сихъ началъ, не перемѣняетъ первоначальнаго своего значенія; несовершенныя же времена его, кромѣ глаголовъ, имѣющихъ множественные глаголы свои, могутъ также, какъ и въ другихъ языкахъ, означать временное продолженіе, т. е. неопредѣлительное, неизвѣстное повтореніе дѣйствія.

Заключая симъ примѣчанія мои, я льщу себя надеждою, что онѣ, по крайней мѣрѣ, заслуживаютъ бытъ оспариваемы.

А. М. Б.

С. Петербургъ,
12 го Декабря, 1819 года.

**О томъ, что въ слогѣ нужна осмо-
трительность.**

Я часто слышу, подобно другимъ, сужденія не только о сочиненіяхъ, но даже о слогѣ, и никогда не удавалось мнѣ слышать не только ошѣ чинапелей обыкновенныхъ, но даже ошѣ нѣкоторыхъ и писателей, почему именно *хорошѣ*, или *дуренѣ* слогѣ, хотя, кажется, можно немногими словами означить главное достоинство, или главный недостатокъ слога, и для сихъ — по немногихъ словъ щетно направляю мое вниманіе: ихъ не произносите!

Слогѣ автору стоить или очень много, или совсѣмъ ничего не стоить; следовательно несходство между шѣмъ и другимъ слогомъ должно быть чрезвычайно велико. Слогѣ — эта часть труда при сочиненіи — конечно есть или самая важная, или са-

мая послѣдняя: здѣсь нѣтъ, или почти нѣтъ середины. Не рѣдко человекъ *умный* или *ученый* пишетъ по тому, что у него есть идеи, есть матерія; довольствуется изложеніемъ оныхъ и не заботится о слогѣ, — даже, по видимому, не подозреваетъ, чтобы онъ могъ быть лучшимъ. Но человекъ съ *авторскимъ дарованіемъ* поступаетъ совсемъ иначе: онъ прудится надъ слогомъ, какъ *художникъ* — и вотъ чѣмъ отличается *различіе* между сими двумя писателями; различіе, которое пошчасъ примѣнно — для знаатока, подобно какъ и всякое другое искусство. Короче сказать, слогъ есть искусство, безъ котораго едва ли какая-нибудь книга включитъ сочинителя своего въ число *писателей съ авторскимъ дарованіемъ*. Невыгода сего искусства есть та, что оно стоитъ *очень многого*, а цѣнится *очень немногими*, и что знаатоки въ немъ *очень рѣдки!*

Вообще — по крайней мѣрѣ у насъ — трудъ слога можно назвать опчаси *поперяннымъ*: онъ пропадаетъ для гораздо

большей половины читапелей. Дурной слогъ замѣненъ, чувствительнѣе, а слогъ хорошій оспаенъ, по большой части, безъ вниманія; одинъ, подобно злomu гению, подстилаетъ острые перны на пути чтенія—слѣдовательно беспокоитъ, мучитъ; другой, подобно гению благому, уравниваетъ сей путь, — слѣдовательно облегчаетъ; а что легко, по, кажется, ничего не стѣнитъ; но что безпокойно и мучительно, по производитъ ропотъ.

Слогъ для мысли есть по же, что физиономія для лица. Онъ не украшаетъ мысли ложной, но содѣлываетъ живѣйшею и привлекательнѣйшею мысль хорошую. Подобно какъ обыкновенныя черты лица возвышаются счастливою физиономіею, — мысль самая общенародная получаетъ блескъ отъ изящнаго слога. Когда мы читаемъ, то хотимъ, чтобы слогъ имѣлъ прелесть гармоніи, хотимъ даже и тогда, когда читаемъ одни, въ своемъ кабинетѣ, не произнося вовсе словъ; ибо мы воображаемъ то удовольствіе, которое спали бы чувствовать, еслибъ произносили ихъ.

Единственно по осмоприпелности, пребуемой при сочиненіи опносипелно слога, избгаюпб, сколько можно, спеченія гласныхб буквб (hiatus), одинакихб слоговб, одинб за другимб слѣдующихб (cacophonie), обоудныхб выражений (amphibologie); спаряюпся, чпобы не было двухб или прехб словб сряду вб одномб падежб, — двухб или прехб словб одного падежа сб различными предлогами; чпобы мѣспоименіе опносилось кб ближайшему имени предыдущему; опсерегаюпся опб неправильныхб повпореній одного и того же выражения; подводяпб ихб подб законы симметрии; наблюдаюпб равное число именб прилагательныхб (épithète) сб именами сущеспвительными (а опб сего происходитб то, чпо Французы называютб élégance (*)); заботяпся о плавности фразы, о полнотб періода, о точности вб оборотахб рѣчи, о пріятности вб звукахб словб (euphonie); перемѣняюпб единспвенное число во множеспвенное, или множе-

(*) Древніе очень хорошо знали всб красоты слога. Напримѣрь Платонъ пишеть: холодное уныніе и оцѣпенѣлая скромность.

Книжка XXIII.

I

ешвенное въ единственное ; — падежъ имени или мѣстоименія и залогъ глагола на другіе, и проч. и проч. — и все для того, чшобы ничѣмъ и нимало не затруднить читателя; чшобы доставивъ ему всѣ удовольствія копорыхъ — скажемъ мимоходомъ — часшо не знаетъ онъ причины. Нужды нѣтъ! художникъ любитъ свое искусство и неупомимъ для него единственно, подобно какъ мужъ добродѣтельный не перестаетъ бытъ дѣятельнымъ для добродѣтели.

Авторъ съ шаланпомъ не пишетъ на примѣръ: „шо, что *присвоиваетъ* себѣ сердце наше;“ но пишетъ: „шо, что *присвоивается* сердцемъ нашимъ.“ Не пишетъ: „различіе предлоговъ не замѣняетъ *различія происхожденія словъ*;“ но пишетъ: „различіемъ предлоговъ не замѣняется различіе *происхожденія словъ*.“ (Здѣсь никакъ нельзя избѣжать, чшобы не было *двухъ* словъ въ *одномъ* падежѣ; но въ первой фразѣ ихъ было три.) Не пишетъ: „средства

производящъ успѣхи ; “ но пишешъ : „средство производящъ успѣхи;“ или опять вмѣсто именительнаго падежа спавящъ пврешельный (средствами), и вмѣсто дѣйствительнаго глагола возвращающъ, или взаимный, или общій. Не пишешъ ; „всѣ басни Лафонтена читающъ ;“ а прибѣгаешъ къ тому же обороту. Не напишешъ : „въ книгахъ *древнихъ* авторовъ ;“ но поспрашивается, чѣмъ не было споль обыкновенно встречаемой обоюдности, которая здѣсь состоитъ въ прилагательномъ *древнихъ*, могущемъ относиться къ *обоимъ* существительнымъ ; и подобною осмотрительностию достигашъ желаемой цѣли, по естъ числительны, исправности въ слогъ, а съ ними вмѣстѣ и *тайной* его прелести.

Когда говоришь о сихъ вещахъ, по, кажется, говоришь о сущей бездѣлкѣ. Между шимъ искусные въ слогъ знаютъ, что такое числительны, исправность его и проч. и проч., и каковы, или чего спбуютъ преодоленія трудностей въ достиженіи всѣхъ достоинствъ слога:

Есть очень много книгъ, которыя пользуются *добрымъ именемъ* и написаны дурнымъ слогомъ — пошому что авторъ или уменъ, или ученъ; но вовсе не имѣющъ *авторскаго таланта*. Только авторъ съ талантомъ можетъ быть осмотрителенъ въ слогъ, — можетъ задуматься надъ периодомъ, надъ фразою, надъ словомъ, надъ оборотомъ рѣчи, и проч. и проч. Другіе не могутъ, или все останешся тщетнымъ, безплоднымъ, пошому что имъ неизвѣстно, въ чемъ именно состоитъ искусство слога.

Наконецъ чѣмъ ближе слогъ къ совершенству, тѣмъ — говоря вообще — далѣе читатели отъ догадки о его совершенствѣ. — Повторяю: что приходишь безъ пруда читателямъ, то, кажешся имъ, безъ пруда приходило и писателю.

Скажу въ заключеніе: говоряшь иногда, что превосходство слога есть одно только превосходное пустословіе, и что сущность состоитъ въ манеріи. Это кажешся справедливымъ, кажешся неоспоримымъ, и это — ложно: одинъ и тотъ же случай спановишся

различнымъ, смотря попому, кто пересказываетъ о немъ — умный или глупый человекъ, эгоистъ или человекъ съ чувствительнымъ сердцемъ; ибо на каждого изъ нихъ совсемъ инымъ образомъ дѣйствовалъ эпическій случай. Вотъ отъ чего происходитъ, что въ одной и той же манерѣ одинъ авторъ кажется смѣшнымъ или спраннымъ, производитъ зѣвоту или отвращеніе, а другой возбуждаетъ участіе, нравится, плѣняетъ, привлекаетъ. Одинъ — Падонъ; другой — Расинъ. А какая литература не имѣетъ своихъ Падоновъ, своихъ Расиновъ — и не въ одномъ родѣ?

Князь Шаликовъ.

Н Ъ Ч Т О

о сравнительной степени.

Во всѣхъ Рускихъ Грамматикахъ повсюрюющъ, что имена прилагательныя въ сравнительной степени кончающа на *ѣе*, а въ превосходной на *ѣйшій*, или *айшій*. На пр. честный, *ср.* честнѣе, *пр.* честнѣйшій. Низкій, *ср.* ниже, *пр.* нижайшій.

Сравнивая опечечивенный языкъ свой съ иностранными, особливо въ дѣлахъ свойствахъ, которыя должны бытъ общими для всѣхъ языковъ, я принужденъ былъ самъ себя спросить: по чему прилагательныя въ сравнительной степени въ другихъ языкахъ перемѣняются въ родъ, числъ и падежахъ, а въ нашемъ нѣтъ? И если нѣтъ у насъ сравнительныхъ степеней *измѣняющихся*, то какая разниця между прилагательнымъ и

нарѣчїемъ въ сравнительной степени, (*)? — Кроме того, если намъ должно перевести съ иностраннаго языка имя прилагательное въ сравнительной степени, имѣющее родъ, число и падежъ, — можемъ ли выразить оное и какимъ образомъ выражаемъ?

Эти вопросы заставили меня почтие рассмотреть имена прилагательныя, и я рѣшился представить почтенному нашему Обществу нѣкопоры замѣчанія, — следствія моихъ наблюдений.

Извѣстно, что имена прилагательныя въ положительной степени имѣють двоякій видъ: *полный* и *усѣченный* или *сокращенный*. На пр. *молодой*, — *молодъ*; *умный*, — *умень*. Полныя прилагательныя употребляются тогда, когда они должны стоять передъ именами существительными, составляющими въ предложеніи подлежащее

(*) Петръ *честїе* Ивана. *Послуцай честїе*. Въ первомъ случаѣ прилагательное, во второмъ нарѣчїе.

или сказуемое. На пр. эпитѣ *молодой* челоуѣкъ имѣетъ *приятную* наружность. Цицеронъ былъ *славный* Орапоръ Римскій. — Усѣченныя прилагательныя напрошивъаго употребляюся только тогда, когда должны стоятъ безъ имени существительнаго и сославляютъ въ предложеніи сказуемое. На пр. эпитѣ челоуѣкъ *умень, скромнѣ*.

Прилагательныя въ сравнительной степени имѣютъ, по моему мнѣнію, также двоякій видъ: *полный* и *сокращенный* (*). Полный имѣетъ окончаніе *ѣшій, айшій*

(*) Здѣсь кстати можно замѣтить, что причастія имѣютъ также *полный* и *сокращенный* видъ (*любимый, любимѣ; изнуренный, изнуренѣ* и пр.), и такъ называемыя *дѣепричастія* суть ничто иное, какъ *сокращенныя причастія*. На пр.

Прич.	Дѣеприч.	Слав.	Дѣеприч.
Чипающій.	Чипаючи.	Чипаяй.	Чипшая.
Лешающій.	Лешаючи.	Лешаяй.	Лешая.
Любившій.	Любивши.	Любивый.	Любивѣ.
Создавшій.	Создавши.	Создавый.	Создавѣ.

(*честнѣйшій , нижайшій*); сокращенный *ѣе , е* (*честнѣе , ниже.*) Мы видѣли , въ какихъ случаяхъ употребляются полныя и усѣченныя прилагательныя въ положительной степени , почто въ тѣхъ же случаяхъ употребляются полныя и усѣченныя прилагательныя въ сравнительной степени. Вразсужденіи сокращенныхъ сравнительныхъ степеней нѣтъ никакого сомнѣнія ; множество примѣровъ доказываетъ это. На пр. онъ *добрѣе* меня. Москва *обширнѣе* , *мноволюднѣе* Твери , и пр. и пр. Что же касается до полныхъ сравнительныхъ степеней , то употребленіе также подтверждаетъ это , хотя не въ такой полнотѣ и точности. Вотъ примѣры :

. извлекаетъ изъ нѣдръ земли истинныя сокровища людей , гораздо *драгоценнѣйшія* Перуанскаго золота и Бразильскихъ діамантовъ. *Соч. Карамзина Томъ 8, стран. 80.*

И первый Университетъ Россійскій , подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и

ревностнаго къ успѣху наукъ Попечителя ,
 Михаила Никипича Муравьева , возвысился
 еще на степенъ *славнѣйшую* въ ученѣ
 свѣтѣ. *Соч. Кар. Т. 9, стр. 204.*

Послѣ этого можно ожидать еще *большихъ*
 успѣховъ и *важнѣйшей* пользы.

Сія царственныя добродѣтели , швер-
 дое основаніе прешоловъ и огражденіе
 Царствъ , *могущественнѣйшее* , нежели
 мышцы сильныя и мечи булашныя , —
 сія начала внутренняго благосостоянія на-
 роднаго , украшаются другими *любезнѣйши-*
ми. *Мерзляковъ.*

Изъ сихъ примѣровъ легко можно ви-
 дѣть , что употребленныя здѣсь слова :
драгоценнѣйшія, славнѣйшую, большихъ,
важнѣйшей , могущественнѣйшее, любез-
нѣйшими , составляютъ сравнительную
 степенъ , а не превосходную. Надобно
 только замѣтить , что *полныя сравни-*
тельныя степені болѣе употребляются въ
 высокомъ слогѣ , нежели въ преспоумѣ. Мы

говоримъ обыкновенно : я знаю многихъ *богаче* его ; люди *знатнѣе* себя по же дѣлають ; найди мнѣ домъ *красивѣе* этого. По видимому это неправильно ; надобно бы сказать : многихъ , *богатѣйшихъ* его ; люди , *знатнѣйшіе* себя ; домъ , *красивѣйшій* этого ; но въ обыкновенномъ разговорѣ мы такъ не говоримъ. Разсмотрѣвъ же внимательнѣе сіи примѣры , мы найдемъ , что они также правильны , но сославляють не полныя выраженія ; надобно было бы сказать : я знаю многихъ , *которые* богаче его. Люди , *которые* знатнѣе себя , по же дѣлають. Найди мнѣ домъ , *который былъ бы* красивѣе этого.

Мнѣ кажется , что изъ предыдущаго легко можемъ мы убѣдиться въ томъ , что прилагательныя , кончащіяся на *ѣйшій* , *айшій* , суть подлинно сравнительныя степени. Но мнѣ скажутъ : *мы часто употребляемъ ихъ вмѣсто превосходныхъ степеней !* — Согласенъ ! Но наблюдаемъ ли мы совершенную точность и разборчивость въ употребленіи словъ ? Если строго раз-

смотримъ, что они, будучи употреблены вмѣсто превосходныхъ степеней, никогда не выражаютъ совершеннаго превосходства, а показываютъ только нѣкоторое превосходство, и потому бываютъ очень близки къ сравнительной степени, или, лучше сказать, составляютъ сравнительную степень. На пр. *знаменитѣйшій* изъ мудрецовъ, *храбрѣйшій* изъ воиновъ, не значитъ: самый знаменитый изъ всѣхъ мудрецовъ, самый храбрый изъ всѣхъ воиновъ; но показываетъ того, кто знаменитѣе многихъ мудрецовъ, — того, кто храбрѣе многихъ воиновъ; слѣдовательно *знаменитѣйшій*, *храбрѣйшій*, хотя и показываютъ превосходство, но не совершенное, и потому составляютъ сравнительную степень, а не превосходную.

Разберемъ слѣдующее выраженіе: *Петръ умнѣе всѣхъ*. Кажется, что это выраженіе показываетъ совершенное превосходство; ибо словомъ *умнѣе* дается Петру преимущество надъ всѣми. Но кто скажетъ, чтобы слово *умнѣе* составляло превосход-

ную степень? — Точно также не лзя утверждать, чшобы слова: *славнѣйшій*, *храбрѣйшій*, восставляли превосходную степень въ слѣдующихъ выраженїяхъ: *славнѣйшій* изъ всѣхъ мудрецовъ былъ Сократъ; *храбрѣйшій* изъ всѣхъ воиновъ былъ пы.

Когда мы переводимъ съ иностранныхъ языковъ, шо прилагательныя въ сравнительной степени часшо выражаемъ, и даже принуждены бываемъ иногда выражать не иначе, какъ прилагательными, кончающимися на *ѣйшій*, или *айшій*, слѣд. уравнительными же степенями. На пр.

Excité par l'insatiable avidité, aveuglé par l'am- bition encore <i>plus insa- tiable</i> , il renonce aux sentimens d'humanité.	Побуждаемый нена- сышною жадностию, ослѣпленный честолю- бїемъ еще <i>ненасытнѣй- шимъ</i> (болѣе <i>ненасыт- нымъ</i>), онъ отвергаетъ чувства челоувколюбїа.
--	---

Я не имѣю нужды приводить болѣе при-
 мѣровъ. Всякой переводчикъ встрѣтитъ ихъ

множество и увѣрился въ истинѣ мною сказаннаго. Мнѣ оспаривается только сказать, что Руской языкъ, подобно иностраннымъ, имѣетъ сравнительную степень, измѣняющуюся въ родѣ, числѣ и падежахъ, и что Грамматики наши неправильно называютъ ее превосходною степенью.

Болдыревъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П О Д Р А Ж А Н І Е

45 му Псалму.

Богъ намъ — прибѣжище и сила,
Помощникъ въ скорбныхъ временахъ;
Его рука отъ бѣды хранила
Рабовъ Своихъ во всѣхъ вѣкахъ. —
Не убоимся, если громы
Обрушатся на наши дома,
Обыдутъ насъ полки враговъ,
Спраны земныя возмущаясь,
Высоки горы погрузятся
Во глубинѣ морскихъ валовъ! —

Онъ словомъ Царства возвышаешь,
И словомъ сопрясаетъ ихъ;
Морскія бездны иссушаешь
Единымъ духомъ усъ Своихъ;
Предъ Нимъ величество земное, —
Какъ взгроможденъе восковое,
Трепещетъ, шаетъ и падетъ. —
Не страшно намъ враговъ коварство;
Непобѣдимо наше Царство:
Богъ посреди его живетъ.

Книжа XXIV.

А

Народы злѣе возмутились,
 Воспрепешало все кругомъ,
 Упали Царства, раздробились; —
 А мы, паденья внемля громъ
 Подъ всемогущею рукою,
 Блаженствуемъ среди покою
 И пѣснь побѣдную поемъ! . . .
 Дѣлимся счастьемъ съ врагами!
 Хвала судьбѣ! — Господь силъ съ нами! —
 И мы вѣки не падемъ!

О вы, которые хошите
 Царями бысть всѣхъ странъ земныхъ,
 Придише къ намъ и посмотрише,
 Какъ Богъ хранишь людей своихъ:
 Опъемя во вселенной брани,
 Онъ сильныхъ обезсилилъ длани,
 Лукъ смертоносный сокрушилъ,
 Переломалъ мечи булашны,
 Сожегъ огнемъ доспѣхи ратны,
 И крѣпкихъ крѣпости лишилъ! . . .

Смиритеся! — и разумѣйте,
 Что Богъ Единъ владѣетъ всѣмъ;
 Оставьте гордость, и не смѣйте
 Вселенну прошекашь съ мечемъ;
 И на пущахъ своихъ ужасныхъ
 Не умножайте жерствъ несчастныхъ,
 Да не клянушь попомки васъ! —

А вы, страны Сионской чады,
 Среди благополучна града
 Хвалите Бога всякій часъ! . . .

Воспойте странъ своихъ спасенье,
 И не страшитесь переменъ;
 Всѣхъ Царствъ вселенной пошрясенье
 Не поколеблетъ нашихъ спѣвъ. —
 Творецъ міровъ есть нашъ Хранитель!
 Пускай надмѣнный побѣдишель
 Съ несмѣпнымъ полчищемъ своимъ
 Гремить предъ нашими врагами; —
 Не бойтеса! . . . Господь силъ съ нами:
 Изыдемъ, грянемъ, побѣдимъ!

Шатровъ.

КЪ СУДЬБѢ ВСЕМОГУЩЕЙ.

(Подражаніе Горацию) (*).

Боговъ безпечный чпишель, хладный,
Рабъ суемудрія и буйственнoй мечпы
Блуждалъ я, странникъ безопрадный,
Въ пучинѣ бурныхъ волнь земныя суешы:
Теперь свой парусъ премѣняю;
Теперь свѣшу я вспяшь по дознаннымъ слѣдамъ;
Теперь, себя ищущу, — желаю,
О чистый, тихій свѣтъ, спасеніе пловцамъ!
Я зрѣлъ видѣніе ужасно! —
Я зрѣлъ: самъ Богъ—Опець вдругъ пламеннымъ
бичемъ

Разсѣкъ полнеба въ пучѣ ирачной;
И бури раздѣливъ, блистательнымъ пущемъ
На огнердяной колесницѣ
Мчаль яростныхъ коней, дымящихся враждой;
Судъ правый былъ въ Его десницѣ;
Пропекъ и возгремѣлъ средь ясноши грозой,
И возшeнала вѣругъ вселенна:
И грубая земля, и всѣ собранья водъ,
И Сшиксъ, и Тенара смущенна

(*) Въ обыкновенныхъ изданіяхъ сія и послѣдующая Ода Горация раздѣлены; но нѣкоторые изъ знаменитыхъ критиковъ соединяютъ ихъ въ одну Оду; я, по примѣру Лагарпа, сдѣлалъ то же. *Мѡв.*

Обишель мрачная — неправедныхъ исходъ ,

И горь основы неизмѣнны :

Все прешь вдругъ обяль , подвиглось все —

и ждешь

Всемишній , свѣтомъ облеченный ,

Межь небомъ и землей величественъ грядешь ,

И слѣдъ въ зѣмрѣ оставляеши —

Оспрадную дугу , въ урокъ своихъ дѣшей

Такъ! шакъ! — Онъ міромъ управляеши ,

И Царь , и Судя , — Строишель дивный Сей ,

Единый дѣйствуеши и можеши ! —

Величіе Царей , воѣ міра красомы

Восхоцешъ — вознесешъ ; восхоцешъ —

уничтожиши ;

Его раба — Форшуна — шы !

Царица Анша скаль высокихъ ,

Однимъ воззрѣніемъ могущая подыаши

Ничтожность изъ долинъ глубокихъ ,

И гордые во гробъ приумфы низвергаши !

Тебя мольбой обремѣняеши

Безвѣстной селянинъ ; — владычица морей ,

Тебѣ богачъ себя вѣтряеши —

И спонешъ лоно водъ подъ грузомъ кораблей ;

Тебя среди полей премѣнныхъ

Блажиши Дакіецъ , Скифъ ; — тебѣ спрашится

Рямъ ,

И матери Царей иноплеменныхъ ,

И напыщенныя величешвомъ своимъ ,

Порфиросные въ смущенъ

Дрожатъ , да не попрешъ тяжелою сполой ,
 Терпѣнья , опыта шворенье —
 Гражданспвенный колоссъ ; да бурною волной ,
 Народъ , сей жалкой рабъ раздора ,
 Не хлынешъ къ мяшежамъ , къ уснувшимъ мя-
 шежамъ (*). —

За ними въ слѣдъ погибель скоро
 Оплошамъ сильныхъ Царствъ , престоламъ и
 градамъ. —

Тебѣ предходитъ Рокъ свирѣпый ;
 Въ десницѣ мѣдяной ужаснаго блестящъ
 Кинжалъ , цѣпи и заклёпы ;
 Съ нимъ язва шомная , съ нимъ шрусъ , пошопъ
 и гладъ. —

Съ тобой Надежда умиленна
 И Вѣрность — рѣдкій гостъ въ юдоли слезной
 бѣдъ ;

Убрусомъ бѣлымъ покровенна ,
 Она не слѣдуетъ за призракомъ суешь ;
 Она одна не оставяетъ
 Чершого пышнаго , опъ коего швой взоръ
 Внезапно , быстро ошлѣщаетъ ,
 Надъ коимъ изреченъ швой спрашный приго-
 воръ. . . .

Свершилось ! . . . гдѣ предметъ хваленья?
 Гдѣ ложная любовь ? гдѣ дружба позднихъ
 лѣтъ ? —

(*) Эту Оду писалъ Гораций во время внутреннихъ
 безпокойствъ Рима.

Мы дѣлимъ чашу наслажденья,
 А къ чашѣ горести никшо не подойдешъ!...
 Покрой, богиня, силою многой
 Вождя (*), несущаго въ края Брипански брань,
 Младыхъ героевъ опышь спрогой,
 Охотную любви опечесивенной дань!...
 Ахъ! спыдно, спыдно видѣшь раны,
 Позорные слѣды раздоровъ, мяшежей! —
 Куда не вшорглися пираны?
 И что укрылося ошь люшоспи мечей?
 Кто дерзкій неба убоился,
 И руку грозную надъ жершвой удержалъ?
 Кто предъ свяшынней преклонялся
 И храмовъ Божескихъ злодѣи не осквернялъ?...
 Очистимъ сердце наше, длани!
 Се Массагетъ, Арабъ: — Герои, полетимъ!
 Въ кровавомъ вихрѣ правой брани
 Враждой пришупленны булашы изоспримъ!

Мерзляковъ.

(*) Цезаря.

КЪ НЕСЧАСТНОМУ.

О ты, ктобъ ни былъ ты, — Несчастный
Въ сраданіяхъ сподвижникъ мой ;
Чьи дни всѣ пасмурны, ненастны,
Мрачашся скукой и шоской,
Внуши мой голосъ незнакомый! —
Судьбой по шерніямъ влекомый,
Какъ ты, я шоки слезны лью ;
Какъ ты, подъ гнѣпомъ бѣдъ спенаю ;
Внемлижь мнѣ : — я развлечъ желаю
Моею скорбью скорбь твою.

*

Пускай счастливыя веселятся,
Оспрадь сладчайши чаши пьютъ,
Блаженствомъ жизни пресыпяща,
И на возгавьи нѣгъ уснутъ :
Коль съ зависцю на радость взглянемъ,
Сравненьемъ — лишь несчастнѣй спанемъ !
Такъ лучше дружно соединимъ
Взаимныя печали наши,
И горьки раздѣляя чаши,
Слезой участья усладимъ,

*

Мы спраждемъ часпо неповинно ;
Но Богъ нашъ, но Творецъ нашъ благъ :
Рачишь о тваряхъ благоспимно,
И мзда ихъ — на Его вѣсахъ.

Такъ цѣлью намъ да будетъ вѣчность! —
 Вся наша жизнь — къ ней шрудный путь ;
 Но мѣра жизни — скоропечность ;
 И, въ кругъ времени мелькнувъ
 Едва должайшій вѣкъ успѣешь, —
 Земля, какъ злакъ ея, исплѣешь,
 Сонь звѣздъ, и солнце, и луна
 Запмятся, слѣдъ ихъ испребится :
 Но вѣчность — въ Богъ ушвердился ;
 Безмѣрной вѣкъ Его — она.

*

И дверь къ ней — гробъ! — Въ пыли пре-
зрѣннми

Влачишься червь не весь свой вѣкъ :
 Уснешь ; — во снѣ преображенный ,
 Ужь злапокрылый мошмылекъ
 Съ цвѣточка на цвѣшокъ порхаешь .
 Такой насъ жребій ожидаешь
 За бренной гробовой доской ; —
 Житейско преплывая море ,
 Встрѣчаемъ лишь шруды и горе ,
 За гробомъ — нову жизнь, покой.

*

Счаспливцы смерти пусть спрашашся ;
 Имъ дорогъ жизни бмспрой мигъ :
 При двери гроба разлучашся
 Они съ спляжаньемъ всѣхъ благихъ ;
 Осшавятъ роскоши приятштво ,
 Осшавяшъ почести, богатштво

И беззаботный кругъ утѣхъ ;
 И помны вѣжди закрывая ,
 Скорбяшь , надежды лучъ теряя
 Найми приашивъишій имъ брегъ.

*

А мы , что въ жизни сей шеряемъ ? —
 Убожество , печаль , пруды ;
 Въ могилѣ съ нами погребаемъ
 Заботы , горести , бѣды ;
 Когда ихъ съ плѣвнью въ гробъ сбросимъ ,
 Съ собою все свое уносимъ :
 Надежду лешну вѣчныхъ благъ. —
 Подъ гробовой ми зримъ доскою
 Отверстыя врата къ покою :
 Намъ шагъ въ могилу — въ вѣчность шагъ.

*

Несчастный ! жизни сей мяпежной
 Преплывши трудный , крапкій пушь ,
 Доснигнешь пристани надежной ,
 Гдѣ ты возможешь опдохнуть .
 Дерзай же ! — съ бѣдствами сражайся ;
 Противу горестей мужайся ;
 И гроба близкій зря порогъ ,
 Теки чрезъ легкія преграды
 Въ храмъ вѣчности : — съ вѣнкомъ оспрады
 Тамъ ждешь Тебя Отецъ швой — Богъ.

В. Капнисть.

Безъ сомнѣнiя прiяшно, Почтеннѣйшiе Сочлены, въ семъ прекрасномъ сочиненiи встрѣпишь и узнаешь того Пѣснопѣвца, котораго шворенiями плѣнялись мы сполько времени. Талантъ превосходнаго Писателя можетъ иногда ослабѣвать съ лѣтами; но искусство его возвышается и совершенствуется до самаго гроба; — первой зависитъ не отъ насъ: онъ есть даръ природы; другое — плодъ долговременныхъ нашихъ усилiй, плодъ обширныхъ свѣдений и опытовъ въ свѣтъ, плодъ — тяжело собранный на тернистомъ полѣ Словесности; оно-то въ самомъ дѣлѣ составляетъ истинную нашу честь, благоприобрѣтенное наше богатство и знаменитость. Почтенный Авторъ нашъ цвѣтевшъ и шенерь между лучшими Поэтами Россiйскими, какъ знапокъ и спрасный любитель своего искусства, умѣющiй свободно управлять имъ въ зиму лѣтъ своихъ, шакъ какъ управлялъ онъ имъ въ лѣта юношескiя. — Предлагаемая мною Ода имѣетъ еще другое достоинство, которое заключается въ самомъ ея содержанiи: — она обращена къ Несчастному. — Пѣснопѣвецъ уединенный,

но болящій сердцемъ о всемъ томъ, что
относится къ человѣчеству, знающій буд-
ствія свѣта, и, какъ онъ самъ говоритъ,
испытавшій оныя — избъ подвъ крова сель-
скаго, безмолвнаго и мирнаго, возвышающъ
ко всякому несчастному, кто бы онъ ни былъ,
сосрадашительный свой голосъ, и утѣшаетъ
его всѣми средствами, какія доставляетъ
намъ разумъ и благодушельная Вѣра. Вотъ
планъ и цѣль всего сочиненія. Нужно ли спра-
шивать, что предметъ сей избранъ и вку-
сомъ, и чувствомъ изящнымъ? Положеніе,
опредѣленное для себя Поэтомъ, прекрасно.
Я слышу голосъ меня утѣшающій, гдѣ бы
я ни былъ, и кто бы я ни былъ — довольно!
Это общій врачъ сердець, копорой произволь-
но раздѣляетъ мои страданія, потому что
ихъ самъ испыталъ, и предлагаетъ мнѣ
дружественно и кротко врачеванія, копорыя
извѣсны ему по опыту. — Несчастной
понимаетъ лучше всего несчастнаго. —
Во цѣлой піесѣ замѣчается мужественная
и ясная зрѣлость мыслей, и по внутреннее
убѣжденіе, копорое всемогущею своею силою
восхищаетъ за собою сердца читающихъ. —

Разберемъ подробности всего сочиненія и ходъ его.

Мы видѣли сперва воззваніе къ Несчастному, съ копорымъ раздѣляя свои слезы, сипарается Поэтъ усладить собственную горестъ; потомъ слѣдуетъ увѣщаніе, не смотря на то, что зависію на счастливыхъ; ибо чрезъ одно это чувство погибаетъ уже и послѣднее утѣшеніе несчастнаго — надежда на Бога — на общаго Отца чадъ Своихъ; погибаетъ увѣренность, что самыя несчастія суть ничто иное, какъ способы къ радостямъ, копорыя пѣмъ живѣе чувствуемъ, чѣмъ тяжелѣ ихъ достигаемъ. Какія же сіи радости? — Ошдаленная, неизвѣстная вѣчность, къ копорой одна дорога — гробъ, всепрестѣкающій, все опдѣляющій опъ насъ смертное. Съ обновленіемъ весны преобразующійся изъ червя мотылекъ, являетъ знаменіе нашего преобразованія. — Счастливыцъ должны бояться смерти; ибо они привязаны къ плѣнной своей одеждѣ и пищѣ; несчастные въ томъ и другомъ видятъ свое убожество, печаль и шруды, а потому легко и охотно ихъ освавляютъ. — И такъ успо-

койся всякой смертный, кто бы ты ни был, —
сображь мой, пеки въ свое поприще бодро
и неуспрашимо; шамъ ждешь себя Опець
швой — Богъ!

Вопъ ходъ цѣлой пѣеы: его не начер-
тало искусство холодного философа: эшо
движеніе сердца нѣжнаго, чувспвишельнаго
и просвѣщеннаго, поченіе мыслей мудре-
ца челоуѣколюбиваго. — Таковъ долженъ
быть характеръ всякой правоучительной
Оды, имѣющей предметомъ — ушѣшеніе со-
спрудниковъ нашихъ, какъ Спихопворецъ
сказалъ, въ спраданияхъ жизни. — Войдемъ
въ дальнѣйшія подробносши сочиненія.

Тонъ его уже опредѣленъ самымъ родомъ
спихопворенія: благородной, ровной, безъ
пышныхъ украшеній и порывовъ, опличаю-
щійся единспвенно силою мыслей и выра-
зительносшю; — и сей слогъ выдержанъ
опъ начала до конца. Сей тонъ, нѣкошо-
рымъ образомъ, соспавляетъ главное опли-
чіе, характериспику почти всѣхъ Одъ Гна
Капниспа, въ коихъ чистоспа языка, скрем-
носшь, и какая-шо особенная бережливосшь

въ украшеніяхъ блестящихъ, соединенная съ чувствомъ глубокимъ, часто унылымъ, но всегда благороднымъ, составляютъ главное достоинство. Еще повторю: шакова должна быть философская Ода.

О ты, ктобъ ни былъ ты — Несчастный! Можешь быть иные, именующие себя *Пюристами*, скажешь: эпошь спишь не имешь надлежащей плавности — *О ты, ктобъ ни былъ ты!* Но въ опвѣшь почтеннымъ Пюристамъ скажу я, что гармонія всегда должна жертвовашь силъ мысли и чувства; и здѣсь онъ есть. — Спихошворецъ сими премо словами опредѣляетъ уже и характеръ имъ принятой — участие во всѣхъ несчастныхъ — и характеръ того, къ кому обращаетъ рѣчь свою. Для него нужды нѣтъ, кто бы ни былъ сей человекъ — вельможа, или послѣдній рабъ: онъ даетъ одно, общее почти всѣмъ намъ названіе — несчастной; пишуль, который въ мы болѣе или менѣ себя присвоиваемъ въ суетной юдоли сей жизни. Слово *пасмурный* — означаетъ дни скуки и шоски; *ненастный* — время са-

маго несчастія : и такъ оба сіи выраженія не мѣшаютъ другъ другу. — Мнѣ весьма нравится слово: *незнакомый*; въ немъ сила особенная. — Отъ знакомыхъ или отъ друзей утѣшеніе и помощь приятны, но не столь важны, ибо они вознаграждаются взаимностію; помощь и совѣтъ отъ *незнакомаго* драгоценны — они суть — чистая любовь къ человѣчеству безъ видовъ и возмездія. Въспомо слова *развлечь*, можетъ быть, почтѣе были бы слова: *растворишь, облегчишь, уполишь*; ибо выраженіе: *развлечь одну скорбь другою*, нѣсколько, кажется, темно. У насъ говорится *развлечься, развлекаться*: это о самомъ себѣ; здѣсь совсѣмъ не то: *развлечь свою скорбю чужую скорбь*; впрочемъ мысль вообще очень хороша. — Въ слѣдующей строфѣ можно замѣтить прекрасной стихъ: *и на возславы нѣгъ уснуть*; и глубокое познаніе сердца человѣческаго въ стихъ: *сравненьемъ лишь несчастій станемъ*. Въ самомъ дѣлѣ, мы всегда умножаемъ бремя нашихъ бѣдствій, шерзаясь мыслию, что у другаго ихъ гораздо меньше. Слѣдующіе стихи —

Книжка XXIV.

Б

чиспы и гладки — *Мы страждемъ часто* и проч. Слово: *часто*, здѣсь также показываетъ особливую точность и нѣжность Писателя, обращающаго слово свое къ неизвѣстному несчастливцу. По большей части виною горестей мы сами; въ иныхъ бываемъ и невиноваты; между тѣмъ, какъ спрогнѣ правоучители, желая упѣшить несчастнаго, грозно кричатъ ему одно и то же: ты во всемъ самъ виноватъ! *Его сиротъ* — не много кажется темно; безъ сомнѣнiя, Сочинитель назвалъ насъ сиротами только потому, что мы опдалены отъ общаго опечесшва нашего — неба. — *Ущедритъ чадъ* — игра словъ. — *Тлѣни* — вмѣсто плѣна; можно бы, кажется, сказать здѣсь множественное плѣнiй, дабы соблюсти риму. — *Старанiе и трудность* у насъ не привимающа въ область словъ стихотворныхъ; впрочемъ всякое слово украшается мыслию и другими его окружающими словами; и здѣсь также. Послѣднiя два стиха очень хороши.

Слѣдующее сравненiе труднаго путешествiя Колумба для открытiя Америки съ

путешествіемъ земнаго спуженика въ вѣч-
ность, кажется мнѣ нѣсколько ученымъ или
выисканнымъ. — Колумбъ предполагалъ на-
угадъ безвѣстный досель берегъ Америки;
мы убѣждаемся сердцемъ, что есть для насъ
вѣчность все награждающая; открытіе не-
извѣстной Америки Колумбомъ произвело
ужасныя брани, хищенія и пиратства;
берегъ неизвѣстной вѣчности вводилъ насъ
въ царство немерцающей радости и не-
змѣняемаго спокойствія, какъ самъ Ав-
шоръ говоритъ послѣ. — Нужно, чтобы
сравненія показывали намъ предметы со-
образными во всѣхъ главныхъ обстоятель-
ствахъ и отношеніяхъ.

Трудный путь — здѣсь порядокъ мы-
слей также нѣсколько шрудный, — но слѣ-
дующіе стихи очень хороши. *И дверь къ*
ней гробъ — кратко и сильно. — Слово
презрѣнный кажется не много рѣзко; ни-
чтожный можеть быть было бы ближе. —
Нѣтъ ничего въ мірѣ презрѣннаго, когда
должно говорить въ шонѣ сей челоуколюби-
вой Оды. — Прекрасно сравненіе и стихи: *ус-*
нетъ; — *во снѣ преображенный*, и проч. —

И намъ надобно уснуть для здѣшняго міра, дабы достойно преобразиться для будущаго! *За брэнной*—слово значительное и поставлено не даромъ: по есть за такую доской, коперая не въ состояніи удержатъ насъ въ земль, когда услышимъ гласъ Ошца своего. *Оковы гроба разорвутся*, сказалъ другой Стихотворецъ.

Въ слѣдующихъ двухъ спрѣхахъ Поэтъ нашъ представляетъ еще новое утѣшеніе несчастному. Счастливые, говоритъ онъ, боятся умереть: они разлучаются со своими спяжаніями; несчастные перяютъ только то, что ихъ тяготитъ въ сей жизни: убожество, печаль и труды. Стихи въ обоихъ спрѣхахъ почти всѣ хороши. Особенно мнѣ приахень эпосъ *беззаботный кругъ утѣхъ*, изъ котораго наконецъ по зову смерти невольно долженъ выступить упоенный и расслабленный сынъ роскоши и нѣги.—*Найти приятнѣйшій имъ брегъ*—слово *брегъ* не столько здѣсь прилично, какъ прежде; ибо не было никакого отношенія ни къ плаванію, ни къ морю. Слѣдующіе стихи

прекрасны: — *а мы что въ жизни сей теряемъ?* — *бѣды*; — просто и сильно. — *Тлѣнью* еще вмѣсто *тлѣни*. — *Съ собою все свое уносимъ* — *благъ* — очень хорошо! особенно разительны слова, *все свое!* все, что со-
ставляешь истинно человека!

Послѣдняя строфа также очень хороша. Доброй Поэтъ ободряетъ и укрѣпляетъ своего поварища и сотрудника на поприщѣ жизни скорымъ сладостнѣйшимъ оподобленіемъ, скорымъ соединеніемъ съ общимъ Опцемъ нашимъ — Богомъ. Спроси Криштики, можетъ быть, сказали бы, что представивъ жизнь моремъ, а вѣчность при-
спанью, не споль прилично уже говорить о порогѣ гроба, о легкихъ преградахъ; или пожелали бы, чпобы вмѣсто вѣнка опрады, спояли слова: вѣнецъ радостей; — какъ выраженіе болѣе величественное, болѣе соотвѣтственное послѣдному прекрасному стиху:

Тамъ ждетъ тебя Отецъ твой — Богъ!

Но мы, встрѣчая повсюду правильный ходъ и изящныя красоты цѣлаго шворенія

сего знаменишаго Пѣснопѣвца, споль многие годы плѣнявшаго насъ своею сладоспною лирою, и въ преклонные дни сохранившаго въ груди своей пламень Аполлона, съ досподолжною признапельностію принимаемъ сей драгоценный его подарокъ, и надѣмся, что онъ и впредь, какъ испивный Любитель Словесности, не оставиць украшать бесѣды наши своими прекрасными произведеніями, въ удовольствіе почтеннѣйшихъ Посѣщителей и въ назиданіе молодыхъ Поэтовъ.

Мерзляковъ.

О Д А

Горация къ Меценату.

(Maecenas, atavis edite regibus.)

☉ Меценатъ , Царей дошомокъ Тирренійскихъ ,
Моя и слава, и покровъ ! —
Иной въ ризаньяхъ Олимпійскихъ ,
Ошъ колесницы пылъ клубя до облаковъ ,
Коль быспро колесомъ горящимъ
Мешу опасну облешишь ,
Ввычанный пальмою, къ богамъ, землѣ судящимъ,
Уже себя взнесеннымъ чшишь.

*■

Сего , коль рвеніе полды непостоянной
На вышни почести взведешь ;
Того , коль съ Ливіи просшранной
Всѣ жашвы въ жипницу онъ собсшвенну сберешь ;
Любящаго сохой своею
Наслѣдшвенны поля пахашъ ,
За жребій Атшала не подспрекнешъ ладьею
Егей свирѣпый разсѣкашь.

*

Купецъ со шрепешомъ зря бурный Афръ пол-
дневной
Въ борбѣ съ Икарскою волной ,

При ужасахъ пучины гнѣвной,
Спокойство хвалишь сель, приючь укро-
мый свой ;

Но вдругъ, лишь буря ушихаетъ,
И зыбь скалу престанетъ бишь,
Онъ ушлую ладью поспѣшно исправляетъ,
Безсиленъ нищету сносишь.

*

Съ покаломъ стараго Мессійска грозна сока,
Тотъ легши подъ древесну тѣнь,
Иль близъ священнаго пошока,
Проводитъ лѣноспно отъ ушра цѣлый день;
Другіе любящъ рашны спаны,
Смѣшенный шрубъ съ пищальми звукъ,
И Марса грознаго пошѣху, подвигъ бранный,
Для машерей испочникъ мукъ.

*

Подъ кровомъ свѣшлмхъ звѣздъ ловець зимой
ночуешь,
Хотя жена младая ждешь,
Коль серну вѣрный песь почуешь,
Иль дерзкій вепрь въ лѣсу шенеша разорвешь. —
Меняжъ священный плющъ равняетъ
Съ богами, вводитъ въ ихъ соборъ,
Меня въ прокладѣ роць, отъ черни ошдѣляетъ
Саширь и Нимфъ прелесныхъ хоръ. —

*

Свирѣли коль своей игривой, сладкогласной,
Евшерпа мнѣ не возбранишь,
И Полимнія коль согласно
Лезвійску громкую мнѣ любною оспрунишь;
Когда, о Меценатъ! тобою
Причпуюсь къ Лирическимъ Пѣвцамъ:
Надъ злобной завистью взнесенною главою
Коснусь я звѣзднымъ небесамъ!

В. Капнистъ.

О Д А Г О Р А Ц И Я

къ Пиррѣ.

(Quis multa gracilis.)

Какой прелестникъ ловкой, спашной,
Въ вершепѣ нѣги и прохладѣ,
Опрысканъ влагой ароматной, —
О Пирра! — средѣ любви оспрадѣ,
Въ восторгѣ прижимаешь нѣжномъ
Тебя на мягкомъ ложѣ розѣ,
И для кого плещешь въ небрежномъ
Убранствѣ злапо льнистыхъ косѣ?

*

Увы! колькрапъ любви обманы,
И лещь Сирениныхъ рѣчей,
И кляшвы, предѣ богами данны,
Оплачешь несчастливцеъ сей!
Колькрапно моря шреволненье
И вспѣнный его хребешь
Неопытнаго въ изумленье,
Въ шревогу, въ горесшъ приведетъ!

*

Теперь, плѣненъ побой, безопасно
 Онъ ослѣпляется мечшой,
 Чпо будешь ты любезца вѣчно
 И вѣчно искренна душой;
 Теперь швой взоръ его прельщаетъ,
 Какъ видъ кристальныхъ, шихихъ водъ;
 Но, ахъ! мечшатель сей не знаешь
 Премѣнныхъ моря непогодъ.

*

Несчастливы, чпо побой плѣненны,
 Тебя узнали лишь слегка;
 О мнѣжъ, — вселенна въ храмъ священный
 Обѣшна на шѣнѣ доска
 Свидѣтель, чпо опъ злоспрананья
 Средь бурныхъ избѣжавъ зыбей,
 Одежды мокры, въ даръ признанья,
 Я посвящилъ Царю морей.

В. Капнистѣ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ IV ПѢСНИ ПОЭМЫ:

ОСВОБОЖДЕННАЯ МОСКВА.

(*Пожарскій исходитъ на брань.*)

Трикрашм **возвѣсиль** разлуку **трубный**
звукъ
И **бранныхъ** колесницъ **промчался** грозной **спукъ**.
Уже главу **покрыль** Пожарскій **браннымъ** **шле-**
момъ
И свой **обвѣсть** **изрекъ** **послѣдній** **передъ** **Небомъ**:
„Ошечество, **друзей** **опъ** **плѣна** **свободишь** ,
„Пасъ **въ** **прахъ** **родной** **земли**, **иль** **славно** **по-**
бѣдишь!“
Мгновенно **вѣсць** **сія** **къ** **супругъ** **доспигаешь** ,
Блѣдна, **шрепещуца** **къ** **Герою** **прибѣгаешь** ,
Власы **распуценны**, **младенецъ** **на** **рукахъ** :
„Увы ! **рекла** **она** **съ** **опчаяньемъ** **въ** **очахъ** ,
„Уже **ль** **на** **брань** **идешь**, **весь** **ранами** **покрышый**,
„Уже **ль** **не** **все** **свершилъ**, **о** **Воинъ** **знаменишый!**
„Нѣшь, **пустъ** **въ** **чреду** **свою** **сражается** **другой**,
„Пустъ **кровь** **свою** **лієшь**, **а** **ты**, — **ты** **будь** **се-**
мною! —
„Супругъ ! — **давно** **ль** , **какъ** **левъ** , **во** **брани**
подвизался ?

„И ты готовишь мнѣ вновь лютое мученье!...
 „Склонись на скорбной гласъ, познай хоть

сожалѣнье!

„Не дай влачить мнѣ жизнь, безъ помощи,
 одной,

„И сына не оставь несчастнымъ сиротой!“ —

Герой безмолвствовала: любовь въ очахъ блистала

И грудь безстрашная, вздымаясь, препетала;

То полной скорби взоръ оный въ землю попу-

плялъ,

То съ нѣжностью его къ супругѣ обращалъ;

Казалось въ душѣ боролись два влеченья:

Любовь супружняя и долгъ священный служенья.

Со вздохомъ наконецъ оный рекъ: „Безцѣнной

другъ!

„Почто ты съшуешь? — уже ли швой супругъ

„Одинъ, какъ робкой шапъ, оставишь брань

свящую,

„Когда подвиглись всѣ за родину драгую,

„Когда Опечесства гремишь призывный гласъ?

„Я чувствую: — пришекъ свободы сладкій частъ,

„И мнѣ ли не возсташь противъ враговъ ко-

варныхъ,

„И мнѣ ли чуждымъ бышь среди мужей из-

бранныхъ? —

„Вспомни, что любовь къ опеческимъ стра-

намъ

„Дороже чадъ и женъ, — всего, что мило намъ.

„Ужель не зришь сама въ томъ волю Провидѣнья,

- „Что раны днесь мои познали изцѣленья?
 „Почто скорбѣшь шебѣ, къ чему сей слезный
 покъ? . . .
- „Но если и судиль уже враждебный рокъ
 „Миѣ пасть средь грозныхъ сѣчь, какъ жертвѣ
 обреченной: —
- „Умру, но мыслію благою усладѣнной,
 „Что долгъ къ опечеспву я свято сохранилъ:
 „Сражался и другимъ въ бою примѣромъ былъ.
 „А ты, младенецъ мой! залогъ нѣжнѣйшей
 спраспи,
 „Еще не внемлющій ни спраху, ни напаспи,
 „Прими лобзаніе родительской любви!
 „Рости, рости, крѣпись, для доблестей живи,
 „Будь матери швоей ошрадой, ушѣшеньемъ,
 „Покровомъ будь для ней, вшорымъ будь Про-
 видѣньемъ,
 „Защитой вѣрною въ преклонныхъ, слабыхъ
 дняхъ:
- „За добродѣтель намъ награда въ небесахъ.
 „Наслѣдуй опъ меня сей грозный духъ военной,
 „И ненависть къ врагамъ ошчизны оскорбленной,
 „И пламенну любовь, и ей покорной нравъ,
 „И ошчужденіе опъ нѣги и забавъ.
 „Да не коснется ввѣкъ рука швоя съ любовью
 „Руки губителя, покрышой Руской кровью!
 „Да шопъ, кшо осквернялъ святыню алшарей
 „И злаша жаждущій, во ярости своей,
 „Надъ ликомъ Праведныхъ безумно наругался,

„Кшо Върѣ нашихъ спранъ съ жулою насмѣхался,
„И слабыхъ женъ и чады цѣпями оковаль,
„И дерзосной стопой законы попираль, —
„Да будешь шощъ вовѣкъ тебѣ предметомъ
мщенья!
„Вошь родшаго тебѣ завѣшь благословенья.“

Волковъ.

ПОСЛАНИЕ ОТЪ СЕНЬ - ПРЕ КЪ ЮЛІИ.

Письмо ошъ Юліи? къ тому, кшо осуж-
день

На вѣчное изгнанье?

Ко мнѣ ошъ Юліи? — Мечта! я ослѣ-
лень! —

О счастье! о восторгъ! слова и начертанье —
Все, все швое, тебѣ одной принадлежишь!

Кшо, кромѣ Юліи, такъ можешь выражаться,
Такъ чувствовашь, писань, и мыслишь, и
любишь?

И я могу еще блаженствомъ наслаждаться?

И ты въ письмѣ своемъ

Названья моего еще не позабыла?

Ты имя друга мнѣ сама изобразила?

О Юлія! какимъ мучительнымъ огнемъ

Вся кровь моя пылаеть!

По членамъ шрепешъ протекаетъ!

Мой разумъ помраченъ! — мнѣ мнишся — тм
со мной:

Я вижу ешотъ взоръ, исполненный тоской!

Спѣши, мой милой другъ, въ груди моей смя-
тенной

Книжка XXIV.

В

Отраду оживишь ;
 Ни рокъ , ни свой отецъ , не можешь разлу-
 чить
 Пылающихъ сердець , другъ другу сошворен-
 ныхъ !
 Пойдемъ ! предъ алшаремъ свершимъ любви
 обвѣтъ !
 Въ минуту испощимъ вѣкъ цѣлый наслаж-
 деній !
 Исчезнемъ въ радостяхъ ! забудемъ злосль го-
 неній ,

Себя и цѣлый свѣшь
 Мечпашель ! пробудись — вѣшь Юлія съ по-
 бою !

Напрасно льспишь себя обманчивой мечтою :

Гдѣ счастье прежнихъ лѣтъ ?

Все вѣчно миновалось ! —

Любовь , одна любовь осталась —

Но прелесней ея ужь болѣ вѣшь ! —

Кудажь ты сокроешься , несчастной ? —

О ослѣпленная ! ты хочешь согласишь

Любовь къ родителю , съ любовью вѣчной ,
 спрашной ,

Которой въ насъ ничто не въ силахъ истре-
 бить ?

Ты чести хочешь покориться ,

Когда блаженство , жизнь и честь въ одной
 любви ?

Когда любовью нашъ духъ живешворища?

Когда ея огонь съ рожденьемъ влишь въ крови?

Жестокая! — языкъ нѣмѣешь! —

Какъ! — ты осмѣлилась? . . . помедли умерщ-
вляшь! —

Какъ! Юлію я долженъ раздѣлять? —

Другой побой владѣешь? . . .

Все, все на вѣкъ прошло! —

Гдѣ клятвами союзъ любви запечатлѣнный?

Ахъ! прежде, нежели пиранство повлекло

Тебя предъ алтари на бракъ сей принужден-
ный,

Когдабъ моя рука пронзила грудь твою! —

Изъ сердца твоего вся кровь бы испоцилась!

Съ твоею кровію смѣшалъ бы я свою,

Которая въ огонь жестокой обратилась!

Въ объятіяхъ твоихъ я бѣ встрѣшилъ смерщ-
ный страхъ;

Послѣдній бы мой вздохъ исчезъ въ твоихъ ус-
сахъ. . . .

Какъ! Юлія ошь друга умираешь —

Сей взоръ, сей нѣжный взоръ навѣки угасаешь!

И грудь твоя, сей пренъ любви,

Омыта вся въ крови — —

Нѣшь! нѣшь! живи! спрадай! — мнѣ гробъ
одинъ оспался!

Я бѣ съ жизнію своею за смерть твою распал-
ся . . .

Ахъ! вѣтъ, я не могу шакъ пламенно любить,
 Чтобъ собственной рукой тебя могъ умерш-
 вить! . . .

О! еслибъ знала ты мое спраданье,
 Въ которое влечешь

Меня стремленье чувствъ и неба наказанье,
 И ты, и ты сама! Судьба мнѣ подаешь

Въ тебѣ блаженство и мученье!
 Я безъ тебя бы не узналъ

Величья чувствъ моихъ и низости рожденья;
 Я тихо бы свой вѣкъ покойный окончалъ. —
 Но, ахъ! тебя узнашь — и не владычицею!

Тебя боготворить — и только смертнымъ
 быть!

Любиму быть тобой — и счастья не вкусишь —
 О Юлія! за что наказанъ я судьбою?

Все, все на вѣкъ прошло! гдѣ мой душевный
 рай?

Я къ счастью стремлюсь — и въ мукахъ ис-
 чезаю!

Ахъ! изстреби любовь, которою стараю,
 Иль сладости ей отдай! . . .

Таковъ мой духъ опятащенный!

Въ борьбѣ съ самимъ собой, ошавленъ и пре-
 зрѣнный,

Стремлюся я по всѣмъ мѣстамъ ,
 Въ жару лешаю по скаламъ ,
 Окрестность быстро прошекаю —
 И шомъ же ужась я вездѣ , вездѣ вспрѣчаю ,
 Какой во мнѣ запечашлѣнъ ! —

Нѣтъ больше зелени ; растѣнія завяли ;
 Печальныя дрова одежду потеряли ;
 Выпрѣ бурный съ сѣвера зимою принесенъ ,
 И хладъ , и снѣги разсыпаешъ ;
 Поблекнули луга ; дуброва опцвѣла ;
 Все чувшвуешъ конецъ ; природа умираешъ —
 Ахъ ! съ нею и во мнѣ надежда умерла !

Одинъ , среди пустынь , шерзаемой спра-
 даньемъ ,
 Твой другъ еще живешъ , прошекшимъ вспоми-
 наньемъ :

Онъ въ сладоспныхъ мечшахъ
 Блаженшвуешъ въ швоихъ спра-
 нахъ ;
 Твой взоръ живишъ его ; швой голосъ , голосъ
 милой ,

Сшараешся вливать
 Опраду и покой душѣ его унылой ;
 Еще спремичся онъ искашь ,
 Сердечныхъ восхищеній
 Нѣтъ болѣе опрады и наслажденій !
 О другъ безцѣнный мой !

Гдѣ Юлія моя , гдѣ счастье обитаетъ!
И скоро , можешь быть . . . какъ знаешь опре-
дѣленъ!

О другъ души моей!
И самой смерти мнѣ страшнѣй
Съ тобою разлученъ!

Саларевъ.

**СКРОМНОЕ ПРИЗНАНІЕ
ВЪ ЛЮБВИ.**

Ахъ! пойду, разсѣю скуку
По лѣсочкамъ, по лугамъ;
Тайную, сердечну муку
Эхамъ томнымъ передамъ.

Томны эхи! повшорите
Скромну жалобу мою:
Другу милому скажите,
Что по немъ здѣсь слезъ лью.

Пусть хопя чрезъ васъ узнаешъ
То, чего сказать нѣшъ силъ.
Что по немъ душа спрадаешъ;
Везъ него я свѣщъ не милъ.

Эхи! пристально внимайте:
Если милой мой вздохнешъ,
Вздохъ скорѣи мнѣ передайте! —
Сердце лишь ошѣша ждешъ.

В. Капнистѣ.

В А С Н И.

1.

ПРОХОЖІЙ и РѢКА.

„Хочу исправиться и нравъ перемѣнить;“
Одинъ пріятель мой мнѣ вздумалъ говорить:
„Хочу души моей я прекратить мученье
„И пересташь измѣнницу любить!
„Я карточной игрой разспроивалъ имѣнье, —
„Но съ спрасътью гибельной прощаюсь на
всегда.

„Мнѣ свящъ оставишь не бѣда!
„Въ деревнѣ поселюсь я даже и зимою;
„Друзья пустынные приѣдутъ посѣщать;
„Науками свой умъ я буду просвѣщать,
„И ты доволенъ будешь мною!“
— Я слышалъ много разъ, ему я отвѣчалъ,
Чшо ты обычай свой перемѣнишь желаешь;
Но чшожь не начинаешь? —
„Черезъ недѣлю, онъ сказалъ:
„Черезъ недѣлю я всѣ связи разрываю.
„Приличности я сохраняю:
„Придраться должно мнѣ къ красавицѣ моей. —

„Но не значай приѣхашь къ ней
 „И объявишь, что я слуга ея покорный —
 „Такой посшупокъ вздорный
 „Меня предъ всѣми очернишь.“
 Такъ говорилъ мой другъ дорогою со мною.
 Подходимъ мы къ рѣкѣ — на берегу сидишь
 Прохожій съ ношей и съ сумою.
 „Что ты шумъ дѣлаешь?“ спросилъ я бѣдня-
 ка,
 Въ глазахъ котораго я видѣлъ неперпѣнье;
 — „Мнѣ нужда естъ пройти въ ближайшее
 селенье,“
 Вздохнувъ онъ ошвѣчалъ: „досада велика:
 „Здѣсь нѣтъ мостовъ! авось либо рѣка,
 „Ко счастью, прекрапишь печенье.
 „Я эшаго и жду, чтобъ очушишься тамъ.“
 Мой другъ! вошь образъ швой: и ты по пу-
 спякамъ
 Намѣренъе благое оплагаешь;
 Рѣка все будешь печь — и если ты желаешь
 На берегу другомъ пожишь;
 Совѣшь мой — бросишься и плышь.

В. Пушкинъ.

ДѢТИ и ХАЛАТЫ.

Анюша пальчикомъ вдругъ Лизѣ погрозила,
Шепнувъ ей: „Папинька въ диванной — не
шали!“

И рѣзвосья дѣтскую съ сестрицей прекра-
шила.

Попомъ на цыпочкахъ малюшочки пошли
Въ диванную, принявъ видъ важный и спе-
пенный.

И что - жь? ошиблися: лишь папинькинъ все-
дневный

На креслахъ шамъ халаты нашли!

*

Робенокъ споишь ли насмѣшки иль упрека?
Не разъ свидѣлемъ бывальъ разскачикъ вашъ,
Что даже взрослые, подчасъ, за человека
Одежду, экипажъ
Упрямо почищаютъ
И розницю узнашь нимало не желаютъ,

Князь Шаликовъ.

ФИЛИНЪ и МАЛЕНЬКІЯ ПТИЦЫ.

Ночной орелъ и царь гонимыхъ Фебомъ пшиць,
 А просто : Филинъ некрасивый ,
 Избравъ на древней башнѣ шпиць ,
 Сидѣлъ не шевелясь , какъ Квакеръ молчаливый ;
 Сидѣлъ за пѣнь , что Фебъ еще не скрылся
 въ поношъ

И озарялъ еще лазурный горизонтъ ,
 Станицей зяблицы , дрозды и краснозобки ,
 Слетѣвшисъ къ Филину — а филины павъ
 робки ,

И жалки шакъ , пока не наступила ночь ! —
 Ну шеребитъ его , клевашъ , дразнитъ , ру-
 гашъся .

Что дѣлать бѣдному ? куда ему дѣвашъся ?
 Онъ въ изумленіи ! — Но вдругъ станица прочъ ,
 И быстро отъ него сокрылась ,

Что значитъ ? — ночи пѣнь на землю опустилаъ ,
 И Филинъ принялъ духъ и мужество орловъ :
 Не смѣли дерзкія дождашъся сей минушъ ,
 Не смѣли продолжашъ свои забавы люшъ ,

*

Вошъ вѣрный образъ подлецовъ !

Князь Шаликовъ.

4.

Д О Р О Г А.

Софрона кучеръ опрокинулъ
На лѣву сторону дороги — въ ровъ,
И барина едва отшуда вынулъ,
Со множествомъ на лбу рубцовъ.
Софронъ мой кучера погдажъ перемѣняетъ;
А сей его роняешь
Направо—шакже въ ровъ. „И чпожь Софронъ?“
Опять разшибся онъ
И говоритъ, досадою пылая:
„Дороги нѣшь! все ровъ, да ровъ.“

*

Софронъ! дорога есть, и вовсе не дурная;
Но ты дуришь имѣешь кучеровъ.

Князь Шаликовъ.

Конецъ пятнадцатой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

пятнадцатой Части.

Прозаическія сочиненія.

	Стран.
Любовь къ Опечесшву. - - - -	5
Кронштапъ. - - - -	27
О Рускомъ Синтаксисѣ. - - - -	86
Примѣчанія на нѣкопорыя спашьи о глаголахъ, помѣщенныя во 2й, 3й и 6й книгѣ Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности, при Московскомъ Императорскомъ Университетѣ. - - - -	119
О томъ, что въ слогѣ нужна осмошрительность. - - - -	142
Нѣчто о сравнительной степени. - - - -	150

Стихошворенія.

Подражаніе 45 му Псалму. - - - -	5
Божіе Всемогущество. - - - -	6
Несчастному. - - - -	10

О г л а в л е н і е.

	Стран.
Ода Горація къ Меценату. - - -	25
— — — — — къ Пиррѣ. - - -	28
Ошрывокъ изъ IV Пѣсни Поэмы: Освобожденная Москва. - - -	30
Посланіе отъ Сень - Прѣ къ Юліи. - - -	35
Скромное признаніе въ любви. - - -	42
Басни: 1. Прохожій и Рѣка. - - -	43
2. Дѣти и Халашъ. - - -	45
3. Филинь и маленькія пшцы. - - -	46
4. Дорога. - - -	47

248
P. R. S.

SEP 16 1963

